Сочинен.
Ю. Мархлевский
том. 6
Очерки истории...
3 экз.
М.Л. 1931

ИМЛ — Библиотека
ЕТ465
М395

Ю Л И А Н
МАРХЛЕВСКИЙ
(Ю. КАРСКИЙ)

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ET 465
M 325

ЮЛИАН МАРХЛЕВСКИЙ

(Ю. КАРСКИЙ)

СОЧИНЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ ТОМОВ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ТОМ ВТОРОЙ

ИМПЕРИАЛИЗМ, МИРОВАЯ ВОЙНА и ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ТОМ ТРЕТИЙ

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

ТОМ ПЯТЫЙ

КОНКРЕТНАЯ ЭКОНОМИКА

ТОМ ШЕСТОЙ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ

ТОМ СЕДЬМОЙ

ИСКУССТВО. ЛИТЕРАТУРА. СИЛУЭТЫ. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

ЮЛИАН МАРХЛЕВСКИЙ

(Ю. КАРСКИЙ)

СОЧИНЕНИЯ

1931

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

ЮЛИАН МАРХЛЕВСКИЙ

(Ю. КАРСКИЙ)

ТОМ ШЕСТОЙ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ

3 экз.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2010

ТИПОГРАФИЯ
И ОФСЕТ-ПЕЧАТНЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА»
МОСКВА, СУЩЕВСКАЯ
ДОМ № 21

ЕТ465
М325

ИЛ.

270831
324
35

Уполн. Главл. Б — 10146 Заказ № 1990 21½ л. Тираж 10.000

Тип. изд-ва „Крестьянская газета", Москва, Сущевская ул., 21.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора к VI тому IX

Марксизм историк. [illegible] . . . . . [illegible]

Очерк истории Польши . . . . . 1—99

Времена доисторические 3

Дополнение I. К вопросу об автохтонности лехитов 27

Дополнение II. К вопросу о происхождении польской шляхты 35

Возникновение польского государства и эпоха завоеваний (960—1138) 39

Дополнение III. К вопросу об измене епископа Станислава . . 49

Значение эпохи завоеваний в историческом развитии Польши . 52

Объединение государства и рост значения шляхты 61

Историческое развитие Литвы 70

Борьба шляхты за диктатуру (XV и XVI ст.). 73

Исторические причины обнищания сельского населения Польши 103

Евреи в независимой Речи Посполитой 112

Из прошлого ченстоховских монахов-паулинов 123

Польская конституция 3 мая 1791 года 131

Конституция 3 мая 1791 года 146

Первое и третье мая 158

Наполеон и поляки 167

Этапы развития капитализма в Польше 179

Польский вопрос во время революции 1848 г. 203

Порядок наделения крестьян землею в Королевстве Польском 215

См. продолжение

Польша и мировая революция . . . . . 227—261
Польский вопрос в буржуазной и пролетарской революции . . 227
Социальные отношения в польских землях до мировой войны . 229
Польские земли под царским игом 229
Галиция 234
Польские земли под прусским игом 237
Польские области к моменту начала войны 241
Возникновение нового польского государства 247
Польша на службе у стран Согласия 252
Польская Коммунистическая Партия 256
Польша в войне против Советской республики 258

Приложение. Возникновение польского государства и диктатура дворянского класса 263

Примечания 294
Объяснения к картам 313
Указатель авторов 314
Предметный указатель 315

Карты:
Схема № 1. Великое переселение народов и норманские походы . 8—9
Карта № 1. Польша 960 — 1138 гг. . . . . в конце тома
Карта № 2. Польша с XV века . . . . . в конце тома

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА К VI ТОМУ

В отличие от других томов этого издания, дающих лишь избранные сочинения Ю. Мархлевского по каждой отрасли, настоящий том обнимает все работы Мархлевского, написанные им по истории Польши, за двумя лишь незначительными исключениями. Во-первых, мы не помещаем здесь одной небольшой работы популярного характера, которая была автором только начата и выполнена лишь в незначительной ее части; речь идет об изданной уже после смерти автора польской брошюре, охватывающей собою лишь первую эпоху польской истории (960—1138) [1]. Как раз этот первоначальный период истории Польши освещен подробнее в других работах настоящего тома, и упомянутая работа была бы излишним повторением; однако два абзаца из этой брошюры, поскольку они посвящены вопросам, которые Ю. Мархлевский в других своих работах не развивал (причины отсутствия в Польше героического эпоса и анализ «стремления к морю» Болеслава III), мы даем в примечаниях 5 и 14 в конце тома. Мы не помещаем, во-вторых, в настоящем томе популярного доклада Ю. Мархлевского, изданного в 1920 г. под заглавием «Польша под иноземным игом», как целиком повторяющего другие работы настоящего тома, в частности работу «Польша и мировая революция».

Необходимо в этой связи упомянуть еще одну работу Ю. Мархлевского, не вошедшую в настоящий том, хотя она непо-

[1] J. B. Marchlewski, Legiendy o królach Polski (Легенды о королях Польши) wyd. posmiertne pod red, St Bobińskiego, Moskwa, «Trybuna», 1926.

средственно касается истории Польши. Мы имеем в виду докторскую диссертацию Мархлевского о польских физиократах, написанную на немецком языке [1]. Работа эта дает в качестве исторического фона ряд общеисторических разделов, посвященных заключительной эпохе шляхетской Речи Посполитой и особенно XVIII веку. Но так как в основном это работа историко-экономическая, то она помещается в экономическом томе (IV-м) настоящего издания. Читателям нашего тома необходимо однако иметь в виду значение этой работы и для истории Польши.

Сделанное нами в начале замечание о том, что настоящий том дает почти полное собрание работ Ю. Мархлевского по польской истории, требует еще следующих оговорок.

Во-первых, полная библиография работ Ю. Мархлевского еще не разработана, поэтому нельзя с безусловной уверенностью утверждать, что какая-нибудь его работа по истории Польши не выпала из поля нашего зрения. Однако те довольно полные библиографические изыскания, которые были произведены нами в Москве на основе работ Ю. Мархлевского, сохранившихся в личном архиве т. Б. Г. Мархлевской, а также на основании обследования книжной, журнальной и газетной литературы (легальной и нелегальной) на польском, немецком, русском и др. языках, находившейся в быв. Польском коммунистическом архиве, в Институте Маркса и Энгельса и в Публичной библиотеке СССР им. Ленина, — дают возможность полагать, что все существенное выявлено.

Вторая оговорка, которую необходимо сделать, вытекает из самого характера литературной деятельности Ю. Мархлевского. Мархлевский был, прежде всего, политическим, партийным борцом. Почти вся его литературная деятельность посвящена политическим и экономическим вопросам. Однако же второй его научной любовью была история Польши — изучению ее он посвящал много времени и усилий, начиная с первой своей крупной работы о польских физиократах. И все же то, что Мархлевский написал по истории Польши, является лишь небольшой частью того, что он из польского прошлого изучил. Ю. Мархлевский поднимал для своей научной работы колоссальную массу материала, неизмеримо перерастающую своим объемом то, что в конце концов получало литературное выражение. Это особенно относится к работам Мархлевского по истории Поль-

[1] «Der Physiokratismus in Polen», Inaugur. Dissertation, Zürich, 1897 Muller Verlag.

ши. Он проработал огромную, более или менее серьезную, польско-историческую литературу и, несомненно, работал над историческими источниками. Много раз он помышлял о литературном оформлении выводов, к которым он пришел при изучении польской истории, однако насущные политические обязанности почти всегда срывали эти его литературные планы. Но, тем не менее его упорное изучение исто ии Польши находило себе частичный выход в его литературной деятельности. В многочисленных публицистических, политических, экономических работах Мархлевского (а одних его работ книжного и журнального типа имеется более двухсот) много посвящено страниц и отдельных замечаний истории Польши. Такова, например, упомянутая нами работа о польских физиократах, которая впрочем является чем-то средним между историей Польши и историей экономических учений. Такова также большая работа Мархлевского на польском языке «Социально-экономические отношения в польских землях прусского захвата» (1903 г.), где посреди статистико-политических выкладок рассыпано много исторических экскурсов. К этому же типу, как и последняя работа, относится ряд статей, посвященных прусской колонизаторской политике в польских землях, а также ряд статей, посвященных Силезии. То же самое, и даже в еще большей мере, можно сказать о книге «Антисемитизм и рабочие» (1913 г.). Помещение упомянутых работ полностью заставило бы нас значительно перешагнуть поставленные издательские рамки (некоторые впрочем из этих работ будут помещены в других томах настоящего издания). Пришлось также отказаться от многих публицистических работ Ю. Мархлевского, имеющих значение для изучения сов[еменной истории Польши, например от работ, посвященных периоду польско-советской войны. Только в двух случаях мы сделали отступление от принятой нами системы—не давать отрывков; этими исключениями являются две статьи из истории польских крестьян и статья о евреях в Польше, как представляющие собою отдельные главы, правда, специально исторического характера, в более крупных работах публицистического типа. Это мы сделали потому, что ни о крестьянах, ни о евреях в других работах, помещенных в настоящем томе, Ю. Мархлевский нигде особо не говорит; упомянутые же главы являются чисто историческими исследованиями, включенными в более обширное публицистическое целое, откуда их было легко выделить.

Работы Ю. Мархлевского, включенные в настоящий том, нуждаются в нескольких общих замечаниях (более подробные

библиографические справки о каждой работе мы даем в примечаниях в конце тома).

Прежде всего работы эти неоднородны по своему литературному типу. Из тринадцати работ по крайней мере три явно популярного характера — «1 и 3 мая». «Этапы развития капитализма в Польше» и даваемая нами в «Приложении» к настоящему тому работа «Возникновение Польского государства и диктатура дворянского класса» (см. примечание 137 в конце тома). Не удалось также избежать повторений, причем эти повторения относятся главным образом к тем же популярным работам; с другой стороны, популярные работы затрагивают такие вопросы и периоды истории Польши, которые в других работах Ю. Мархлевского не освещены.

Марксистских работ по истории Польши чрезвычайно мало и Ю. Мархлевский является до сих пор основным в этой области писателем. Отдельные высказывания Маркса, Энгельса и Ленина о польской истории, правда чрезвычайно важные, слишком отрывочны и недостаточны. Такие же высказывания Мерринга, Каутского (до его измены марксизму), М. Н. Покровского и др. также отличаются своею отрывочностью и притом относятся, как и марксовские, главным образом к XIX в. Известная работа Р. Люксембург по истории Польши XIX в.— «Промышленное развитие Польши» (1896), имеющаяся в русском переводе, относится преимущественно к экономической истории Польши, хотя она одновременно является важной работой для понимания всей истории Польши XIX века. Работа о польских восстаниях, которую Роза Люксембург писала, до сих пор не найдена. Если польские марксисты (Кошутский, и др.) и писали о польской истории, то главным образом о польской экономике. Многочисленных работ по польской истории, писанных «марксистами» из польского социал-шовинистического лагеря, типа Лимановского и ему подобных, конечно ни за марксистские работы, ни вообще всерьез принимать нельзя. Если возвратиться еще к работам марксистов, то имеется немецкая работа т. М. Варшавского (Бронского) о крестьянском вопросе в Польше XVIII века со значительным экскурсом в прошлое, [1], являющаяся единственным дополнением к работам Ю. Мархлевского.

---

[1] Dr, M. J. Warszawski «Die Entwicklung der gutsherrlich-baüerlichen Verhältiissen in Polen und die Bauernfrage im XVIII Jahrhundert» (Развитие помещичье-крестьянских отношений в Польше и крестьянский вопрос XVIII в.), 1914, Zürich, Verl. Roscher et C-o.

На этом крайне небогатом фоне марксистской историографии по истории Польши работы Ю. Мархлевского вызывают исключительный интерес не только благодаря имени автора. Ю. Мархлевский при всех своих почти энциклопедических знаниях был большим знатоком не только истории Польши, но и истории Европы (особенно экономической), в частности истории Германии, что для знакомства с историей Польши имеет важное значение. Никто из марксистов столь много, как Ю. Мархлевский, не писал и не работал по истории Польши. Не подлежит, поэтому, никакому сомнению, что никто из интересующихся марксистской историей Польши и ни один исследователь в этой области не сможет пройти мимо польско-исторических работ Мархлевского.

Поэтому надо считать, что мы поступили бы неправильно, не включая в настоящий том популярных работ Ю. Мархлевского, ибо каждое его замечание, даже изложенное в популярной форме, является результатом тщательного изучения и может представлять теоретический интерес.

Особо стоит вопрос об оценке работ Ю. Мархлевского по истории Польши и в особенности о том, как в этих работах применяется марксистский метод. В. И. Невский в вводной статье «Мархлевский — историк» рассматривает значение работ Мархлевского на фоне польской шляхетской и буржуазной историографии. Вопрос о характере, о сильных сторонах и о недостатках исторического метода Мархлевского должен являться предметом особого исследования, конечно не по причине его общеметодологической трудности (вопросами этого рода марксисты — историки занимались далеко не достаточно), но главным образом потому, что оценивать исторический метод абстрактно и оторванно от самого содержания исторических концепций Ю. Мархлевского, если бы и было возможно, то было бы неправильно, недиалектично. Такой оценке исторического метода Мархлевского неразработанность марксистской истории Польши ставит почти непреодолимые преграды. Печатаемые в этом томе работы Ю. Мархлевского дадут несомненно толчок работе над марксистской историей Польши и этим будут создавать предпосылки для их же собственной критической оценки и переработки.

На этом месте необходимо отметить следующее. В общем метод Ю. Мархлевского характеризует недостатки того же типа, как и у его долголетнего политического и теоретического соратника Фр. Меринга и других революционных марксистов эпохи II Интернационала, со всеми не в пользу их говоря

щими и достаточно уже освещенными в литературе отличиями, а тем более противопоставлениями Ленину. Идеологическая борьба, которую с.-д. Польши и Литвы вела с Лениным: некоторый схематизм и элементы «теории стихийности» в идеологии этой партии, в руководстве которой Ю. Мархлевский сам состоял, отразились дополнительно на том, что Ю. М. не воспринял завоеваний исторического метода Ленина. В ряде случаев Ю. М. не свободен даже от влияния польской «демократической» историографии, которую по ряду основных вопросов ему, как марксисту, приходилось поддерживать против реакционной, шляхетской историографии (напр. в крестьянском вопросе, в вопросе о мещанах, евреях и др.). Этой поддержке буржуазно-демократической польской историографии Ю. Мархлевский заплатил повидимому слишком большую дань.

Говоря о теоретических недостатках работ Ю. Мархлевского по истории Польши, необходимо иметь в виду следующее. Во-первых, исследовательская работа Ю. Мархлевского происходила в условиях непрерывной и напряженной политической борьбы, в эмиграции и подполье, часто лишь урывками, и в таких же условиях работы по истории Польши писались им; лишь незначительная часть этих работ («Физиократы», «3 мая», «Наполеон», «1848 год») создавались в более или менее относительно «нормальных» внешних условиях. Во-вторых, большая часть работ, помещенных в настоящем томе (10 листов из 18) не была выпущена в печать самим автором при жизни, и ряд мест был бы, вероятно, исправлен, особенно при повторном издании этих работ в собранном виде.

Работы Ю. Мархлевского расположены в настоящем томе не в порядке времени, когда они были написаны, а в хронологическо-историческом порядке по эпохам, к которым они относятся. Еще не один год эти работы Ю. Мархлевского будут, быть может, единственной марксистской настольной книгой по истории Польши, и для этой цели избранный нами порядок расположения работ более целесообразен.

Очерки Ю. Мархлевского по истории Польши, правда, с существенными пробелами (особенно пустует XVII век) и с неодинаковою подробностью для разных отрезков польской истории, затрагивают почти всю историю Польши, начиная с доисторических времен и вплоть до возникновления нового польского государства. К сожалению, охватывающей весь ход истории Польши оказалась как раз лишь упомянутая выше и помещенная в конце нашего тома в «Приложении» популярная ра-

бота, хотя и она дает лишь очень беглый обзор польской истории.

Все работы настоящего тома уже печатались, за исключением одной, именно «Очерка истории Польши», который печатается впервые в переводе с неизданной еще немецкой рукописи.

Из печатавшихся уже раньше работ, помещенных в этом томе, только четыре были изданы на русском языке, остальные переведены специально для нашего издания (две с немецкого и шесть с польского) и появляются на русском языке впервые.

Несколько замечаний о переводах. За все переводные работы ответственность взял на себя проф. П. А. Дубровский. Он же проверил с точки зрения правильности русского языка работы, написанные Ю. Мархлевским на русском языке; это было необходимо, потому что Ю. Мархлевский, владевший в совершенстве немецким языком, который был его вторым родным языком, русским владел менее совершенно.

В конце тома помещены редакционные примечания. Не желая обременять книги, мы ограничились примечаниями, относящимися почти исключительно к польской истории и главным образом к более отдаленным ее временам, рассчитывая на то, что со всеобщей историей и с современностью читатель легче справится.

На характере и содержании примечаний неблагоприятно отразился ряд причин и внешних обстоятельств. Академический первоначально характер примечаний был заменен критическим уже во время выхода книги. Примечания не претендуют поэтому на полноту и систематичность; отсутствие примечаний не означает согласия с автором. В ряде вопросов, неправота автора в которых не казалась нам несомненной, мы не считали себя вправе, пользуясь примечаниями, противопоставлять ему наши взгляды, неизбежно субъективные, так как никакой признанной марксистской теории по данным вопросам, на которую можно бы опирается и ссылаться, не существует. Однако несомненно, что многие взгляды Ю. Мархлевского на историю Польши являются по крайней мере спорными, тем более, что даже собственные формулировки автора на протяжении 30 лет его литературной деятельности не всегда совпадают. Эти спорные вопросы, как мы уже сказали, требуют особого изучения и не могли стать предметом кратких по необходимости редакционных примечаний; мы в них отметили лишь самое необходимое и, как нам казалось, не могущее подлежать оспариванию.

Чтобы облегчить читателю пользование книгой, настоящий том снабжен тремя картами.

В подборе работ Ю. Мархлевского для этого тома и при его составлении, особенно при составлении библиографических примечаний о помещенных в этом томе работах, существенное и во многих случаях совершенно незаменимое участие принимала т. Б. Г. Мархлевская.

Москва, июль 1929 г. Ст. Бобинский

ОЧЕРК ИСТОРИИ ПОЛЬШИ

впервые печатается по рукописи, написанной на немецком языке в 1916—1917 гг. [1]

Перевод с немецкого

[ВРЕМЕНА ДОИСТОРИЧЕСКИЕ][2]

Во второй половине десятого столетия нашего летосчисления польское государство входит в постоянное соприкосновение с Западом: князь Мешко подчиняется католической церкви и втягивается в войны с германо-римским государством Каролингов. Только с этого времени появляются у нас достоверные и последовательные сведения о польском государстве и народе.

К этому времени Польское государство уже выросло и стало значительным и мощным. Оно управляется неограниченными князьями, которые владеют обширными землями и располагают значительною военною мощью. В 1000 году, когда император Оттон III отправляется на богомолье в Гнезно, к гробнице «святого Войцеха», польский князь Болеслав принимает его с такой пышностью, что повергает в изумление немцев. Это косвенно свидетельствует и о материальном богатстве польского государства.

Такое государство могло бы образоваться в короткий срок, в течение каких-нибудь нескольких столетий, только путем завоеваний. В эпоху раннего средневековья, мы не раз ведь видим у арийских народов государства, возникавшие именно таким путем. Одни из них возникали в результате вторжения варварских, кельтских и германских племен в страны, где давно уже культурное влияние принадлежало римлянам: — римская культура большею частью после этого погибала, но соприкосновение с нею воинственных завоевателей сильно ускоряло социальное развитие, первоначальный общественный строй их быстро разрушался и, основанное на завоевании и грабеже, государство в короткое время развивалось и оформлялось

Другие государства возникали на почве, находившейся вне воздействия со стороны культурного развития античного мира. В таких случаях неарийские завоеватели покоряли своему владычеству арийские племена и пользовались народными силами этих племен для новых завоеваний. Социальная организация покоренных претерпевала при этом резкие и глубокие изменения. Эти «государства» не были прочными (государство аваров, гуннское государство Аттилы), но после их падения почва оказывалась подготовленной для образования нового государственного строя именно потому, что старая социальная структура была разрушена.

О таком завоевании чужеземными воинственными племенами в истории польско-лехитских [3] племен, осевших между Одером и Вислой, не могло быть и речи. В особенности не могло быть и речи об этом у племен, осевших на Варте и озере Гопло, где именно и надо искать происхождение польского государства в том виде, в каком мы его находим в древнейших исторических первоисточниках. Во-первых, до нас не дошло ни единого исторического известия о таком завоевании, в то время как мы все-таки осведомлены до некоторой степени о завоеваниях времен переселения народов. А во-вторых, географическое положение страны заставляет нас усомниться в возможности подобного завоевания *.

Переселение варварских племен в историческое время, т. е. примерно со времен между 1000—1500 гг. до н. э. (о более ранних переселениях, которые приводили арийские племена на южные полуострова и на запад Европы, до сих пор нет строго обоснованных научных данных), шло с востока на запад, и если гипотеза о северном происхождении германцев, приобретающая все больше оснований, верна, то — также и с севера на юг.

Но страна между Одером и Вислой и в особенности область Варты, заселенная лехитско-польскими племенами, где именно и возникло польское государство, так расположена, что орды, двигавшиеся в этих направлениях, могли проникнуть сюда только с большим затруднением. В настоящее время считается, что вся область между Одером и Вислой — в особенности у притоков этих рек, Мала Панев (нем. Мавране), с одной стороны, и Пилица—с другой представляет низменность, которая 2 - 3 тысячи лет назад была покрыта первобытным лесом и кроме того окружена громадными болотами. На востоке болотистые мест-

* См. схему Великого переселения народов (*прим. ред.*).

ности, которые нам теперь известны под названием Пинских болот (в Германии их неправильно называют Рокитскими болотами) тянулась гораздо дальше, и болота у верхнего Буга были также гораздо более обширны. Таким образом подход к Висле с востока был крайне затруднен. Между Вислой и Одером, по берегам Варты и Обры, тянулись не менее значительные болота, а на севере находились болота по реке Нотець (нем. Нетце). Еще и теперь эти болота являются препятствием для сообщений. Совсем не трудно представить себе, каковы были эти области, прежде чем были вырублены первобытные леса. В болотистых местностях может быть и были отдельные проходы, через которые в определенное время года могли пройти люди, хорошо знакомые с краем, но едва ли можно предположить, чтобы кочующие орды, которые шли с чадами и домочадцами, с многочисленными стадами, решились проникать в эту болотистую область. А кроме того эти области находились совершенно в стороне от путей, которыми шло переселение народов. Эти пути, шедшие с Востока, упирались в Карпаты и отсюда направлялись на юг от этого хребта к долинам Дуная. И поскольку отдельные орды имели возможность двигаться вдоль северного склона этих гор, они шли в западном направлении к верхней Эльбе, и едва ли можно предположить, чтобы негостеприимная страна к северу от этого пути могла привлекать их. Что касается воинственных германских племен, шедших с севера, из Скандинавии, то, если они вообще высаживались на побережье между Вислой и Одером, в высшей степени невероятно, чтобы они могли направлять свой путь непосредственно на юг, где—в Тухольской пуще [4] и в болотах р. Нотець (нем. Нетце)—им пришлось бы преодолевать невероятные трудности. Их путь шел скорее всего на запад, или же вверх по Висле (долина самой реки сравнительно мало болотиста, и трудности, встречающиеся здесь, могли быть по всей вероятности преодолимы и в те времена первобытных лесов).

Если однако вторжение чужеземных завоевателей в данном случае повидимому исключается, то польское государство, в том виде, как его рисуют исторические первоисточники X века, могло возникнуть только путем внутреннего развития первобытного социального строя.

Но современная этнология и социология учат нас, что такой процесс никогда не заканчивается в короткий промежуток времени. Путь от состояния кочующей охотничьей и рыбачьей орды, через основанный на кровном родстве семейный и родовой быт полуоседлого пастушеского народа, к государству с социально расчлененными сословиями и с княжеской властью, был длин-

ный и мог быть пройден только в течение весьма продолжительного срока.

Конечно можно было бы предположить, что польско-лехитские племена в древние времена были расселены где-нибудь в другом месте и только за несколько столетий до основания государства переселились в область реки Варты.

Но против такого допущения говорят весьма веские доводы. Как о вторжении непольских завоевателей, так и о переселении польских племен мы не имеем никаких исторических данных. Прежде всего никакое сравнительно многочисленное кочующее пастушеское племя не могло перекочевать в эту область, потому что, пока большая часть первобытного леса не была выкорчевана, страна не давала никакой возможности прокормить стада; менее же многочисленное племя, если даже предположить, что оно размножалось с быстротой кроликов, ни в каком случае не могло в течение нескольких столетий настолько разрастись численно, чтобы князь, владевший этой страной в X столетии, мог выставить такое огромное войско, какое выставляли, согласно историческим источникам, князья Мешко и Болеслав. В стране с такой скудной природой, как область между Одером и Вислой, где естественные пастбища имелись в очень ограниченном количестве, многочисленное население, какое предполагается таким государствам, могло прокормиться только земледелием, которое в свою очередь могло развиться только в течение долгих столетий тяжелой культурной работы.

Таким образом все заставляет нас притти к заключению, что польско-лехитские племена уже очень давно, за много столетий до X века осели в области между Одером и Вислой, где именно возникло Польское государство (см. Дополнение I, с. 27).

О жизни и дальнейшем развитии этих племен в предгосударственный период их истории мы мало знаем. Римские и греческие писатели, сообщавшие столько ценного о древних германцах, сообщают нам скудные, туманные и ничего не говорящие сведения о славянах вообще, а о западных славянах в особенности. Кроме того, самодержавное государство, с его неограниченной княжеской властью, так основательно изменило первоначальный социальный строй, что к тому времени, когда начинаются письменные сообщения, мало что от него осталось; в том же самом направлении действовал и католицизм, который силой навязан был народным массам, причем духовенство почти всегда вербовалось из чужеземцев, и тем более бес-

пощадно боролось со всеми пережитками старины, что последняя так или иначе была связана с язычеством. А народные песни, т. е. тот источник, который для истории всех других народов является весьма ценным, в данном случае ничего не дают, так как у поляков они носят исключительно лирический характер и эпический элемент в них совершенно отсутствует [5].

Правда, из этого затруднения стараются находить выход. приписывая полякам все то, что обнаружено у других славян (в особенности поступает так старая историческая школа, основанная Лелевелем) [6], но такой способ исследования является конечно в высшей степени ненаучным.

Поэтому остается один только путь для освещения этого темного периода: делать выводы о явлениях более ранних периодов, отправляясь от изучения отношений исторических времен и основываясь на археологических исследованиях, хотя результаты их все еще весьма скудны.

Во всяком случае мы можем признать как нечто несомненное, что и у данных племен существовал первоначально первобытный коммунизм. Во-первых, современной этнологией или генетической социологией уже установлено, что ни один народ не миновал этой стадии развития [7]. Во-вторых, в стране с такими природными условиями, какие были в Польше, существование людей, стоящих на низшей культурной ступени, представить себе иначе вообще невозможно. Даже занятия охотой и рыболовством, как и выпас скота, в стране, почти исключительно покрытой густым девственным лесом, немыслимы были без сотрудничества большого количества людей, не говоря уже о хлебопашестве, для которого необходимо было прежде всего выкорчевать лес и очистить почву.

Гораздо важнее то обстоятельство, что не мало следов родового быта сохранилось еще и в исторические времена. Возьмем например наследственное право. Еще в XII и XIV вв. владелец земли не имеет права продавать ее без согласия братьев, родных и двоюродных, а также и других родственников. Далее, земля, которую жена получает в качестве вена, может быть выкуплена ее родственниками-мужчинами. Это наследственное право с полной несомненностью доказывает, что даже в те времена, когда частная собственность была уже широко распространена, земля, по правовым понятиям той эпохи, оставалась собственностью рода. Кроме того еще долго после того, как князья сосредоточили уже власть в своих руках, существовало историческое звено, связывавшее «племя» в тесном смысле

этого слова (по-польски p l e m i e) с «родом» (по-польски r ó d), а именно «о п о л е» (o p o l e).

В эпоху княжеской власти все жители «ополе», в силу круговой поруки, принуждены были выполнять некоторые повинности сообща, прежде всего обязанность охранять общественные дороги; а в случае убийства все «о п о л е», на территории которого убийство произошло, должно было отвечать за него по требованию мужских родственников убитого. Это можно рассматривать лишь как смягченную форму кровавой мести, которая присуща всем племенам с родовой организацией. В дальнейшем мы увидим, что некоторые обычаи родовой шляхты, сохранившиеся на протяжении долгих столетий, должны быть также отнесены к пережиткам родового строя, основанного на кровном родстве.

Кроме того на то, что земля принадлежала роду, а не представляла собой индивидуальную собственность, указывает и с п о с о б р а с с е л е н и я поляков. В Польше расселение отдельными дворами неизвестно до последних времен. Повсюду поселения поляков представляли собой деревни и даже большие деревни, расположенные посреди полей. Избы в них были окружены садами, а вокруг полей и пашни тянулись общинные пастбища. Тот факт, что все старинные поселки находились около речных потоков, легко объясняется хозяйственными преимуществами такого расположения, но едва ли достаточно привести только эту особенность, дабы доказать, что все древние славяне жили в свайных постройках, хотя следы свайных построек часто и встречаются на территории Польши. Болотистый характер местности и особенность польских рек, с плоскими по большей части и поэтому подверженными затоплению берегами, достаточно объясняют необходимость такого рода построек, но делать из этого дальнейшие умозаключения, при современном состоянии археологии, очень рискованно.

Большое значение имеют выводы, которые можно сделать на основании м е с т н ы х н а з в а н и й. Славянские языки вообще, а польский в особенности, необычайно богаты приставками и суффиксами, с помощью которых изменяются значения слов. Значение этих приставок и суффиксов оставалось неизменным в течение столетий и обмануть не может. Большинство названий местностей произошло от собственных имен с прибавлением определенных суффиксов, по которым можно точно определить, каковы были эти поселки в момент, когда сложилось их название: одни из них указывают, что мы имеем дело с местностью, на которой жили люди одного имени, люди, находив-

Схема № 1

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ
375—568 г г
Аланы
Ост-Готы
Вест-Готы
Вандалы
Свевы
Лонгобарды
Франки
Англо-Саксы
Бургунды
горы
походы
владения
Норманов
границы власти Карла Вел.
МАСШТАБ
ПУТИ ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ
АНГЛО-САКСЫ
ВАНДАЛЫ
ЛОМБАРДЫ
ФРАНКИ
БУРГУНДЫ
ВЕСТ-ГОТЫ
ОСТ-ГОТЫ
АЛАНЫ
ГУННЫ
СВЕВЫ
ФОРМИС
МЕДИОЛАН
ТОЛЕДО
ГРАНАДА
ЭЛЛОНА
РИМ
РАВЕННА
МИЛАН
ВАРНА
АДРИАНОПОЛЬ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
Дунай
Рейн
Эльба
Висла
Днепр
Дон
Волга
Днестр
Одер
Рона
Луара
Сена
Эбро
Тахо
Гвадалквивир
Тибр
Нил
Средиземное море
Черное море
Каспийское море
Балтийское море
Северное море
Атлантический океан
Красное море
Персидский залив
Аравийское море
Индийский океан
Африка
Индия
Китай
Монголия
Сибирь
Европа
Азия
Скандинавия
Британские о-ва
Пиренейский п-ов
Апеннинский п-ов
Балканский п-ов
Малая Азия
Аравийский п-ов
Месопотамия
Египет
Сирия
Палестина
Персия
Армения
Кавказ
Крым
Урал
Альпы
Пиренеи
Карпаты
Кордильеры
Гималаи
Тибет
Гобийская пустыня
Сахара
Аравийская пустыня
Каракорум
Пекин
Багдад
Дамаск
Иерусалим
Александрия
Карфаген
Рим
Равенна
Милан
Медиолан
Толедо
Гранада
Эллона
Варна
Адрианополь
Константинополь
Формис
Свевы
Вандалы
Лонгобарды
Франки
Англо-Саксы
Бургунды
Вест-Готы
Ост-Готы
Аланы
Гунны
Норманы
Карфаген
Рим
Равенна
Милан
Медиолан
Толедо
Гранада
Эллона
Варна
Адрианополь
Константинополь
Формис
Свевы
Вандалы
Лонгобарды
Франки
Англо-Саксы
Бургунды
Вест-Готы
Ост-Готы
Аланы
Гунны
Норманы

шиеся в кровном родстве; другие суффиксы доказывают наоборот, что данный поселок основан о д н и м человеком. Вот пример, который уяснит это: B o l e c h (Б о л е х)—это личное имя; если деревня называется B o l e c h o w i c e (Б о л е х о в и ц е) или B o l e c h o w s z c z y z n a (Б о л е х о в щ и з н а), то для польского уха ясно. что речь идет о поселке, в котором жили люди по имени B o l e c h (Б о л е х) или во множественном B o l e c h y (Б о л е х и) и происходят они все от одного B o l e c h' a (Б о л е х а) или, коротко говоря, из этого следует, что здесь жил род B o l e c h ó w (Б о л е х о в); если же деревня называется B o l e c h o w o (Б о л е х о в о) или B o l e c h o w y (Б о л е х о в ы) то тут также ясно, что речь идет о деревне, принадлежавшей когда-то одному B o l e c h o w i (Б о л е х у), основанной и заселенной им своими людьми. Итак существуют местности с родовыми названиями и с названиями, происшедшими от имени их основателя. Исследованиями установлено, что первые более древнего происхождения, а вторые чаще встречаются в местностях, завоеванных польскими князьями. Данные эти уясняют нам также процесс социального развития: род владеет землей, которую он возделывает; позднее отдельные члены этого рода приобретают еще незаселенную землю, но эти новые владельцы уже не крестьяне, которые обрабатывают землю собственноручно, а люди, которые пользуются посторонней рабочей силой, славянами, или другими несвободными людьми. В завоеванном же крае князь просто раздает земли воинам, своей дружине, шляхте и таким образом здесь возникают вновь основанные многочисленные поселения, названные по имени основателя.

П р о ц е с с с о ц и а л ь н о г о р а с ч л е н е н и я н а с в о б о д н ы х и н е с в о б о д н ы х, на властвующих и подвластных идет в Польше своеобразным путем, который заслуживает особого внимания, потому что он имел исключительное влияние на своеобразное развитие польского государственного строя, на историю польского народа вообще.

Это станет яснее, если мы сравним этот процесс с развитием Германии и притом чисто германских областей, так как в тех случаях, когда, как это было в восточной Германии, там происходило порабощение иноземного населения, то этот процесс социального расслоения за счет него и совершался. В Германии социальное неравенство, разделение населения на свободных и несвободных, возникло прежде всего на основе родовой организации, которая вместе с тем была организацией в о и н с т в е н н о г о н а р о д а. Когда воинственные роды стали

уже оседлыми и от пастушества перешли к земледелию, начались «народные войны», причем для занятия новой земли выступает весь род, и здесь прежде всего формируется дружинная организация. Часть мужского населения выдвигается для войны и грабежей, вокруг вождя собирается таким образом дружина. Вероятно вождь этот был первоначально выборным, причем выбор падал на достойнейшего, но позднее на эту должность стали претендовать вожди знатных родов (ведь имеются же сведения о том, что бывали случаи, когда такими вождями являлись мальчики, которым беспрекословно подчинялись испытанные воины). И это вполне естественно: «знатнейшие рода» были ведь потомками победоносных воинов, т. е. тех, на чью долю выпадала наиболее богатая добыча, а эта добыча, кроме движимого имущества, состояла еще и из военнопленных рабов, иначе говоря представляла собой и рабочую силу. Владение этими рабами, руками которых пользовались для обработки земли, давало богатство, а богатство дает власть. Так как ратное дело требует разделения на начальствующих и подчиненных, то у тех родов, для которых военное дело было так сказать профессиональным занятием, эти взаимоотношения мало-по-малу начинают определять все стороны жизни. Свободный член рода, который на войне выступал как простой воин, по мере того как войны прекращались или становились постепенно все более редкими, превращался с течением времени в простого свободного крестьянина. Из потомков «знатных родов» образовывалось дворянство, представлявшее собою иерархию от скромного дворянина, который отправлялся на войну с несколькими воинами, до князя, который начальствовал над многочисленными дворянами. Права и обязанности этих знатных родов определялись их происхождением и впоследствии закреплялись законом. Эти права и обязанности передавались по наследству и таким образом возникло «родовое дворянство», происшедшее от «военного дворянства». Отсюда, с течением времени, развилась сложная феодальная система, с тщательным, до смешного, разграничением прав и обязанностей, составлявших отличие отдельных сословий и отдельных родов внутри господствующего класса знатных.

В Польше все это сложилось несколько иначе. Конечно, и здесь война была главнейшей причиной возникновения двух классов — господствующего и подвластного. Но здесь происходили мелкие междуусобные набеги отдельных племен и родов. У славян никогда не существовало общественной организации, приспособленной специально для войны. Но то, что нам известно

о первых временах существования Польского государства, доказывает, что здесь среди свободных людей не было различия в правах и что вполне свободной считалась только шляхта. Среди несвободных существуют различные разряды: вполне свободна только шляхта и в правах своих она равна. Лишь постольку, поскольку князь делится с кем-нибудь своею властью, — а он делится ею исключительно по собственному выбору и усмотрению, — это лицо становится военачальником, управителем или судьей. Итак, в Польше среди дворянского сословия не существовало отношений подчинения и соподчинения; сложная феодальная система, со всем своим переплетом, в Польше никогда не достигала полного развития, и позднее мы увидим, что борьба дворянства против преобладания развивающейся аристократии была важным фактором в истории Польши.

И наконец оказывается, что это дворянство формировалось еще тогда, когда родовой быт был в полной силе.

Чувство родовой связи среди польского дворянства еще в XIV и XV вв. чрезвычайно живо и только этим объясняется своеобразная организация этого класса. Мы видим, что все дворянские семейства разделены на известное количество групп и каждая группа имеет свой общий герб. Эти гербы носят названия, которые иногда не имеют ничего общего с тем, что изображено на гербе (это чисто польская особенность; западно-европейской геральдике неизвестны особые названия гербов). Первоначальное происхождение этих названий с течением времени было забыто. Впоследствии сложились легенды о происхождении и значении отдельных гербов, но все эти легенды по большей части были созданы в позднейшие времена; теперь можно однако совершенно определенно установить, что эти гербы первоначально составляли военные знаки отдельных родов, и происхождение их названий надо искать в именах этих родов.

Когда княжество расширяло свои границы путем завоеваний, члены какого-нибудь одного рода рассеивались по всей области, и шляхта, в качестве воинов и поставленных князем должностных лиц, получала в виде вознаграждения земли в различных областях. В XV и XVI столетиях среди дворян устанавливается обычай принимать фамильное имя, происходящее от названия принадлежащего им имения. Обычно это имя образовывалось с помощью суффиксов имен прилагательных ski (ский) или cki (цкий), которые прибавлялись к названию местности; вот примеры: поселение, из которого возникло дворянское

владение, носило название Brzezina, (березовый лес), владелец его принял фамилию Brzezinski; дворянское поместье носило название Potok (поток, ручей), владелец его именовался Potocki (Потоцкий); имение называлось Wola (воля, свобода)—владелец Wolski (Вольский) и т. д.; поэтому большинство фамилий польского старинного дворянства кончаются на слоги ski (ский) или cki (цкий). Но наряду с этими фамилиями оставался общий герб и его название оставалось в силе, и им пользуются еще и теперь. Таков например герб, именуемый «Jastrzębiec» (ястреб). В 1584 г. Бартош Папроцкий пишет книгу «О гербах польской шляхты» (O herbach rycerstwa polskiego») и насчитывает около 150 «родов или «домов», которые в его время пользовались этим гербом «Ястреба»; эти «роды» носят различные фамилии, но герб у них общий. Таково общее правило: десятки семейств имеют один и тот же герб. Обычай этот поддерживается и сейчас; в Польше существует несколько тысяч старинных шляхетских семейств, но число приносимых им гербов не превышает нескольких десятков. Такая родовая организация шляхты и в историческое еще время была очень активным фактором политической борьбы. Если например «Гржималы», «Наленчи», или «Старыконии» выступали совместно на борьбу против князя или епископа, то это был не один род, а братство гербов, так как все семейства, носившие эти гербы, соединялись вместе. Еще и в XV веке очень живо чувство солидарности и сознание принадлежности к одному и тому же гербу. Очень характерна в этом отношении была и установленная форма для «нобилитации», т. е. перехода в шляхетское сословие. Короли претендовали первоначально на исключительное право своею единоличною властью давать дворянские привилегии представителям низших сословий, но шляхта упорно отказывала им в этом праве, и «нобилитация» стала происходить исключительно под видом «адоптации» (усыновления), т. е. тот, кто должен быть «нобилитован», усыновляется одним из шляхетских родов и только после этого «допускается к общему гербу», что должно было быть утверждено сеймом как высшим представительством шляхты в целом. Форма эта могла иметь только тот смысл, что посредством символического акта совершается принятие в род и что только таким путем человек, чуждый шляхетскому сословию, может быть наделен его привилегиями. Этой процедуре должны были подвергнуться также и чужеземные дворяне, немецкие, чешские и итальянские, принятые королем на службу и переселившиеся в Польшу; они могли пользоваться дворянскими привилегиями

только после того, как они были «допущены к тому или другому польскому гербу», т. е. после усыновления их каким-нибудь польским шляхетским родом.

Весь этот комплекс фактов может быть объяснен только тем, что дворянство как сословие своим происхождением обязано родовому строю; уже в доисторические времена часть родов заняла особое социальное положение, дававшее этим родам известные преимущества перед остальными соплеменниками, а эти преимущества приводили впоследствии к образованию замкнутого привилегированного сословия. К этому надо прибавить еще и то специфическое для Польши явление, что здесь в сравнении с численностью всего остального населения дворянство представляло очень многочисленную массу и что экономическое положение большинства его было более чем скромно.

По исчислению ученых во второй половине XVI века в Польше имелось по крайней мере 30 тыс. шляхетских семейств. В XVII в. при выборах короля, в которых мог принимать участие каждый шляхтич, голосовало 10 тыс. шляхты. Говорят, что во время выборов в короли Михаила Вишневецкого (1669 г.), в которых поместная шляхта приняла участие с особенным пылом, так как ей необходимо было разбить голоса магнатов,— в Варшаве, на поле, где происходили эти выборы, собралось около 80 тыс. шляхты. Согласно статистическим данным конца XVIII века в Польше каждый 8-й человек был шляхтичем, а в коренной Польше процентное отношение было еще более разительным. Такое соотношение сил, не встречающееся ни в какой другой стране, объясняется только огромным числом польского мелкопоместного дворянства. Но эти дворяне экономически ничем не отличались от крестьян. В Польше было, да еще и теперь есть множество деревень, население которых принадлежит исключительно к шляхте; это не были дворяне, возведенные в дворянское достоинство в более позднее время (например, как иногда думают, за военные заслуги, ибо в исторические времена в Польше никогда не было значительного числа нобилитаций), огромное большинство действительно принадлежало к старшему, родовитому дворянству в полном смысле этого слова, ибо происхождение его относится к доисторическому времени. Этим явлениям польской истории, имеющим кардинальное значение — родовой организации шляхты и ее необычайной численности — можно дать только одно вполне естественное толкование: в состав польской шляхты

в допсторическое время, до возникновения княжеской власти, входили все свободные роды; после возникновения государства эти свободные превратились в привилегированное сословие, в «дворянство» в западно-европейском смысле слова. В дальнейшем мы увидим, какое громадное влияние на общее действительно своеобразное развитие государственного строя Польши, с самого ее возникновения и до ее падения, имел факт существования такого многочисленного, социально-привилегированного слоя населения (см. Дополнение II, с. 35).

Свободный класс горожан возникает в Польше гораздо позднее, в XII и XIII вв. Таким образом все люди незнатного рода до этого времени были несвободными, зависимыми.[8] Степень этой зависимости в первый период государственной жизни была весьма различная, как это доказывается исследованием древностей права. На самой низкой ступени стоял раб (niewolnik). Он был совершенно бесправен. Но численность рабов как будто не была очень значительна. Происходили они из военнопленных, которые повсюду в течение почти всех средних веков становились настоящими рабами в античном смысле слова. Но у славян и это рабство отличается опять-таки своеобразным характером. Так, Маврикий Стратег[9] (писатель конца XI в.) сообщает: «Тех, кто попадал в их руки в качестве военнопленных, они оставляли у себя не навсегда, как это делали другие народы, а назначали им определенный срок, по истечении которого, уплатив выкуп, они могли возвратиться к себе на родину, или же остаться у них в качестве свободных друзей». В этом нельзя попятно видеть какого-то проявления «особенно мягких нравов» славян, как то неоднократно пытались представить в своем некритическом восхвалении прошлого славянские историки, а лишь просто естественное следствие родового строя в его чистом виде: род не знает, что ему делать с этими рабами, и он их освобождает. Так должно было обстоять дело и у поляков. Освобожденные рабы оказывались таким образом стоящими особняком, вне родовой организации, с более ограниченными правами, и с усилением княжеской власти на них и стали вероятно налагаться особенные повинности: прежде всего обязанность содержать в порядке дороги, строить укрепления и т. п. Но с ослаблением родового строя, с укреплением частной собственности и усилением княжеской власти, судьба военнопленных рабов стала более суровой: теперь ими пользовались уже в качестве крепостной челяди при обработке земли. Кроме того в Поль-

ше в определенные исторические периоды играла немаловажную роль торговля рабами (к этому мы еще вернемся).

Наряду с рабами древние первоисточники упоминают о кметах, смердах, влодыках. Под всеми этими названиями надо понимать крестьян, но «крестьян» имеющих различные права. Влодыки по своему правовому положению ближе всего к шляхте, ибо принимали участие в военных походах, но они все-таки не были полноправны, что видно из того, что в случае убийства за влодыку платится только половина той пени, которая налагалась за убитого дворянина, что после введения христианства влодыки должны были духовенству своего прихода уплачивать десятину, дворяне же могли это делать по своему желанию и что наконец у влодык не было герба. Когда возник этот класс, который в XI и XII вв. был уже как будто довольно многочислен, неизвестно, как неизвестно и то, были ли у него какие-нибудь другие обязанности по отношению к князьям, кроме военных.

Кметы и смерды, совершенно устраненные от несения военных обязанностей (которые первоначально были, без всякого сомнения, не долгом, а правом), принуждены были однако выполнять всякие другие обязанности. В чем заключались эти обязанности, мы точно знаем только из документов, относящихся к XII и XIII столетиям. Князья основывали церкви и монастыри и дарили им землю и людей, именно этих кметов и смердов, и эти последние свои повинности, которые они до сих пор несли по отношению к князю, должны были теперь нести по отношению к церкви. Князьями точно так же одарялись и воины и должностные лица. Но что кметы первоначально были совершенно свободными людьми — это вне сомнения[8]. Это ясно уже из одного того, что на других славянских языках, точно так же, как и в старинных польских сказаниях, это название употребляется для обозначения полноправных свободных членов рода; оно даже до известной степени почетно, так как обозначает человека, принимающего участие в совете. Когда именно произошло в Польше подразделение на вполне свободных и зависимых и как произошел этот процесс, установить точно нельзя, так же как нельзя этого сделать и в отношении других стран. Война, насилие, грабежи породили рабство. Частичное ограничение свободы, возникновение обязанности одних нести повинности, в то время как другие пользовались полной свободой в качестве наследственной привилегии, можно объяснить постепенным распадением родового строя; распадение это, с своей стороны, происходит вслед-

ствие экономических причин, в связи с развитием частной собственности на землю. Пока родовой строй сохранялся во всей своей силе, подразделение на свободных и несвободных возникнуть не могло, — члены одного рода были равноправны по отношению друг к другу как кровные родственники. Но между отдельными родами, разумеется могли возникать и вражда и борьба: поводы, вызывавшие их, бывали сексуальные, как споры из-за женщин, и экономические, как столкновения из-за пастбищ и скота. Подобного рода столкновения тем более бывали опасны, что при родовом строе всегда существовал обычай кровавой мести: раз возникшая распря, поведшая к пролитию крови, только с трудом может быть прекращена, так как всякая вновь пролитая кровь требует отмщения.

Следующей после родового строя стадией развития является обыкновенная «патриархальная система». Мы знаем, что у южных славян этот строй вылился в форму з а д р у г и (некоторые из славян, как например сербы, сохраняли этот строй в течение многих веков и даже до новейшего времени). Задруга (или община) — это большая семья, объединяющая несколько родственных супружеских пар с их потомством, живущих совместно и ведущих хозяйство сообща. В такой организации заложены возможности возникновения неравенства внутри рода. И в самом деле одни семьи могли экономически падать, вследствие отсутствия потомства или каких-нибудь неудач, как например преждевременная смерть кормильцев, пожар, падеж скота; другие напротив, могли развиваться успешно; одни могли не иметь возможности удержать за собой землю, другим же наоборот приходилось заботиться даже о расширении своих владений. Возможность неравенства заложена была и в самой задруге: глава семьи приобретал большую власть по сравнению с другими членами ее. Отсюда был всего один шаг до частной собственности.

Существовала ли задруга у польских племен, мы точно сказать не можем. Да это и безразлично, так как бывают и другие переходные ступени от родового быта к моногамии, и ко времени основания польского государства роды уже достигли этой последней стадии развития. Важно лишь знать, что подразделение на свободных и зависимых могло произойти уже и при родовом строе.

Экономически преуспевающие роды создают себе полную независимость, экономически пострадавшие отстают еще больше и наконец при развитии княжеской власти попадают в зависимое положение.

Эта княжеская власть несомненно возникает на почве войны и насилия. Любители исторических идиллий объясняют ее возникновение тоже очень идиллически: необходимость защиты страны ведет, полагают они, к тому, что свободные единоплеменники по доброй воле подчиняются одному вождю, который предводительствует ими во время войны и управляет ими в мирное время. Эта идиллия, разумеется, никогда не существовала, т. е. власть всегда возникает с помощью грубой силы, путем убийств и грабежей. Несомненно, война невозможна без военачальников. Но вот именно вследствие этого она скрывает в себе опасность, что ведущее войну племя, отразив неприятеля, принуждено будет подчиниться своему вождю, который, достигнув власти, будет иметь тысячу оснований злоупотреблять ею для порабощения своих соплеменников. Если географическое расположение польско-лехитских племен создавало такие условия, при которых они мало подвергались вторжению чужеземных завоевателей, то это ни в каком случае не значит, что мы должны или имеем право представлять себе их жизнь, как мирную идиллию. Родовые раздоры ведут к войне, во время которой отдельные роды соединяются для достижения намеченной общей цели, т. е. для приобретения новых пастбищ, или для мести за нанесенные обиды. Вожди, которые первоначально может быть избирались своими единоплеменниками, увозили с собой по окончании войны добычу, рабов и это вело к их обогащению. Но захват такой добычи вызывал новые войны и порождал новые грабежи. Покоренное племя должно было подчиниться игу завоевателей, его принуждали платить дань, а в позднейшее время—выполнять всякие трудовые повинности, но выгоду от этого получало не все племя, а его победоносный вождь. Конечно у этого последнего являлся соблазн использовать свою власть в отношении своих соплеменников. Правда, даже самый победоносный вождь, навязывавший себя в князья, не мог бы удержаться один против всех. Но его поддерживали воины, которые сражались, побеждали и грабили вместе с ним, что связывало их круговой порукой. Это и были те именно роды, которые пользовались попрежнему полной свободой. Между ними и их единоплеменниками, попавшими в зависимое положение, существовала противоположность интересов. Князь был вождем полноправных и мог смело рассчитывать на них, на их испытанную в войнах силу и поддержку до тех пор, пока он сам соблюдал их интересы. Между князем и возникшим таким образом дворянством существовала солидарность, основанная на антагонистичном отношении к другим единопле-

240831

Ирлевский

мешникам. Но эта солидарность была «договором со львом», так как при дележе добычи дело не всегда протекало мирно. Князь, победоносный вождь, имел ведь возможность обеспечить себе перевес благодаря тому, что, имея массу рабов, доставлявших ему средства, он мог содержать толпу людей, способных носить оружие, которые за него готовы были итти в огонь и в воду, ибо он давал им пропитание, предоставлял им возможность производить все новые грабежи и позволял поступать более или менее беззастенчиво в отношении к единоплеменникам. Эта толпа княжеских слуг обуздывала возможные устремления отдельных воинов и дворян стать на один уровень с князем. Однако князь должен был остерегаться, чтобы эти воины, находящиеся у него в одинаковой зависимости, не объединились против него. Если же он все-таки допускал это, то дело доходило до борьбы, которая либо кончалась его падением, либо наоборот приводила дворян к еще большей зависимости от него. Представим только, что существовало более или менее значительное число таких князей, которые первоначально были только вождями отдельных родов во время войны, а потом создали для своего рода привилегированное положение, и тогда дальнейший путь развития ясен: борьба между княжескими родами, в которой постепенно слабейшие исчезают, упрочивает господство одного из родов не только над одним племенем, но над несколькими племенами.

Народное предание XIII столетия, правда дошедшее до нас только в очень испорченном виде, в передаче летописца, так называемого Кадлубека[10] — повествует нам о трех княжеских родах: о Лехе, который со своим родом достиг власти с помощью хитрости, Попеле, жестоком, хищном князе, который в голодный год велел собрать весь хлеб и спрятать его в амбары, а народ обрек на голодную смерть, и Пясте, добродетельном земледельце, народном любимце, достигшем княжеской власти. Из преданий, дошедших до нас в таком виде, можно извлечь очень немного. Но именно тот факт, что от периода, предшествовавшего возникновению письменности, не сохранилось ни единого предания о каком-либо победоносном княжеском роде, на который первая династия исторических князей могла бы сослаться, служит доказательством, что династия Пястов, кстати сказать, названная таким именем гораздо позднее, едва ли может претендовать на то, что она стала у власти задолго до X века.

Итак восстановить картину доисторического периода мы можем только в следующих весьма общих чертах: польско-

лехитские племена осели на Варте уже много столетий тому назад; родовой строй сохранился у них в форме патриархальной системы; у них установилось разделение населения на свободных и несвободных, и эти несвободные были отчасти соплеменниками князя, которые обязаны были исполнять по отношению к нему некоторые повинности, и отчасти рабами, захваченными в качестве военной добычи; чужеземным завоеваниям Польша не подвергалась; княжеская власть, возникшая после подчинения отдельных родов общей власти победоносной династии вождей, стала неограниченной в том смысле, что князья, связанные общностью интересов с многочисленными свободными дворянами, вместе с ними господствовали над народными массами.

На какой ступени культурного развития находились польские племена в то время, когда они заняли свое место в истории, об этом мы не имеем почти никаких сведений, потому что греческие и римские источники ничего не сообщают об этой стране, археология же до сих пор дала очень скудный материал для освещения этого предмета. Тем не менее некоторые выводы мы все-таки можем сделать. Если арабский источник (Аль-Бекри[11], который считается заслуживающим доверия, говорит правду, то польский князь Мешко, живший во второй половине X столетия, содержал собственную дружину в 3 тыс. человек тяжело вооруженных конных воинов, о которых он заботился и которых снабжал лошадьми, оружием и всем, что им было необходимо. Если верить этому сообщению, то из него можно сделать необходимое заключение, что польское сельское производство достигло к этому времени довольно высокой ступени развития, так как ясно и без дальнейших доказательств, что в такой пространственно небольшой области, как Польша того времени (границы государства, подвластного Мешко, обозначены в следующей главе), при неблагоприятных природных условиях выжать средства для содержания столь значительной военной силы можно было из подданных, даже под самым сильным давлением на них, только в том случае, если они имели реальную возможность добыть соответственное количество пищевых продуктов, корма для лошадей и материала для одежды. А высокая степень развития хозяйства несомненно является мерилом культурного развития народа.

Если польские племена имели возможность содержать такое количество трутней, то они должны были в то время уже давно оставить позади себя эпоху варварства[12] и стать цивилизованным народом.

Нехватало вероятно одного из элементов культуры, именно—городов. Германцы входили в соприкосновение с городской культурой, когда сами были еще варварским кочующим племенем, потому что они в качестве такового, обирая и грабя, вторгались в культурный мир римского государства, мир, который имел ярко выраженный отпечаток городской жизни. И, несмотря на то, что городская культура была, в сущности, ненавистна этим воинам и охотникам, они все-таки в короткое время подпали под ее влияние, и поэтому понятно, что уже в ранний период средневековья город в южной и западной Германии был первостепенным культурным фактором. У северных же славян вообще, а у польско-лехитских племен в особенности, об этом не могло быть и речи. Здесь мы имеем дело со своеобразной, исключительно деревенской культурой. Правда: в источниках упоминаются названия нескольких городов' К а л и с и я (Calisia) — несомненно К а л и ш, С е т и д а в а (Setidava) указывается в качестве поселения, находящегося вблизи нынешнего Ж н и н а, А с к а н к а л и (Ascancali)—нынешний О с е л ь с к (большой вопрос, индентичен ли Кородонум (Corodonum) нынешнему К р а к о в у). Однако эти названия были скорее названиями поселений, которые были вероятно известны этрусским, а впоследствии греческим и римским купцам по их путешествиям за янтарем, повидимому потому, что местности эти были расположены вблизи переправ, ведущих через болота, и может быть становились поэтому чем-то вроде стоянок или складочных мест для товаров, но «городами» они не были конечно ни в каком случае. Поскольку это известно из исторических источников, Польша в первом своем княжеском периоде знала только g r ó d (г р о д), т. е. «огороженное место». Первопачально это вероятно было просто место, окруженное рвом, валом и деревянным тыном, куда люди прятались при вторжении врагов,—g r o d (г р о д) и g r a d (г р а д)—слова общеславянские, и нужно производить их от слова g r o d i t i (г р о д и т и), т. е. окружать забором, «городить», «ограничивать», —привычка, существовавшая, как это подтверждается так называемыми «Вендскими градами», следы которых изучены археологическим путем и у других славянских племен между Одером и Вислой. Позднее эти г р о д ы стали укрепленными местами, т. е. «бургами», в которых князья располагали гарнизон (но в противоположность немецким «бургам» они первое время никогда по всей вероятности не снабжались каменными стенами и постройками). Только позднее, когда княжеская власть укреплялась и церковь устроила в этих градах свои центры

(резиденции епископов), они получают значение также и культурных центров. Но в Польше — и этого не надо забывать — города вплоть до XIX в. не имели решающего значения для культурного развития.

О том, насколько в доисторическое время была развита техническая культура, нам известно очень мало. Археологические находки весьма скудны, да иначе и быть не может. В такой стране, как Польша, постройки делались исключительно из дерева и поэтому здесь «камни говорить не могут». Большинство сосудов, вероятно, тоже делалось из дерева, из этого столь бренного материала. К этому надо прибавить, что у поляков, как и у всех славянских племен, до введения христианства было принято сжигать трупы, а поэтому и раскопки могут дать только очень скудный материал. Но раскопки эти свидетельствуют все-таки о довольно значительно развитом гончарном искусстве с типичной славянской орнаментикой. Названия льна и конопли, веретена и кросна (ткацкого станка), пряди, основы, «утка» прядения и тканья, полотна и сукна, а также и различных частей одежды — портов, плаща, кафтана, шерстяной «бурки», — в славянских языках одни и те же. То же самое можно сказать и о разных приспособлениях для обработки металлов и о таких металлических изделиях как коса и серп, нож, топор, молот, мотыга, пила, а также и о кораблях и челнах, бочках и кадках. Этот факт, установленный сравнительным языкознанием, подтверждает бесспорно и несомненно, что культура славянских народностей уже до их разделения была относительно высокой. Тем более нельзя себе представить, чтобы поляки в то время, о котором мы исторических сведений не имеем, были лишены всякой культуры. Нельзя думать и того, чтобы эти племена совершенно не подвергались влиянию иноземных культур, как это может показаться, если иметь в виду их географическое положение. Надо думать, что они вели довольно оживленную торговлю. Археологические раскопки доказали, что уже этруски и греки, из большого торгового центра Ольвии[13], расположенного на берегу Черного моря, совершали путешествия через польские владения, и что эти торговые сношения существовали и в эпоху Римской Империи, как это подтверждают многочисленные находки монет. Быть может первоначально к этим путешествиям привела торговля янтарем. Однако уже в начале средних веков эта торговля прекратилась (по мнению исследователей это произошло потому, что янтарь как материал для украшений был обесценен, так как он стал очень распространенным, а следовательно продажа его уже не была настолько

выгодна, чтобы греко-римским торговцам стоило совершать трудные поездки к далеким побережьям, богатым янтарем, ради его приобретения).

С другой стороны мы от немецких хронистов, сопровождающих (в 1000 г.) императора Оттона во время его путешествия в Гнезно, узнаем, что пышность, с которою принимал его сын Мешко — князь Болеслав, привела в изумление императора и его свиту. Вряд ли бы это было возможно, если бы княжеский двор в Гнезне был снабжен только местными изделиями, и конечно роскошь, которую обнаружил при этом случае двор, шла из стран с весьма высокой культурой. Но откуда? Ответ облегчает нам... верблюд. В самом деле, польский князь подарил императору Оттону это именно четвероногое животное. Но получить его он мог только с востока. Этого достаточно, чтобы доказать, что в 1000 году между Польшей и Востоком еще существовали те сношения, начало которых было положено купцами из Ольвии. Это подтверждает и такой беспристрастный источник, как Аль-Бекри, который рассказывает о государстве князя Мешко в X в. Согласно его свидетельству, в это время евреи, греки и хозары вели с Польшей оживленную торговлю.

Торговые сношения существовали не только с Востоком, но и с народами, жившими на восточно-поморском побережье. Иначе нельзя было бы объяснить стремление польских князей овладеть страной поморян, которое проявляется со времен Болеслава I. Когда современные историки навязывают этим князьям гениальные стремления к тому, чтобы овладеть морским побережьем, то это является явной нелепостью. Дело только в том, что уже в VIII и IX столетиях поморяне грабежом и торговлей нажили себе большие богатства, и этого совершенно достаточно, чтобы объяснить хищнические набеги польских завоевателей [14].

Меньше всего мы осведомлены о торговых сношениях поляков с соседями на юге — чехами, а на западе — полабскими славянами и немцами. Впрочем вряд ли и эти сношения могли быть очень оживленными, так как все эти страны производили одни и те же продукты. Только железные изделия и прежде всего оружие Польша получала вероятно из Чехии, так как из Скандинавии, через Поморье, могло приходить быть может железо, но не искусно обработанные панцыри и вооружение.

Об оживленной торговле говорят наконец и данные языкознания. Польское обозначение места торговли есть t a r g (торг) и от этого слова произошли названия многих древ-

них польских поселений. Кроме того большая дорога (в противоположность обыкновенной проселочной дороге), называется по-польски g o s′ c i n i e c (гостинец), слово же это произошло от g o s′ c′ (гость). «Гостями» же в раннее средневековье назывались у славян (впрочем и у немцев тоже) чужеземные купцы. Если бы эти «гости» были редким явлением, то едва ли можно было бы объяснить, почему большие дороги получили свое наименование от этого слова.

Какие именно товары получали поляки из других стран при помощи торговли, — установить нетрудно. Прежде всего это была соль, так как в коренной Польше едва ли существовали месторождения этого необходимого минерала (соляные копи при Иновроцлаве были открыты гораздо позже, соляные копи Велички и Бохнии только в X в.[15] оказались в пределах Польши, благодаря завоеванию Белой Хорбатии). Затем это было железо, так как в стране имелась только дерновая железная руда и то в ограниченном количестве, наконец предметы роскоши, украшения и оружие.

Но чем же поляки расплачивались? Страна их уже в самое раннее средневековье была богата хлебом и скотом. Но то и другое не имело сбыта, так как у соседних стран был тоже избыток их, а на далекие расстояния при тогдашних примитивных транспортных средствах вывозить этот товар не стоило. Самое большее что могло быть, это вывоз хлеба в Скандинавию, которая испытывала в нем недостаток. Речное же судоходство в Европе вообще развилось только в позднейший период средних веков, поэтому почти невероятно, чтобы хлеб перевозился по Висле и Одеру. Зато леса Польши доставляли людям блага большой рыночной стоимости, которые поэтому было выгодно вывозить. Это именно воск и пушнина. Воск уже в начале средних веков был в большом спросе и шел прежде всего на приготовление свечей. Едва ли можно себе представить Византию, которая так любила роскошь, без этого осветительного материала, да и для пышности церковных богослужений свечи играли огромную роль. С другой стороны несомненно, что поляки давно занимались разведением пчел. Знаменитый «мед» был наряду с пивом любимым напитком славян, и языкознание удостоверяет, что слова b a r c′ (улей) и b o r t n i k (бортник, пчеловод) были очень старинного происхождения; поэтому очень возможно, что купцы, которые проезжали через Польшу, направляясь за янтарем, уже в очень ранние времена обратили внимание на изобилие воска в этих краях и на торговле им наживались. Меха, несмотря на жаркий климат, были в боль-

шом употреблении в Византии и считались знаком роскоши (горностай был украшением императорской одежды), широко пользовалось ими и духовенство. В польских же лесах водилось множество пушного зверя: бобров, хорьков, белок, куниц, выдр, лисиц и рысей; болотистые реки кишели выдрами и бобрами. Аль-Бекри [11] также свидетельствует о том, что в X веке в Польше велась торговля пушным товаром, и он наверно был в ходу уже в более ранние времена.

Наконец Польша располагала еще одним очень ходким товаром, имевшим огромное значение, а именно — людьми, рабами.

Греческие колонии и Византия жадно искали везде рабов, и торговля ими не прекращалась вполне даже с распространением христианства (вызывала сомнение лишь торговля христианами). Во времена Карла Великого на рынок сгоняют тысячи военнопленных, и еще в более позднее время очень большую роль в немецком законодательстве играла пошлина, взимавшаяся при провозе рабов.

Таким образом рынок существовал, товар был налицо и перевозился легко, торговля процветала. Правда, в руках польских владык не было военнопленных иностранного происхождения, так как только в XI столетии начинаются завоевания чужих областей, но это разумеется не могло служить препятствием для торговли рабами: продавали военнопленных, попадавших в руки победителя во время междоусобных войн, а позднее, когда господство дворянства в достаточной мере укрепилось, даже и собственных единоплеменников. Это оборотная сторона культурной миссии торговли.

Трудно сказать, в чем еще выражались отношения между поляками и их соседями, возникавшие на почве товарообмена. Известного рода сношения, само собою разумеется, должны были существовать, тем более, что кругом жили славяне. На северо-востоке, где по соседству с польскими жили литовские племена, не было равным образом никаких непреодолимых препятствий; взгляд, согласно которому литовцы не арийского, а финского происхождения, отвергается современной этнографией, а литовский язык очень близок к древне-славянскому. А так как кроме того резкого разграничения между областями распространения обоих языков не существовало, то там, где границы тех и других племен соприкасались, — по всей вероятности по берегам Нарева и Буга, в употреблении был какой-то смешанный язык. и понимать друг друга они, разумеется, могли. Наоборот — сомнительно, имелись ли, как это допускают некоторые слависты,

общеславянские святилища, из которых наиболее почитаемое находилось на острове Рюгене у Ронов.

Всего важнее было бы узнать, в какой степени влияли на Польшу Моравия и Чехия. Известно, что моравы и чехи гораздо раньше, чем поляки, достигли стадии государственности (государство Само[16] и великоморавское государство Моймира[17] и что христианство равным образом распространилось у них раньше. И можно поэтому считать правдоподобным, что с этой стороны шло на Польшу известное влияние, а также признать возможным, что еще задолго до принятия польским князем христианства, в Польшу приезжали миссионеры как восточной, так и западной церкви, и христианство находило себе приверженцев. Достоверных исторических сведений однако мы об этом не имеем.

Сделаем же краткий обзор того состояния, в котором находилась Польша лет за 100—200 до второй половины X столетия, когда начинают появляться первые о ней исторические сведения.

Старый родовой строй находился в процессе разложения. Заканчивался процесс расчленения народа на господствующих и зависимых: полноправные и свободные, т. е. шляхта, возвышались над остальными единоплеменниками, а богатейшие из числа дворянских родов приобрели уже значительную власть. Княжеский род Полян, обыкновенно именуемый Пястами и сидевший в Гнезне (по-польски Gniezno, но первоначально вероятно Kniezno от Kniez′— князь[18], и подчинил своей власти другие польские племена, а именно: Куявов, Ленчичан, Вислян и Мазовшан. Таким образом возникло первоначальное княжество, границы которого простирались от Одера до Буга и от болот реки Нотець до Пилицы на юге. Несомненно, что внутри Польши княжеская власть не была еще упрочена и упорядочена. Не легко было опрокинуть и разрушить прежнюю организацию, власть можно было поддерживать только оружием, а это возможно было лишь при содействии военной силы, при помощи мало-по-малу организующейся дружины: дворянство, которое принимало участие в грабежах, оказывало князю военные услуги, которые были несомненно необходимы для утверждения его власти. Торговля доставляла князю богатство, которое он мог употребить на снабжение своей дружины лучшим вооружением, а это в свою очередь делало безнадежным всякое противодействие со стороны народных

масс. Для укрепления своей власти князь воздвигал укрепления (g r o d y), в которых он содержал гарнизон. Чтобы покрыть расходы по содержанию воинов, на несвободных единоплеменников и на военнопленных, поселившихся в стране навсегда, налагались повинности, с которыми мы встречаемся позднее в XI и XII вв. и которые тогда толковались как «существовавшие издревле». Повинности эти сводились к обязанности доставлять князю продовольствие и лошадей, содержать в порядке роды и дороги, исполнять службу гонцов, содержать князя с его свитой, когда он разъезжал по стране.

Границы государства не были защищены, ибо естественных границ не существовало. На западе, до самой Эльбы, были расселены славянские племена, которые со времени походов Карла Великого всегда были теснимы немцами и не смогли достигнуть прочной государственной организации; на юге жили Силезцы, между польским и чешским княжеством и еще боровшиеся с немцами за свою независимость; в таком же положении находились племена, жившие на северном склоне Карпат, между Венгрией и Польшей на юго-востоке и востоке лежали области, находившиеся под давлением киевско-русского государства, основанного северными завоевателями; на северо-востоке — Литва, а на севере — воинственные пруссы и поморяне. На все пограничные польские земли производились набеги, и это было достаточной причиной, чтобы развить «воинственный дух» молодого государства. А этот «воинственный дух» ведет прежде всего к тому, что княжеская власть все глубже и глубже пускает корни и абсолютизм все больше развивается.

Мы не разделяем мнения большинства националистических польских историков, от которого они не отказались и посейчас, что абсолютизм этот был будто бы последствием тех опасностей, которые грозили полякам со стороны немцев, что это именно и было причиной будто бы добровольного подчинения поляков власти воинственных князей. Этому противоречит достоверный факт, что первый исторически-известный князь, который правда бывал время от времени во вражде с немцами, ни в каком случае не может все же повидимому считаться основателем государства, что он был далек от того, чтобы оказывать помощь против завоевателей жившим около Эльбы славянам, которых теснили немцы, и что наоборот он очень часто, совместно с немцами, нападал даже на них. Вышеприведенное мнение большинства польских историков было продиктовано сентиментальным стремлением изобразить жизнь доисторической Польши в виде мирной идиллии, которая была разрушена, дескать, только движением немцев на восток.

Дополнение I

[К ВОПРОСУ ОБ АВТОХТОННОСТИ ПОЛЬСКИХ ПЛЕМЕН][19]

Взгляд, согласно которому польско-лехитские племена были коренными жителями той области, в пределах которой возникло Польское государство, противоречит взглядам, изложенным в большинстве трудов, посвященных истории Польши и Германии, и требует поэтому более подробного обоснования. Обстоятельное опровержение противоположных взглядов сильно расширило бы рамки этой работы, поэтому нам приходится удовольствоваться самым необходимым.

Вопрос, с какого времени занимают славяне те места, на которых мы находим их к началу исторического периода, тесно связан с вопросом о родине арийцев и первых их переселений. Первые шаги к разрешению этого вопроса сделаны в XIX столетии в связи с развитием научно поставленной предистории, с ее вспомогательными науками; сравнительным языкознанием, археологией, антропологией, этнологией и социологией. Сначала, правда, дело не пошло дальше гипотез, требующих еще дальнейшей обработки. Но во всяком случае наукой достигнуто уже то, что вполне опровергнута фантастическая теория об азиатском происхождении арийцев (надо отказаться от названия и н д о-г е р м а н ц е в, порожденного самомнительным до смешного притязанием, будто индусы и германцы имеют гораздо больше значения в истории человеческой культуры чем персы, эллины, римляне, кельты и славяне). Теория об азиатском происхождении арийцев считается научной только в европейских среднеучебных заведениях, в этих убежищах реакции и складочном месте всякого научного мусора.

Спорными являются также гипотезы о прародине, предложенные Латамом (страна, ныне затопленная Северным морем) С. Тэйлором (Восточная Европа), Гейгером (Германия), Вирховым в последние годы его жизни, Вильзером и Пенка (Скандинавия). Последний выставляет весьма смелый тезис: родина человеческого рода вообще—средняя Европа; ледниковый период заставил людей переселиться в Африку. Только предки арийцев остались и утвердились здесь. Когда ледники отодвинулись к северу, дикие звери на которых охотились арийцы, в особенности олени, отошли на север, а за ними стали переселяться и сами арийцы; в Скандинавии они нашли новую родину, и там определились их расовые особенности — длинный череп, высокий рост, белокурые волосы, голубые глаза; а тем временем в Центральную Европу проникли

народы, принадлежащие к другим расам; начинается победоносное шествие арийцев на юг; тут они смешиваются с племенами других рас (отсюда различные ветви арийской расы). Далее идут гипотезы Куно (Средняя и Восточная Европа), Пеше (Припетские болота, так как-де здесь имелись налицо условия для появления расы, белокурые волосы которой можно рассматривать как результат депигментации и альбинизм), Томашека (Восточная Европа), Шрадера (южнорусские степи).

Все эти гипотезы, основанные на данных естествознания, заставляют сильно усомниться в правильности старых представлений о лихорадочном стремлении к переселениям, какими были будто бы охвачены арийцы. Очевидно, что в доисторические времена Европа была отнюдь не безлюдной пустыней, в которую совершенно неожиданно вторглись орды, охваченные страстью к скитаниям, а страной заселенной уже раньше в течение многих тысячелетий арийскими племенами. Однако считать их автохтонами Европы следует отнюдь не в том смысле, что только они и жили здесь (этому противоречит тот факт, что по всем вероятиям на европейской почве произошло скрещивание темноволосого типа, отличающегося широким черепом, с светловолосым и узколобым), — а в том значении, что эти арийские племена мало-по-малу, в течение тысячелетий, распространились по Европе и здесь прошли все стадии развития—от состояния кочующей, охотничьей орды до форм быта оседлого народа, занимающегося земледелием.

При таких взглядах на историю Европы о «переселении народов» можно говорить только в тех случаях, когда об этом имеются определенные исторические сведения или иные убедительные основания.

Таким образом можно притти к заключению — и это прежде всего относится к гото-германским народам — что они проникли в страну, занимаемую ими в период раннего средневековья, только лишь в историческую эпоху, что они пришли туда, по всей вероятности, из северной Скандинавии и что следовательно эллины, италийцы, кельты, литославяне и финны принадлежат к коренному населению Европы в указанном смысле слова.

Но этому взгляду противопоставляется другой, более старый, представителями которого являются не естествоведы, а исключительно филологически-образованные историки [20]. Главнейший, даже можно сказать единственный, материал для первоначальной истории европейских народов составляют в их руках тексты греческих и римских географов и историков.

которые обрабатываются по всем правилам толкования текстов с более или менее критической точки зрения. В те времена, от которых мы ведем наше летоисчисление, а также и в ближайшие после того столетия, северные варвары часто тревожили древний Рим. Римско-эллинскому культурному человеку должно было казаться, что на севере перевернулся мир, что все варвары находятся в непрестанных передвижениях. Это впечатление и передается историку-филологу. А когда к тому же первые представители сравнительного языкознания делают вывод относительно сродства всех арийских народов, родину которых они помещают на плоскогорьях Средней Азии, откуда будто бы пришли все европейские народы, этот бравый историк начинает с необычайным пылом перебрасывать народы, как мячик, не отрывая впрочем перста от своего возлюбленного текста.

Между тем тексты эти, относящиеся к «варварам», весьма неясны, сомнительны, полны противоречий, и поэтому истолкованиям текстов в области которых так невероятно много было сделано в течение последних веков, — дается широкий простор, настолько широкий, что иногда, на основании одного и того же текста делаются совершенно противоположные выводы (вспомним хотя бы спорные вопросы о кельтах и кимврах, о гетах и готах, о снебах, которые становятся то швабами чистейшей воды, то славянами.

Эту неопределенность объяснить легко. Во-первых, не подлежит никакому сомнению, что мы, несмотря на все наше восхищение гением эллинов и римлян, не можем ждать от них основательного научного понимания географических и этнографических фактов, даже и в тех случаях, когда они писали на основании личных наблюдений. Во-вторых, почти все без исключения греческие и римские писатели получали свои сведения о народах, населявших более отдаленные страны, из вторых и даже третьих рук. Ни один из них не побывал восточнее Эльбы и севернее Карпат. Кто были их осведомители, от кого узнали они о народах, живших в этих отдаленных странах? Это были греческие и римские купцы, которых в эту страну гнала жадность к барышам, наряду с ними вероятно и варвары, которые служили в римском наемном войске или были отправлены в Рим в качестве заложников и рабов. Последние были грубые невежды, между ними и римскими писателями едва ли могло существовать взаимное понимание. Главным препятствием для этого было отнюдь не только незнание языка: между миропониманием писателя, воспитанного на греко-римских понятиях, и сынами народа, стоящего на примитивной родовой ступени развития,

была целая пропасть. Что же касается сообщений купцов и моряков, то для оценки их достаточно напомнить о тех невероятных нелепостях, которые даже и в наше время рассказывали офицеры, купцы и миссионеры об африканских, азиатских, австралийских народностях, и даже о России и Балканах. Даже современной географии и этнографии не легко освободиться от всего того хлама, которым загромождены эти личные наблюдения людей, совершенно неподготовленных научно[21]. А между тем нам приходится принимать за чистую монету весь тот вздор, который изложен о малоизвестных народах в сочинениях древних писателей, писанных две тысячи лет назад! Кроме того мы должны еще принять во внимание, что даже и самый текст этих сочинений дошел до нас в весьма сомнительном виде (так например идет спор, как читать у Страбона название какого-то народа: Butones, Gutones или Bulones, или у Птоломея: Silingai или Lingai Sulanes или Bulanes). Во-первых, во многих случаях в нашем распоряжении имеются только искаженные древние тексты; во-вторых, греческие и римские писатели могли лишь приблизительно, и то с большим трудом, воспроизвести галльские, германские и славянские звуки и несомненно совершенно произвольно обращались с ними.

Отсюда надо вывести заключение—для филологов, правда, в высшей степени возмутительное,—что текстам греческих и римских писателей, относящимся к варварским народам Европы, можно придавать только весьма относительное значение. Если путем научного исследования мы приходим к выводам, которые противоречат сообщениям этих писателей, то приходится отказаться не от этих выводов, а от текста, даже если речь идет о каком-нибудь Юлии Цезаре, Таците или Плинии [20].

Вопрос о польских племенах, интересующий нас в данном случае, разрешается так: у классических писателей нет ни одного места, которое противоречило бы предположению, что польско-лехитские племена уже давно жили в той области, где в X столетии возникло польское государство. Противоречат ему лишь утверждения некоторых современных историков, основанные на умозрениях, сделанных на основании изучения упомянутых источников. Умозрения эти следующие:

Во-первых, славяне, мол, только в V или VI столетии нашего летоисчисления могли появиться в Средней Европе, потому что само название «славяне» упоминается в первоисточниках только в VI в. (у Прокопия и Иордана) [22]. Это конечно ничего не доказывает. Мы употребляем термин «славяне» и «германцы» как собирательное имя, удовлетворяя нашей потребности в клас-

сификации. Но разумеется само собою, что разные «германские» племена существовали задолго до того, как римляне дали им это общее имя. Равным образом само собою ясно, что разные «славянские» племена существовали раньше, чем возникло общее имя «славян» (они жили даже неподалеку от Рима и древней Эллады; немецкие и итальянские исследователи Паули и* . . . . . .[23] доказали недавно, что этруски были народом славянского происхождения, в то время как относительно дакийцев и фракийцев идет еще горячий спор). Сами славяне себя этим именем не называли, точно так же как тевтонам, херускам и другим германским племенам не приходило в голову называть себя «германцами». В VI веке таким образом появляются лишь названия и ничего больше.

Во-вторых, чтобы объяснить «неожиданное» появление славян на берегах Дуная, Эльбы, Вислы и Одера был придуман целый приключенческий роман народов: будто гунны, под предводительством Аттиллы, а позднее авары согнали славян с их насиженных мест (где именно они жили, — не упоминается) и погнали перед собой; и будто таким именно образом эти славяне достигли областей, покинутых готами и германцами, и тогда они стали «тихо и спокойно» расселяться на соседних землях. Землю, которую покидало ее беспокойное население, трудолюбивые славяне завоевывали не мечом, а «сохой» (Вильзер). Находим ли мы такие сведения в первоисточниках? Разумеется, нет. Это лишь результат всякого рода умозаключений, сначала робко сделанных Яковом Гриммом, после него разработанных Мюлленгофом и уже с тех пор усердно повторяемых всеми. Что измышление это не имеет никакой почвы под ногами, должно стать ясным после некоторого размышления: гунны и авары были ордами всадников, которые не были особенно многочисленны в момент вторжения своего в Западную Европу; можно ли поверить, чтобы они могли гнать перед собой целые племена, передвигавшиеся пешком или на повозках (славяне и германцы гораздо позднее стали пользоваться лошадьми для верховой езды) на протяжении сотен миль, через потоки и горы, по первобытной пуще?! Какая же цель могла быть у этих чертей? Ради чего они вздумали доставлять себе это сомнительное удовольствие, которое требовало ведь немало усилий? Только филологические мозги в состоянии были додуматься до таких выводов! Из первоисточников же мы узнаем лишь следующее: гунны и авары господствовали в долине Дуная, в теперешней Венгрии,

* Небольшой пропуск в тексте рукописи (*прим. ред.*).

Моравии и Чехии над славянскими племенами, которые они держали в жестоком подчинении, в то время как до этого эти племена жили здесь отчасти под властью готов и германцев, которые, как доказано точно, так же как гунны и авары проникли в эту область, но в более ранний период, а находившиеся под властью их славяне жили там уже давно. Греки и римляне стали интересоваться этими странами особенно с того времени, как варвары оттуда направили свои грабительские пути в сторону империи, причем писатели греческие и римские естественно приводили названия лишь племен-победителей, и только лишь очень редко названия порабощенных племен. Это самое простое объяснение.

Для того чтобы доказать, что славяне «тихо и спокойно» проникли в область между Эльбой и Вислой, где они жили потом в исторические времена (времена Каролингов) и покорили страну «не мечом, а сохой», надо было бы прежде всего указать, откуда они пришли (ведь речь идет о народах огромной численности, ибо, даже при способности размножаться с быстротой кроликов, пришельцы не могли в период с V по VIII столетие размножиться так, чтобы заселить всю эту область) и куда девались германцы, будто бы жившие здесь раньше до них. В конце концов существует достаточно красноречивый и убедительный факт, который разбивает всю эту теорию и на который, собственно говоря, историки филологического направления должны были бы обратить особенное внимание, так как объяснение его относится к области филологии, а именно тот факт, что в области между Эльбой и Вислой все географические наименования, сохранившиеся и поныне, несомненно славянские, а совсем не те, которые упоминаются в греко-римских источниках. Ни одна из рек не носит немецкого названия. Немецкая Эльба произошла от славянского Лаба, — Weichsel (Вайксель) есть испорченное славянское название Вислы. А греческие и римские тексты называют последнюю Visula, Vistula, Vistullus, Viscla, что свидетельствует об усилиях авторов передать славянское твердое «л» (l) прибавлением к нему звука «у». Происхождение слова Висла легко объяснимо, так как корень ws (вс)еще сохранился в литовском языке и содержит в себе понятие «плодородия», «жизненного дара», и этот же корень входит в санскритском языке в слово w i s h a (висха) и означает вода; кроме того, это слово употребляется во всех польских народных песнях в качестве названия не какой-нибудь определенной реки, но обозначения текучей воды вообще. Эльба в древних латинских текстах упоминается под именем Albis (Альбис), произошедшим

вероятно путем звуковых перестановок от слова Łaba (Лаба), и ни в коей мере — от слова Эльба. И опять-таки мы находим в литовском языке, в котором сохранились многие древние славянские формы, слово łabas, для передачи понятия «добрый», «красивый», «приносящий пользу». Дальше: Одер произошел несомненно от Odra (Одра), а не обратно, а odra — это древнесловенское слово, обозначающее наводненную область. В конце концов все притоки Одера и Вислы, а также правые притоки Эльбы носят исключительно славянские имена точно так же, как и озера. Что же касается названий местностей, то вся область между Вислой и Лабой (Эльбой), занятая немцами, и поныне кишит славянскими именами (немецкие названия, оканчивающиеся на itz (итц), все произошли от славянских, так как ice (ице), ica (ица) — это славянский суффикс, который, будучи присоединен к собственному имени, указывает на принадлежность к тому или другому роду; например Bun-ice — т. е. род Bun (Бун). Многие славянские обозначения надо произвести от слов лес (бор, гай, лес), гора (wrh! hora igora), луг, поле (ług, lęch, pole, rola, łan) и брод (brod). В древних текстах редко встречаются такие названия местностей, но, поскольку они все-таки там встречаются в искаженном виде, в них легко можно угадать славянские звуки; напр. Kalisia - Kalisz (Калиш), Virunum-Brno (Брно), Brodentia-Brodnica (Бродница, местность у брода), Stragona-Straha или Straża (стража, сторож, свой пост) и т. д. Как же объяснят историки, что в «коренных немецких» землях встречаются только славянские названия рек? Если бы действительно здесь издавна жили германцы, славяне же проникли сюда только в VI веке, а в IX началась обратная немецкая колонизация, то было бы совершенно невозможно, чтобы здесь сохранились одни славянские названия. Ответ на это— полное молчание, или смущенные увертки («правда немецкое название «Weichsel» произошло от Вислы, но первоначальное, мол, немецкое название забыто»).

Никогда еще ни одна научная теория не была столь неряшливо обоснована, как теория о позднейшем вторжении славян в Среднюю Европу; и то обстоятельство, что один автор списывает ее у другого и все-таки находит последователей — лишь плохая рекомендация для нашего времени, которое любят называть временем «критического подхода». Наоборот, если принять, что славяне были коренными жителями областей по берегам Одера и Вислы, т. е. если они были первыми арийскими поселенцами жившими здесь издавна, то все объясняется очень

просто. В таком случае всего было трудолюбивым славянам завоевывать своей сохой страну, покинутую ее германским «беспокойным населением», о котором никто не знает, откуда оно пришло и куда ушло, ибо славяне переселились сюда в доисторические времена, и, вероятно смешались с немногочисленными остатками древней жившей здесь первоначально расы. В историческое уже время в эту страну вторглись воинственные племена, по всей вероятности тоже арийского происхождения, идущие с севера, готы и германцы, а может быть и кельты, идущие с востока и уклонившиеся от своего главного пути (южнее Карпат и Альп). Эти завоеватели были во всяком случае «беспокойным населением» страны, т. е. вся их социальная организация еще спустя несколько столетий после того, как они покинули свою прежнюю родину, оставалась попрежнему военной, созданной для грабежей («Главная причина всех германских вторжений и войн заключалась в основном стремлении народа к приобретениям не в поте лица, а ценой пролитой крови» и в том, что «высшею целью его стремлений были приобретения ценою крови», — так рассказывает один из самых восторженных бытописателей германской древней истории Витарсгейм («Geschichte d. Völkerwanderung»). Вот почему все их стремления были направлены не столько на то, чтобы владеть страной, сколько на то, чтобы господствовать над людьми, жившими в ней, дабы эксплоатировать их, эксплоатировать так или иначе. Таким образом они порабощали одни племена, жившие в данной области, находились в постоянной борьбе с другими, когда те в силу тех или иных причин, например потому, что им, благодаря географическому положению страны, легко было обороняться, оказывались в силах защищаться, наконец они сражались и между собой при дележе награбленного имущества; если же их привлекала более богатая добыча, они предпринимали и более далекие походы. Это все усилилось в особенности тогда, когда уменьшилась сила сопротивления римской империи» и эта древняя культурная страна была открыта для вторжения готских и германских варваров: во время «переселения народов» отдельные германские племена передвинулись из северо-восточной Германии на юг и на восток. Славяне же остались (за исключением тех племен, которые, смешавшись тем временем со своими германскими завоевателями, переняли их воинственную организацию) на своей родной земле. Когда в IX веке, на развалинах древней культуры, возникли средневековые государства, началось обратное движение; каролинги использовали свое военное могущество для того, чтобы снова подчинить себе славян. Что

такое толкование можно действительно вполне согласовать с классическими текстами, подтверждается несколькими историками, в том числе и некоторыми немецкими (относительно областей между Одером и Вислой, особенно нас интересующих, самые ясные указания встречаем мы в небольшой работе К е н т ш и н с к о г о, Die Ligier, Posen 1868). Если весь вопрос еще не перестал быть спорным, то оснований для этого следует искать не столько в средствах познания, сколько в том, что в данном случае научные исследования превратились в арену борьбы националистических стремлений. Тем менее оснований отвергать эту теорию. Так как борьба происходит между немцами с одной стороны и чехами и поляками с другой, то немецкие ученые считают своим долгом прийти на помощь германизаторским стремлениям немецкого правительства, буржуазии и юнкерства и потому доказывают, что дело идет о «в о з в р а щ е н и и исконных немецких владений», в то время как польские и чешские ученые стараются доказать обратное и, кроме того искренно полагают, что «национальная честь» славян пострадает, если будет доказано, что они в ранний период средних веков жили под владычеством германских племен. Наука освободится от этих пут только тогда, когда исчезнет националистическая зараза.

Мы умышленно избегаем загромождать бесконечными цитатами наше изложение. Тот, кто интересуется затронутыми здесь спорными вопросами, найдет подробные указания в работе Е. Б о г у с л а в с к о г о, Einfürung in die geschichte der Slawen, Jena 1904. Делая это указание, мы совсем не думаем однако признать этим самым нашу солидарность с выводами названного писателя.

Д о п о л н е н и е II

[К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОЛЬСКОЙ ШЛЯХТЫ][24]

Очень интересную и в высшей степени остроумно обоснованную теорию происхождения польской шляхты разработал краковский ученый Пекосинский. Он считает совершенно установленным, что структура польской шляхты возникла на почве родового строя, и тот факт, что один и тот же герб присвоен многими родами, служит неопровержимым тому доказательством. Но он идет еще дальше, утверждая, что вся шляхта произошла от одного рода завоевателей, которые пришли из-за Одера, покорили польские племена и стали над ними господ-

ствовать. Доказывает он это следующим образом: многие польские гербы, и нужно сказать старейшие из них, в своем первоначальном виде сохранившиеся на старых печатях, надо отнести к знакам, которые — как утверждает Пекосинский — можно признать рунными норманнскими знаками. Историческую связь таким образом можно установить следующую: племя, которое было в теснейшем соприкосновении с норманнами и от них заимствовало рунные письмена, пришло в область реки Варты в качестве завоевателя и подчинило себе живущие здесь польские племена; у этих завоевателей повидимому был обычай наносить рунные знаки на свои военные знаки для того, чтобы в битве или во время похода члены рода могли легче находить друг друга. Вот отсюда-то и произошли гербы, которые впоследствии были присвоены семьями, принадлежащими к одному и тому же роду.

Против этого необходимо возразить следующее: происхождение гербов западно-европейского дворянства, как это доказано, было совершенно другое; гербы входят здесь в употребление только после крестовых походов и не имеют ничего общего с рунными письменами. Это относится также и к тем местностям, где норманны несомненно обосновывались в качестве завоевателей и где, стало быть, дворянство было норманнского происхождения. Было бы поэтому удивительным и ничем необъяснимым явлением, если бы поляки заимствовали эти знаки от норманнов, когда сами норманны никогда не пользовались рунами как военными знаками. Сохранились названия польских гербов и было бы логично считать эти названия, если не столь же древними, как гербы, то по крайней мере очень древними. А между тем ни в одном из этих названий мы не находим ни малейших следов норманнского происхождения.

Таким образом предположение, что польские гербы произошли от рунных письмен, по нашему мнению, совершенно необосновано.

Материал, сообщенный Пекосинским, впрочем доказывает, что в основе польских гербовых знаков лежат какие-то примитивные письмена, удобные для отметок на камне или дереве, которые могли быть использованы и в качестве военных знаков, «знамен», в виде соответственным образом скрепленных веток и прутьев, носившихся затем на древке. Но что это были именно рунные письмена, для этого доказательств нет. Между тем существует вполне обоснованное предположение, что у славян были очень древние письменные обозначения, из которых и образовались письмена доныне сохранившиеся, известные

под названием «буквица» и «глаголица». Таким образом если на старейших образцах польских гербов можно заметить примитивные письменные знаки, состоящие из палочек и дуг, то это отнюдь не значит еще, что эти знаки действительно и есть руны. Связь вещей в данном случае можно объяснить скорее следующим образом: у славян, живших по берегам Варты, были в употреблении примитивные письмена; отдельные семьи употребляли эти знаки в качестве отличительных «меток» на оружии и в конце концов стали ими пользоваться и как военными знаками; впоследствии из этих меток образовались гербы, так как предводители дворянских родов сохранили за собой метку (godło) своего рода. Такое предположение тем ближе к истине, что и в германских странах — на это указывает сам Пекосинский — существовал обычай врезать, вдавливать в предметы или высекать на них тот или другой знак в доказательство права собственности на него, при чем «марки» эти были наследственными, т. е. свидетельствовали о существовании родовой связи; происходили же они вероятно от примитивных письмен (см. H o m e y e r, Die Haus-und Hofmarken *, Berlin, 1870). Правда, Пекосинский отмечает, что эти «марки» не имели ничего общего с польскими гербами, потому что были в ходу только в низших классах населения, у горожан и крестьян, в то время как гербы в Польше были присвоены только высшему классу. Но это все-таки не доказательство. В самом деле, стоит только допустить, что первоначально в состав шляхты входили все свободные члены племени и только позднее они превратились в «благородных» т. е. в привилегированное сословие, и весь вопрос разрешается очень просто: «марки» были повсюду в употреблении у польских племен в качестве отличительного признака рода; у родов, от которых произошла шляхта, из этой «марки» впоследствии образовался герб, сохранивший в себе ее черты. То обстоятельство, что в других странах гербы возникли иным путем, указывает только на то, что и дворянство там возникло тоже иным путем. Что же касается самого слова, обозначающего на польском языке дворянство, то производить слово (s z l a c h c i c) и собирательное s z l a c h t a (ш л я х т а) от немецкого S c h l a c h t (битва) есть этимологическая нелепость, дешевое словотолкование, которое свидетельствует только о невежественности в области языкознания тех, кто это измыслил [25]. Из других толкований самым правдоподобным кажется следующее слово: s z l a c h c i c (шляхциц)

* Г о м е й е р, Домовые и дворовые метки (*прим. ред.*).

произошло от z l a c h c i c e (з ляхцице), а это последнее от имени собственного Lach—Lech (Л я х—Л е х), «z l a c h c i c e», означает «из Лехов», «из племени Ляхов». Изменение z в sz (ш) перед губными звуками соответствует польскому словообразованию[26]; ta —суффикс, который служит для образования понятия собирательного, относящегося к предметам и людям. Такое производство этого слова, которое в этимологическом отношении имеет много вероятия, легко связать с родовой организацией. Привилегированные свободные роды были склонны считать себя происшедшими от действительно существовавшего или легендарного предка, каковым мог быть этот Лях (или Лех), так как одно из племен, вошедших в состав польского государства, несомненно называлось Ляхи (или Лехи).

[ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА И ЭПОХА ЗАВОЕВАНИЙ][27]

ВВЕДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

В летописях под 966 годом отмечено: «Польский князь Мешко*, сын Земомысла, взял в жены Добраву, дочь чешского князя Болеслава, и вместе со всем народом своим принял святое крещение». Это значит: польский князь нашел, что шаг этот политически будет выгоден. Как к этому отнесся народ, об этом ничего не сообщается, и сколько людей было казнено из-за того, что они не могли отказаться от своих языческих богов во славу святой церкви, единственно-де приносящей спасение души, — об этом умалчивается равным образом. Но зато мы узнаем, что папа милостиво «соизволил» согласиться на основание познанского епископства, которое было подчинено архиепископу магдебургскому как высшей инстанции, и что щедрый князь, согласно обычаю, даровал церкви много людей и земли. Повода к этому надо искать в том, что за несколько лет до этого (963 г.) у князя возникли неприязненные отношения с христианским миром. Дело в том, что германский император, расширяя немецкие завоевания на востоке, как раз в это время основал Восточную Марку, которая в это время управлялась маркграфом Героном, опустошавшим славянские земли между Одером и Эльбой огнем и мечом. А так как Мешко, продвигаясь с востока, тоже стремился подчинить себе эти племена, то между ним и Героном возникла борьба,

* Правда, летописцы пишут по латыни «Misaca» или «Miseco», но так как совершенно невозможно, чтобы поляк носил такое имя, а в позднейшее время очень часто встречается имя *Мешко*, решено, раз навсегда, называть его именно так. Есть вероятие, что имя *Мешко* — это сокращенный *Мечислав*, но с полной уверенностью сказать этого нельзя. Это может служить примером того, как трудно бывает исследование источников: немецкие монахи обозначают славянские звуки немецкими начертаниями; следствием этого, конечно, должна быть, страшная путаница[28]

в которой Мешко был побежден. В это время родственные полякам соседи, чехи, уже приняли христианство, и Мешко было важно при их посредничестве войти в сношения с представителями христианской власти, папством и империей и таким образом избежать полного уничтожения, войти же в эти отношения можно было только путем крещения по католическому обряду. Вследствие этого акта польский князь превратился в вассала Германской империи и отныне стал пользоваться покровительством и защитой «святой церкви». Но все это разумеется не значило еще, что мир будет прочным; наоборот, польские князья Мешко и наследник его Болеслав должны были вести борьбу с германским миром не на живот, а на смерть. Борьба эта была неизбежна. Как уже было отмечено выше, между Польшей и Германией жили славянские племена Гавеляне, Вильки и другие (немцами обыкновенно именуемые собирательным именем Вендов), которые еще не знали никакой государственной организации; на севере же оба государства граничили с Поморьем, накопившим много богатств благодаря торгов.е и морским грабежам. Немцы стремились «на восток». «Защита границ» от разбойничьих нападений язычников для них была простым предлогом: обладая превосходством сил, они могли бы при соответственной организации великолепно защищать свои границы. Но рыцарское государство при всяких условиях должно было вести непрестанные войны и производить разбойничьи набеги. На востоке как раз легче всего и было добывать добычу. На землях, отнятых у славян, рыцари могли создавать доходные владения путем выжимания барщины, то ли порабощая местное население, то ли поселяя здесь германских крестьян; и если даже у бедных крестьян, живших по берегам Гавеля и Шпре, кроме нескольких голов скота, ничего отнять они не могли, то сами люди, которые ими превращались здесь в товар для невольничьих рынков, представляли для них еще более богатую добычу. Таким образом было совершенно неизбежно, чтобы немецкое рыцарство направило избыток своих сил именно в эту сторону. Жалкая идеологическая маскировка, которой были прикрыты эти грабежи и убийства почти беззащитных славян, носила пышное название «обращения язычников», а «святая церковь» с успехом стригла своих овечек, так как в захваченных землях для духовенства было немало лакомых кусков.

С другой стороны польское государство тоже должно было стремиться к расширению своих владений. Оно возникло на почве войн; шляхта превратилась в военное сословие; князь

мог быть уверен в своей ватаге, жаждущей добычи, только в том случае, если он поощрял их ко все новым завоевательным войнам, тем более, что в мирное время они представляли опасность для него самого. Наиболее подходящими для удовлетворения этой страсти к завоеваниям были области, расположенные на запад и на север от коренной Польши, т. е. как раз те же самые, к которым обращены были жадные взоры германцев. Столкновение было, стало быть, неизбежно. Поэтому, когда в исторических буржуазных сочинениях эта борьба освещается с точки зрения «сторожевых высот охраны национальности», когда немецкие источники изображают ее как «борьбу немецкой культуры со славянским варварством», а польские прославляют в свою очередь польских князей, как «героических защитников славянства от немецкой подлости», то эти громкие фразы применяются в данном случае, как видим, обеими сторонами весьма некстати. «Немецкая культура» выразилась в беспощадном опустошении целых областей, польские же князья не только не становились «защитниками» славян, вытесняемых германцами, но совместно с немецкими маркграфами разбойничали и грабили во-всю славянские земли, когда этого требовали их личные выгоды, точно так же как и немецкие императоры со своей стороны призывали на помощь славянских князей в случае столкновений со своими соперниками.

Чтобы правильно судить об этой борьбе, надо всегда помнить, в каком положении находились тогда церковь и империя.

Универсальная монархия Карла Великого, основанная на крепком союзе папы и императора, продержалась не очень долго. Запад шел своей дорогой. Немецкие короли, которые, в качестве римских императоров, уже теряли влияние по ту сторону Рейна, напрасно напрягали свои силы, чтобы утвердить свою власть по ту сторону Альп. Еще в X столетии они имеют некоторое влияние на церковь, и папы еще подчинены их власти, но церковь уже стремится освободиться от этой зависимости. Империя становится национально немецкой, церковь же остается универсальной и стремится утвердить всемирную власть папы. Начинается борьба между императорской и папской властью. Правда, общие интересы еще связывают пап и императора, поскольку приходится считаться со славянским Востоком: императоры надеются расширить здесь свои владения путем завоеваний, а католическая церковь своих выгод ищет в том, что тут покоряются язычники, тем более, что Рим боится соперничества Византии, так как схизматики восточной церкви тоже ведут пропаганду в этих славянских землях. Но антагонизм

между империей и папством тем не менее настолько велик, что общность их интересов отходит иногда на задний план. И этим соперничеством папства и империи вскоре научаются пользоваться для извлечения из него пользы для себя особенно чешские и польские князья. К тому же военное превосходство германского государства, с его организацией, выросшей на почве античной культуры, несколько к этому времени ослабело в связи с развитием феодализма. Рыцарство, жившее в восточных областях, было способно в большей степени только к мелким разбойничьим набегам, потому что в X и XI вв. императорам было трудно уже организовывать большие походы в стиле Карла Великого. Напротив того, чешские и польские князья имели возможность распоряжаться всею мощью своих стран, поднимавшихся с большой быстротой.

Таким образом обращение в христианство ни в коем случае не могло спасти польских князей от столкновения с империей. Уже в 972 году Мешко пришлось выдержать сильный натиск с этой стороны. Немецкий любитель набегов, рыцарь Вихман вторгся в Польшу с войсками, набранными им в Поморье, но Мешко разбил его. После этого выступил против Польши маркграф Одон, но был тоже разбит в 972 г. под Цидином на Одере.

Тогда император Оттон Великий призвал к себе польского князя и маркграфа в Кведлинбург и помирил их. После смерти Оттона (973 г.), последовавшей вскоре после этих событий, началась борьба за императорский престол, и Мешко принимает в ней самое деятельное участие. В начале он держится на стороне баварской партии (Генриха Сварливого), но в конце концов переходит на сторону саксонской партии, и когда поднялись полабские славяне, он поддерживает имперское войско (986 и 991 гг.) своими «бесчисленными сонмами». Со своей стороны и империя поддерживает его, когда у него возникает распря с его тестем, чешским князем Болеславом (990). Таким образом молодое польское государство становится одним из факторов европейской политики. Начинает считаться с ним и церковь, и она охотно закрывает глаза, когда новообращенный слишком зарвался, не захотел отказаться от многоженства, а после смерти Добравки совершил один из «смертельных грехов», похитив из монастыря Кальво монахиню Оду, дочь маркграфа Дитриха.

Наследником Мешко I был сын его Болеслав I, прозванный Храбрым (992—1025 гг.) [29] Он расправляется со своими братьями и родственниками, прогнав свою мачеху Оду

с ее тремя сыновьями, а нескольких двоюродных братьев велел ослепить, чтобы управлять государством нераздельно. Необычайный рост военного могущества ведет к новым завоеваниям на востоке, севере и юге. В это время Русское государство, основанное норманнами — варягами, находилось в состоянии полного разложения вследствие борьбы между собою удельных князей. Болеслав стал на сторону великого князя киевского Владимира, упрочив за собой таким образом возможность влияния на русские дела. После этого он предпринимает поход против Поморян и Пруссов и в результате овладевает всею привислинской низиной вместе с Данцигом. Наконец воспользовавшись опять-таки междоусобицей, происходившей между сыновьями чешского князя Болеслава, завоевывает опять область Западных Карпат, так называемую Белую Хорватию с Краковом и землю словаков, расположенную на юге от Карпат.

Отношения с империей продолжают быть мирными и благодаря личным качествам императора Оттона III носят даже несколько романтический характер. После покорения пруссов, Болеслав обратился к церкви за содействием обращению их в христианство. Эту миссию взял на себя Войцех, пражский епископ, друг императора Оттона, который своей строгостью возбудил к себе в Праге враждебные чувства и потому не мог там оставаться. Болеслав отправляет его к язычникам под защитой военного отряда, но несмотря на это язычники его убивают. Польский князь выкупает у язычников его тело, привозит его в Гнезно, и здесь тело это «творит чудеса». Романтически настроенный император решает совершить паломничество к могиле своего друга и прибывает в 1000 г. в Гнезно, где польский князь принимает его с необычайной пышностью. Конечно здесь, наряду с романтикой, наверно сыграла немаловажную роль и политика. Оттон носился с мыслью восстановить прежнее величие империи, всемирную монархию Карла Великого. Но это привело его к столкновению с церковью, которая противилась усилению императорской власти. Болеслав как раз и находился в наилучших отношениях с церковью, так как он во время своего вмешательства в чешские междоусобия оказал ей большие услуги. Таким образом у императора были основательные причины лично отправиться к польскому князю, чтобы привлечь его на свою сторону. Это удалось ему вполне, и основание в Гнезно самостоятельного архиепископства, на что он дал свое согласие, было удачным шахматным ходом против церкви; основание этого архиепископства повлекло за собой незави-

мость польского духовенства от магдебургского архиепископа, который до сего времени был его высшим повелителем.

Со смертью Оттона III (1022 г.) отношения изменились. Междуцарствие в Империи, которое предшествовало провозглашению императором Генриха II и убийству Экхарда Мейссенского, могущественнейшего маркграфа на востоке, дало Болеславу повод к новым завоеваниям, — он завладел Лужицкою землею и Мейссеном (слав. Мисня). На съезде в Мерзебурге был заключен мир. Болеслав признал себя вассалом империи, отдал Мейссен (Мисню) и смог сохранить за собой лишь земли Лужичан и Мильчан. Но уже в следующем году (1003) предприимчивому князю опять представился случай для новых завоеваний: в Чехии возникли новые междоусобия; Болеслав стал на сторону одного из претендентов на престол; затем сверг его и удержал Чехию за собой.

Это соединение Чехии с Польшей показалось немцам опасным. Император вооружался, столкновение стало неизбежным. Болеслав оказался необычайно искусным полководцем, а также опытным и умелым по тому времени политиком. Он сумел ловко раздуть вражду среди немецких князей и привлечь на свою сторону тех из них, кого можно было купить. Чехию ему пришлось покинуть, так как народ возмутился против него, а это ставило его в невозможность сопротивляться императору, который двигался против него с огромным войском. Когда же немцы вздумали напасть на него в пределах его собственной земли, он очень хорошо умел наносить им поражение за поражением. Немецкое войско умело хорошо сражаться в открытом поле, а поляки старались избегать таких сражений. В мелких же битвах, во время которых можно было пользоваться природными благоприятными условиями, устраивать засады в лесах и в болотах, силы немецкого рыцарства растрачивались бесплодно и войска императора принуждены были отступать. Тогда поляки бросались вперед, опустошали имперские земли, прежде чем тяжеловесная имперская политика могла дать возможность императору собрать новое войско. Мир был заключен только пятнадцать лет спустя (в 1018 г.) в Будишине (нем. Бауцен в Саксонии). В руках польского князя остались только Лужицы, земля Мильчан и Моравия.

После этих успехов положение польского государства по отношению к «империи» стало совсем другим. Если для вновь обращенного язычника Мешко I вассальная зависимость представляла еще нечто реальное, то для повелителя могучего государства, охраняемого надежной ратью, владения которого

тянулись от Поморья за Карпаты, а на западе простирались далеко за Одер и охватывали богатую Силезию, она означала нечто совсем другое, если даже по тогдашним понятиям он и обязан был «Империи» верностью. Впрочем Болеслав не преминул закрепить это определенным актом, повелел архиепископу Гнезненскому учинить над собой торжественный обряд коронации, не спрашивая на то согласия ни императора ни папы.

Мир с немцами он использовал для новых завоеваний на востоке. Там в это время сын Владимира и зять Болеслава, князь Святополк был изгнан из Киева братом своим Ярославом Новгородским. Польский князь отправился в поход со своим войском, взял Киев, где он снова посадил на престол своего зятя, завладел Червонной Русью вместе со Львовом, Галичем и Перемышлем и вернулся домой с богатейшей добычей. Правда, Киев вскоре после того был снова взят Ярославом, но, несмотря на это, обладание остальными городами, которые вели успешную торговлю с Востоком, значительно увеличивало могущество польского государства. Без всякого сомнения, Болеслав был одним из гениальных созидателей государства, а также не менее значительным полководцем и политиком. И тем не менее своей необыкновенной удачей он, как и все «герои», обязан благоприятному стечению обстоятельств. Положение вещей в Империи ослабило завоевательные стремления императора. Чехия, служившая одним из опорных пунктов церкви и империи на востоке, сильно ослабела вследствие внутренних междоусобий, а потому польский король, присоединив Краков и Силезию, мог легко расширить свои владения до так называемых «естественных границ», т. е. до Судетских гор и Карпат.

Но уже при его преемнике Мешко II (1025—1034) эти обстоятельства изменились не в пользу Польши. На севере возникло могучее государство Кнута Датского, который стремился покорить Поморье: на юге развивалась Венгрия, стремившаяся к завоеваниям, в Чехии внутренние отношения улучшились, в Империи, при императоре Конраде II, равным образом наступило временное успокоение, на востоке же Ярославу Киевскому удалось укрепить свою власть и объединить военные силы княжества. В Польше же, напротив, началась борьба между отдельными членами династии. Мешко II не удалось победить козни своих братьев Безприма и Оттона. И Польша вследствие этих обстоятельств должна была уступить Поморье — Дании, Словачину — Венгрии, Моравию — Чехии, Червонную Русь — Киеву, а Лужицы (нем. Лаузиц) — Германии. От всех

завоеваний Болеслава у Польши остались только Белая Хорватия с Краковом и Силезия.

После смерти Мешко II разразилось народное движение: крестьянство, сильно угнетаемое княжеской властью, поднялось, прогнало вдову короля Р и х е з у (это была племянница императора Оттона III по сестре) с ее несовершеннолетним сыном К а з и м и р о м и восстало против шляхты и духовенства. В исторических хрониках XII столетия, составленных на основании преданий, это народное восстание объясняется тем, что простой народ хотел только одного: — возвращения к языческой вере. Авторы этих хроник — монахи, и для них такое толкование было ближе всего к истине. В следующей главе мы постараемся ближе присмотреться к этому движению. Но здесь достаточно будет отметить, что оно направлено было столько же против духовной власти, сколько и против князей и шляхты. «Возвращение к язычеству» означало просто восстановление древнего родового строя, при котором крестьянин был свободен, и значит это был протест против тяжкого гнета господствующего класса. Но так как в те времена церковь и абсолютистское классовое государство были вне всякого сомнения проводниками социального прогресса, то последствия этого восстания могли быть только разрушительными. Прежде всего оно вызвало вторжение соседей. Чешский князь воспользовался случаем и вторгся в Польшу, взял Краков и Гнезно, не встретив никакого сопротивления, а войско его беспрепятственно и вволю занималось грабежами и обиранием страны, лишенной защиты.

Как в свое время Генрих II не допустил, чтобы Болеслав соединил под своей властью Чехию и Польшу, так теперь Г е н р и х III не захотел допустить, чтобы чешский князь овладел Польшей. Поэтому император послал в Польшу с небольшим войском князя Казимира, бежавшего к нему и укрывшегося у него вместе с матерью, а сам, со всеми своими военными силами, вторгся в Чехию. Так как большинство шляхты тотчас же присоединилось к Казимиру, то народное восстание было подавлено и в течение восемнадцатилетнего правления Казимира (1040—1058) происходило «восстановление порядка». Уже преемник его Б о л е с л а в II, прозванный С м е л ы м (1058—1080) мог снова принимать участие в мировой политике. Борьба между императорской и папской властью достигла высшего своего напряжения. Папа Г р и г о р и й VII и германский император Г е н р и х IV усердно вербовали себе сторонников среди князей Европы. Болеслав II, всю жизнь оставаясь на стороне папской власти, поддерживал

своей военной силой Рудольфа, выдвинутого против Генриха IV в качестве контркандидата на императорский трон враждебной последнему партией, и своими походами в Чехию и Венгрию, где образовались партии за и против императора Генриха, держал в страхе приверженцев последнего. Походы Болеслава II были успешными и он, на зло императору, торжественно короновался королевской короной. После этого Болеслав предпринял поход на Киев, где он снова посадил на престол князя Изяслава, изгнанного его родней [30]. Между тем в Польше составился заговор против короля, целью которого было свержение его с престола в пользу его брата. Во главе этого заговора стоял воевода Сецех и епископ Краковский Станислав, оба принадлежавшие к влиятельным шляхетским родам. Очень вероятно, что этот заговор был составлен под влиянием интриг Генриха IV, которому нужно было устранить сторонника папы и в лице нового князя создать себе послушное орудие. Было ли с этим связано, как это утверждают, народное восстание,— кажется нам сомнительным. Болеслав поспешил назад в Краков и началась жестокая расправа с заговорщиками. Болеслав не пощадил и епископа, казнив его. Но этим поступком он возбудил против себя все духовенство и большое число шляхетских родов, вследствие чего, не справившись с восставшими, бежал с сыном своим Казимиром в Венгрию, вероятно в надежде на то, что и оттуда и от папы он получит поддержку. Но эти надежды не сбылись и Болеславу II пришлось умереть в заточении в монастыре Оссиаке в Каринтии. Двести лет спустя казненный епископ Станислав был причислен, как мученик церкви, к лику святых (см. Дополнение III на стр. 49).

Брат Болеслава, Владислав I Герман (1080—1102), достигший таким образом власти, находился в руках у духовенства и шляхетских родов, с помощью которых он взошел на трон. Собственно говоря, настоящим правителем был воевода Сецех. По всей видимости Краков на время перешел в руки Чехов и Червонная Русь отделилась от Польши.

Новый князь решил отказаться от коронования. Против поморян велись новые войны, но исход их неясен. В конце концов сыновья князя, Збигнев и Болеслав, возмутились против отца, или, лучше сказать, против Сецеха, который очевидно был чем-то в роде мажордома.

После смерти отца началась борьба между братьями. Збигнев, который должен был получить в наследство только Мазовию, вступил в борьбу с Болеславом III, прозванным

Кривоустым (1102—1138) и заключил союз с одним из чешских князей, боровшимся также за власть.

После победоносных походов Болеслав III сломил своих противников и уладил ссоры среди чешских князей. Збигнев был изгнан и искал защиты у императора Генриха V. Последний вел в это время войну с Венгрией и нуждался в чешских военных силах, поэтому должен был считать вмешательство Болеслава шагом, враждебным себе. Кроме того император имел притязания на то, чтоб сделать польского князя своим вассалом, от чего последний уклонился. Генрих V собрал огромное войско и вторгся в Польшу, но потерпел тяжелое поражение при саде Бытома (в Силезии) и Глогова (на Одере) и был принужден отступить, после чего во время отступления войско его было совершенно уничтожено (в 1109 г.). Битвы на «Псе Поле» под Вроцлавлем (нем. Бреслау), о которой очень подробно пишет хроникер Длугош [31], повидимому никогда не было.

По всем вероятиям Болеслав III следовал успешной военной тактике своего предшественника Болеслава I и избегал сражений в открытом поле, и для того, чтобы уничтожить тяжеловесное немецкое войско, прибегал к беспрерывной малой войне. После этого разгрома имперских войск чешские междоусобия вызвали еще несколько военных походов, в которых Болеслав неизменно оставался победителем. Своего злокозненного брата Збигнева он в конце концов велел ослепить и бросить в темницу (1116 г.). Одновременно с войнами, упомянутыми выше, велась война и с Поморьем, но только после уничтожения императорского войска Болеслав получил возможность предпринимать здесь энергичные военные действия. В 1109 г. была взята пограничная крепость поморян Накло и этим нанесен решающий удар, а затем последовал ряд походов вглубь Поморья. В 1122 г. Болеславу удалось проникнуть до самого Штеттина и победить даже Ронов на острове Рюгене. Эти завоевания привели к обращению поморян в христианство при участии миссионера «святого» Оттона и при содействии польского князя. После этого завоевательного похода на севере велись еще войны на востоке и на юге против киевской Руси и Венгрии. Благодаря этим победоносным войнам, польское государство снова расширилось от восточного Поморья до самых Карпат на юге, от Буга на востоке и вплоть до Одера и даже за ним на западе.

Болеслав III перед смертью (1138 г.) разделил свое государство между сыновьями, причем (подобно обычаю, существовавшему у соседних русских и чешских князей), старшему в роде,

кроме его наследственного удела должно было достаться княжество Краковское с Сандомиром и Ленчицей, а также господство над страной Поморян, которая со времени обращения ее в христианство считалась польской вотчиной. Остальные польские князья обязаны были повиновением и военным подчинением старшему князю. Вместе с этим начинается новый период в развитии польской государственной жизни.

Дополнение III

[К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕ ЕПИСКОПА СТАНИСЛАВА] [32]

Спорный вопрос о падении Болеслава II принадлежит к одному из самых интересных вопросов в польской историографии. Старейший, очень добросовестный летописец Мартин Галл [33], который писал в начале XII в., т. е. спустя несколько десятилетий после падения Болеслава — ограничивается несколькими фразами об этих событиях. Следующий летописец (Викентий Кадлубек) [10], писавший почти полстолетия спустя после Галла, измыслил целый роман. В то время, мол, когда Болеслав был со своими рыцарями в Киеве, в Польше взбунтовались крестьяне, они разграбили рыцарское имущество, насиловали их жен, а некоторые женщины отдавались крестьянам добровольно. Как только рыцари узнали об этом, они покинули князя и спешно вернулись домой, чтобы примерно наказать крестьян. Болеслав был в безумном гневе как против рыцарей, так и против крестьян. Добродетельный епископ стал увещевать его, а когда это ни к чему не привело, он отлучил Болеслава от церкви; взбешенный король ворвался в церковь, бросился на епископа в то время как тот служил святую обедню, а когда рыцари, поднявшие меч на епископа, были божьей силой брошены на земь, он сам зарубил святого человека. Затем, дескать, у мертвого тела мученика произошло много всяких чудес. Эту же историю рассказывает еще подробнее биограф епископа Викентий [34], который писал в 1206 г. Первый занялся этой историей Длугош [31], — историк XV в., а также и Нарушевич не прошел мимо нее. У обоих исследователей нового времени возникли сомнения. Викентий Кадлубек признан незаслуживающим никакого доверия. У Галла же встречается очень щекотливое место: хотя он порицает короля за то, что тот «наказал священнослужителя через отсекновение рук и ног», но он коротко и ясно называет епископа изменником (traditor). В дальнейшем предложены были более или менее смелые гипотезы. Попытались было представить все

дело как борьбу между церковью и светской властью, которая происходила также и в Польше. Правда, с этим совершенно не вязалось то, что Болеслав был, без всякого сомнения, сторонником папы Григория. Потом попробовали было объяснить все следующим образом: епископ, мол, был сторонником национальной церкви, как это тогда имело место и в Чехии; король же, будучи сторонником папы, убил его. Но в таком случае оказалось бы, что католическая церковь двести лет спустя причислила к лику святых злого еретика, противника папской ортодоксальности и поступила она таким образом как раз в 1279 г., при папе Иннокентии IV, когда ортодоксальная церковь была особенно строга, а еретические идеи неуклонно преследовались. Недавно Фаддей Войцеховский, очень основательный исследователь, опроверг эти весьма смелые гипотезы в своих очерках по истории XI столетия («Szkice historyczne z jedenastego wieku»). По его мнению, которое мы текстуально воспроизводим, дело сводится просто на просто к следующему: Генрих IV должен был конечно стремиться к противодействию папской партии в Польше; действовать успешно в этом направлении можно было только лишь, выдвигая на место Болеслава брата его Владислава Германа, который в качестве младшего был князем в Познани. Так как в это время известная часть немецкого духовенства держала сторону императора, этот последний приказал своему сторонику постараться завязать сношения с епископом краковским и склонил его на свою сторону. Был составлен следующий план: предполагалось свергнуть Болеслава и вместо него сделать правителем всей Польши Владислава Германа. Болеслав открыл этот заговор и приказал казнить епископа-изменника (слова летописца Галла «отсекновение рук и ног» указывают на то, что это была казнь, соответствовавшая тогдашним судебным установлениям), но цели своей не достиг, потому что после этого от него отвернулось все духовенство и, вероятно, часть шляхты. Император привел теперь свой план в исполнение. Такое предположение подтверждается дальнейшим ходом событий: Владислав Герман — послушное орудие в руках императора, отказывается от коронования, вступает во второй брак с Юттою, сестрой Генриха IV и вдовой Венгерского князя Соломона, особой, которая возбудила большое неудовольствие при императорском дворе своим легкомысленным образом жизни, и которую иначе никак нельзя было выдать замуж. Владислав Герман становится таким образом игрушкой в руках той клики, которая возвела его на престол. Причисление к лику святых епископа Станислава тоже

совершенно в порядке вещей: то что он интриговал против своего короля не могло двести лет спустя никого волновать, и вероятно мало кому было уже известно, а между тем сам факт был твердо установлен, что священнослужитель был убит светским владыкой. Лаконизм Галла также понятен: он писал свою летопись с определенною целью прославить Болеслава III, а этот последний был ведь сыном Владислава Германа, на пользу которого действовал епископ-изменник; летописец, для которого конечно ясна была связь событий, не хотел распространяться об этой весьма неприятной истории, связанной с возведением на трон отца прославляемого им героя, но любовь к правде заставила его, несмотря ни на что, назвать епископа изменником.

ЗНАЧЕНИЕ ЭПОХИ ЗАВОЕВАНИЙ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОЛЬШИ [35]

Как мы видели, промежуток времени от введения христианства до смерти Болеслава III (т.е. 966—1138 гг.) является периодом завоеваний (ввиду того, что эти завоевания имели место при трех князьях, носивших одно и то же имя Болеслав, эту эпоху называют также эпохой «Болеславов»). После смерти этого последнего Болеслава (1138 г.) завоевания прекращаются вследствие ослабления центральной власти и распадения страны на удельные княжества. Небесполезно будет поэтому охарактеризовать значение этого периода.

Введение христианства в виде католичества привело Польшу в соприкосновение с западноевропейской культурой. Усиление княжеской власти (церковь была несомненно фактором, содействовавшим этому усилению) сделало Польшу самым могущественным государством на обширной территории, простиравшейся от Карпат до Поморья, от Эльбы до Днепра. Развитие могучего воинственного государственного организма положило предел расширению немецких завоеваний на восток и вместе с тем оно оказало влияние на судьбу двух других государств, образовавшихся на востоке Германии, а именно на Чехию и Венгрию. Итак, развитие могущества этого государства польских князей имело мировое историческое значение.

Краткий обзор, который мы сделали в предыдущей главе показал, что это государство должно было вести непрестанные войны. При этом надо иметь в виду, что мы не упоминали о тех войнах, которые Польша вела на севере и на востоке, где она соприкасалась с племенами Пруссов, Литовцев и Ятвягов, потому что о них мы не имеем исторических данных, хотя совершенно несомненно, что в этот период и здесь тоже шли непр

станные мелкие войны. Оба эти факта распространени христианства и постоянная война, само собой разумеется, сыграли огромную роль в жизни польского народа за период времени, тянувшийся почти двести лет.

Несомненно, что церковь для Польши, как и для всех других стран в средние века, была очень важной культурной силой. Она служила проводником образования и, во всяком случае могла играть роль связующего звена между духовными достижениями классической древности и западноевропейскими народами: кроме того монастыри были средоточием более высокой хозяйственной культуры; монахи вводили улучшенные методы земледелия и садоводства, а также совершенствовали ремесла. Можно, пожалуй, также допустить, что церковь имела некоторое влияние и на подъем культурного уровня населения. Не надо только слишком переоценивать это влияние. Естественно, что в первое время духовенство в Польше было чужеземное, поэтому ему не легко было достичь взаимного понимания с паствой и нужно было, чтобы сменилось несколько поколений, прежде чем воспиталось достаточное количество польских священнослужителей, которых народ мог бы понимать. Но как бы высоко ни ставили апостольский пыл этих священнослужителей, все-таки нельзя себе представить, чтобы они могли иметь особенно большое влияние на население, уже по одному тому, что они жили по большим деревням, расположенным так далеко друг от друга, что иметь постоянное общение с паствой они не могли. В то же самое время состояние церкви в XI и XII вв. было в действительности совсем не таково, чтобы можно было насчитать большое число священнослужителей, способных отдаться делу церкви в ущерб своим личным интересам. По всей вероятности эти пастыри гораздо больше заботились о своем материальном благополучии, чем о «духовном благе» паствы. При этом делались дела, которые очень тяжело ложились на крестьян: церковь не только взимала десятину и сверх того «грош св. Петра», но очень многие крестьяне вынуждены были нести и барщину в пользу церкви и капитула [36]. Из более поздних источников (никаких памятников, относящихся к XI и XII вв. не сохранилось) мы узнаем, как происходило дело при основании любого монастыря: князь дарил вновь учрежденной церкви землю в определенном количестве и, хотя крестьяне, жившие на этой земле, должны были выполнять по отношению к новому владельцу те же повинности и нести те же обязанности, что и раньше, но на практике разница была громадная, ибо князь, при существовавшем тогда способе хозяйственного управления, едва ли

имел возможность следить за крестьянами, монахи же, в качестве рачительных хозяев, вели очень точные записи и все повинности, обязательные для крестьян, всегда толковали в свою пользу. Эксплоатация и порабощение были во всяком случае ближайшим следствием христианской культуры.

Церковь с самого начала была союзником княжеской власти. Если в Германии в XI столетии дело дошло до острой борьбы между церковью и властью, то в Польше об этом не могло быть и речи. Папа и император могли конечно воздействовать на польских властителей, каждый с точки зрения собственной выгоды, но и тот и другой мог ожидать действительной помощи и защиты своих интересов только от полновластных князей, при этом оба они в своих политических интересах прибегали к помощи духовенства, чтобы через него добиваться влияния на князей. Духовенство же в свою очередь должно было во что бы то ни стало сохранять хорошие отношения с князьями, так как до тех пор, пока его влияние на народ, или по крайней мере на господствующий класс шляхты не пустило достаточно глубоких корней, церковь в своих горестях и радостях всецело зависела от неограниченной княжеской власти. Такое положение сохранялось до самого конца этого периода.

Правда, княжеский абсолютизм был до известной степени ограничен; князь не мог ничего предпринять наперекор воле шляхты, которая была носительницей вооруженной силы. Но в Польше, в тех условиях, при которых возникла там государственная жизнь, в первое время не могло быть и речи о противоречиях между князем и шляхтою. Государство возникло на основе войн между отдельными родами; воины побежденного рода или уничтожались или же должны были подчиниться победителю. С тех пор как достигла власти династия «Пястов», другие княжеские роды как будто уже не появляются на сцене (по крайней мере сведений об этом не имеется), поэтому среди шляхты и нет разделений на партии. Но тем не менее между наследниками трона, как мы уже видели не раз, идет борьба не на живот, а на смерть, и решается она оружием шляхты, которое поддерживает того или другого претендента. Но борьбы шляхты как целого сословия против князя в этот период еще не существует. Болеслав II был свергнут с престола путем мятежа, но мятеж этот был поднят одной только частью шляхты, которая стремилась его свергнуть, чтобы посадить на его место его брата. Непрестанные войны этого периода тем крепче связывают шляхту с князем. Выйдя из слоя свободных в народе, шляхта эта возвышается только благодаря войнам,

которые доставляют ей добычу и богатство. Военная служба совсем не является обязанностью шляхты времен Болеславов, но ее правом и чем воинственнее князь, тем решительнее следует за ним шляхта.

В это время в организации военной силы произошли существенные изменения. Арабский источник—Аль-Бекри [11] сообщает, что Мешко I всегда имел около себя трехтысячный отряд прекрасно вооруженных латников; этот отряд составлял по всем вероятиям существенную часть всей его военной силы. У его наследников был несомненно наготове такой же отряд отборных воинов. Княжеский двор постоянно походил на военный лагерь. Эти воины получали от князя полное содержание, находясь у него на службе. Повидимому и в «градах», этих укрепленных местах, которые со времен Болеслава I всегда должны были быть готовы к отражению нападения, находились тоже военные отряды. Но не вся шляхта, способная носить оружие, входила в их состав, — военные походы, о которых говорилось выше, требовали такого большого конного войска, что не было никакой возможности всегда держать наготове эти многотысячные отряды всадников.

И действительно, нам известно, что Болеслав III наделяет очень большое число шляхты землей и людьми. Так оно верно происходило и при его предшественниках. И только это дает нам ключ к пониманию всей организации в целом: дворянин был господином тех людей, которые должны были заботиться о содержании его и его свиты, но по призыву князя он должен был тотчас же спешить к войску. Сохранились сведения о том, как происходил этот созыв военных сил: в каждой деревне население было обязано, как только из соседней деревни появлялся гонец с княжеским приказом, со своей стороны спешно высылать гонцов в следующую деревню, это называлось wici (вити); таким путем вся страна могла быть в короткое время приведена в боевую готовность.

Когда князь дарил землю, то очевидно это не была целина, да это и не имело бы никакого смысла, так как такой земли было сколько угодно; корчевать лес и засевать там поля имел право каждый. Конечно, дело заключалось в том, что князь закреплял за своими воинами повинности кметов определенных деревень для того, чтобы дать рыцарям средства к существованию.

Некоторые историки делают отсюда заключение, что в Польше князь был собственником всей земли и мог ее дарить по своему произволу. Это несомненная нелепость, потому что нельзя было отнять право на землю у того, кто ее обработал и застроил.

Такое понимание права собственности было бы также совершенно несовместимо с формами общинного землевладения, которое согласно современным взглядам существовало у всех народов арийского происхождения.

Устроенный таким образом шляхтич переселялся туда, где крестьяне обязаны были работать на него и доставлять ему продукты. Конечно, жил он не в самой деревне, а в стороне во дворе (т. е. господском доме) вместе со своей свитой. Этот господский двор мог впоследствии расшириться, потому что рыцарь обыкновенно поселял здесь своих военнопленных и заставлял их обрабатывать для себя еще девственную землю. Много таких военнопленных доставляла война, которая велась с поморами, полабскими и русскими славянами. С помощью их работы по соседству с родовым поместьем возникало обширное личное владение шляхты на той земле, которая возделывалась военнопленными, — обстоятельство, имевшее в позднейшее время роковые последствия для крестьян: с течением времени крестьяне были низведены на степень рабов.

Но в тот период, о котором здесь идет речь, кметы несомненно были еще лично свободными [8] и в общем обязаны были работать только на князя и служить только ему. Но эта служба уже в эпоху Болеслава стала значительно труднее. Так как войны следовали одна за другой и, в связи с этим вооруженные отряды, нанятые князем и находившиеся на его иждивении, становились все многочисленнее, то расплачивался за это конечно крестьянин; на содержание этого войска крестьянину приходилось отдавать часть своих продуктов и с течением времени эта часть все увеличивалась.

Но этим дело не кончалось. Мы видим, как войска во время длиннейших походов своих проходят через всю страну от Чехии до земли Поморян, от Силезии до Киева. Легко можно себе представить, что это означало для крестьян. Правда, это не были очень многочисленные войска, но ведь и страна то была еще очень редко заселена; несколько тысяч всадников надо было хорошо прокормить вместе с их лошадьми и этого было совершенно достаточно, чтобы опустошить все деревни, лежащие на их пути, в особенности в тех местностях, где столь мало этих деревень и где средства к жизни, вследствие примитивности земледелия, столь скудны!

Победы князей, которые конечно были необходимы для того, чтобы могло возникнуть национальное государство и чтобы можно было избежать чужеземного ига покупались таким образом ценой безграничного страдания народных масс.

Вот где мы должны искать причин уже упомянутого выше народного восстания 1030—1034 гг. Непрекращающиеся военные походы Болеслава I, бесчисленные дары монастырям и шляхте, приводившие крестьян к тяжелой барщине, раздражали кметов. Воспоминания о прежнем, существовавшем до введения христианства положении, еще не угасли: ведь с тех пор прошло всего шестьдесят лет. Вот почему восстал народ, а целью этого восстания было возвращение к старому родовому строю. К христианству, как таковому, кметы относились довольно равнодушно, но церковь была для них носительницей новых порядков, вместе с которыми пришли все их мучения; прежнее же состояние было связано с язычеством. Поэтому вполне возможно, что озлобленные кметы, как о том повествует летописец, прежде всего сожгли все церкви и монастыри. Восстание это было движением по форме своей революционным, но сущность его была реакционная, потому что церковь и государство, несмотря ни на что, были тогда все-таки двигателями исторического развития. Поэтому все это движение должно было кончиться ничем и скоро было подавлено. Удивительно быстро была восстановлена власть князей и власть церкви.

Государственное управление в этот первый период мы должны себе представить как нечто очень примитивное. Князь управлял лично, в нем воплощалась вся государственная власть. Он был одновременно и военачальником, и правителем, и судьей. Суд в особенности требовал его личного присутствия, и еще долго впоследствии сохраняло свою силу следующее правило: суд творится там, где в данную минуту находится князь. Поэтому князья даже и в мирное время всегда находились в пути: правда, царствующая династия имела в то время постоянную столицу в Гнезне, позднее, при Болеславе II, перенесенную в Краков, но все же большую часть года князь проводил в путешествиях. Это может быть происходило также и потому, что князь не мог расстаться со своей дружиной: эта толпа вояк должна была всегда чувствовать над собой кулак властелина, иначе дело могло кончиться для него плохо. Но так как в состав этой дружины входили тысячи людей, то прокормить ее, сидя на одном месте, было бы совершенно невозможно (траспортные средства были весьма примитивны, а дороги в стране в высшей степени плохи и часто просто непроходимы) было поэтому проще, чтобы дружина не оставалась долго на одном месте, а меняла свои стоянки.

Совсем без должностных лиц дело однако не обходилось. Они были необходимы и в войске и в княжеском дворе,

поэтому и в хрониках мы находим упоминание о следующих должностях: воевода заменял князя в качестве полководца на войне, кроме того при князе состояли разные сановники — стольник, чашник, конюший, ловчий. Они на самом деле выполняли обязанности, связанные с их должностью, но при учреждении этих должностей известную роль сыграло подражание немецкому императорскому двору, где эти должности имели особое значение при средневековом придворном церемониале. Кроме того гроды, т. е. укрепленные места, требовали совершенно иного порядка управления, чем раньше. Раньше они служили только убежищем на случай войны, постоянного гарнизона в них не было, в мирное время надо было только поддерживать изгороди и рвы. Теперь же число этих укреплений сильно возросло, в особенности на границах, так как надо было быть всегда готовым к внезапному нападению со стороны неприятеля. Если, как мы знаем, не только чехи тщетно штурмовали крепости, но Бытом и Глогов могли сопротивляться даже штурму императорских войск Генриха V, стоявших на уровне своего времени и применявших при этом штурме машины, то уже это одно заставляет предполагать наличие гарнизонов, опытных в военном деле, умеющих защищаться от врагов и обладающих соответственными техническими средствами (передают, что во время осады Глогова осажденные подняли на стены германские осадные машины и уничтожили их, сбросив обратно вниз, — этот маневр предполагает весьма усовершенствованные оборонительные средства). Очевидно, что управление такими крепостями требовало тщательной и постоянной заботы. Эта обязанность была возложена на каштеляна.

Сношения с иностранными державами требовали равным образом большого внимания; поэтому образовалась особая княжеская канцелярия, которая ведала этими делами и должность канцлера считалась очень важной. Приходилось часто отправлять посольства к иностранным дворам, а так как в то время существовал обычай делать иностранным послам богатые подарки, то эта должность считалась очень завидной.

Церковь равным образом имела свою организацию и своих должностных лиц. Вначале должности епископов и аббатов занимали исключительно иностранцы (немцы и чехи). Да это иначе и быть не могло, потому что среди только что обращенных язычников не было ведь людей, которые могли бы выполнять подобные обязанности. Но уже в 1027 г. епископскую кафедру в Гнезне занимает поляк; поляки же занимают должности епископов в Кракове (1059 г.) и в Плоцке (1087 г.). Польские

князья повидимому добились вопреки римской курии права замещать духовные должности уже по собственному усмотрению.

В конце концов в сохранившиеся с древних времен организационные формы было влито новое содержание: старосты и жупаны, стоявшие во главе родовых деревень и ополей, сделались лицами ответственными перед князьями за сбор налогов и выполнение повинностей, возложенных на кметов. Кроме того, в это время возникает ряд новых поселений, жители которых — по всей вероятности большей частью военнопленные — должны были нести особые обязанности: изготовлять оружие, присматривать за зданиями и охотничьими сворами и т. д.

Таким образом возникает довольно значительная группа духовных и светских чиновников и саповников. Должности эти распределяются князьями. Но князья, с одной стороны, должны заботиться о том, чтобы расположить к себе представителей влиятельных родов и поэтому назначают их на эти должности, с другой стороны, должности дают власть и богатство, поэтому чиновники, находящиеся в непосредственном общении с князем, имеют возможность выпрашивать у него подарки землей и людьми. Таким образом исчезает первоначальное равенство шляхты. Когда летописец Галл говорит о palatini comites или о barones, то не надо думать, что он употребляет эти слова в том смысле, в каком понимались термины «герцог», «барон», «граф» в западных странах; там лица, носившие эти титулы, составляли «высшее дворянство», которое передавало свое высокое положение по наследству, в то время как в Польше носители титулов всецело зависели от князя. Но так как родовой строй шляхты продолжал существовать, то однажды назначенный саповник уже имел в своих руках власть, которая была выгодна для всей его родни и поэтому она стояла за него и чувствовала себя с ним солидарной. Из этих родов, пользовавшихся привилегированным положением, фактически и возникает аристократия.

Такая организация шляхты достаточно объясняет, почему княжеской единовластие могло поддерживаться так долго: княжескому сыну, за которого стояли влиятельные роды, легко было при их помощи самым простым способом устранить со своего пути родных и двоюродных братьев, если они стремились разделить с ним власть. Конечно, с другой стороны, эта аристократия становится опасной и для князя. Недаром епископ Станислав из рода Топор, воевода Сецех из рода Грифов могут уже ниспровергать князей.

Этот рост подлинной аристократии был вероятно главной

причиной того, что после смерти Болеслава III — в сущности последнего удачливого завоевателя — прекращается единство княжеской власти и возникают удельные княжества. Князь, который не в состоянии, путем победоносных войн, крепко связать с собою массу шляхты, не имеет достаточной силы для того, чтобы убрать со своего пути своих братьев и родных. Но, конечно, скоро причина и следствие сливаются: так как воинская сила распадается благодаря возникновению удельных княжеств, то завоевания прекращаются.

Некоторые историки с большим рвением обсуждают вопрос о положении, которое занимали польские князья по отношению к императору, как главе германо-римского государства. Мешко I это будто бы только вассал и, как о том повествует немецкий хроникер Дитмар [37], в присутствии маркграфа не решается даже оставаться в шубе, — настолько сознает он свое подчиненное положение. Болеслав I заявляет о себе, как о «человеке императора», т. е. признает себя обязанным доставлять императору военную силу. Болеслав III тоже повидимому «присягал на верность» императору. Но все это только спор о прошлогоднем снеге. Германо-римские императоры уже в XI и XII вв. обнаружили притязания на положение светских верховных владык всего христианского мира. Польские князья шли навстречу этим притязаниям в тех случаях, когда они знали, что императоры обладают достаточной силой, чтобы навязать им свою волю; в противном случае они не признавали за императором подобных притязаний. «Человек императора», Болеслав III, так хорошо обработал императора, что Генриху V только с большим трудом удалось избежать плена при отступлении из Силезии. Когда польским князьям этого хотелось, они по собственной воле принимали королевский титул и устраивали свою коронацию. Болеслав II сделал это самым определенным образом вопреки воле не только папы, но и императора. Болеслав III, правда, получил повидимому согласие папы на подобный же акт. Важно в данном случае только то, что Польша не была полностью втянута в феодальную систему, как это произошло с Чехией и позднее с Венгрией. Только этот факт и представляет собою особый интерес, так как в нем заложена одна из причин того, что развитие польского государственного строя пошло по другому пути, чем развитие государственного строя западноевропейских стран.

[ОБЪЕДИНЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И РОСТ ВЛАСТИ ШЛЯХТЫ] [38].

Удельные князья истощили в междоусобиях свои силы и достаточно было тогда появления сильной личности, которая энергично взялась бы за дело, чтобы окончательно покончить с князьями и снова восстановить единство государства. Такой личностью оказался Владислав Локоток. О возвращении к абсолютизму времен Болеславов не могло быть конечно и речи, так как духовенство и шляхта сделались слишком могущественными. Задача теперь заключалась скорее в том, чтобы организовать этот господствующий класс, как государственную силу. Значение Владислава и его сына Казимира Великого заключалось в том, что они правильно поняли эту задачу. Так как осуществить ее удалось успешно, то Польша в XIV веке избежала развития кулачного права и рыцарского бандитизма; вместе с тем удалось остановить натиск Востока, как татарской орды, так и литовско-русского государства, стремившегося к расширению своих владений. С другой стороны однако было неизбежно, чтобы княжеская власть сделала шляхте далеко идущие уступки, чем и расчистила ей путь к неограниченному господству.

Владислав Локоток (1306 — 1333), как уже было сказано [39], должен был покинуть свое родовое княжество, Куявию, и бежать за границу. Во время юбилейных торжеств (1300 г.) он находился сначала в Риме, а потом в Венгрии, где дело снова дошло до борьбы за престол. Со смертью Андрея угасла династия Арпадовичей, в качестве претендентов на венгерский престол выступили Вацлав, король чешский и польский, и Карл-Роберт, принц Анжуйский, которого поддерживали папа Бонифаций VIII и император Альбрехт. Владислав Локоток заключил союз с Карлом Робертом против общего против-

ника и вторгся в Малую Польшу с венгерскими войсками, к которым вскоре присоединилась многочисленная польская шляхта, недовольная чужеземным владычеством чехов (1304 г.). Так как Вацлав вскоре после этого умер, а сын его был убит в Оломунце (нем. Ольмюц) на пути в Польшу, Владислав Локоток получил возможность утвердиться в Кракове, в Поморье и в Куявии (1306 г.). Три года спустя ему досталась также и Великая Польша (после смерти Генриха, князя глоговского). Тем временем Поморье снова отпало и было занято Орденом крестоносцев, в Кракове же вспыхнуло восстание немецких бюргеров под предводительством бюргермейстера (городского головы) Альберта. Восстание это было вскоре подавлено; с Орденом же крестоносцев, который занял Поморье по соглашению с Владиславом, но потом не пожелал очистить его, начались длинные переговоры, которые в конце концов все-таки привели к войне.

Тем временем Владислав укреплял свою власть внутри страны, — в 1319 г. короновался и стал искать союза с другими странами. Важнейший союз был заключен с литовским князем Гедимином, дочь которого Альдона была замужем за сыном Владислава, Казимиром. В Германии в это время шла неистовая борьба между Людовиком Баварским и Фридрихом Австрийским (разрешившаяся в пользу первого после битвы при Мюллендорфе в 1322 г.), при чем папа Иоанн XXII был на стороне Фридриха, а немецкий Орден крестоносцев на стороне Людовика Баварского. Когда этот последний передал сыну своему Бранденбургскую марку (после того как угасла линия Альбрехта Медведя в 1326 г.), папа потребовал, чтобы Владислав выступил против Людовика. Так это и случилось. Но одновременно с этим орденские крестоносцы вторглись в Куявию. Каков был исход этой борьбы, — точно ничего неизвестно. Несомненно только одно, что литовцы, бывшие при польском войске, страшно опустошили Бранденбургские владения вплоть до самого Франкфурта на Одере, в то время как орденское войско не менее варварски поступало в пределах Польши.

Тогда в империи разразилась одна из самых опустошительных войн. По проискам Людовика, Иоанну XXII был противопоставлен антипапа Николай V. В Силезии неистовствовали друг против друга мелкие князьки. Папа Иоанн отлучил Орден крестоносцев от церкви. Эту конъюнктуру Владислав использовал — он вторгся в 1378 г. в земли, при-

надлежащие Ордену, при поддержке Литвы и Венгрии. Но Ордену удалось умилостивить папу и получить помощь от Иоанна Чешского. Орденское войско, к которому стекались рыцари из всех стран, вторглось в Литву и потом обратилось против Польши. В 1330 г. Владислав снова вторгся во владения Ордена, а в 1331 г. орденское войско в свою очередь вторглось в Польшу, где оно в битве при деревне Пловцы было совершенно разбито; но уже в 1332 г. новое орденское войско опустошило Куявию, после чего и приступлено было к новым длительным переговорам, которые еще продолжались, когда 12 марта 1333 г. умер Владислав Локоток.

Во время его правления внутреннее положение страны не было упорядочено. В разрешении главнейших вопросов он повидимому опирался на «можных» Малой Польши, в то время как малопольская шляхта оставалась очень неподатливой. В 1331 г. король созвал «прелатов и баронов» всей страны на съезд в Хенцины, где он, как сообщается, «издал некоторые эдикты и распоряжения». К сожалению содержание их не дошло до нас, мы узнаем только, что король отрешил от должности «наместника» Великой Польши Наленча и передал эту провинцию сыну своему. Отсюда можно как будто заключить, что король не в состоянии был справиться с главой могущественного рода иначе, как только прибегнув к содействию представительства всего дворянства, которое одобрило эту меру.

Казимиру (1333—1370 гг.) удалось принять наследие отца без борьбы. Правда, в лице Яна Люксембургского, короля Чешского, существовал претендент, который заявлял притязания на престол в качестве наследника Пржемыслава и, хотя этот соперник не находил поддержки в стране, тем не менее, стремясь оказать поддержку Ордену против Польши, он мог стать опасным противником. Но Казимир счел лучшим войти с ним в соглашение. В 1335 г., при посредничестве зятя Казимира, Карла Роберта Венгерского, в Тренчине был заключен договор, согласно которому Ян Люксембургский отказывался от Польши за себя и за своих наследников, а Казимир от верховной власти в отношении Силезии и Мазовии и кроме того польский король обязывался уплатить претенденту 20 тыс. коп пражских грошей [40]. С Орденом после долгих переговоров и судебных процессов, происходивших перед папским престолом, был также заключен мир (в Калише в 1343 г.) причем за Орденом осталось Поморье, а Куявия и Добжиньская земля перешли к Польше.

Отказ от Мазовии не был окончательным, так как после смерти Яна, Карл Роберт отказался от весьма фиктивных в сущности верховных прав по отношению к этой области и ее князь Земовит III признал себя вассалом короля Польского.

Напротив, отказ от Силезии был окончателен и страна эта, сильно германизированная уже при князьях из династии Пястов, номинально осталась под чешским владычеством и вскоре была совершенно германизирована, за исключением Верхней Силезии, которая в силу своего географического положения, будучи с трех сторон окруженной славянскими землями и находясь в стороне от больших торговых путей и, стало быть, не зная развития городов, осталась славянской.

Польский король отказался также и от Поморья и оно вскоре благодаря немецкой колонизации тоже утратило свой славянский характер.

Эти потери короля Казимира указывали на то, что польское государство отказалось от своей роли передового борца западного славянства.

Напротив того, Казимир сделал некоторые завоевания на востоке; он воспользовался новыми междоусобиями русских князей и после военных столкновений и очень длительных переговоров с литовскими князьями, которые направили свои завоевательные стремления в эту же сторону, присоединил к Польше Червонную Русь, Волынь, Подолию (договор между Казимиром и Литовским князем Ольгердом от 1366 г.).

Тридцатисемилетнее правление короля является прежде всего периодом консолидации государства, о котором мы будем говорить подробнее в следующей главе [41].

Так как у Казимира не было сыновей, то на польский престол должен был вступить по договору Людовик Венгерский, сын Карла Роберта и сестры Казимира Елизаветы. Этот договор был одобрен вельможами Малой Польши, причем они себе выговорили, во-первых, чтобы новый король вернул Польше Поморье, во-вторых, чтобы на должности назначались только природные поляки, в-третьих, чтобы он уважал привилегии шляхты и не вводил бы новых налогов.

Людовик (1370—1382) прежде всего озаботился закреплением власти за своим домом. Он был одним из представителей монархического принципа, который в XIV столетии выдвигался все больше и больше, в противовес феодальной власти. Анжуйский дом царствовал теперь в Венгрии, Неаполе и Польше

и являл собой чрезвычайное могущество. Но так как у Людовика не было наследников мужского пола, ему важно было закрепить за своими тремя дочерьми короны, и путем выгодных браков еще увеличить свое могущество. С этой целью велась бессовестная, преисполненная всевозможных интриг политика, которой приносились конечно в жертву также и польские интересы. В связи с этим необходимо было прежде всего устранить препятствия, ставшие на пути к исполнению этих планов: в договорах Казимира говорилось только о правах на престол Людовика и его мужского потомства, так как польские основные законы исключали возможность передачи престола по женской линии. При содействии матери, которая считалась умным политиком, Людовику удалось образовать среди магнатов Малой Польши партию, которая готова была оказать ему поддержку в выполнении его планов, в то время как шляхта Великой Польши наоборот оказывала ему сильное сопротивление.

После длительных переговоров в 1374 г. в Кошицах (в Венгрии), куда король пригласил представителей польского дворянства, состоялось соглашение, которое должно было иметь огромное значение для будущей судьбы Польши. Это соглашение состояло в следующем: шляхта признала права одной из дочерей Людовика на польский престол; за это король отказывался от всех до сих пор существовавших податей и повинностей шляхты, за исключением земельного налога по 2 гроша[42] с лана[43]; военную службу шляхта должна была нести только при обороне страны; кроме того, было установлено, что шляхта не обязана содержать свиту короля во время его передвижений и наконец— на некоторые ответственные должности должны были назначаться только поляки.

Таким образом это был настоящий договор между королем и шляхтой и с этой минуты шляхта последовательно отстаивает свое право диктовать королям при их вступлении на престол те условия, на которых она соглашается признавать их власть.

Вскоре после своего коронования Людовик покинул Польшу, назначив регентшей мать свою, которая в это время вместе с венгерской свитой жила в своей резиденции, Кракове. Между этой ее свитой и поляками дело вскоре дошло до кровопролитной схватки, Елизавета бежала. Тогда король назначил трех сановников в качестве регентов. Это привело к крупным столкновениям внутри страны, в особенности в Великой Польше, где шляхта, раздраженная предпочтением, оказанным Малой Поль-

ше, прямо решила не соблюдать договора, заключенного в Кошицах, и предложить престол одному из Пястов.

На этой почве возник эпизод в стиле средневековой рыцарской романтики. Дело в том, что существовал один из «Пястов», именно потомок Болеслава Кривоустого, и он решил не упустить такого удобного случая, как данный, чтобы стать королем. Это был Владислав Белый, князь Гневкова, который легкомысленно растратил свое имущество, а когда его возлюбленная жена умерла, продал свои княжеские владения королю Казимиру за наличные деньги, отправился затем «во святую землю», потом мотался по европейским дворам в качестве странствующего рыцаря и героя рыцарских турниров, и наконец принял монашество в одном бенедиктинском монастыре во Франции. После смерти Казимира он попал в Венгрию и стал делать безрезультатные попытки вернуть себе проданное княжество для того, чтобы потом отдать себя в распоряжение Великой Польши, принимая участие во всевозможных воинственных приключениях, не то рыцарского не то просто разбойничьего характера. В конце концов он был побежден верным своему королю старостой, удовольствовался 10 тыс. гульденов [44] и аббатством в Венгрии. Об этом эпизоде стоит упомянуть потому, что он ясно показывает, что дух рыцарского партикуляризма в то время еще не исчез окончательно, несмотря на образ правления Локотка и Казимира. Но с другой стороны, тот факт, что так легко было справиться со странствующими рыцарями, показывает также, что в Польше почва оказалась неподходящей для политических авантюр, тогда как на Западе, в особенности в Италии и Германии, еще в конце XIV в. почва для таких искателей приключений была часто весьма подходящей.

Внешняя политика Людовика, само собой разумеется, велась в интересах анжуйского дома. О возвращении Поморья не было конечно и речи, так как Людовик предпочитал оставаться в дружбе с немецким орденом крестоносцев, так же как и с Бранденбургом, маркграф которого отнял у Польши пограничную крепость Санток. В Червонной Руси Людовик посадил наместником одного из силезских князей, Владислава Опольского, который ревностно старался укрепить католическую церковь (в Галиче было основано архиепископство, которое впоследствии было перенесено во Львов). В 1376 г. в эту область вторгся литовский князь Кейстут, опустошил всю страну между Бугом и Саном и дошел до самого Тарнова. Людовик призвал к оружию польскую шляхту, двинулся через

Карпаты с венгерским вспомогательным войском и литовцы были отбиты. После этого Владислав «отдал землю назад в руки Людовика» и получил за это в качестве лена польское Гневково, добжиньскую землю и Быдгощ (Бромберг). Людовик расположил в Галиче, Кременце, Городло, Перемышле венгерские гарнизоны. Таким образом страна, завоеванная Казимиром и только что защищенная польской шляхтой от литовского набега, присоединена была к Венгрии, а польские области отданы были в ненадежные руки силезского князя.

Людовик умер в 1382 г., но вопрос о престолонаследии не был урегулирован, потому что неизвестно было, которая из дочерей его должна была стать польской королевой. В это время жили еще две дочери его: Мария, бывшая замужем за Сигизмундом, маркграфом Магдебургским, одним из сыновей Карла IV из Люксембургского дома, и Ядвига, одиннадцатилетняя девочка, которая была обручена с габсбургским принцем Вильгельмом (в княжеских домах были тогда в обычае такие странные детские браки). Согласно воле короля Мария должна была стать польской королевой, этим самым была бы установлена через княжеский дом связь между Польшей и Бранденбургом.

А между тем венгры тоже решили призвать на трон Марию. Сигизмунд попробовал вторгнуться в Польшу и получил поддержку со стороны магнатов Малой Польши и немецких горожан, но шляхта Великой Польши воспротивилась ему с оружием в руках и помешала ему осуществить свой план. После этого в Польше разразилась междоусобная война, которая обыкновенно обозначается как борьба Наленчей против Гржималитов. Это были два наиболее влиятельных шляхетских рода. Гржималиты были представителями магнатов Малой Польши, которые при короле Казимире и во время венгерского регентства имели решающее значение при дворе; Наленчи же стояли во главе великопольской шляхты, которая крепко держалась старинных традиций. Главой Гржималитов был Домарат, которого Людовик назначил старостой Великой Польши; главой Наленчей — Бартош из Одолянова. На съезде в Радомске, представители Великой Польши порешили признать королевой одну из дочерей Людовика в том случае, если она даст обещание жить постоянно в Польше. Но так как Мария была уже призвана на венгерский трон, то это решение очевидно было направлено против нее и ее супруга. Королева-вдова Елизавета (боснячка по рождению) интриговала против

своего зятя, и это решение было ей по душе, так как оно было благоприятным для младшей дочери, Ядвиги. Вопрос был только в том, надо ли считаться с обручением Ядвиги с Вильгельмом Австрийским или же должен был быть заключен другой брак. Шляхта Великой Польши проектировала выдать Ядвигу замуж за Земовита Мазовецкого, так как он был, если не считать онемечившихся силезских мелких князей, последним потомком Болеслава III, представители же Малой Польши составили рассчитанный на далекие цели план выдать молодую королеву за литовского князя Ягелло и тем самым обеспечить за Польшей влияние на востоке. Этот план был продиктован непосредственными интересами магнатов Малой Польши. Дело в том, что благодаря победам Казимира они получили большие владения в Подолии, на Волыни и в Червонной Руси, а страны эти подвергались постоянным набегам литовцев; поэтому они надеялись, что брак с литовским князем повлечет за собой более спокойное обладание этими поместьями. Велькопольскую шляхту можно было склонить в пользу этого плана, пользуясь враждой, существовавшей между нею и тевтонским Орденом крестоносцев. Этот последний был, как и раньше, грозным врагом Великой Польши, а литовцы со своей стороны находились с ним в непрестанной борьбе.

В 1384 г. тринадцатилетняя Ядвига прибыла в Краков и была коронована, как королева Польская. В следующем году был заключен договор с Ягелло и, несмотря на резкое нежелание Ядвиги и на попытки Вильгельма осуществить свои супружеские права в 1386 г., брак этот был все-таки заключен. После заключения мира с Людовиком, шляхта поставила Ягелло ряд условий, на принятие которых этот последний выразил согласие и которые им были подтверждены в привилегии, изданной и скрепленной его подписью в Ново-Корчине. В силу нее только поляки могли быть назначаемы на должности и управлять укрепленными пунктами; нести военную службу шляхта обязана была только внутри страны; при походах же за ее пределы она имела право требовать вознаграждения.

Этот союз Польши с Литвой был событием мирового значения, так как таким образом возникла славянская [45] великая держава, которая в течение многих веков играла огромную роль в развитии Европы. Предоставленная самой себе, Польша едва ли избежала бы судьбы Чехии, которая не устояла против превосходства немецких сил, и уже в XVI столетии лишилась государственной самостоятельности, в силу чего культурному развитию чешского народа был нанесен большой ущерб и страна

была чрезмерно заселена немецкими колонистами; вследствие этого и создалось теперешнее положение вещей в Чехии, которое в виду совместного существования на одной территории двух враждебно по отношению друг к другу настроенных национализмов, обрекает страну на националистическую борьбу, истощающую силы обеих наций [46].

Следствием союза с Литвой было еще то, что поляки могли противостоять татарскому и позднее турецкому натиску, и могли стать «оплотом Европы» против этих «варварских» нашествий. Но одновременно с этим польско-литовское государство представляло собой искусственное образование, где поляки в сущности были в меньшинстве, а польская шляхта господствовала над инонациональными крестьянскими массами, украинскими, белорусскими и литовскими, что в свою очередь очень усилило ее классовое могущество по отношению к польскому крестьянству. Это была одна из причин, задержавших нормальное развитие польского народа, сковавших его национальные силы и помешавших ему в будущем отстоять свою национальную самостоятельность и отразить захватнические стремления усилившихся хищнических соседних государств — России и Пруссии [47].

Для того, чтобы как следует оценить значение этого польско-литовского государственного объединения, нам приходится бросить самый краткий взгляд на историческое развитие Литвы.

(ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛИТВЫ) [48]

На юг от поморского побережья между Вислой и Двиной, в бассейне Немана, с незапамятных времен жили арийские племена, которые находились в близком родстве со славянами. Главнейшими из них были Литовцы, Пруссы, Жмудины, Латыши, Ятьваги, Семигалы и Куроны.

В XIII в. три последних племени были покорены Орденом меченосцев, организацией, состоявшей главным образом из немецких рыцарей, искателей приключений, которые с течением времени создали государство Лифляндию, где немецкие бароны и немецкое бюргерство властвовали над крестьянскими народными массами, не будучи впрочем в состоянии лишить эти народные массы их национальных особенностей. Пруссы изнемогали под напором соседей и были в конце концов совершенно уничтожены тевтонским Орденом крестоносцев, который переселил в их страну многочисленных немецких крестьян.

Остальные литовские племена сохранили свою самостоятельность, причем там, так же как и в Польше, но только несколькими веками позднее, возникло первобытное государство с неограниченной властью князей-завоевателей. Это литовское княжеское государство в начале XIII в. на юго-западе и западе столкнулось с уже вполне организованными государствами: Польшей и немецким Орденом, с которыми оно находилось в непрестанной вражде, частью потому, что Орден систематически и планомерно стремился к завоеванию литовской земли, частью потому, что литовские князья для того, чтобы удержаться и сохранить только что созданную воинственную организацию, должны были предпринимать все новые разбойничьи набеги на соседние страны или же по крайней мере попустительствовать самостоятельным набегам отдельных разбойничьих орд. К этому же

прибавилось то, что благодаря распадению русского государства, основанного норманнами (варягами), литовские князья получили возможность победоносно продвинуться на восток.

Около середины XIII в. князь Миндовг (1240—1263 г.), кроме собственно Литвы, владел уже областью, называющейся Белой и Черной Русью, т. е. областью восточнее Березины вплоть до Днепра и областью между Неманом и Припятью. Вместе с тем этот князь принял крещение и с согласия папы короновался королевской короной. Однако надежды его отделаться таким путем от набегов орденских рыцарей не сбылись, так как тевтонский Орден и ливонские меченосцы продолжали вести свою завоевательную и истребительную политику против литовских христиан так же, как они вели ее раньше против язычников. Тогда князь и народ вернулись к язычеству и сделались настоящим страшилищем для всех соседних народов. В первой половине XIV в. Литвою победоносно правил князь Гедимин (1315—1341), который завоевал на юге далекие русские области, Подлясье и Северную Волынь, сделал своим данником могучий Псков с его обширной торговлей. Его наследник Ольгерд (1344—1377) завоевал новые области на юге — Волынь и Подолию,— а на востоке перешел через Днепр, однако впоследствии принужден был отказаться от западной части Волыни и Подолии в пользу Польши.

Ольгерд оставил после себя двенадцать сыновей, но кроме них, в качестве претендентов на его наследство, выступили брат его Кейстут и сын этого последнего Витовт. После кровопролитных сражений, во время которых было убито не мало восставших друг против друга родственников, победителем остался старший сын Ольгерда Ягайло (польск. Ягелло), но ему пришлось считаться с соперничеством Витовта.

Могучее и огромное государство, которым владел литовский князь, было только отчасти населено литовцами, гораздо больше было там русских (главным образом белоруссов), которые в культурном отношении стояли во всяком случае гораздо выше литовцев, уже давно исповедывали христианскую веру по греческому обряду и в силу этого находились под влиянием византийской культуры. Победители поддались влиянию этой высшей культуры настолько, что государственным языком был белорусский (который необходимо отличать от языка великоруссов) и при княжеском дворе господствовали русские обычаи. Но результатом контраста между языческими князьями и христианскими подданными было развитие деспотической княжеской власти; правда, существовало господствующее военное сословие,

князья и бояре, но и по отношению к ним литовский князь был неограниченным владыкой.

Таким образом брак молодой польской королевы с литовским князем связал два государственных строя, которые однако в основе своей были друг другу противоположны. Размерами своими, а также и численностью населения литовское государство было гораздо больше Польши, и было проникнуто сильнейшим стремлением к расширению своих пределов, так как на востоке простирались обширные русские области, государственная организация которых под гнетом татарского ига разваливалась. Конечно военное могущество литовских князей не соответствовало пространству и населенности подвластной им страны, потому что плохо вооруженные и примитивно организованные дружины не могли противостоять рыцарским войскам тевтонского Ордена и Польши.

Государственно-правовые отношения, которые проистекли из брака Ядвиги и Ягайло, были в достаточной степени запутанными. Польской королевой была Ядвига, Ягелло — при крещении он получил имя Владислава — при жизни ее (т. е. до 1399 г.) был тем, что на современном языке называется «принц-консорт». Фактически при жизни королевы все государственные акты подписывались ею и по временам получается такое впечатление, как будто ее политика шла вразрез с политикой ее супруга. Только с 1399 г. Ягелло становится королем польским. Но одновременно он продолжает быть великим князем литовским, и между обоими государствами не было другой связи, кроме личности князя (т. е. это была простая «личная уния»). Положение осложнялось еще тем, что Ягелло назначил своим наместником на Литве своего двоюродного брата Витовта, а этот последний непрестанно поднимал против него бунты.

Тем временем, несмотря на всевозможные трения и препятствия, уже при Ягелло произошло сближение политических форм обоих государств по той простой причине, что оно было в интересах господствующего дворянского класса обеих стран. При этом польская шляхта привила литовскому дворянству свои особенности и можно сказать, что эта ассимиляция гораздо более обширной Литвы, это распространение специфической польской культуры в обширных областях молодого государства было крупным историческим успехом польской шляхты как класса.

Но расплачиваться за это пришлось, как уже было отмечено, народным силам Польши.

[БОРЬБА ШЛЯХТЫ ЗА ДИКТАТУРУ (XV И XVI ВЕКА)] [49]

Вернемся теперь к политическим событиям истории Польши.

В скором времени польским магнатам удалось вернуть Польше Червонную Русь, присоединенную королем Людовиком к Венгерской короне. Одновременно с этим молдавский «господарь» стал искать у Польши защиты против Венгрии и отдал страну свою под протекторат Польши. Великопольскую шляхту успокоили тем, что Бартоша Одолянов-ского, вождя рода Наленчей, пожаловали должностью воеводы. Магнаты Малой Польши, виновники брака королевы, были награждены огромнейшими землями, расположенными в русских областях. Таким образом были устранены внутренние междоусобия, и шляхта обеих государств имела все основания быть довольной королевской четой. А так как кроме того вновь обращенный Ягелло выказывал себя очень преданным сыном церкви и был в высшей степени щедр, то довольство в среде господствующего класса было всеобщее. Равным образом и влиятельные горожане, купцы, имели также полное основание быть довольными новыми порядками, так как открывались блестящие перспективы для торговли с Литвой и русскими областями.

Поэтому все попытки Вильгельма Габсбургского восстановить свои права на брак с Ядвигой были напрасны, несмотря на то, что Орден крестоносцев стоял на его стороне, так как, с другой стороны, папская курия, решение которой в этом вопросе было необходимо, была очень заинтересована в том, чтобы поддержать Ягелло.

Тевтонский Орден крестоносцев, который вследствие обращения литовцев в христианство лишился идейного основания

своего выгодного положения, как распространяющего христианство, и для которого уния обеих государств означала рост могучего противника, испробовал все средства, чтобы помешать этому объединению. Подходящее для своих целей орудие им скоро было найдено в лице Витовта, двоюродного брата Ягелло, которому Орден и обещал свою поддержку, если он овладеет литовским княжеством и прогонит Скиргайлу, брата Ягелло, поставленного наместником в Литве. Орден приготовился к войне, со всех концов Европы стали созываться рыцари-«гости», и они наконец вторглись в Литву. Между тем большинство литовцев остались верными Ягелло, и польская шляхта охотно пошла за ним на войну. Орденское войско потерпело сильные поражения (1390 и 1391).

Витовт отказался вести дальнейшую борьбу, примирился с двоюродным братом и был им посажен в Литве в качестве наместника.

Попытки Ордена поднять против Польши того самого Владислава Опольского, который получил от Людовика Венгерского в ленное владение Куявию, польскую область, граничащую с владениями Ордена, окончились точно так же неудачей; князь, который в конце концов хотел обмануть обе стороны, был покинут Орденом и легко побежден Польшей.

Витовт, чувствовавший себя совершенно самостоятельным князем, принялся за выполнение широко задуманного политического плана. Прежде всего беспощадными мерами он водворил порядок в среде мелких князей, состоявших в родстве как с ним, так и с Ягелло. Одних он изгнал, других убил, третьих принудил к полному повиновению. После этого он подчинил своей власти отдаленные области мелких русских князей на Востоке. Теперь литовское государство простиралось до самого Ильменя-озера на севере, до Ржева на верхней Волге, Можайска на Москве-реке и до Калуги на Оке. Но эти завоевания привели его к конфликту с татарскими державами. Дело дошло до столкновения, на войну двинулось огромное войско, состоящее из литовцев, русских, поляков и венгров, но 12 августа 1399 г. это войско потерпело на реке Ворскле (восточный приток Днепра) тяжелое поражение от татар, которым московский и другие восточно-русские князья должны были оказывать помощь. Однако это поражение было все-таки менее тяжелым, чем то, которое в это же время потерпели христианские войска на юге от турок и татар (на Коссовом поле в Сербии в 1389 г. и при Никополе в 1396 г.). Татары перешли даже через Днепр и опустошили страну, но потом отхлынули назад, и Витовт все-таки остался во владении завоеванных им земель.

Последствием этого поражения было то, что Витовт понял необходимость возможно более крепкого союза с Польшей, в особенности потому, что надежды, которые он возлагал на Орден крестоносцев, не оправдались: подготовляясь к походу против татар, он для того, чтобы получить уверенность в помощи Ордена, отказался в его пользу от литовской Жмуди, население которой упорно противилось введению христианства и к которой трудно было подойти из-за непроходимых лесов и больших болот; он ожидал, что взамен за это Орден окажет ему энергичную помощь, а между тем Орден послал ему всего 400 рыцарей. К этому прибавилось еще то, что королева Ядвига умерла вскоре после битвы при Ворскле и поэтому отношения Литвы и Польши нуждались в выяснении. В 1401 г. были составлены договоры, согласно которым Витовт признавался пожизненно великим князем Литвы; после его смерти великое княжество должно было перейти к Ягелло или к наследникам последнего на польском троне; с другой стороны, хотя поляки не обязывались признавать властителями над собой потомков Ягелло (у него тогда не было сыновей), но зато обязывались никого не избирать на польский трон без согласия Литвы. Эти договоры были впоследствии подтверждены на общем съезде светских и духовных сановников и представителей шляхты (в первый раз эти представители были назначены на общих собраниях отдельных провинций) в 1404 г. в Ново-Корчине, находившемся на польско-литовской границе. На этом же съезде шляхта согласилась на выплату королю единовременного налога для того, чтобы он мог собрать сумму, необходимую для выкупа добржиньской земли, переданной в свое время Ордену, но одновременно с этим король должен был возобновить торжественное обещание, что он никогда не будет принуждать шляхту к уплате налога, превышающего 2 гроша с лана [42].

Между тем отношения с Орденом крестоносцев становились все напряженнее. У Ордена была распря с Польшей, а также и с Литвой из-за Жмуди. Орден не без основания утверждал, что Витовт только поддерживает сопротивление язычников к принятию христианства, на что Витовт еще с большим основанием возражал Ордену, что для этого последнего не так важно было обратить язычников в христианство, сколько подчинить их своему игу, или даже истребить их. Правда, распря из-за земли добржиньской была улажена, но следствием прежних запутанных дел с удельными князьями были беспрестанные ссоры, как например ссора из-за города Дрезденка на границе

Новой Марки и Польши, города, который маркграф Сигизмунд заложил Ордену, хотя поляки оспаривали право маркграфа на это. Сверх всего этого раздавались постоянные жалобы по поводу обращения с купцами: то поляки и литовцы делали затруднения торунским купцам в их торговле с Орденом, то познанские купцы жаловались на поборы Ордена. Таким образом велись непрестанные тяжбы и дипломатические пререкания. Вероятно все эти в сущности ничтожные распри легко было бы уладить, если бы Орден не сознавал, что все его существование станет аномалией, как только вместе с консолидацией литовских отношений исчезнет всякий повод для «обращения язычников» в христианство. Крестовые походы в страну язычников, дававшие возможность всем международным забиякам, стекавшимся со всех концов света к Ордену, удовлетворить свою страсть к приключениям, были для Ордена необходимым условием существования. Для этой шайки исчезновение язычества не было бы препятствием, но как только на востоке возникла боеспособная организация, способная к войне, рыцари стали избегать «походов», ибо могли нажить себе лишь кровавые башки, а потому и приток «гостей» тоже прекратился. Отказаться же от грабежей и завоеваний для Ордена значило вырыть самому себе могилу. Поэтому несомненно борьба должна была вестись не на живот, а на смерть.

По поводу какой-то ссоры в 1410 г. в добржиньскую землю вторгся глава Ордена Ульрих Юнгингген, поддержанный Сигизмундом Люксембургским, как всегда бессовестно опустошая и грабя все кругом. Тем временем Польша и Литва вооружались. Ягелло с польским войском, Витовт с литовцами и русскими пошли походом на Мариенбург, главнейший центр Ордена. Польское войско у Червинска (между Варшавой и Плоцком) переправилось через Вислу и соединилось с армией Витовта, шедшей вдоль Нарева. 15 июня 1410 г. между Гильгенбургом и Гогеншрейном произошла битва, которая у поляков называется по имени одной деревни битвой при Грюнвальде, у немцев по имени другой деревни — битвой при Танненберге. Это было одно из самых кровопролитных сражений средневековья, и кончилось оно полнейшим уничтожением орденского войска. Гроссмейстер и многие сановники Ордена пали, из 15—20 тыс. войска в живых остались немногие, да и те попали в плен. Последствия этого поражения были для Ордена тем более уничтожающими, что теперь обнаружилась непрочность отношений, созданных Орденом: как только уничтожены были военные силы Ордена, тотчас же отпали от него

земельная шляхта и бюргерство; всем им надоела тирания и эксплоатация, установленная заносчивой сворой интернационального рыцарства. Однако же победителям не удалось использовать эту победу. Витовт тотчас же после битвы ушел со своим войском (почему он так поступил — до сих пор неясно; вероятно он боялся, что татары начнут грабить Литву, если поход затянется, а может быть он имел основание опасаться, что на востоке начнется бунт).

Ягелло бесплодно осаждал Мариенбург; очевидно польское войско, состоявшее по большей части из легко вооруженных конных отрядов шляхты, не было пригодно для длительной осады. А затем как только война стала затягиваться, оказалось невозможным удержать шляхту под знаменами, — явление, которое в войнах позднейшего времени повторяется часто и которое объяснить можно только тем, что хотя шляхта и называла себя «рыцарством», или «рыцарским сословием», в действительности однако она уже к началу XV в. не состояла из профессиональных воинов. Кроме того в Малую Польшу вторглись венгры и приходилось отбиваться и от них. В силу всего этого и был заключен мир (1411 в Торуне), по которому Орден вернул Жмудь Ягелло и Витовту в пожизненное владение, и обязывался уплатить им 100 тыс. коп пражских грошей [40] в виде возмещения военных расходов и выкупа пленных.

Между тем маркграф Бранденбургский и король Венгрии Сигизмунд Люксембургский был избран Германским императором (1410 г.). Этому последнему важно было сделать поляков своими союзниками, во-первых. для борьбы против Чехии, где гуситское движение пылало ярким пламенем, во-вторых для огромного военного похода, который он задумал против турок. С другой стороны, он не хотел портить отношений и с Орденом, должником которого он состоял и который играл большую роль в делах Германии. Поэтому начались очень скверные интриги, в которых император взял на себя роль третейского судьи между Польшей и Орденом, но при всяком удобном случае предавал и ту и другую сторону. В результате всего этого вскоре снова разгорелась война, названная Голодной войною; потому что обе стороны наперебой старались опустошить пограничные области. Напрасно Констанцский собор (1414 г.) старался взять на себя роль посредника, интриги и бои не прекращались, пока наконец в 1422 г. не был заключен мир (при озере Мельне), согласно условиям которого Орден отказывался от Жмуди навсегда. Сигизмунд продолжал свои интриги, причем направлял их в разные стороны; он то старался натравить Витовта

на Ягелло, то хлопотал о создании европейской коалиции против Польши, то пытался втянуть Польшу в войну против гуситов. Денежные дела играли также большую роль во всех этих козиях и в то самое время, когда император вел переговоры с Орденом о разделе Польши, он сделал у нее большой заем и одновременно заложил Ягелло Спиж, область, находящуюся на юге у Высоких Татр, на самой границе Польши, заселенную главным образом немцами, которые первоначально были привлечены сюда в качестве горияков (так как выкупа не последовало, то Спиж до XVIII в. оставался под властью Польши, хотя и пользовался правами широкого самоуправления).

Поражение Ордена привело к закреплению унии между Польшей и Литвой. На съезде в Городле (1413 г.) были подтверждены договоры о порядке замещения престола; в Литве была создана административная организация, сходная с польской, и между литовскими боярами и польскими шляхтичами было установлено очень своеобразное по форме братство. Боярам, принадлежавшим к римско-католической церкви, путем «адоптации» (приема) их отдельными польскими шляхетскими родами, присваивались польские гербы и тем самым они уравнивались в правах с польской шляхтой. Вместе с тем стало поощряться известного рода переселение: польские дворяне отныне могли покупать земли на Литве и занимать там разные должности, также и обратно. Это символическое братство получило весьма реальное значение, так как интересы дворянства в обеих странах были таким путем теснейшим образом связаны. Вместе с этим должны были рухнуть высоко заносившиеся мечты Витовта о том, чтобы стать наследственным королем Литвы, мечты, в осуществлении которых Сигизмунд несомненно принял участие, добившись для этого даже согласия престарелого Ягелло. Шляхта энергично протестовала против этих попыток, а смерть Витовта (1430 г.) на этот раз отдалила опасность разрыва унии.

Одновременно с этим поднялся в высшей степени важный политический вопрос: вопрос о союзе между Чехией и Польшей. В Чехии возникло гуситское движение. Исходным пунктом его были религиозные вопросы, но спор о догматах был в конце концов только идеологическим отражением гораздо более глубоких социальных и национальных процессов. Сначала дело шло о борьбе против тирании и эксплоатации со стороны католической церкви и о борьбе с преобладанием немцев, находивших опору главным образом в низменной политике императора, но в конце концов вспыхнула в движении таборитов

борьба порабощенной народной массы против ее угнетателей. Спор о догматах вероятно подействовал и на польские умы. Очень много польской молодежи училось в Пражском университете, при котором была устроена даже особая польская коллегия, находившаяся под личным наблюдением Яна Гуса. Далее известно, что этот последний состоял в переписке с Ягелло и что его ученик Иероним Пражский приезжал в Польшу, где пропагандировал его идеи. В конце концов полякам пришлось защищаться перед Констанцским собором против обвинения в принадлежности к гуситской ереси.

Правда, для разрешения каверзных догматических вопросов почва в Польше была еще недостаточно подготовлена, и учение реформатора нашло себе вероятно только единичных убежденных последователей среди шляхты и горожан. Но недоразумения между духовенством и шляхтой были тем не менее сильны и в Польше того времени. В руках церкви были большие земельные владения, так как короли, в особенности вновь обращенный Ягелло, все время одаряли ее, и паны были очень неудобными соседями, которые очень хорошо умели соблюдать свою выгоду, кроме того церковь выколачивала полагающуюся ей десятину со всею суровостью. Вследствие этого без ссор со шляхтой дело обойтись не могло. Спорили из-за документально подтвержденного права шляхты уплачивать десятину там, где ей было угодно, в то время как духовенство настаивало на том, чтобы десятина уплачивалась в соответствующем приходе или монастыре. Далее церковь настаивала на том, чтобы все спорные вопросы, к которым она имела какое бы то ни было отношение, а также и вопросы, касающиеся землевладения, были разрешаемы духовными судами. Поэтому и учение Гуса, поскольку оно было направлено против власти церкви и против тирании духовенства в светских делах, находило в Польше живейший отклик.

Но и тогда, когда гуситское движение приняло характер национального движения, направленного против преобладания немцев, оно нашло сочувствие в Польше. Дело в том, что борьба с Орденом была подобным же образом борьбой славянства с германским натиском и император Сигизмунд, смертельный враг гуситов, во всех своих махинациях оказывался в конце концов врагом Польши. Поэтому в битве при Грюнвальде - Танненберге мы и видим чешские войска, сражающиеся под начальством гуситского героя Яна Жижки, на стороне Польши.

Эти отношения привели к тому, что после смерти чешского короля Вацлава в 1419 г., когда брат его, император Сигиз-

мунд, заявил о своих правах на чешский престол, умеренная часть гуситов, т. е. чешское дворянство, предложило трон Ягелло, а вместе с тем и унию с Польшей. Между тем король с годами стал все больше подпадать под власть духовенства, а для этого последнего всякий союз с еретиками был разумеется гнусным делом. Поэтому предложение это не только было отклонено, но архиепископ гнезненский, Николай Тромба, созвал в Калише синод, на котором решено было предпринять суровые преследования гуситских еретиков в Польше. Больше сочувствия гуситы нашли у Витовта, который, будучи в то время в ссоре с Сигизмундом, послал к ним даже в качестве наместника своего племянника Сигизмунда Корибута вместе с отрядом в пять тысяч копий (1422 г.). Тогда клерикалы энергично поднялись на борьбу. Во главе духовенства стоял в то время высокоодаренный Збигнев Олесницкий, который в молодые годы, будучи рыцарем, во время битвы при Грюнвальде-Танненберге спас королю жизнь, а потом принял духовный сан и в 1423 г. был назначен краковским епископом. Ему удалось добиться договора между императором, Ягелло и Витовтом, согласно которому Корибут был отозван из Чехии, а император обязался за это не оказывать поддержки Ордену против Польши. Корибут приказу об отозвании не подчинился, и продолжал борьбу на стороне гуситов, несмотря на то, что имения его и той части шляхты, которая осталась при нем, были конфискованы; от таборитов он получил Гливице (нем. Глейвиц) и оттуда повел яростную войну для захвата церковных владений. На церковном соборе 1431 г. Олесницкий и Циолек в качестве польских делегатов принуждены были однако снова защищаться от возведенного на них обвинения в близости к еретикам. Тем ревностнее стали гонения польского духовенства на гуситов. Церковь в конце концов победила, однако за счет национальных интересов Польши.

В Литве, после смерти Витовта, на великокняжеский престол был возведен брат короля, Свидригайло. Он снова попытался оторвать литовско-русское государство от Польши. При этом он стремился опереться на русских бояр, которые в качестве схизматиков (потому что принадлежали к греческой церкви) пользовались более ограниченными правами, чем католики, и страдали под гнетом католического духовенства. Он однако был побежден и заменен Сигизмундом, братом Витовта, так как большинство литовского дворянства было на стороне короля и Польши. Теперь-то и началась действительно энергичная церковная политика, которая должна была привести всех схиз-

матиков в лоно единой церкви, «единственно приносящей спасение». Церковь восторжествовала еще раз, но религиозные распри начавшиеся с этим в русских областях, сказывались еще долгое время впоследствии.

В этой борьбе Свидригайло поддерживали татары и немецкий Орден. Рыцари, которые так охотно брали на себя роль борцов за католическую церковь, совершенно без зазрения совести братались и сражались бок-о-бок со схизматиками и мусульманами, если это было им выгодно. Такое положение, занятое Орденом, снова повело к войне, причем польское войско было поддержано гуситскими отрядами. После ожесточенных боев, во время которых поляки проникли через Поморье до самого Данцига, в декабре 1433 г. было заключено двенадцатилетнее перемирие.

Вскоре после этого Владислав II Ягелло умер (31 мая 1434 г.), после сорокавосьмилетнего царствования. Он оставил после себя двух сыновей: Владислава (род. в 1424 г.) и Казимира (р. 1427 г.)*. Порядок престолонаследия был установлен различными договорами, посредством которых шляхта и духовенство закрепили за собой всевозможные привилегии (см. об этом в следующей главе [50]), но эти договоры теперь снова вызывали сомнения, вследствие несовершеннолетия обоих князей. Король высказал свою волю, чтобы опекуном Владислава и регентом был назначен Збигнев Олесницкий, но у могущественного князя церкви было много противников. Прежде всего гуситы, во главе которых стоял Опытек из Мельштына [51], к которым присоединялись и все дворяне, бывшие противогосподства церкви. Дело дошло до борьбы, в которой церковь снова одержала верх, хотя Олесницкий не был признан регентом и над отдельными провинциями поставлены были наместники, которые должны были сообща решать государственные дела, но фактически все-таки руководителем был Олесницкий, как глава победившей партии. В Литве Свидригайло, поддержанный Орденом, а на этот раз также Корибутом и гуситами, снова

---

* Ягелло был женат четыре раза — на Ядвиге, Анне Цилли, Елизавете Гранowской, вдове одного польского шляхтича, Софии (Сонка), племяннице Витовта и дочери одного маленького русского удельного князя. Он женился на последней уже глубоким стариком, когда ему было более семидесяти лет, и Эней Сильвий в одном из своих памфлетов отрицает королевское происхождение обоих князей, рожденных Софией. Олесницкий повидимому тоже — и не без основания — сомневается в этом и в вопросе о законности династии Ягеллонов дело обстоит не совсем благополучно. Но ведь родословное дерево и других династий, как известно, не выдерживает слишком строгой критики.

вступил в борьбу за власть, но был побежден после кровопролитных битв (1435 г.), после чего в Бресте Куявском между Орденом и Польшей был заключен мир.

В 1437 г. умер Сигизмунд Люксембургский, и таким образом освободился не только германский трон, но также и венгерский и чешский. В империи на престол был призван Альбрехт Габсбургский, власть которого распространилась и на Венгрию. Чехи же отказались признать его и предложили трон младшему сыну Ягелло — Казимиру. Дело дошло до битвы, при чем партия Олесницкого, которой противен был союз с гуситскими еретиками, озаботилась тем, чтобы против императора выступило только незначительное число поляков. Поэтому Альбрехту удалось одержать победы при Конопиште и Таборе. Но год спустя (1439 г.) Альбрехт умер, и снова оба трона стали вакантными. Теперь призвали на престол Владислава III, короля Польского, которому тогда было всего шестнадцать лет. Этот союз был по душе господствующей партии, особенно потому, что молодой король отправлялся в Венгрию и Збигнев Олесницкий оставался попрежнему фактическим властителем в Польше. В Литве великим князем провозглашен был Казимир, в то время тринадцатилетний мальчик, при чем литовское (римско-католическое) и русское (греческо-католич.) дворянство соединилось, чтобы совершенно ликвидировать зависимость от Польши. Но влияние Польши все еще было сильно и разрыв был предотвращен.

В это время Венгрия, вождем которой был пользовавшийся большой властью семиградский воевода Ян Гунияди, была втянута в тяжелую войну с турками. В 1444 г. молодой король Владислав пал в битве при Варне.

Польские паны на съезде в Серадзе решили посадить на престол второго сына Ягелло, великого князя Литовского Казимира. Предполагалось, что он будет одновременно королем Польским и великим князем Литовским, причем польская шляхта снова пыталась утвердить и расширить свои права по отношению к престолу. Но литовско-русское дворянство стремилось к полной самостоятельности Литвы. Переговоры велись в течение трех лет и только после того как Польша стала серьезно угрожать, что призовет на трон князя Мазовецкого, одного из потомков Пяста, Казимир решился наконец принять корону.

Сорокапятилетнее правление Казимира III Ягелло на (1447—1492) было полно внутренней борьбы. Молодой король вырос в Литве, где хотя власть государя была несколько ограничена влиянием церкви и дворянства, тем не менее образ

правления был абсолютистским. Поэтому король не хотел подчиниться надменным притязаниям духовенства и связанных с ним магнатов Малой Польши. Единственным элементом, на который он мог опереться в данном случае, было поместное дворянство, которое в свое время находилось под влиянием гуситского движения и было враждебно духовенству и в особенности его вождю Збигневу Олесницкому — отсюда и возникли события, которые для позднейшего развития внутренних отношений Польши имели огромное значение.

Во внешней политике это время было не менее богато событиями. Прежде всего только теперь приходилось пожинать плоды победы при Грюнвальде-Таннеберге. Удар, нанесенный тогда Ордену, повел к распаду существовавшего до сих пор порядка вещей. Поместное дворянство и города́, на которых орденские рыцари, вскоре после своего поражения, снова могли надеть удила и которым пришлось тяжко расплачиваться за свою «измену», скрежетали зубами. Чем больше свободы приобретала польская шляхта, тем тяжелее было дворянству, живущему в землях, подвластных Ордену, выносить всесильный гнет крестоносных рыцарей, тем более, что эти дворяне были частью польского происхождения, а частью породнились с польской пограничной шляхтой. Города, которые в это время сильно развивались, заключали союзы с Ганзой, богатели, ведя торговлю с Литвой и Польшей, чувствовали себя в высшей степени подавленными тяжким режимом Ордена. К этому присоединялось еще то, что с постепенным исчезновением рыцарства в западных странах толпы искателей приключений становились более редкими, да кроме того и Орден не мог предоставлять прежних выгод этим элементам, ищущим добычи, с тех пор как прекратились походы на Литву. Поэтому Ордену пришлось примириться с необходимостью вести войну с помощью наемных воинов, как это делали в то время и другие государства. Но это требовало расходов, а потому руководящим властям Ордена приходилось взимать налоги с дворянства и городов в увеличенном размере.

Недовольство, вызванное таким владычеством Ордена, породило заговор, в котором приняло участие поместное дворянство а также патриции крупнейших городов — Данциг, Эльбинг, Кенигсберг и Торунь составили союз (так называемый «союз ящериц»). В конце концов дело дошло до настоящей борьбы и, заключившие между собою союз, города предложили королю Казимиру свое подданство (1454 г.). Таким образом возникла война между Орденом и Польшей, которая с небольшими перерывами про-

должалась тринадцать лет. Кончилась она миром, заключенным в Торуне в 1466 г. Вся область, принадлежавшая раньше Ордену и лежавшая к западу от Вислы, так же как и земля Михаловская и Вармия (нем. Эрмланд), уступлены были Польше, за Орденом осталась только восточная часть владений (приблизительно соответствующая нынешней Восточной Пруссии) с узкой полоской, идущей на запад к Висле, но и этой областью он должен был владеть только в качестве польского лена, и обязался доставлять королю войско.

Это означало для Польши значительное усиление, в особенности важно для нее было обладание устьем Вислы и такими богатыми торговыми городами, как Данциг, Эльбинг и Торунь, обладание, содействовавшее экономическому развитию ее как раз в то время, когда на западе открывался рынок для массовых продуктов сельского и лесного хозяйства.

Этот рост могущества Польши в северном направлении имел то значение, что ее южные и юго-западные соседи стали стремиться к укреплению союза с могучим государством, и король мог начать политику укрепления своего дома. В 1457 году умер бездетным Владислав Погробовец, король Венгерский и чешский, зять Казимира. После этого чехи избрали королем вождя умеренных гуситов (утраквистов) Юрия Подебрада, а венгры Матвея Корвина, сына национального героя Яна Гуниядп. Конечно, от Подебрада, как от еретика, отвернулись церковь и папа Павел II; они потребовали от Казимира, чтобы он заявил о своих правах на престол (потому что он, будучи мальчиком, был избран королем Чехии и был женат на сестре Погробовца, Елизавете) и протпвл узурпатора (1467 г.). Король уклонился от этого, потому что он не мог предпринимать новых войн: война с Орденом истощила страну, и кроме того большая часть шляхты вероятно отказалась бы сражаться с гуситами (Збигнев Олесницкий умер в 1455 г., а церковная партия теряла почву под ногами). Тогда папа сделал попытку побудить Корвина и императора Фридриха к объявлению войны Чехии, и после, этого Казимир заявил о своих притязаниях на чешский престол и повел переговоры с Подебрадом и гуситами.

Результатом этих переговоров было избрание сына Казимира, Владислава, преемником Подебрада. Этот последний умер в 1471 г., и четырнадцатилетний польский принц был послан с войском в Чехию, где он и был коронован.

После этого Корвин, за которого попрежнему стоял папа, объявил Чехии и Польше войну. Между тем против него взбун-

товалась часть венгерского дворянства, и корона была предложена Казимиру, второму сыну польского короля. Он был послан в Венгрию с войсками, состоящими по большей части из немецких наемников, но эти наемники не получили обещанной платы и ушли, а польское войско, оставшееся с принцем, потерпело поражение; польские магнаты отказались дать новые средства для ведения войны и выпустили заключить мир с Венгрией.

Между тем между Корвином и императором Фридрихом возникла ссора, и теперь император стал оказывать поддержку Владиславу, но Корвин вторгся в Силезию, а император не пришел на помощь. Казимир постарался помочь сыну, но польская шляхта не выказала особого желания жертвовать своими силами для того, чтобы поддерживать эту династическую политику. Правда, королю в конце концов удалось собрать многочисленное войско из шляхетского ополчения, но это войско было до такой степени недисциплинированно, что нельзя было решиться напасть на Корвина, который укрылся в Вроцлаве, и было заключено перемирие, после чего войско, измученное голодом и повальными болезнями, бесславно отступило (1474 г.).

Тогда Корвин обратился прямо против императора и в конце концов заключил с Владиславом мир, согласно которому Чехия осталась за Владиславом, а Силезия и Моравия отошли к Корвину (1479 г.).

Этим самым были прекращены недоразумения между Польшей и Венгрией, и следствием этого была попытка гроссмейстера Ордена Мартина Трухзеса, который рассчитывал в данном случае на поддержку Корвина, освободиться от сюзеренитета Польши. Но она окончилась неудачей, и он после долгого сопротивления вновь признал себя ее вассалом.

Корвин умер в 1490 г. в Вене, которую он отнял у Фридриха, и началась новая борьба за венгерскую корону. Несколько претендентов заявило о своих правах на престол: Максимилиан, сын императора Фридриха, внебрачный сын Корвина-Владислав чешский и его брат Ян Ольбрахт, кандидатуру которого поддерживал император. Верх одержал Владислав, так как вдова Корвина присоединилась к нему; между братьями возгорелась война; Ян Ольбрахт, которого несмотря на старания отца, польская шляхта недостаточно поддержала, был разбит, но получил в качестве лена часть Силезии, с Глоговым, Бытомом, Козле, Широтавой и т. д. Владислав до самой своей смерти (1516 г.) оставался королем вен-

герским и чешским. Все это по своим результатам было делом династической политики. Польша как таковая не принимала участия в этом. Конечно, остается праздным вопрос, возможно ли было сделать прочной унию трех государств — Польши, Венгрии и Чехии под скипетром Ягеллонов, — уния эта вероятно была бы возможна при энергичной политике. Важно только установить, что для подобной именно политики не было почвы: шляхта не была склонна к жертвам, которые при тогдашнем способе ведения войны, основанном на найме солдат, были необходимы, и король даже при той энергии и при том деятельном характере, которым отличался Казимир, не мог бы бороться с таким настроением шляхты.

Между тем на востоке произошел переворот. Турки взяли в 1453 г. Константинополь, последние остатки Византийской империи были уничтожены, и завоевательная жажда турок обратилась теперь на север. Молдавия, ставшая ленным владением Польши, в 1484 г. испытала первый их натиск. Султан Баязет завоевал молдаванское побережье Черного моря с городами Килией и Белогородом (нынешний Аккерман). Господарь Стефан призвал на помощь короля; хотя король и отправился с 20 тыс. шляхты в Коломыю, где господарь торжественно присягнул ему на верность, но на участие в войне против турок из этих 20 тыс. согласилось только 3 тыс. человек, которых, правда, оказалось достаточно, чтобы оттеснить турок, но слишком мало, чтобы отобрать прибрежные города.

В это время татарская держава раздробилась: Золотая или Кипчакская орда распалась на Казанское ханство, Астрахань и Перекоп (в Крыму). Это дало возможность восточнорусским князьям, находившимся под властью кипчакских ханов, свергнуть татарское иго. Князь Московский, Иоанн Калита, при содействии хана объединил мелких князей под своей верховной властью (1330 г.) и руководил ими до известной степени, как уполномоченный Золотой Орды. Но после раздробления Орды Московскому князю удалось, путем натравливания одного хана на другого, добиться большей самостоятельности, и в 1480 г. великий князь Иван Васильевич, при поддержке крымского хана, нанесшего решающее поражение Астраханской орде, добился наконец независимости Москвы. К этому прибавилось еще то, что после нашествия турок константинопольский патриарх потерял значение главы восточной церкви и ввиду того, что Киев находился под властью польско-литовского государства, признававшего авторитет папы, центром восточной

церкви сделалась Москва, ее политическая опора. При таком положении вещей стремления великого князя Московского были направлены к тому, чтобы завоевать также и те западнорусские области, которые находились под властью польско-литовского государства. Поэтому столкновение было неизбежно. Но при существовавшем в польско-литовском государстве положении вещей не было никакой возможности вести дальновидную и предусмотрительную политику. Напрасно Новгородская республика, являвшаяся одним из значительных центров северо-западной Руси, просила помощи у короля Казимира: не было никакой возможности побудить шляхту к походу; Новгород, так же как и Псков, покорился власти Москвы.

После смерти Казимира III (1492 г.) уния между Польшей и Литвой распалась. Литовцы пригласили на великокняжеский престол королевича Александра, поляки же избрали королем Яна Ольбрахта (1492—1502). Этот последний, воспитанник гуманиста Филиппа Буонакорси-Каллимаха, сделал попытку усилить королевскую власть в духе гуманистических идей и создать действенную центральную власть в стране, но обстоятельства оказались сильнее идей: правда, королю удалось ограничить могущество магнатов и епископов Малой Польши, но это в конце концов послужило на пользу не центральной власти, а поместной шляхте, которая теперь совершенно подчинила своей власти крестьянство и городское население.

Планам короля усилить монархическую власть соответствовала и воинственная политика.

В ближайшем будущем предстоял поход против турок. «Борьба христианства с неверными» было общепринятым лозунгом во всей Европе; папа, Венеция, империя,—все были на стороне этого призыва, но конечно только на словах. Ян Ольбрахт, который находился под влиянием итальянских гуманистов, был воодушевлен этими идеями и повидимому был в сношениях с Венецией (к сожалению нам мало что обо всем этом известно). Когда Стефан, господарь Молдавский, вассал Польши, вступил в переговоры с султаном, изъявляя готовность признать над собой его власть, король с согласия шляхты решил объявить войну. «Посполитое рушение» поставило на ноги многочисленное шляхетское войско — согласно имеющимся данным оно насчитывало до 80 тыс. всадников —но боевые качества этого войска повидимому были низки, так как ему не удалось достигнуть каких бы то ни было результатов в борьбе с господарем, поддержанным турками; оно безуспешно осаждало Сучаву

(поблизости от Серета), в течение нескольких месяцев, пока повальные болезни и голод не заставили его отступить, а во время отступления оно было позорно побито крестьянами и татарами в лесах Буковины, и на родину вернулась лишь десятая доля его (1498 г.). Короля обвиняли в том, что он умышленно привел свое войско к поражению, чтобы уничтожить шляхту и сделать свою власть неограниченной. Вскоре после этого Ян Ольбрахт умер (1501).

Тем временем Литва была вовлечена в войну с Москвой и литовское войско потерпело жестокое поражение при Ведроше (к востоку от Смоленска, 1500 г.). Оба эти поражения заставили признать всю невыгоду отделения Польши от Литвы и поэтому вновь явилось стремление к воссоединению обоих государств под одним скипетром; брат Яна Ольбрахта, великий князь Литовский Александр, был избран королем польским (1501—1506). Если предшественники Александра только очень неохотно принимали польскую корону и поэтому не позволяли польским магнатам навязывать себе какие бы то ни было условия, то Александр находился в другом положении: воссоединение обоих государств вызвано было необходимостью, и магнаты, не колеблясь ни минуты, использовали эту необходимость в своих сословных интересах. Они навязали королю договор (Мельницкий привилей 1501 г.), согласно которому правительственная власть отдавалась в руки совета сенаторов, король же должен был лишь председательствовать в этом совете.

Король согласился на эти условия, чтобы обеспечить Литве помощь Польши в борьбе с опасностью, угрожавшей ей со стороны Москвы, но помощь эта не была оказана, потому что местная шляхта, от которой собственно говоря это и зависело, возмущенная усилением власти магнатов, отказалась выступить в поход.

Московское войско проникает до Смоленска и хотя оно было опрокинуто литовцами, но победу эту использовать не сумели и в 1503 г. был заключен мир, по которому вся область Десны вместе с Черниговом перешла в руки великого князя Московского.

Тогда шляхта предъявила королю свои требования. Узурпированные магнатами права были ограничены на сеймах в Петрокове (1504 г.) и в Радоме (1505 г.) и король принужден был сделать существенные уступки, имевшие чрезвычайно большое значение: было постановлено, что отныне король не может вводить «ничего нового» без согласия сената и шляхетских «послов».

Одновременно с этим были кодифицированы законы о правах и привилегиях, предоставленных шляхте Казимиром Великим, Людовиком и Ягеллонами. Это была полнейшая победа шляхты, так как отныне законодательная власть находилась фактически в ее руках, а королевская власть была ограничена.

Таким образом Польша уже в XVI в. превратилась в конституционную страну. При этом политические права были предоставлены конечно только господствующему классу, т. е. шляхте (о роли горожан речь будет в следующей главе [50], а здесь упомянем только, что города имели довольно обширное самоуправление), но необходимо отметить, что шляхта эта была очень многочисленна. Она пользовалась неограниченной властью по отношению к крестьянству и вместе с тем вела борьбу с магнатами, т. е. в социальном отношении составляла «среднее сословие».

После смерти Александра на королевский и великокняжеский престол призван был брат его, Сигизмунд I, третий сын Казимира Ягеллона (1506—1548).

Мир с Москвой был непрочен и в 1508 г. началась новая война, продолжавшаяся семнадцать лет. Начало ей было положено одним литовским магнатом Михаилом Глинским, который, поддержанный частью русского дворянства, вызвал восстание, чтобы из русских областей, находящихся под властью Литвы, образовать новое княжество под верховной властью Москвы. Положение было тем серьезнее, что император Максимилиан заключил с Москвой союз против Польши. Политика императора определялась династическими интересами: в Чехии и Венгрии царствовал Владислав, брат Сигизмунда; на эту корону предъявляли притязания Габсбурги, старавшиеся поэтому ослабить Польшу. Победа поляков над московским войском при Орше на Днепре в 1508 г. несколько отдалила опасность: великий князь заключил мир, белорусское дворянство отступилось от Глинского, которому пришлось бежать в Москву. Но скоро мир был снова нарушен Москвой по незначительному поводу: московское войско, при поддержке немецких наемных войск, которые пришли через Ригу, вторглось в 1514 г. в Литву и осадило Смоленск. Литовский князь Острогский снова нанес ему тяжелое поражение при Орше, но победа эта не была использована, потому что шляхетское войско нельзя было удержать под знаменами. Смоленск пал вследствие «измены» изнутри.

Тогда Сигизмунд стал искать возможности войти с императором Максимилианом в соглашение. На свидании в Вене между

королем Сигизмундом и Владиславом заключен был договор, который был закреплен двойным браком сына и дочери последнего с внучкой и внуком императора. Этот акт династической политики Габсбургов имел большое значение, ибо после того как сын Владислава Людовик пал в 1521 году в битве с Турками при Могаче на Дунае, короны Чехии и Венгрии перешли к Фердинанду Австрийскому. Этим союзом Сигизмунд достиг того, что Австрия обязалась не оказывать дальнейшей поддержки великому князю Московскому.

Но дело не дошло до энергичных военных действий, так как не было средств для содержания наемного войска. В 1523 г. было заключено с Москвой пятилетнее перемирие. Смоленск, в стратегическом отношении очень важный пункт, остался в руках Москвы.

Одновременно с этим борьба с тевтонским Орденом вступила в новую стадию. Государство «монашествующих рыцарей» стало в эпоху реформации явным анахронизмом. О «борьбе с язычниками» не могло быть уже речи, и «походы» рыцарей перестали соблазнять искателей приключений. Поэтому личный состав Ордена становился все ничтожнее и если в XIV в. Орден был хоть кое-каким культурным фактором, то в XVI в. он стал, благодаря беспощадному выжиманию всех соков из страны, тормозом развития. Рыцари видели свое спасение только в помощи Империи, и чтобы заручиться ею, их капитул -- в 1501 г., после смерти последнего гроссмейстера Ганса фон-Тиффена, избрал главой имперского ландграфа Фридриха Саксонского, а после смерти его—Альбрехта Бранденбургского, племянника короля Сигизмунда. Эти князья старались теперь освободить Орден от верховенства Польши, обусловленного договором, заключенным в Торуне. Спор об этом превратился в вопрос общеевропейской политики, поскольку, с одной стороны, папская курия старалась повлиять на Орден, а с другой — империя была склонна считать владения Ордена имперской областью, и наконец Польша тоже заявляла о своих правах на эти области. Поэтому император Максимилиан старался оказать Ордену свою поддержку и его политические происки сыграли во всяком случае известную роль довольно сомнительного свойства для главы архикатолического монашеского государства. Альбрехт Бранденбургский заключил союз против Польши с великим князем Московским, т. е. со схизматиком, и с мелкими татарскими князьями. При заключении договора в 1516 г. Габсбург оставил конечно Орден на произвол судьбы. После смерти Максимилиана в 1519 г.

император К а р л V стремился закрепить за собой влияние на Орден и настроился против Польши, в то время как король Сигизмунд апеллировал к папской курии, что папе Пию X было в высшей степени выгодно. Ни император, ни папа не были однако в состоянии предотвратить войну, вспыхнувшую в 1520 г. Орден принужден был вести эту войну исключительно силами наемных войск и напрасно взывал о помощи к империи, которая как раз в это время была сильно ослаблена религиозной борьбой. Польское войско продвинулось до Кенигсберга, но и на этот раз война велась поляками вяло и в 1521 г. окончилась перемирием, причем вопрос о ленных отношениях должен был быть передан на разрешение третейского суда, при участии императора Карла V и Людовика Венгерского. Но прежде чем состоялся этот третейский суд, рыцарский капитул [36] постановил секуляризировать [52] Орден.

Альбрехт Бранденбургский стал наследственным герцогом страны, которая теперь была названа «П р у с с и е й», а орденские рыцари захватили обширные земли в качестве аллодиальных [53] владений. Польский король изъявил свое согласие на такое разрешение вопроса, но под тем условием, чтобы Альбрехт присягнул ему в качестве вассала (соответственная церемония была совершена с большой пышностью 8 апреля 1525 г. на рыночной площади в Кракове) и чтобы в случае прекращения его рода по мужской линии, герцогство возвращено было Польше. Маркграфы б р а н д е н б у р г с к и е сделались таким образом п р у с с к и м и герцогами и основа для развития бранденбургско-прусского могущества была создана, но вместе с тем создалось положение, которое не могло быть терпимо, как длительное явление: бранденбургские владения и владения прусские(нынешняя* Восточная Пруссия,называвшаяся в Польше «К н я ж е с к о й П р у с с и е й») были территориально отделены друг от друга прежними орденскими владениями, находившимися под властью Польши (нынешняя * Западная Пруссия, названная в Польше «К о р о л е в с к о й П р у с с и е й») и, двести пятьдесят лет спустя, стремление овладеть линией Вислы и соединить обе области было главной причиной, побудившей Фридриха II выработать план раздела Польши. Пассивность польской шляхты в делах внешней политики, вытекавшая из того, что она была погружена исключительно в свои эгоистические узко-классовые интересы, помешала польскому государству использовать секуляризацию орденских земель для своего усиления.

---

* Работа писана в 1916 г. (*прим. ред.*).

Разрешение вопроса об Ордене повлекло за собой и уяснение отношений между Польшей и Мазовией. Мазовецкие «Пяста теперь не имели никакой возможности использовать разногласия между Орденом и Польшей и повести самостоятельную политику. Поэтому, когда в 1526 г. угасла мужская линия династии Пястов, страна была присоединена к Польше. Мазовецким магнатам были предоставлены места в сенате, на дворянство распространены права шляхты коренной Польши и только в течение некоторого времени продолжали еще существовать кое-какие правовые особенности. Мелкопоместная шляхта, особенно многочисленная в этой части польских владений, еще долгое время играла особую роль в истории Польши: с одной стороны, она деятельно участвовала в колонизации русских областей, с другой стороны, мазурские шляхтичи стали продажной клиентурой магнатов, на сеймах их голоса и их сабли были в распоряжении того, кто мог больше за них заплатить.

Наряду с войнами, которые Польша вела с Орденом и Москвой, при Сигизмунде ей приходилось вести непрестанные войны и с татарами. В 1526 г. эти последние вторглись в Литву и проникли до самой Люблинской земли. Когда татары с награбленной добычей отправились в обратный путь, они были разбиты у Канева. Говорят, будто было освобождено 40 тыс. пленных, взятых татарами. Но такие победы никогда не могли быть решающими, потому что татары, кочующие в степях, очень быстро оправлялись от поражений и были готовы к новым разбойничьим набегам, между тем как «посполитое рушение» обычно собиралось слишком медленно для того, чтобы отразить нападение. Необходимость действительной охраны границ была совершенно ясна и тем не менее ее не существовало. Такая охрана границ могла осуществиться только путем размещения в угрожаемых областях всегда готового к бою войска, но шляхта упорно отказывалась дать согласие на содержание наемного войска. Был создан план установить для этой цели всеобщую воинскую повинность шляхты: шляхта отдельных областей должна была по очереди поставлять достаточное число конных воинов для охраны границ, но и этот план не был приведен в исполнение, благодаря сопротивлению шляхты. Следствием этого было то, что в пограничной области, на Украине у берегов Днепра создалось особое положение и возникла совершенно особая организация: украинское казачество. Приднепровские степи уже в течение многих веков были ареной передвижений кочевых племен. С XII в. эти степи совершенно опустели вследствие разбойничьих напа-

дений и стали областью, у которой не было хозяев. Правда, в XV в. польская и литовская шляхта пытались колонизировать эту плодородную область, но это была задача, невыполнимая при тогдашних средствах. С одной стороны, недоставало рабочей силы, с другой—было невозможно реализовать местные естественные богатства, так как вывоз продуктов на Запад, хотя последний и нуждался в них, был невозможен, а отправка на кораблях по Черному морю стала немыслимой с тех пор, как турецкое нашествие разрушило южную культуру. Поэтому земля эта оставалась необработанной и она естественно привлекала людей, прежде всего крестьян, пытавшихся уйти от ярма барщины, которое в XV в. становилось все тягостнее. Крестьяне стекались в эти степи не только из соседних русско-литовских владений, но и из Польши, Молдавии, Венгрии и даже из Чехии. К ним присоединились искатели приключений из других сословий: дворяне и горожане, которые находились в конфликте с властью, люди из разных стран, которые попали в турецкую неволю и бежали оттуда. Эти разнообразные элементы извлекали средства к жизни из этой плодородной земли, но принуждены были непрестанно защищать свое имущество с оружием в руках от грабительских татарских орд. С другой стороны, и сами искатели приключений составляли шайки, которые тоже занимались грабежом. У днепровских порогов, преграждавших древние торговые пути, разбойники уже и в прежнее время подкарауливали купцов, шедших в Киев, вверх по Днепру; теперь там возникла целая организация, отчасти состоявшая из рыцарских отрядов, отчасти из разбойничьих шаек, а именно казаки З а п о р о ж ь я. Рыцари стекались сюда, как авантюристы, считая себя борцами против мусульман, татар и турок, разбойничьи же шайки потому, что они, лишенные всякого другого ремесла, добывали средства к жизни путем грабежей. На легких челнах спускались они вниз по Днепру и искали добычи в приморских городах и появлялись даже под стенами Царьграда, если же турки оказывались на-стороже, они не пренебрегали разбойничьими нападениями на польские и литовские города. Во главе этих казаков стояли гетманы, иногда избиравшиеся запорожцами, а иногда самовольно захватывавшие власть в свои руки. Во времена Сигизмунда таким гетманом был литовский дворянин Евстахий Д а ш к е в и ч; он первый создал из казачества военную организацию и не только успешно сопротивлялся татарам, но и предпринимал удачные походы в пределы их собственной страны, проникая до самого Очакова. На самом деле эти необузданные искатели приключений служили Польше защитой против татар.

Во внутренней политике Сигизмунд, в противоположность обоим своим предшественникам, был склонен опираться на магнатов и на высшее духовенство. Советчиками его были люди, охваченные духом гуманизма и стремившиеся к усилению власти государя, что в те времена означало усиление центральной власти государства. Эти гуманистические тенденции были однако извращены под влиянием жены короля Боны, принцессы из дома Сфорца. Эта женщина в течение сорока лет была злым гением Польши. При ее дворе царил беззастенчивый фаворитизм и пышным цветом расцвела продажа должностей; особенно дурной славой пользовался епископ Гамрат, фаворит королевы, который внес чудовищную порчу в жизнь церкви. Сама королева нажила огромные богатства, которые она впоследствии, когда после смерти своего мужа покинула страну, увезла с собой в Италию. Существует подозрение, что королева не отступала даже перед отравлением тех, кто не был ей угоден: говорят, что таким путем она освободилась от двух жен своего сына. Такая придворная жизнь способствовала обострению борьбы внутри страны.

В то время значение поместного дворянства несомненно возрастало, а оно совсем не было склонно допустить усиление власти короля или магнатов. И так как класс этот находился в периоде исторического роста, то он использовал в своих интересах движение, под влиянием которого находилась тогда Европа, т. е. реформацию.

На западе, как известно, реформация, в социальном смысле, была движением городского населения, а последователей из крестьянской среды она приобретала только через посредство городов. В Польше дело обстояло иначе. В средние века городская культура здесь не развилась. Правда, небольшое число городов — Краков, Львов, Люблин — достигли быстрого расцвета в XIV и XV вв прежде всего благодаря развитию международной торговли с Востоком. Но после турецкого нашествия эта торговля пришла в упадок, а тем самым был подорван жизненный нерв у населения этих городов. К этому надо прибавить, что в Польше горожане были по большей части чужеземного, главным образом немецкого происхождения. Хотя в XV в. они сильно ополячились, тем не менее благодаря их иностранному происхождению городская жизнь, городские обычаи оставались чуждыми польскому крестьянину. Этим чувством оторванности, которое должны были испытывать горожане, а также и их неблагоприятно сложившимся экономическим положением и объясняется, что это городское

население было весьма реакционным. Их политические стремления исчерпались в усилиях сохранить право на самоуправление, в борьбе с неудобной для них конкуренцией евреев и они коснели в средневековых формах цеховой организации. Поэтому, хотя реформация находила своих приверженцев и в польских городах, но это движение имело сильно вероисповедный характер и постепенно выродилось в мелочные споры попов, не выражавшие уже социальной борьбы. Исключение составляли «п р у с с к и е» города, экономическое положение которых было ведь совсем иное. В Д а н ц и г е в 1525 г., на почве религиозных разногласий, происходивших там, дело дошло до борьбы между «плебсом» и «патрициями», в которой принял участие и сам король, ставший конечно на сторону последних.

В отношении шляхты дело обстояло совсем иначе. На нее идеи реформации оказывали свое действие главным образом в политическом направлении. Эти идеи распространялись очень легко, так как много шляхетской молодежи училось в Праге, в немецких университетах, а со времени брака короля с Боной и в Италии (особенно в Падуе и Болонье). Характерная идея реформации, идея эмансипации личности, совершенно соответствовала политическим тенденциям поместной шляхты: эта шляхта боролась как класс против могущества магнатов и против стремлений укрепить власть короля. Свобода, «з о л о т а я с в о б о д а» — таков был лозунг шляхты, для поддержания которого учения церковных реформаторов доставляли столь великолепные аргументы. Разумеется, эта свобода не должна была иметь никакого отношения к свободе крестьянина, к освобождению порабощенных от экономической эксплоатации. Опасность подобного освобождения впрочем и не угрожала вовсе шляхте, которая, не очень легко соглашаясь на войну с внешним врагом, была однако хорошо вооружена против восстаний крестьянства. Поэтому на порабощенное крестьянство реформационное движение не имело в Польше конечно большого влияния. Мы увидим, что позднее шляхта начинала смотреть на свободу совсем иначе, как только появлялась хотя бы отдаленная опасность такого влияния.

Эти общие политические идеи реформации, как мы уже сказали, имели сильное влияние на умы в Польше; чисто же религиозные вопросы, напротив, играли среди шляхты совершенно второстепенную роль. Поэтому реформационное движение имело в Польше яркую политическую окраску. Оно взрастило пышные цветы духовной жизни, под его влиянием

находился «золотой век польской литературы» (об этом мы поговорим в следующей главе [50]), но так как оно не выражало серьезной классовой борьбы, оно не было длительным и вскоре уступило место мрачной реакции.

Очередная борьба шляхты с королевской властью, магнатами и духовенством — как и всегда, когда борятся между собой высшие слои общества — выражалась в спорах о покрытии государственных расходов.

Как уже было сказано выше, король был озабочен созданием войска для защиты границ; кроме того стала очевидной необходимость организации военной силы на новых основаниях. В военной технике произошел переворот. Повсеместное употребление огнестрельного оружия дало пехоте перевес над рыцарской конницей и в начале XVI в. повсюду в Западной Европе война велась уже с помощью хорошо обученных и дисциплинированных наемных войск. Военное же могущество Польши основывалось исключительно [54] на обязанности шляхты защищать страну, она же выставляла только конное войско. При этом надо отметить, что эта шляхта в значительной степени утратила свою боевую способность, так как шляхтичи все больше и больше обращались к хозяйственной деятельности, к управлению своими имениями и давно уже не чувствовали себя воинами. Кроме того, когда шляхта призывалась «посполитым рушением» (всеобщим ополчением) к оружию, то обыкновенно проходило много времени для того, чтобы войско собралось, а когда оно наконец собиралось, поднимался вопрос, согласны ли еще «паны братья» итти воевать. О военной дисциплине не было и речи и надо было удивляться, когда подобное войско в отдельных случаях оказывалось способным к значительным военным действиям. До известной степени зло могло быть ослаблено тем, что магнаты на свой счет содержали при своих дворах вооруженные и хорошо обученные войска (в особенности на востоке, где всегда было неспокойно, и татары грозили нападением). Такие дружины Тарновских, Острогских и др. неоднократно оказывали государству ценные услуги во время войны против Москвы и татар. Сигизмунд не раз брался и за вербовку наемных солдат, но большей частью это были чехи, немцы и венгерцы, так как своим барщинным крестьянам шляхта не позволяла наниматься на военную службу.

Король и его приверженцы из среды магнатов, во главе с Яном Тарновским, хотели создать наемное войско, а для получения необходимых для этого средств должны были быть введены новые налоги. Но против этого энергично восстала

шляхта. Она ссылалась на свои привилегии, в силу которых она была освобождена от всяких налогов, кроме того она не хотела допустить введения системы наемных войск потому, что король, опираясь на такие войска, фактически сосредоточил бы в своих руках всю власть, и наконец шляхта хорошо понимала, что «посполитое рушение» (всеобщее ополчение) было для нее средством вооруженной самозащиты: вооруженная шляхта была силой, перед которой король принужден был склоняться.

При короле Казимире и при первых Ягеллонах д о х о д ы страны были значительны: было много коронных земельных владений, которые приносили доходы, достаточные для покрытия расходов, между тем это огромное национальное богатство было растрачено, так как Владислав Ягелло и его наследники — в особенности Александр — раздарили земли магнатам и церкви. А тем временем потребности государства росли и если бы пришлось содержать наемное войско, финансовую систему надо было бы построить на совсем других основаниях. Между тем, уступленными шляхте привилегиями она была освобождена от н а л о г о в: король не имел права взимать каких бы то ни было налогов, за исключением установленных 2 грошей [42] с лана [55]. Поэтому коронные советники стали искать новых источников дохода путем установления пошлин, но шляхта стала ссылаться на привилегии, признанные раньше, согласно которым она не должна была уплачивать п о ш л и н ни при ввозе, ни при вывозе (пошлину должны были платить только городские купцы) и предложила другое средство для поднятия государственных доходов: государственные имения были розданы королями незаконно, их надо отнять у незаконных владельцев. После долгих торгов на сеймах сенат и правительство согласились отобрать назад те имения, которые без согласия сеймов были розданы со времени вступления на престол короля Александра (в 1504 г.). Отсюда возник новый конфликт: король издал приказ, чтобы отобрание этих имений производилось на основании свидетельств, имевшихся в метриках королевской канцелярии; но этим самым был предоставлен широкий простор произволу, так как теперь стали отбираться имения у тех, кого не любили при дворе, щадя в то же время придворных фаворитов. Так как фаворитизм и без того перепортил не мало крови, эти меры вызвали бурю. В 1537 г. король был принужден созвать «посполитое рушение» для того, чтобы отразить вторжение молдавского господаря. Шляхта стала собираться в большом количестве — передают, что у Львова

собралось не менее 150 тыс. человек, — но вместо того, чтобы отправиться на войну, шляхта стала сводить счеты с двором и сенатом. Королю пришлось пойти на уступки: с этого времени владельцы законных имений должны были проверять владельческие права хозяев пожалованных королем имений, а вывозная пошлина на скот, который шел из шляхетских имений, была отменена, как незаконная. В 1538 г. этот же вопрос был урегулирован в законодательном порядке на сейме, согласно желанию шляхты.

Таким образом шляхта одержала решительную победу, как над королем, так и над магнатами, так как владельцы пожалованных имений были прежде всего магнаты, а в судах, которые должны были решать вопрос о закономерности этих пожалований, действовали в качестве судей выборные поместные шляхтичи.

Намеченные реформы были отвергнуты, прежняя военная система осталась в силе, несмотря на то, что она делала страну почти беззащитной; но к этому приводили интересы шляхты.

Единственным успехом Сигизмунда в делах внутренней политики было то, что его единственный сын в 1530 г., когда ему исполнилось только десять лет, был признан будущим королем Польским и великим князем Литовским. Он вступил на престол после смерти своего отца под именем Сигизмунда II Августа (1548—1572 гг.). Положение вещей в Польше попрежнему мешало вести энергичную внешнюю политику и тем не менее удалось не только задержать дальнейшее продвижение Москвы на запад, но и закрепить за Польшей после борьбы с московской дипломатией верховную власть над Лифляндией.

После того как Орденское государство тевтонских крестоносцев было секуляризировано [52], самое существование ливонского Ордена меченосцев, господствовавшего над Прибалтийскими странами, стало уже невозможным. Реформация проникла в города, несмотря на то, что ее преследовали рыцари и епископ рижский, находившийся в ссоре с Орденом и претендовавший на светскую власть в своем епископстве. Но реформация не могла привести здесь к возникновению новой государственной системы, так как этому мешала национальная рознь между господствующим классом и немецким рыцарством, с одной стороны, и городами и порабощенным крестьянством латышского происхождения, с другой стороны. Эта внутренняя расшатанность страны делала ее беззащитной перед соседними государствами, видевшими в ней легкую добычу.

Прежде всего могучая Швеция стала стремиться к расширению своих владений в этом направлении, тогда как с другой стороны Москва, которая теперь, после окончательного крушения татарского могущества, стала расширять свои владения на Запад, находилась уже в оживленных сношениях с Англией и Голландией и стремилась, покорив Прибалтику, достигнуть моря. В 1558 г. войско Ивана Грозного вторглось в Лифляндию и ужаснейшим образом опустошило страну.

Тогда глава ливонского ордена, Готтард Кеттлер, обратился за помощью к Польше. Было очень трудно склонить шляхту к политике, которая во всяком случае должна была привести к военным осложнениям, но тем легче было достигнуть в этом отношении успеха среди магнатов, которые надеялись, что расширение государства принесет им существенные выгоды. В виду этого литовским магнатам, в особенности Радзивиллу, удалось побудить короля к активной политике. После того как был обеспечен нейтралитет Австрии, которая все еще была склонна поддерживать московскую политику, начались переговоры с Кеттлером и епископом рижским, которые привели к тому, что в 1551 г. Ливония подчинилась Польше. Глава Ордена Кеттлер отрекся от духовного звания и был признан герцогом Курляндии, сделавшейся леном Польши, сословиям были гарантированы привилегии, что было равносильно осуществлению господства через посредство немецких высших классов.

(Здесь рукопись обрывается.)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ОБНИЩАНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЛЬШИ

ЕВРЕИ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

ИЗ ПРОШЛОГО ЧЕНСТОХОВСКИХ МОНАХОВ-ПАУЛИНОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ОБНИЩАНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПОЛЬШЕ [56].

Как ни мало исследован в подробностях вопрос об экономическом положении сельского населения в Польше, тем не менее факт низкого жизненного уровня этого населения общеизвестен. Если бы для доказательства этого факта необходимо было привести доводы, достаточно было бы указать на то, что сельские рабочие из Галиции и королевства Польского получают наиболее низкую заработную плату, какая только существует в Германии и, несмотря на это, столь низкая оплата их труда является достаточно притягательной силой, ради которой сотни тысяч людей из года в год покидают свой родной край.

Каковы причины такой нищеты польского сельского населения? Само собою разумеется, что причины эти отчасти исторические и ответить на этот вопрос, значит, между прочим, дать историю мучений польского крестьянина. Но такой истории, заслуживающей этого названия, до сих пор к сожалению не написано и не место тут вдаваться в исторические изыскания. Однако же мы должны напомнить читателю некоторые наиболее выпуклые моменты из истории польского крестьянства, ибо без этого нельзя говорить о современности.

В замечательном разделе о «так называемом первоначальном накоплении», которым заканчивается первый том «Капитала», Маркс говорит:

> «Так называемое первоначальное накопление есть не что иное как исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предисторию капитала и

соответствующего ему способа производства... В истории его особенно важную роль играли те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрывались от средств своего существования и выкидывались на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация сельскохозяйственного производителя, обезземеление крестьянина составляет основу всего процесса. Его-то мы и должны рассмотреть прежде всего. Его история в различных странах имеет различную окраску, пробегает различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме совершается она только в Англии, которую мы поэтому и берем в качестве примера».[57]

Вот такой переломной эпохой, когда началось внезапное и насильственное обезземеление крестьянства, является в Польше XVI в. Переворот таким образом настал почти одновременно в Польше и Англии, но ход и последствия этого процесса были совершенно иными в обеих этих странах.

В Англии, как говорит Маркс, крепостная зависимость (Leibeigenschaft) исчезла фактически в конце XIV столетия. Преобладающее большинство населения состояло тогда — и еще больше в XV веке — из свободных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, за какими бы феодальными вывесками ни скрывалась их собственность [58].

Появился там свободный арендатор; рабочие были или свободными крестьянами, которые дополнительно работали на землях крупных землевладельцев, или свободными наемными рабочими. Эти последние обычно получали некоторое количество пахотной земли для своих надобностей и кроме того пользовались обширными землями, где пасли свой скот и добывали для отопления лес и торф. В XVI в. начинается насильственное обезземеление этих свободных крестьян, а вместе с тем беззаконное присоединение угодий и общинных земель к господским владениям. Экономической причиной была в данном случае потребность в шерсти, — английские лорды превратили пашни в пастбища для овец. Население, согнанное с земель, стало заполнять города и нашло применение своим рукам в постепенно развивающейся промышленности.

В Польше в XIV и XV вв. крестьянин был в правовом отношении крепостным, подневольным, не освободился, как в Англии, от неволи. В экономическом же отношении он был, подобно английскому крестьянину, самостоятельным про-

изводителем, сидел на земле, которую обрабатывал своими орудиями производства, но при этом обязан был часть своего урожая отдавать господину, землевладельцу, как равным образом лежала на нем обязанность нести известные повинности: чинить дороги, строить и реставрировать замки и т. д., и сверх того существовала еще барщина, принудительная работа на господских землях. Эта последняя впрочем была минимальной: господские дворы владели еще в небольшом количестве фольварочной [59] землей, и было вполне достаточно, если крестьяне работали на этой земле по несколько дней в году. В XVI в. фольварочное хозяйство сильно развивается, шляхта сгоняет крестьян с земли и присоединяет ее к фольваркам. Но крестьян этих шляхта не выкидывает вон как пролетариев, подобно лэндлордам, а напротив приковывает их к земле; шляхтич оставляет в их руках частицу пахотной земли для прокормления и принуждает к барщине, чрезмерно увеличенной. Причиной, определившей эту разницу, является то обстоятельство, что толчок этому переходу к фольварочному хозяйству дало не разведение овец, как в Англии, а интенсивное возделывание пахотной земли. Согласно данным Чацкого [60], в 1497 г. за меру ржи платили польских злотых 1 и 15 грош., в 1564 г.— 6 зл. и 6 гр., в 1600 г.—5 зл. и 13 гр.[61] Вот ключ к вопросу об экспроприации крестьян в Польше! Шляхтич прежних времен довольствовался податью в виде хлеба и мяса, а фольварк он держал лишь для разведения лошадей и таких продуктов, которых крестьянин не производил. Брать с крестьянина больше того, что он давал, не было особого смысла, раз не было сбыта продуктов. Со временем появился спрос на них: в Данциге рожь и пшеница приносили золото, а золото дает возможность копить богатство. А чтобы производить хлеб, необходимы земли, — их и отняли у крестьян; но сама по себе земля ничего не родит, и крестьян принуждают к работе на земле, отобранной у них и присоединенной к фольваркам. Высокие цены на хлеб привели к тому, что Польша в XVI в. стала «житницей Европы», но в то же самое время — «народ покрыла угрюмая одежда: на груди его появились вырезанные в ней слова, общие всем утесненным: tristis usque ad mortem* (Тадеуш Любомирский [62].

В Англии, как показывает Маркс, экспроприация крестьян стала исходным моментом для развития капитализма, так как крестьянин был там свободен и прогнанный со своей

* Эти латинские слова обозначают: «скорбящий смертельно». (ред.)

земли стал пролетарием. В Польше экспроприация привела к производству только наполовину капиталистическому в сельском хозяйстве; здесь хлеб стал производиться как товар, на вывоз, но не на вполне капиталистических началах, так как пахотная земля возделывалась не руками наемных рабочих, а руками крестьян, на которых взваливали бремя барщины, все более увеличивающейся. В Англии после упомянутой экспроприации идет быстрое развитие промышленности, в Польше же развитию фольварочного хозяйства сопутствует упадок городов: крестьян прикрепили к земле и, стало быть, города лишились притока рабочих сил; в то же самое время шляхта обращается к своеобразной экономической политике: устанавливает для себя свободу от ввозных пошлин и закупает заграницей готовые товары, расплачиваясь за них вывозным хлебом.

Торунский статут 1520 г. предписывает крепостным отбывать однодневную барщину с лана в неделю — «и это является первым правительственным актом введения крупного земельного хозяйства. Спустя 25 лет Буг покрывается баржами, плодом этого крупного хозяйства» (Эдмунд Славинский)[63]. С этого времени экспроприация крестьян идет бешеным темпом, а принудительная барщина растет чудовищно: польский крестьянин погружался все глубже и глубже в омут крепостной неволи.

До какой степени выразительно рисует картину этой экспроприации, которую он самолично наблюдал, Фрич Модржевский[64], когда говорит следующее:

> «Богачи считают, что весь мир принадлежит им, а крестьяне их имений отданы им на их полную волю. Бесполезных крепостных своих имений, хотя бы они и не соглашались на то, используют для своей выгоды, дав им какой-нибудь клочок земли. Бесполезными же крепостными они объявляют тех, чья собственность могла бы дать им что-либо полезное. Нечего сказать, великолепное мерило! Но в таком случае насколько же ты сам, о добрый муж, полезен Речи Посполитой, ты, который отнимая клочок земли у своего соседа, вырываешь изо рта хлеб, доводишь его до нищеты, почти что выжимаешь из него кровь? Если ты воображаешь, что из этого утеснения и удушения бедных людей ничего злого для Речи Посполитой не происходит, то жестоко заблуждаешься».

Ему вторит, спустя несколько десятков лет Кристоф Опалинский[65]:

«Там, где раньше было двадцать крестьян или больше, теперь их остается восемь или десять, а между тем заставляют десятерых делать то, что раньше делали 20 человек. Там, где раньше на барщину выходило по одному с дому, потом по два, по три, по четыре человека, там где барщину отбывали 2-3 дня в неделю, там теперь нет ни одного свободного дня. О сдирании кожи, которое ты чинишь над крестьянином, не упоминаю. Придут слуги и челядь и скажут: вот тут богатый хлоп, имеет он скот, овец и других немало достатков,— пусть же все это идет на кухню! Уродись у него ячмень и пшеница,— и это хорошо для изготовления пива для гостей! Сколотил бедняга один-другой грош,—и это пусть идет на расходы. Повод найти нетрудно: так или иначе отнимут у крестьянина его копейку, едва ли самой души не вырвут из него. А почему? А потому, что он более зажиточный. О другом скажут: у него пахотной земли достаточное количество и притом хорошей,—так пусть же это идет под фольварк, отнять ее у него! И всех прогнать с земли и устроить там фольварк! И совершится это в одну неделю. Плачут бедняги, отец, мать, дети, все,— обращаясь к небу со своими душераздирающими жалобами».

А происходит все это, по мнению познанского воеводы, от того, что:

> «Мы усердно и старательно взялись за сельское хозяйство и отошли далеко в этом деле от наших давних предков, которые довольствовались лишь оброком (чиншом) и «сепом»* со своих крепостных».

Слова Морджевского оправдались: «из утеснения и удушения бедных людей» возникло для Речи Посполитой зло,— ей стало нехватать защитников, так как «народом» стала именоваться лишь горсть шляхты, а крестьянин превратился в придавленного и обнищалого раба. В тот момент, когда решалась судьба Польши, когда только подняв всю массу народа на защиту страны против враждебных государств можно было бороться за сохранение ее политической независимости, шляхта, прогнившая до мозга костей, не пошла ни на какие реформы

* «Сеп»—дань хлебом.

в пользу крестьянства[66]. Кроме призывов группы реформаторов во главе с Гуго Коллонтаем[67], ничего сделано не было. Конституция 3 мая 1791 г. заключает в себе лишь несколько неопределенных фраз о «защите закона» по отношению к крестьянам, но зато и очень определенное заявление, что крепостничество навеки остается нерушимым. Известный «универсал» Косцюшки, изданный при Поланце 7 мая, предоставляет крестьянам свободу перехода с одного места на другое, лишь бы они «уплатили долги», т. е. в сущности без возможности осуществить это право когда бы то ни было; далее он несколько уменьшает количество дней барщины, но не навсегда, а только на все время восстания, и притом освобождает от барщины только тех, кто служит в повстанческом войске, и к тому же не всех членов семьи, ибо остающиеся на земле члены семьи должны были отбывать барщину. Однако даже и этот универсал остался мертвой буквой: крестьянин отправлялся с косою в армию Косцюшко только в том случае, если получал на то разрешение своего помещика, а разрешали это лишь немногие шляхтичи; когда же воеводские комиссии стали набирать рекрутов вопреки воле помещиков, тогда кнут управляющих гнал на барщину женщин, стариков и детей.

Необходимо при этом помнить, что во второй половине XVIII в. в странах, соседних с Польшей, начинается кое-какая реформа крепостных отношений: патенты Марии Терезии и Иосифа II в Австрии, эдикты Фридриха II в Пруссии запрещают выселять крестьян и вводят точно установленный размер барщины и иных повинностей. Другой вопрос, каковы были причины. Фридрих II разумеется не из-за соображений гуманности накладывал узду на юнкеров, эксплоатировавших и экспроприировавших крестьян. Делая это, он имел в виду интересы армии. Крестьянство снабжало его полки гренадерами и конечно надо было думать о том, чтобы хватало этого пушечного мяса. Таким образом в интересах милитаризма государство укрощало дворянские стремления[68], приводившие к истощению и вырождению населения.

Надо далее помнить, что в то время как конституция 3 мая освящала «навеки» права шляхты на крепостную барщину, во Франции барщина уничтожается одним взмахом, благодаря торжеству Великой революции, а спустя несколько лет наполеоновские войны дали толчок к ликвидации крепостного строя во всей Западной Европе. В Пруссии реформа Штейна-Гарденберга 1816 г. предоставляет крестьянам право освобождения от барщины и от всяких повин-

ностей по отношению к помещикам, а также и право на землю за выкуп (этим самым беднейшее крестьянство было принесено в жертву и обезземелено), спустя же несколько лет то же самое проводится в Австрии. Революция же 1848 г. уничтожает последние правовые остатки барщины. Крестьяне в этих странах купили очень и очень дорого личную свободу и землю, на которой сидели, но так или иначе вышли из этого переворота кое с чем. Реформы эти пошли на пользу и польским крестьянам в землях, захваченных Пруссией и Австрией.

Дело обстояло иначе в той части Польши, которая ныне [69] образует королевство Польское.

Первую принципиальную перемену вводит тут Наполеон. Давая конституцию «княжеству Варшавскому», он постановляет кратко и сжато: le servage est aboli (крепостничество отменяется). Конституцию эту он продиктовал мимоходом своему секретарю в присутствии делегации польской шляхты. Так как отношения, которые он столь самовластно распутывал, были ему абсолютно чужды, то в решение это вкралась ужаснейшая несуразность: было введено положение, в силу которого крестьянин становится свободным, но земля его остается у панов, и она делается, стало быть, вполне их собственностью. В самую точку попадает выразительное замечание Мартина Бадени [70]: «такое освобождение без земли снимало, правда, кандалы, но стаскивало их вместе с сапогами». Действительно, с того времени можно было выселять крестьян с земли, не натыкаясь на какое бы то ни было препятствие со стороны правовых норм, — впервые определенно было уничтожено исконное право крестьянина на землю, которую он оплодотворил своим кровавым трудом.

Результатом всего этого и было то, что фактически ничего почти не изменилось. Крестьянин имел право уйти с земли, забрав свой скарб и инвентарь, — только итти-то ему было некуда, и он оставался на данной земле как бы на условиях свободного договора, а договор этот, продиктованный помещиком, основывался на том, что крестьянин за пользование господской землею будет отбывать барщину и исполнять иные повинности, как и до этого времени, а может быть еще и в большем размере. Если же помещику было более выгодно взять землю под хозяйство фольварка, то он просто на-просто гнал крестьянина. Наконец и личная свобода, полученная крестьянином, была довольно сомнительной: крестьянин мог уйти с земли, мог например уйти в город, — закон это разрешал ему, но исполнителями этого закона были ведь чиновники, избираемые шлях-

той и они осуществляли закон в интересах разумеется последней: всегда можно было путем юридического крючкотворства помещать крестьянскому «самовольничанию».

При этом, в виду непроходимой темноты, в какой обретался народ, без сомнения тысячи крестьян не давали себе даже отчета в той перемене, которую вводила в их правовое положение конституция. Не подлежат никакому сомнению, что в первой четверти XIX в. принудительное выселение крестьян приняло огромные размеры, о чем свидетельствуют Скарбек[71], Любомирский[62] и др. Иначе и быть не могло. Цены на сельскохозяйственные продукты после периода войн быстро стали итти вверх, фольварочное хозяйство стало быть оправдывало себя. В военном водовороте множество помещиков потеряло свои владения, имения переходили в руки спекулянтов, богатых капиталами, и эти новые приобретатели заводили в них сельское хозяйство уже на чисто капиталистических началах со своими орудиями производства и при помощи наемных рабочих рук, и в этих целях отнимали земли у крепостных крестьян, заменяя последних безземельными батраками. Если экспроприация крестьян не приняла еще более значительных размеров, то просто потому, что преобладающая часть помещиков не имела еще достаточных средств, чтобы перейти к указанному капиталистическому способу производства, а потому принуждена была оставаться при старой системе обработки земли с помощью барщины, которую крестьянин отбывал со своей упряжкой.

Конституционное королевство Польское, пользуясь вполне правом автономии, не сделало по крестьянскому вопросу решительно ничего. Даже в то время, когда шли приготовления к новой борьбе за освобождение, шляхта и слышать не хотела о каких бы то ни было реформах в пользу крестьян: в марте 1831 г. сейм без всяких церемоний похоронил все проекты, какие предлагались в этом направлении, хотя и очень в конце концов скромные.

После восстания 1831 г. равным образом абсолютно ничего не изменилось. Только в 1846 г. был издан указ, запрещавший выселять тех крестьян, которые сидели на земле, не превышавшей 6 моргов. Но и этот указ оставался мертвой буквой, и лишь при наделении крестьян землею царским правительством в 1864 г. частично были восстановлены права крестьян, выселенных уже после упомянутого указа.

Итак, в течение трех веков в пределах Польши, образующих королевство Польское, продолжалась беспрерывно насильственная экспроприация крестьян и шло увеличение

барщинных тягот. В соседних странах уже с половины XVIII в. идет реформа крестьянских отношений, результатами которой с начала XIX в. начинают пользоваться и польские крестьяне в прусском и австрийском захвате; в соседнем же королевстве Польском ни одна из реформ не была проведена. Поэтому-то крестьяне в нашей области и были доведены до предельной нищеты. Вплоть до 1864 г. Польша, находящаяся под игом России, погружена была в омут крепостного рабства, и лишь одно только еще поколение успело родиться свободным от его цепей, — в этом и заключается в весьма значительной степени причина низкого жизненного уровня и нищеты сельского населения этой части Польши.

Печаталось впервые в 1908 г. в теоретическом органе СДКП и Л „Przegląd Socjaldemokratyczny“ (Социалдемократическое обозрение) за подписью: Ю. Карский.

Перевод с польского по тексту 2-го издания п. 3 Wobec kwestji rolnej w Polsce. (К аграрному вопросу в Польше). Мос. 1918.

ЕВРЕИ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ [72]

Есть основание предполагать, что евреи уже в IX в. приезжали в Польшу. Это вполне вероятно, потому что одним из путей, по которому шло переселение народов, был путь, который шел от северных поселений готов, вандалов и руссов, долиной Вислы с ее притоками, на юг по долинам притоков Дуная вплоть до Византии. Этим же путем шла и торговля, а купцами были евреи. Чем же они торговали? Они везли на север дорогие изделия юга, выменивая их на янтарь, меха, воск и прежде всего на живой товар, на рабов. На последних был всегда огромный спрос в городах юга, особенно же в Византии.

Значит евреи торговали людьми! Дело отвратительное. За это на них негодуют в настоящее время «историки», пан Марыльский * и пан Неске-Хоинский**. Они забывают только прибавить, что, во-первых, «святая» католическая церковь санкционировала эту позорную торговлю, во-вторых, что торговали рабами не только евреи, но и богобоязненные последователи Христа ***, в-третьих, что евреи не могли бы в Польше

---

* «Dzieje sprawy żydowskiej w Polsce» (История еврейского вопроса в Польше), Варшава 1912.

** «Poznaj żyda» (Познай еврея), Варшава 1913.

*** Людьми торговали, в конце концов, не только в IX столетии, но, как известно, и в XIX: архикатолический король испанский и богобоязненный английский король в 1713 г. заключают между собой договор, согласно которому Англии до 1743 г. принадлежит право доставлять в испанские колонии в Америке ежегодно 4 800 негров в качестве рабов. Историки видят в этом блестящий успех английской политики. Английский город Ливерпуль, жители которого всегда считались людьми особенно религиозными, в 1792 г. содержал 132 корабля, предназначенные исключительно для торговли рабами (см. Карл Маркс, Капитал, т. I, отдел седьмой, гл. XXIV, 6, Возникновение промышленного капитала).

покупать рабов, если бы их там не продавали. А продавали их «старшие братья», «поводыри народа». Князья продавали своих единоплеменников за бесценок. «Помазанник божий», верный сын церкви, продавал тех, кого «бог отдал» в его руки, бог милостивый, бог христианский. Позорно, что сын Израиля, прибывший из Византии, покупал людей, но еще более позорно, что например князь Лешек из Крушвицы у озера Гопло их продавал. К таким выводам должны были бы притти люди, которые своей моральной меркой меряют дела далекого, темного прошлого.

Но когда они вытаскивают на свет это прошлое, чтобы разжигать страсти против современных евреев, они совершают дело не менее позорное, чем торговля живым товаром: они теперь отравляют живые сердца и умы.

Евреев, уже прочно осевших в Польше, мы встречаем в XII в. То, что нам известно о деяниях Мешко III Старого (1173—1177), свидетельствует определенно о том, что евреи были прежде всего орудием в руках князя*. Мешко, властелин хозяйственный, сильно наседал на панов и духовенство, устанавливая порядок в податной системе, «старался разорять панов, увеличивая таким путем доходы княжеской казны». И с этой именно целью он пользовался услугами евреев. Мы узнаем например, что с их помощью князь занимался порчей монет. А за преследование этих «своих» евреев он строго наказывал, главным образом налагая денежные штрафы, которые шли в казну. Дело закончилось тем, что паны, во главе с епископом краковским, изгнали князя. История умалчивает о том, не устроили ли они при этом «княжеским» евреям кровавой бани, но легко об этом догадаться.

Аналогия с Западом в данном случае большая: и там евреи были в руках королей орудием экономической и политической борьбы, с той только разницей, что на Западе борьба идет против горожан, а тут против панов — шляхты.

Первый известный нам документ, устанавливающий «права и привилегии» евреев, относится к XIII в. Болеслав Благочестивый, князь Калишский, в 1264 г. дарует им привилегии, которыми гарантирует им свою защиту и определяет, на каких условиях они могут оставаться в стране. В этом документе говорится также и о «лихве» (лихоимстве), устанавли-

* Grabieński, Dzieje narodu polskiego (История польского народа). Краков 1897, с. 33.

вается, что евреи могут получать проценты, регулируются условия выдачи ссуд и приема залогов.

В конце XIII и в XIV в. евреи переселяются в Польшу в большом числе. Прибывают они из Германии, где они, как известно, подвергались в это время гонениям во многих городах. Одна волна изгнанников шла таким образом с запада на восток: в Чехию, Польшу, Венгрию. Шла в Польшу и другая волна — с востока, откуда евреи бежали от турецкого нашествия. После битвы на Коссовом поле (1389 г.) турки захватили весь Балканский полуостров, они опустошают страну, и евреи бегут из опустошенных городов.

А между тем могущество Польши в промежуток времени от Казимира до Батория сильно росло; она богатела, расширялась, становилась все более культурной. Поэтому торговый класс мог встретить здесь подходящие условия для своего развития.

Посмотрим же, какие здесь складываются обстоятельства для пришельцев.

Король Казимир (1333—1370 гг.) дарует им в 1334 г. очень важные «привилегии», собственно говоря подтверждает и распространяет действие «привилегий», данных дедом его Болеславом Благочестивым, князем Калишским, на всех евреев, живущих в пределах его государства. На основании этого документа евреи могли жить по всей Польше, им гарантировалась защита со стороны королевского правительства и преследователи их ставятся под угрозу наказания. Евреи получают известного рода самоуправление, собственный суд, в котором могут разрешаться дела, возникающие в среде евреев, регулируются условия выдачи ссуд. Им разрешается также и торговля: евреи могут разъезжать с товарами по всему государству, причем должны платить такую же пошлину, как и горожане.

Некоторые историки усматривают какие-то особые милости и особую снисходительность в отношении Казимира к евреям. Взгляд этот идет повидимому от хроники Длугоша [34], написанной им сто лет спустя после Казимира. Длугош, заядлый клерикал, ненавидящий память короля, притеснявшего церковь, выдумал, что Казимир покумился с евреями, потому что влюбился в Эсфирь, красивую еврейку, дочь портного из местечка Опочно. Сказка эта до сих пор повторяется в популярных руководствах. Но она является чистейшей выдумкой. Не только король, но и любой панчук в те времена не церемонился с женщинами из простонародья, пользовался

ими, как чем-то ему по праву принадлежащим—и дело с концом. Таков был «дух времени». Поэтому Казимир, который, подобно второму Соломону, имел «бесконечное количество наложниц», человек сердитый (он приказал например челяди утопить в Висле, как собаку, ксендза Барычка, который должен был доставить ему декрет епископа об отлучении от церкви), суровый и жестокий (пойманного бунтовщика, воеводу Борковича, он уморил голодом в подземелье), — не похож что-то на селадона, нежно вздыхающего и готового «все сделать для милой». Он мог конечно любить упомянутую Эсфирь, но крайне неправдоподобно, чтобы этот роман мог повлиять на политические дела монархии. Объяснение отношения Казимира к евреям надо искать в сфере более реальных и не столь поэтичных соображений.

Объяснить себе мотивы этой политики не трудно. Казимир прослыл в истории властелином хозяйственным. Он, согласно народной поговорке, «застал Польшу деревянной, а оставил ее каменной», заботился о военном деле, устанавливал порядок. На все это нужны были деньги. А король с самого начала своего царствования испытывал финансовые затруднения. Он обязался уплатить чешскому королю Яну Люксембургскому 20 тыс. коп пражских грошей[40] за его отказ от притязаний на польский престол. Значит, его милости королю нужно было много денег, а деньги, так же, как и на Западе, легче всего могли доставлять евреи. Сколько пришлось им заплатить за привилегии наличными деньгами, история умалчивает. Может быть они дали все эти 20 тыс. коп грошей, а может и еще того больше. Евреи превращались в источник постоянных доходов, потому что «привилегия» гласила: «ни один воевода не имеет права вымогать у евреев налогов или податей, потому что мы их оставляем для нашей казны». Вот в чем суть! А доход от них был значительный, потому что евреи, уже издавна осевшие в Польше, развили обширную торговую сеть: они торговали с Германией, откуда прибыли, с Чехией, Венгрией, Киевом, Византией. Торговля эта была сопряжена для евреев с выплатой огромных пошлин, а сверх того они платили еще и особую «поголовную подать». Очевидно король знал, что делал, когда брал на себя «защиту» евреев. Да ему и не надо было долго размышлять об этом, потому что примером ему служил зять его король Венгерский, Карл Роберт Анжуйский*, который вводил западноевро-

* По-латыни Andegavum, по-французски Anjou (Анжу)—область на северо-западе Франции; анжуйская династия царств. в Неаполе, Сицилии и Венгрии.

нейские порядки в администрации и финансовом управлении. Живя в молодых годах при дворе его, Казимир нашел там готовый образец того, как надо увеличивать денежные средства казны с помощью евреев.

Больших затруднений в проведении своих финансовых и экономических планов король встретить не мог, потому что города, которые на Западе так свирепо боролись против чужеземных еврейских пришельцев, в Польше были еще слабы, и горожане не имели здесь определенных прав, а потому не могли существенно противиться королевской воле. Препятствия могли встретиться только со стороны духовенства, которое еще до Мешко Старого возмущалось против «еврейского хозяйства», и в лице краковских епископов Яна Грота и потом Бодзанты, боролось с Казимиром. Но королевская власть одержала верх и тем самым противодействие духовенства в отношении «слуг королевских», евреев, было сломлено. Во времена Ягеллонов королевская власть слабеет, духовенство берет верх. Это сейчас же отражается на евреях. Уже во время Владислава Ягелло, архиепископ гнезненский Михаил Тромба добивается в 1422 г. буллы, запрещающей христианам всякие сношения с евреями. В Польше начинается образование «гетто», чего прежде не было. Евреям начинают предписываться также особые отличия, по которым их можно было бы легко узнавать: желтая шапка странного вида, вставка из красного сукна на верхней одежде. В общем началась травля евреев. В 1399 г. произошел еврейский погром в Познани. В 1407 г. в Кракове ксендз Будек, пустивший с амвона выдумку о том, что евреи убили ребенка, вызвал новый погром. В 1454 г. Ян Капистран, папский нунций, прославившийся преследованием гуситов, впоследствии причисленный католической церковью к лику святых, там же в Кракове возбудил толпу против евреев и вызвал тем страшную резню их. С этого времени погромы повторяются непрестанно; в 1464 г. — в Познани, в 1477, 1494 и 1499 гг. — в Кракове, в 1498 — во Львове.

Но об изгнании евреев из страны не могло быть и речи: они слишком нужны были королям как финансовая сила. Достаточно вспомнить, что Людовик Венгерский во время своего короткого царствования в Польше задолжал банкиру Левке из Кракова 33 тыс. гривен[78]. Королева Ядвига заняла у евреев 10 тыс. гривен, Владислав Ягелло взял у них в долг деньги для организации грюн-

вальденского похода против Ордена крестоносцев; еще больших ссуд требовали Сигизмунды, для содержания своих пышных дворов; Баторий брал у них в долг деньги на военные походы.

Делая долги, короли должны были гарантировать их возвращение, — поэтому они освобождали евреев от податей, налогов и пошлин: евреи становились сборщиками податей, взыскивая при этом свои деньги вместе с процентами. Сейм неоднократно выносил постановления, чтобы евреев не допускать к исполнению таможенных должностей. Но конечно повторение таких постановлений свидетельствует лишь о том, что такой способ уплаты королевских и государственных долгов продолжал практиковаться.

Не могли также не происходить трения между мещанско-христианским населением и евреями. Во времена Сигизмундов польская торговля сильно расширяется, города богатеют. И вот жители Познани, Сандомира, а потом и Варшавы, этих значительных торговых центров, начинают косо смотреть на евреев, в руках которых сосредоточивается торговля. С этих пор горожане, по примеру немцев, стараются ограничить права евреев.

Но против этого теперь в свою очередь восстала шляхта. Восстала конечно не по каким-либо сентиментальным мотивам. Речь шла о чем-то весьма реальном. Во-первых, шляхта полагала, что городские мещане ее обирают, беря с нее повышенные цены за товары. Поэтому были установлены твердые цены на товары, а также издавались распоряжения о снижении цен. Евреи же были конкурентами горожан, поэтому шляхта хорошо понимала, что если ослабить торговые дела евреев, то для нее это будет невыгодно. Во-вторых, в экономическом положении шляхты в XV и XVI вв. произошла значительная перемена. Во времена короля Казимира шляхтич был владельцем земли, при Сигизмундах он превращается уже в помещика-хозяина, сельскохозяйственного предпринимателя. Это значит: прежний шляхтич властвовал над крепостными в том смысле, что брал с них подати и этим жил вместе со всей дружиной, выполняя при этом административные и военные обязанности. Крепостной крестьянин должен был нести барщину, т. е. строить укрепления, поправлять дороги, корчевать лес, обрабатывать скудную господскую землю. Но с течением времени шляхта захватывает землю крестьян, присоединяет ее к своей земле, оставляя им только незначи-

тельную часть. Крестьяне должны были на этой господской земле отбывать барщину, которая становилась все тяжелее. Продуктами этого сельского хозяйства шляхта вела обширную торговлю, вывозя в Данциг зерно, пеньку, лен, поташ из выжженных лесов, доски и клепки, и посылая в силезские города откормленных волов. Одним из самых крупных источников дохода сделалась водка. Крестьянам запрещено было курить водку для собственного употребления, только господский двор имел право изготовлять этот яд, а крестьянин лишь покупал его у пана. Пил же крестьянин не только по собственной охоте, но и по принуждению: было установлено, сколько водки каждая хата должна была брать из господской корчмы; если бы даже крестьянин не пил, он все-таки платить за вино должен был. Шляхта устраивает также на своей земле торговые местечки, запрещая крестьянам ходить на другие рынки и получает с собственных рынков барыши.

Вот для такой системы хозяйства евреи оказывались необходимыми шляхте. Еврей был посредником при продаже продуктов господских имений, его посадили в корчме, чтобы он продавал крестьянам водку, еврей становился купцом в шляхетских торговых местечках.

В то время когда шляхта бросилась колонизировать Украину, превращая казаков в крепостных крестьян, снова орудием шляхты становится еврей. Смоленский пишет *:

> «Старостам королевских владений и панам, владельцам наследственных поместьев, евреи с необработанных земель сулили большие барыши, предлагая по 20 тыс. злотых [44] за предоставление им исключительного права курить водку и продавать ее. Евреи арендовывали мельницы, пруды, вообще — все, что было возможно, и платили за это огромные деньги. Но и сами, совершая всякие злоупотребления, выручали от аренды огромные деньги и при этом всюду обирали местное население. Подговаривали дворовых слуг портить котлы и горшки для курения водки, принадлежавшие казакам. Арендуя церкви у корыстолюбивых панов, требовали предварительной уплаты за венчание и крестины и не выдавали ключей от церкви до ее получения. От судей получали откуп на взимание судебных пошлин, доставляя много хлопот тяжущимся сторонам».

---

* «Stan i sprawa zydów polskich w XVIII w. Pisma historyczne» (Положени польских евреев в XVIII в., Исторические сочинения), том II, с. 230.

Вот каким образом часть евреев из «королевских людей» превратились в «евреев шляхетских».

Эта перемена выразилась в государственном распоряжении уже в 1539 г. Во время сейма того времени король Сигизмунд I Старый отдает как бы в собственность шляхте евреев, осевших в деревнях и местечках, принадлежавших шляхте. Документ этот гласит следующее:

> «Той шляхте, в местечках и деревнях которой имеются евреи, мы разрешаем самой получать с них доходы и чинить над ними суд, согласно своему усмотрению. Но тем евреям, от которых нет никакой пользы, мы не разрешаем пользоваться правами, нами и нашими предками установленными, а также не желаем, чтобы до нас доходило что-либо об обидах, им чинимым, а также чтобы, так как мы от них никакой выгоды не имеем, на них распространялась наша защита».

Становится понятным, почему шляхта с того времени, как она стала получать от евреев доходы, не позволяла горожанам «утеснять» евреев в торговле. Вот почему мы находим сравнительно немного, по тому времени, ограничений прав евреев. В Варшаве, которая с 1569 г. становится столицей, жить им запрещалось, — они имели право находиться там только во время сеймов. Во Львове, Кракове, Сандомире и Познани они имели право торговать только некоторыми товарами и на определенных условиях (например во Львове торговать только сукном, мехами, воском и скотом; во время ярмарок они могли торговать этими товарами в розницу, в другое время — только оптом). Эти ограничения в точности однако не соблюдались.

Зато, когда дело касалось ограничения гражданских прав евреев во славу клерикальных домогательств, то тут послаблений не допускалось. Против такого рода притеснений еврейства шляхта ничего не имела, тем более, что приняв на короткое время «новшества» лютеранские и кальвинистские, в XVII в. под вождением иезуитов она стала уже очень набожной.

В XVIII в. начинаются особенно сильные преследования евреев со стороны католического духовенства. Все чаще возникают чудовищные обвинения в ритуальных убийствах. Создаются судебные процессы, а если обвиняемые под пыткой признают себя виноватыми в возводимых на них преступлениях, их жестоко убивают целыми десятками.

Прибавим к этому разнузданность шляхты того времени. Защиты закона не существовало и шляхта могла безнаказанно издеваться над крестьянином и евреем.

«Потоцкий, каневский староста, желая вознаградить соседа за убийство его арендатора, приказал погрузить на воз евреев и высыпать их «как репу» у ворот потерпевшего. Тот же староста ради забавы приказал еврейкам влезать на яблони и куковать по-кукушечьи, а потом стал стрелять в них дробью и смеялся, когда они раненые падали» *.

Шляхетский сброд насиловал еврейских женщин, травил цепными собаками еврейских детей, купал в навозной жиже надоедавших кредиторов-евреев — таковы были обычные шляхетские «проделки».

Поэтому вполне понятно, что о какой бы то ни было а с с и м и л я ц и и, о выходе евреев из состояния отчужденности, о слиянии с польским обществом не могло быть н и к а к о й р е ч и. И с к л ю ч и т е л ь н ы е з а к о н ы, б е з г р а н и ч н о е п р е з р е н и е со стороны господствующего класса по отношению к евреям, с т р а ш н а я н е н а в и с т ь со с т о р о н ы к р е с т ь я н, к о т о р ы х е в р е и, с л у ж а ш л я х т е, э к с п л о а т и р о в а л и — т а к о в б ы л у д е л е в р е е в в Речи Посполитой.

О евреях подумали лишь в последнюю минуту, в эпоху реформ четырехлетнего сейма. Выработан был проект, согласно которому евреи ставились под защиту «закона». Но этот проект не был даже представлен сейму, — он застрял в комиссии.

К этому надо прибавить, что еврейский к а г а л ь н ы й [74] старшина имел большую власть в Польше, более значительную, чем на Западе.

Еврейская г м и н а (община) пользовалась правом самоуправления; пользовалась правом суда для решения дел, возникавших в еврейской среде, и особенно правом разрешать налоговые дела. Евреи платили налог, который назывался «поголовным», но местная власть устанавливала только размер общей суммы, которую евреи должны были внести в государственную казну, распределение же налогов зависело от власти кагала. Если мы к этому прибавим, что все евреи без исключения были лишены права учиться в школах, что большинство евреев погибало от нужды, а, значит, и от невежества, то мы поймем, какому беспредельному угнетению подвергались они со стороны гминных старшин и как сильно вместе с тем развивался религиозный фанатизм среди еврейских масс.

За время существования Княжества Варшавского, в конституции, навязанной Наполеоном Польше в 1806 г., провоз-

---

* С м о л е н с к и й. цит. раб. с. 241.

глашалось равноправие граждан, но что касается евреев, то они в течение десяти лет не могли пользоваться политическими правами, не имели права приобретать земельное имущество и были ограничены в праве свободно избирать местожительство. В конституционном королевстве Польском существовало равным образом ограничение евреев в правах и за время существования польского управления не сделано было ни одного шага для урегулирования отношений, существовавших в среде самих евреев. Затем при царизме начинается период новых исключительных законов.

В этих-то условиях в XIX в. начинают выделяться отдельные личности, происходящие исключительно из среды зажиточных евреев, которые занимаются свободными профессиями. Масса же еврейского народа, погрязшая в религиозном фанатизме и темноте, остается под исключительным влиянием кагала.

Историки и публицисты-антисемиты последних дней,[75] как реакционеры, так и «прогрессисты», упрекают евреев в неблагодарности по отношению к Польше. Благодарность? За что? за мученья? за вековые мытарства? Говорят, что Польша приютила евреев в те времена, когда их всюду преследовали. Князья и короли «приютили» еврейские деньги, позвали евреев, когда эти последние оказались им нужны. Говорят о терпимости в Польше. По отношению к евреям этой терпимости никогда не существовало. Был, правда, небольшой промежуток, когда правительство, при последних Пястах, вело борьбу с клерикалами; был другой промежуток времени, когда шляхта обнаруживала терпимость по отношению к гуситам, арианам, лютеранам, кальвинистам, но только не по отношению к евреям *. Эти якобы «историки» упрекают евреев в том, что они истощали страну, спаивали крестьян, обманывали и обижали их. А подлинный историк Смоленский[76] уже четверть века назад отвечал на эти выдумки следующим образом:

> «Такое огромное число ограничений исказило нравственный облик евреев. Прямой путь был для них закрыт, поэтому для того, чтобы иметь возможность существовать, им приходилось изворачиваться; их заставляли все опла-

---

* В эпоху реформации именно в Польше евреев преследовали. В 1539 г., например, сожгли на костре горожанку, Катерину Мальхерову, заподозренную в принятии еврейской веры. Около этого времени обнаруживается особенно суровое отношение к евреям, заподозренным в том, что они обращали христиан в свою веру. См. об этом: Kraushar, Historja żydów w Polsce (Краусгар, История евреев в Польше) Варшава, 1866.

чивать тысячами жертв, и чтобы возместить свои потери, они прибегали к хитрости.

«Отталкивая евреев от источников просвещения, их заставляли питаться предрассудками Талмуда; покровительствуя автономии кагалов, давали возможность себялюбивым высшим должностным лицам угнетать гмины угрозами и страшными клятвами *.

«Как прежде в упадке городов, так теперь в деморализации крестьянства и его разорении слишком легкомысленно обвиняли исключительно евреев. Ведь шляхта в продолжение трех столетий угнетала народ железной дланью. Хотя в XVIII столетии крестьянин пил из рук евреев, но водка, которая наливалась в чарку, была шляхетская. В корчме сидел арендатор шляхтича, который в награду за доставляемые ему барыши позволял евреям спаивать и обирать темный народ. Разумный помещик, даже без убытка для своего кошелька, мог бы оградить народ от деморализации и тем самым, стоя на страже интересов земледелия, он мешал бы развитию дурных привычек среди евреев. Жадность нравственно разложившейся шляхты была главной причиной материальной и моральной нужды крестьянства» **.

Да, это действительно было так: из-за барышей шляхтич позволял евреям обирать крестьян. Можно выразить это еще определеннее: шляхтич с помощью еврея обирал крестьянина. Дело заключается исключительно в том, что евреи как на Западе, так и в Польше были орудием классовой эксплоатации. Их деятельность как торговцев и шинкарей служила для шляхты средством реализации результатов эксплоатации крестьянского труда. При этом незначительная часть евреев поживилась конечно, так как часть барышей оставалась в их руках. Но масса еврейства, многотысячные толпы евреев, несмотря на то, что они обирали хлопов, сами жили в жестокой нужде и пренебрежении.

Напечатано впервые отдельной книгой „Antysemityzm a robotnicy" (Антисемитизм и рабочие), Варшава 1913.

Перевод с польского по тексту второго издания, Москва 1918.

---

* «Stan i sprawa zydow etc.» (Положение польских евреев в XVIII в.), с. 264.

** Там же, с. 238.

ИЗ ПРОШЛОГО ЧЕНСТОХОВСКИХ МОНАХОВ-ПАУЛИНОВ [77]

Когда трупный запах обнаружил все моральное разложение ясногорских монахов [78], то клерикальные силы всячески стараются рассеять тяжелое впечатление от этого, усиленно убеждая общество перейти возможно скорее к порядку дня, так как-де «нельзя пачкать святыню», а «святыней» в данном случае является мол не только орден Паулинов, но прежде всего и «национальный памятник» — Ясногорский монастырь, прославившийся во время войны со шведами своей «чудесной обороной», под предводительством настоятеля этого монастыря ксендза Августина Кордецкого.

Какая неосторожность! Надо было бы помнить этим клерикалам, что не совсем безопасно касаться легенды, в данное время уже совершенно разрушенной исторической правдой, что эта историческая правда в настоящее время вынуждает ставить настоятеля монастыря Паулинов не рядом со Стефаном Чарнецким, защитником Речи Посполитой, а рядом с предателями польской независимости [79].

Припомним в нескольких словах исторические события, приведшие к «чудесной обороне Ченстохова».

После смерти Стефана Батория, шляхта избрала королем (1587 г.) Сигизмунда III Вазу, сына шведского короля и княжны Екатерины из династии Ягеллонов.

После смерти отца Сигизмунд III унаследовал шведский престол. Опутанный иезуитами, он боролся против реформации в Швеции и тем вызвал восстание; в войну свою со Швецией он втянул и Польшу. Война кончилась примирением, но сыновья Сигизмунда — Владислав IV и Ян Казимир, один за другим избранные польскими королями, не отказались от

притязаний на шведский престол. Столкновение было таким образом чисто династического характера; разрешался вопрос королей — не народов.

В 1655 г. когда Польша вела тяжелую войну с Москвой, польский магнат Иероним Радзеевский, приговоренный к потере чести и к изгнанию за допущенные им насилия, уговорил Карла Густава шведского напасть на Польшу. Часть польских магнатов скоро перешла на сторону врага: Христофор Опалинский, воевода Познанский, Карл Грудзинский, воевода Калишский, Радзивиллы, обиравшие Литву, и другие признали Карла Густава королем польским. Шведские войска наводнили Польшу. Грабежи шведских солдат вызвали однако отпор шляхты, поднялся и народ, доведенный до этого мучениями, какие принесло с собою хозяйничанье шведов.

С Москвой удалось заключить мир и союз, а благодаря замечательным стратегическим способностям Стефана Чарнецкого, шведские войска были разбиты и Карл Густав должен был согласиться на заключение мира.

Одним из незначительных эпизодов этой войны и была защита Ченстохова.

18 ноября 1655 г. шведский генерал Миллер стал под стенами укрепленного Ченстоховского монастыря, а 25 отступил из опасения, чтобы отряд его не оказался окруженным Чарнецким. Кто из нас не читал истории этой «чудесной обороны»? О славе Ясногорского монастыря и его защитника настоятеля Августина Кордецкого громко говорят исторические труды, патриотические детские книжечки, повести («Кордецкий» Крашевского), картины и скульптурные произведения. Монах в белом одеянии, стоящий на валах, с крестом в руках, сделался любимым героем патриотических повествований.

Необходимо отметить, что источником всех сведений об этой обороне являются россказни самого Кордецкого. Настоятель отнюдь не держал своих заслуг под спудом, а сам описал свои деяния в книжке, изданной два года спустя в Кракове на латинском языке. Позднейшие историки только повторяют его рассказ. Некоторые из них, настроенные архикатолически, говорят о «почти-что чудесной обороне», наиболее передовые говорят, что она «вдохновила народ надеждой» и побудила его к борьбе со шведами. Но надо заметить, что в сущности говоря, в большом «чуде» здесь не было никакой надобности. Монастырь был сильный, укрепленный, и согласно обычаю того времени, при приближении шведов вооруженная шляхта со всей округи заперлась в этой крепости, отряд же шведов, как теперь выяснено

с полной достоверностью, был небольшой — всего 4 тыс. человек, у которых притом нехватало осадных орудий, и для того, чтобы при таких условиях защищаться в течение 5 недель, «чуда» как-будто и не требовалось. Моральное воздействие этой обороны на весь народ наверно тоже не было слишком большим, потому что в те времена вести не слишком-то быстро распространялись, и конечно пока весть об этом «деле» дошла до разных углов Польши, наверно прошло гораздо больше времени, чем эти пять недель. И тем не менее легенда об этом «чуде» не умирала, легенда — выгодная для духовенства, а поэтому тщательно обработанная.

Но теперь легенда о героизме настоятеля Ясногорского монастыря оказывается безжалостно разрушенной: из шведского правительственного архива добыты документы, т. е. рапорты и письма, относящиеся ко времени войны с Польшей.

Это не было сделано раньше потому, что события, относящиеся к этой войне, были не слишком лестны и для шведов: «геройские отряды» в этих документах оказываются просто разбойничьими и бандитскими шайками, грабящими беззащитную вследствие измены польских магнатов страну и в беспорядке бегущих, как только над головами их сверкнули сабли закованных в латы гусаров — партизанов Чарнецкого. Эти документы, разумеется разрушили немало также и шведских патриотических легенд. Тем менее можно сомневаться в их подлинности, да впрочем в ней никто и не сомневается.

Среди этих документов нашлись и такие, которые в совершенно ином свете рисуют и настоятеля Паулинов. Важнейший из них мы сообщаем в дословном переводе *. Это письмо самого настоятеля, адресованное генералу Миллеру.

Кордецкий пишет:

«Вашему великому и прославленному государю известно, что наше дело не избирать королей, а лишь почитать тех, кого избрали можные нашего государства. Посему как только вся Речь Посполита признала государем пресветлейшего короля шведского и избрала его своим королем, наш монастырь, который польские короли всегда окружали почетом и заботами, смиренно преклонился перед величием короля шведского, как это видно из письма от 28 октября, присланного нашему монастырю ясновельможным Виттенбергом**. Наши верноподданнические чувства и нашу покор-

* По «Swensk Historik Tidsskrift» (Шведский исторический журнал).

** Виттенберг был представителем короля Густава в Кракове.

ность мы вновь изъявили в письме, посланном в Варшаву, на которое и ждем ответа всемилостивейшего короля. Как истинные верноподданные почитаем мы найяснейшего короля шведского, нашего всемилостивейшего государя, и даже в мыслях не имеем поднимать оружие против войск всемилостивейшего государя.

«Поэтому мы усиленно просим вас, чтобы вы соизволили оставить в покое наш монастырь, посвятивший себя служению господу нашему Иисусу Христу и его пречистой матери, монастырь, в котором мы непрестанно молимся о благосостоянии короля шведского, покровителя Речи Посполитой. Мы не спорим с волей вашей и просим вашей защиты, что его королевское величество повелеть соизволит, то мы неизменно исполнять будем. А пока поручаем себя заботливой милости вашей.

«Наинижайший слуга имени Христова и недостойный молитвенник вашей вельможности, ваш брат Августин Кордецкий, настоятель».

На письме стоит дата 21 ноября, — значит, оно было написано тотчас же по прибытии шведского генерала к стенам Ченстохова. Письмо это было ответом на воззвание генерала, требовавшего, чтобы шведский отряд был пропущен в стены монастыря.

Но шведскому генералу нужны были более реальные доказательства покорности, а не бумажка, поэтому он и настаивал, чтобы монастырь, не дожидаясь ответа из Варшавы, впустил отряд. Кордецкий отвечает, что сделать он этого не может, потому что вступление солдат в стены монастыря испугает паломников, а если они перестанут приезжать, монастырь потеряет свои доходы. По всей вероятности преподобный отец опасался также и того, чтобы солдаты, добравшись до казны, винных погребов и кладовой с запасами, не обобрали бы монахов. Тогда генерал попробовал взять монастырь силой; поэтому монахам ничего другого не оставалось, как только защищаться.

По прошествии пяти недель, когда Миллер принужден был отступить, он потребовал, чтобы монахи снова заявили о своей покорности королю, — на это он получил ответ, что Паулины никогда не восставали против шведского короля и в будущем будут также почитать его, как истинно верноподданные слуги его.

Вот как разрушается легенда! Точно так же, как изменники Радзеевский, Опалинский и Радзивиллы, и настоятель признает Карла Густава польским государем, выражает ему верноподд-

данпические чувства, унижается и раболепствует перед ним. Он защищает доверенную ему крепость не во имя родины, но охраняет только монастырские доходы. И даже тогда, когда уже весь народ взялся за оружие, когда Чарнецкий, по словам Пасека, задал перцу шведам, политичный настоятель на всякий случай все еще выражает верноподданнические чувства шведскому королю.

Для полной характеристики преподобного отца надо прибавить еще, что он, приняв на себя личину историка, подделал свои письма. В своей книге он приводит свое же письмо от 21 ноября будто бы дословно; но у него оно носит совсем другой характер, чем найденное в шведских архивах. Письмо это пышет патриотизмом и написано в вызывающем тоне.

Историческая правда не так поэтична, как сказка, но и в этом случае она подтверждает только общее правило: католическое духовенство никогда и нигде не служило родине, оно всегда готово было продать и подавить народ, всегда заботилось только о делах церкви и своих доходах. Были конечно единичные личности, горевшие любовью к родине, готовые к жертвам, но с ними церковная власть никогда не была солидарна и духовные сановники всегда отрекались от них. Только там, где патриотическое чувство может служить усилению господства церковников, они льстят этому чувству.

Поэтому необходимо срывать с него маску, необходимо, чтобы и эта легенда о «чудесной обороне Ясной горы», разрушенная историческими документами, перестала одурманивать польский народ. Любовь к родине повелевает уважать историческую правду в истории народа, познавать правильно его врагов и предателей.[80]

Кордецкий не служил Польше, а предавал ее.

Поэтому надо гнать защитников Мацохов[78] от польского народа. Если во имя прошлого, во имя патриотической легенды хотят они предать забвению моральную гниль разложившегося духовенства наших дней, то надо ответить на это твердо и определенно: на деяниях ордена Паулинов и на делах костела и его высших сановников, на их отношениях к Польше история начертала одно только клеймящее слово и слово это: предательство.

Напечатано впервые в легальном органе СДКП и Л «Wolna Trybuna» (Вольная трибуна) № 1, Варшава, 7/II 1911 г.

Перевод с польского

ПОЛЬСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 3 МАЯ 1791 ГОДА

КОНСТИТУЦИЯ 3 МАЯ 1791 ГОДА

ПЕРВОЕ И ТРЕТЬЕ МАЯ

ПОЛЬСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 3 МАЯ 1791 г.[81]

История человечества — есть история классовых битв. Не такова история Польши с пятнадцатого по конец восемнадцатого столетия, ибо здесь не было уже в эту эпоху острых классовых битв.[82] В эту эпоху в Польше была лишь беспощадная эксплоатация побежденных классов — крепостных крестьян и горожан — со стороны господствующего, безраздельно властвующего победоносного класса дворян.

Доказательства, почему это было так, почему именно польский народ обладал столь незначительной силой сопротивления, почему он ни разу не мог подняться * против своих угнетателей, завели бы нас слишком далеко.

Мы намерены кратко разобрать здесь лишь только один эпизод из той ужасающей народной драмы, которая разыгралась в результате указанного положения вещей: мы намерены рассказать лишь о последней попытке спасти государство от гибели, о прославленной, но в сущности мало известной конституции 3 мая 1791 г. Даже и этот последний государственный акт самостоятельной Польши своеобразен тем, что он является парламентски-конституционным переворотом, осуществленным отнюдь не в итоге классовых боев[83]. И, если бы в данном случае угнетенному трудящемуся классу было действительно оказано содействие в приобретении прав без борьбы, то это был бы в самом деле единственный случай в истории, когда господствующий класс без внешнего принуждения, по своей собственной воле отказался бы от своих прав в пользу порабощенного класса.

---

* Казацкие восстания ограничивались одной Украиной, степным краем, который был «приобщен к культуре», т. е. порабощен, в последнюю очередь.

А так именно это событие до сих пор и толковалось: уже Эдмунд Борк (Edmund Burke) [84] ненавистной ему французской революции противопоставлял «мирную революцию» в Польше, которая якобы сделала для низших классов столько же, сколько и первая, до основания преобразовав страну, но не пролив при этом ни капли крови. И до самого последнего времени сентиментальные невежды ухитряются ссылаться на эту конституционную реформу в Польше, как на опровержение теории классовой борьбы.

Проверим справедливость этих рассуждений.

Тот процесс, который Кнапп характеризует как превращение землевладельцев в помещиков, произошел в Польше раньше, чем в Западной Европе: обезземеление крестьян началось здесь раньше и было проведено столь решительно, что уже к середине шестнадцатого столетия крестьянское наследственное (аллодиальное) землевладение совершенно исчезло. Земля находилась исключительно в руках шляхты. Типичным хозяйством является в это время фольварк [59], состоящий из нескольких «влок» («влока» — около 15 десят.)*, на которых работа производится посредством крепостных. Латифундии, состоящие из многих сотен, а часто и многих тысяч фольварков, становятся все многочисленнее. Производится хлеб и разводится скот для сбыта на Западе.

Этот сбыт делается особенно обеспеченным с той поры, как в Западной Европе укрепляется денежное хозяйство и она вступает на путь капиталистического развития. Польша превращается в «житницу Европы»; но этим задерживается ее собственное развитие. Шляхта нашла свой экономический базис, на котором она вырастает в могущественнейшего паразита и все больше порабощает крестьянство, а горожан обрекает на все большую нужду. Надо удивляться, с какой последовательностью шляхта преследует свои цели, как ловко она пользуется своим политическим могуществом, дабы все больше умножать свои экономические выгоды. Законодательство этой «Serenissima Respublica» ** свидетельствует об этом. В самом деле, все тяготы взваливаются на плечи крестьян и горожан, и в восемнадцатом столетии один из ораторов сейма мог уже сказать: «Польская шляхта с молоком матери всасывает убеждение, что одной из

---

* Размер фольварков меняется вместе с интенсивностью системы земледелия. На востоке, на степной нови, господствовало экстенсивное хозяйство, на западе — более интенсивное.

** По-латыни — «Светлейшая Республика» — *Ред.*

ее привилегий является свобода от каких бы то ни было налогов». Пошлины взимаются только с купцов; то, что вывозится и ввозится шляхтой, обложению пошлиной не подлежит. Свои потребности в продуктах промышленности шляхта с этих пор удовлетворяет за границей и оплачивает их плодами рук своих крепостных. А поскольку шляхта сама выступает в качестве потребителя внутри страны, она заботится о том, чтобы производитель «не эксплоатировал» ее, чтобы он не соединялся для повышения цен на продукты в цехи, которые она клеймит, как «монополии». Прусский писатель Гюппе (Hüppe) в своей книге «Конституция польской республики», посвященной князю Бисмарку, по этому поводу говорит: «Польская шляхта с этих пор вела политику свободной торговли». Но эта «свободная торговля» заключается в том, что ясно и определенно преследуется цель закрепить за господствующим дворянским классом всевозможные экономические преимущества, ибо, хотя высокородные господа с величайшим презрением смотрели на торгашей (ведь «заработок при посредстве аршина и весов» влечет за собою в это время утрату дворянского звания), тем не менее они великолепно умеют использовать малейшую торговую выгоду. Отсюда вполне ясно, что польские города должны были захиреть. Этот процесс был еще ускорен тем прямым, ничем не прикрытым грабежом, который производился «старостами», представлявшими ту же шляхту, так как до самого своего падения Польша не знала профессионального чиновничества и дворяне были прирожденными управителями. С 1420 г. «старосты» были военачальниками при обороне города, судьями по уголовным делам и распорядителями полицейской власти. Мало-по-малу к ним перешло и управление угодьями, принадлежавшими городам. В 1562 г. король Сигизмунд Август издал указ, в силу которого четверть дохода с королевских имений, находившихся в держании заслуженных людей, и с так называемых столовых имений, как и четвертая часть городских доходов, предназначаемая раньше для короля, должна была отчисляться на содержание замков и крепостей. Взыскание этой четверти было поручено старостам, а они свои обязанности выполняли очень усердно, так усердно, что от дохода городов почти ничего не оставалось. Можно с уверенностью сказать, что крепостные стены и валы совсем не ремонтировались, — наоборот, все крепости без исключения приходили в упадок, зато старостам жилось хорошо. В семнадцатом столетии все обязанности старост, связанные с управлением, были позабыты, — «староства» стали раздаваться просто на-просто в качестве награды за «оказанные услуги»

и считаться лучшими синекурами; а вскоре на эти староства стали смотреть уже и совсем как на частную собственность, их стали продавать и отдавать в аренду. Можно себе представить, как высасывались соки из горожан!

Отношения между помещиком и его крепостными считаются в это время вообще не подлежащими ведению закона. Крепостной превращается в неодушевленный предмет. Повинности становятся все более и более тяжелыми, крестьянский надел все мельче, а нищета крестьян не поддается никакому описанию.

Таким образом в то время как во всей Западной Европе экономическое развитие вело к уничтожению пут крепостничества и к подрыву преобладания феодального дворянства, в Польше оно повело, напротив, к тому, чтобы крепче стянуть эти крепостнические путы и утвердить положение шляхты. Именно потому, что Польша была «житницей», в которой Европа нуждалась, она представляла в рамках капиталистического развития последний огромный натурально-хозяйственный[85] анахронизм. Но это обстоятельство повлекло за собой дальнейшие последствия. Стихия поднимающегося капитализма, все более и более развертывающегося денежного хозяйства создала современное государство с его стремлением к развитию милитаризма, с его неутомимой жаждой аннексий. Польша оставалась в стороне от этого развития[85]. С того времени как в Польше установилась выборная монархия и могущество королевской власти было сломлено, абсолютизм стал невозможным, а у польской шляхты не было решительно никаких оснований стремиться к опасным завоевательным предприятиям. Напротив того, она считала, что постоянное войско представляет опасную силу, так как король мог бы использовать его против шляхты, а война, какая бы она ни была, могла бы только мешать эксплоатации чужого труда; наконец натуральное хозяйство[85], до тех пор пока дворянство было свободно от налогов, не в силах было предоставить государству таких средств, какими располагали другие государства. Из крестьян ведь нельзя было выжать уже больше. Вот почему, в то время как бюджет Франции, в середине восемнадцатого столетия, равнялся уже трем четвертям миллиардов ливров[86], Польское государство едва располагало двадцатью миллионами польских гульденов[44] годового дохода и не имело постоянного войска, заслуживающего внимания.

Правда, все еще говорили, что защита страны является призванием шляхты и так как предполагалось, что каждый польский шляхтич является воином, то на этом основании было

принято считать, что в распоряжении Польши находится войско, с которым не может сравняться ни одно наемное войско во всем мире. На самом же деле прославленная польская конница давно уже отошла в область преданий, а дворянская милиция, «посполитое рушение», уже в семнадцатом веке стала предметом насмешек. «Землевладелец» былых времен был еще воином, но теперешний хозяйственный «помєшик» был чем угодно, но только не им. Таким образом шляхта не только обессилила народ до мозга костей, но и сделала его беззащитным перед стремящимися к захватам государствами с их крепким абсолютизмом. Когда Петру I удалось превратить Московское государство в европейскую державу, судьба польской шляхетской республики была решена. Раздел Польши начался, собственно говоря уже в 1717 г., когда русские войска надзирали за работой «немого сейма». С этого времени польская шляхта придумала глубокомысленную теорию, согласно которой «Польша держится благодаря беспорядку», и что сохранение ее отвечает интересам европейских государств, соперничество которых не допускает, чтобы погибла свободная республика. Поэтому, не заботясь о будущем, шляхта предавалась своей эксплоататорской деятельности и интригам. И если уж и раньше история Польши, по меткому выражению Реппеля, была в сущности историей нескольких магнатских родов, то теперь, при королях саксонского дома, борьба магнатов выродилась в полный скандал. Один из этих магнатских родов, род Чарторийских, одержал наконец победу, посадив на престол одного из своих членов, Станислава Понятовского, любовника любвеобильной Екатерины II. У Чарторийских при этом были довольно широкие планы: они хотели с помощью России провести реформы и прежде всего укрепить государственную власть, уничтожить «либерум вето»[87] и установить наследственность престола. Эти планы не привели ни к чему: Россия даже и не думала о том, чтобы поддерживать реформы, которые могли бы сделать Польшу государством, способным к сопротивлению. В России очень хорошо понимали, что достаточно было ускорить процесс разложения Польши, чтобы превратить ее в русскую провинцию, и Россию сделать европейским государством. Любовный пыл императрицы не оказал влияния на политику, жалкий хлыщ на польском престоле, король, которого всегда можно было купить, соблазнить деньгами, потому что он непрестанно нуждался в них, был самой подходящей игрушкой в руках русской дипломатии. И точно так же, как Россия, думали и другие государства; ничего не было им более чуждо, как способствование польским реформам. Не только

Германия и Австрия, но и Франция давала своим послам определенные предписания препятствовать всякой реформе в Польше.

Тем не менее мы видим, что во время пребывания на троне Понятовского стремление к реформам растет. Оснований для этого было слишком достаточно, потому что даже у самого шального шляхтича в конце концов должны были открыться глаза на опасность, грозившую самостоятельности государства, вместе с которой должно было полететь к чорту и все великолепие польской шляхты. Первый «раздел» 1772 г., который был предпринят тремя соседними государствами, без каких бы то не было военных действий, не мог ведь оставлять в этом никакого сомнения. В начале реформаторские стремления развивались в том же направлении, какого держался и Чарторийский, причем имелась в виду только чисто внешняя политическая реформа. Но мало-по-малу зародилась мысль. что нельзя и думать ни о каком действительном сопротивлении, если не будут подняты народные силы. К этому прибавилось то, что грабительская система народного хозяйства, основанная на крепостничестве, стала наконец приносить свои плоды: польское сельское хозяйство приходило во все больший упадок.

Экс-король Станислав Лещинский уже в своем труде «Свободный голос», изданном в 1773 г., указывает на необходимость уменьшать тяготы крестьян и рекомендует ввести денежно-оброчную («чиншевую») систему. С этого времени количество голосов, указывавших на крепостное право как на причину упадка народного хозяйства, все увеличивалось и по мере распространения литературы французского Просвещения, мысль о социальной реформе все больше овладевала умами, способными к размышлению. Особенно сильно росло влияние идей французских физиократов.[88] Но главное заключалось в том, что продолжающееся экономическое развитие достигло той стадии, когда стала обнаруживаться несостоятельность системы, основанной на крепостном труде, ибо конкуренция на мировом рынке все обострялась, хозяйство должно было вестись интенсивнее, труд же крепостных мало годился для рационализации хозяйства. Однако же реформа в этом направлении была доступна только для зажиточных дворян, только крупный землевладелец мог итти навстречу хотя бы частичному отказу от старой хозяйственной системы и перейти к чиншевой системе, рекомендуемой «экономистами», и мы действительно видим, как некоторое количество крупных землевладельцев отпускают на волю своих крепостных, с предоставлением в их пользование более или менее значительных земельных участков на основе определенных,

договором устанавливаемых денежных оброков; а на оставшейся земле с сохранившейся рабочей силой эти помещики начинают вести более рациональное хозяйство. Для «мелкой шляхты», этого беззастенчивого эксплоататора своих немногочисленных крестьян, такая реформа была не по силам: ослабление крепостничества было для нее равносильно разорению. Нет поэтому ничего удивительного, что она противилась всякой реформе, а так как в сейме именно эти «паны братья» решали дело, то противодействие оказывалось достаточно успешным.

Следующий эпизод показывает, чего могли ожидать реформаторы: сейм 1776 г. поручил Андрею Замойскому выработать новый кодекс законов. Замойский оказался исключительно консервативным государственным деятелем и по возможности щадил — может быть часто вопреки собственным намерениям — предрассудки шляхты; все же он сделал попытку положить начало ослаблению крепостного гнета; он предложил признать принцип, в силу которого двое из сыновей крепостного должны были быть безусловно прикреплены к земле, остальным же предоставлялось право ее покинуть; кроме того он принципиально признал, что крепостной имеет право жаловаться в суд на своего помещика, если последний нарушит заключенный между ними барщинный договор или если он жестоко обращается с крестьянином. Когда в 1778 г. этот законопроект был представлен сейму, беспримерное бешенство охватило дворянский сброд; текст законопроекта был изорван в клочки и растоптан ногами; кричали, что Замойский хочет превратить дворян в крепостных, так как ставит их на одну доску перед судом. Решено было отвергнуть законопроект и постановлено, чтобы никогда в будущем никто не смел вносить подобных законодательных предложений.

Тем временем события развивались с роковой быстротой, все резче и резче обнаруживались захватнические стремления России и Пруссии, все ближе надвигалась опасность, а возможность сопротивления — это теперь видели ясно — при продолжающейся отсталости, совершенно была исключена. Преобразование государства стало неизбежной необходимостью под страхом утраты шляхтой всех ее привилегий; ибо все отлично видели, каково жилось шляхте в отторгнутых уже областях Польши и как мало щадили ее победители. Можно было бы подумать, что при подобном положении вещей один инстинкт самосохранения должен был бы заставить шляхту решиться на реформы, хотя бы чисто политические, что надо было напрячь все силы для того, чтобы сделать страну обороноспособной. Однако этого не случилось. Во-первых, большое

число магнатов перешло на сторону врагов, одни потому, что были куплены Россией и стали откровенными изменниками, другие потому, что совершенно по-детски не верили в возможность прямого порабощения и среди общей сумятицы думали лишь о личных выгодах. Во-вторых, политическое ослепление шляхты все еще заставляло держаться за свои «священные права», делавшие совершенно невозможным какое бы то ни было преобразование, и казавшиеся шляхте наивысшим оплотом «свободы», как например избирательный порядок престолонаследия, «либерум вето» и свобода от налогов [89].

Только в 1788 г., когда собрался новый сейм — этот последний заседал четыре года под ряд — партия, желавшая реформ, казалось, начала приобретать все большее влияние. Эта партия состояла из немногих лиц, которые смотрели опасности прямо в глаза и видели спасение только в основательной реорганизации государства. Они были более или менее сторонниками новых идей, распространявшихся из Франции, людьми, рвавшими со старыми дворянскими предрассудками, но все-таки они не были выразителями народа, революционерами, да и не могли ими быть хотя бы потому, что польские народные массы, мещане и крестьяне, пребывали в глубоком политическом безраз-

личии.

Правда Коллонтай, духовный руководитель этой партии, как будто носился с мыслью опереться в борьбе на горожан, по крайней мере мы видим, что он завязывает с этим сословием связи. Он входит в сношения с президентом города Варшавы и пытается встряхнуть горожан, поднять их на борьбу за их издревле признанные права. Но результаты оказались ничтожные: депутация к королю и верноподданническое обращение к высокому сейму — вот все, на что удалось подвинуть это захиревшее сословие [90]. Поэтому ничего другого не оставалось, как собрать все шляхетские элементы, еще не окончательно прогнившие [91], и провести реформы в шляхетском сейме. Реформаторы развили лихорадочную деятельность. Посыпался целый град книг, брошюр, памфлетов, в которых доказывалась необходимость основательного преобразования всего государственного строя, указывались средства сделать страну способной к сопротивлению и велась борьба со старыми предрассудками. Ни одна страна не имела в то время такой обширной политической литературы, кроме Франции. Многие из писателей-реформаторов не углублялись в положение вещей и оставались на поверхности, но были и такие сочинения, авторы которых вскрывали основное зло, совершенно в духе Французской рево-

люции провозглашали права человека и призывали к уничтожению крепостничества. Разница была в том, что во Франции эти идеи были выразителями классовой борьбы, в них была плоть и кровь, они были выражением реального положения вещей, за словами чувствовалась социальная сила, которая могла, хотела и должна была их реализовать. В Польше же слова оставались словами, а поборники прекрасных идей—идеологами. Результат был именно таков, каким он и должен был быть: представители шляхты не могли действовать иначе, как только в интересах своего класса, шляхетский парламент не мог стать народным, реформы в лучшем случае могли лишь устранить некоторые недостатки существующего политического строя. Компромисс должен был следовать за компромиссом и если в конце концов руководители этой маленькой партии реформаторов, урезывая свои идеалы, сумели склонить на свою сторону довольно разнородную массу членов сейма, смогли по крайней мере осуществить часть своих планов, то это свидетельствует лишь об их блестящих политических способностях [91]. Достигнуто было однакоже чрезвычайно мало.

Первая задача заключалась в том, чтобы создать армию и изыскать средства для ее содержания. Проектируемая убогая податная система провалилась, больше выжимать из крестьян было невозможно и, после бесконечных споров, реформаторам удалось провести принцип прямого подоходного налога, который должна была уплачивать шляхта. Этот налог должен был составлять десять процентов чистого дохода с дворянских владений и был назван пышным именем: «Пожертвование десятого гроша». Восторг был велик; в воображении вставала стотысячная армия, оплачиваемая из сумм в сорок миллионов гульденов [44], которые рассчитывали собрать путем взыскания этих новых налогов. Тем больше было разочарование, когда выяснились результаты этой финансовой операции — поступления от налога достигли всего лишь шести миллионов гульденов. Больше этой суммы патриотизм поставить не смог! Дальнейший успех реформаторов заключался в признании некоторых прав за горожанами (каких— мы увидим в дальнейшем). Эти и некоторые другие мелкие успехи придали маленькой партии смелости и двинули ее на решительный шаг: проведение конституции 3 мая 1791 г. Кто собственно был автором этой конституции, осталось и до сих пор невыясненным. По некоторым данным предполагали, что автором ее был сам король. Очень вероятно, что руководители партии польстили ничтожному, колеблющемуся человеку, которого общий энтузиазм бросил на мгновение в их объятия,

и заставили его наметить основные положения, которые они вслед за тем сами подробно разработали. Во всяком случае несомненно, что это жалкое произведение было результатом многократных сделок, компромиссом самого плохого сорта, при котором авторы отреклись от самых священных своих принципов.

Что же собственно содержит в себе эта знаменитая и прославленная конституция? Что же дает повод польским патриотам еще теперь, спустя столетие, считать день 3 мая национальным торжеством? Постараемся поподробнее разобраться в этом.

Основные принципы социального порядка изложены в первых параграфах. В первом говорится о религии. Католицизм признается господствующей религией, переход из католичества в другую религию не разрешается; остальные исповедания объявляются лишь терпимыми. Второй параграф посвящен шляхте и гласит дословно следующее:

«Почитая память предков наших, как основателей свободного способа правления, мы * торжественно закрепляем за шляхетским сословием всяческие свободы, вольности, прерогативы первенства как в общественной, так и в частной жизни. В особенности же законы, статуты и привилегии, которые были справедливо и законно дарованы этому сословию Казимиром Великим, Людвигом Венгерским, Владиславом Ягелло и его братом, великим князем Литовским, как и Казимиром и Владиславом Ягеллонами, Яном Ольбрахтом, Александром и Сигизмундом I, Сигизмундом Августом, последним из Ягеллонов, подтверждаем, обеспечиваем и признаем нерушимыми. Достоинства шляхетского сословия в Польше считаем мы равными всем степеням дворянства, где бы то ни было существующим. Всю шляхту признаем равноправною между собою, как в смысле занятия общественных должностей и оказания родине услуг, кои приносят почести, славу и пользу, так и в смысле права пользования одинаковыми привилегиями и преимуществами, приличествующими шляхетскому сословию. Прежде всего желаем мы, чтобы права личной свободы и личной неприкосновенности и права на землевладение и движимое имущество, какими извечно пользовались все, неукоснительно и свято охранялись. Мы торжественно заверяем, что мы не потерпим никакой перемены и исключений в отношении собственности чьей бы то ни было. Высшая государ-

* «Мы» означает здесь короля и сейм.

ственная власть и установленное ею правительство не будут иметь никаких притязаний на собственность владельца, будь то в целом, или частично, под предлогом jurium regalium *, или под каким-либо другим предлогом. Поэтому личная неприкосновенность и законная собственность каждого, как истинная основа общественности, как зеница ока шляхетской вольности, нами почитается, обеспечивается и закрепляется и такова воля наша, чтобы она во веки веков почиталась, обеспечивалась и оставалась нерушимой. Мы считаем шляхту первой защитницей свободы и этой конституции; добродетелям каждого шляхтича, гражданскому чувству и чести его вверяем мы охранение ее прочности и уважение ее святости, как единственного оплота родины и свобод наших».

Краткий смысл этой многословной речи следующий: привилегии шляхты остаются неприкосновенными и ей дают торжественное обещание не прикасаться к «ее» собственности, к «ее» праву, праву высасывать из крестьян последнюю кровь, к праву разорять страну безмозглым хозяйничаньем.

Совсем иначе звучит то, что в конституции говорится о крестьянах:

«Люд крестьянский, руками которого создается наибольшая часть богатств страны, и который представляет самую многочисленную часть населения ее, а потому и самую действительную силу государства, этот люд, как согласно чувству справедливости, человечности и долгу христианскому, так и в соответствии с собственными нашими правильно понятыми интересами, мы принимаем под защиту закона и государственной власти; постановляя, что отныне все какие бы то ни было вольности, пожалования и договоры, которые помещики подлинно заключили с крестьянами, будь то с общиной или с отдельным деревенским жителем, должны представлять общее и обоюдное обязательство, и согласно истинного смысла заключающихся в этих договорах условий, подлежат защите закона и суда. Такие сделки и вытекающие из них обязательства, принятые на себя добровольно землевладельцем, будут связывать не только его, но и наследников его, либо лиц, приобретших его права, так что никогда самовольно изменить их не смогут. С другой стороны и крестьяне любого имения не могут уклоняться от исполнения

* «Juria regalia» — по-латыни «королевские права». *«ред.»*.

обязанностей, связанных с принятыми ими договорами и пожалованиями, наоборот, они обязаны исполнять их так и на таких условиях, как и на каких было это установлено в договорах; причем условия эти, приняты ли они ими навсегда или на известный срок, должны будут строго ими исполняться. Обеспечив таким образом за помещиками всякие повинности, причитающиеся им от крестьян, мы, желая наилучшим образом содействовать увеличению населения и заселению края, объявляем полную свободу всем людям, как вновь прибывающим в нашу страну, так и тем, которые когда-либо удалились из страны и теперь хотели бы вернуться на родину, дабы таким образом каждый человек, который прибывает в пределы Речи Посполитой, заново ли или возвращаясь, становился свободным, как только нога его вступит на польскую землю, и мог заниматься своим промыслом, как и где он захочет; волен был заключить поселенческий договор на основе ли барщины или аренды, как и насколько он захочет связать себя; волен был поселиться в городе или деревне, остаться в Польше или снова вернуться туда, откуда пришел, как только выполнит принятые на себя добровольно обязательства».

Читатель невольно спрашивает себя, что должны означать все эти фразы, откуда этот витиеватый язык, к чему вся эта болтовня? Объясняется все это просто: реформаторы принуждены были свертывать свои паруса, они должны были отказаться от всяких реформ и спасать только одни слова. Только в том случае, когда помещик заключал со своим крестьянином договор, этот договор пользовался защитой закона, но ведь помещику и в голову не приходило заключать подобный договор, а тогда все оставалось по старому. Если же он и заключал этот договор, то можно себе представить, на что он был похож.

Упоминание о справедливости, человечности и христианском долге — пустое словоизвержение, не имевшее решительно никакого значения. Наконец во второй части приведенного параграфа законодатели утопают в потоке слов о свободе: «Кто поставил ногу на польскую землю — свободен», но ведь переселенец издревле всегда был свободен, а для польского крестьянина отсюда был один только вывод: если он хотел стать свободным, он должен был бежать из страны (подобную дурь помещик уж конечно выбил бы у него из головы) — и потом вернуться в Польшу, причем прусские, австрийские и русские власть предержащие тоже имели бы сказать кое-что при этом случае.

Говоря коротко и ясно, для крестьянина фактически ничего сделано не было, — решительно ничего; крепостная зависимость сохранялась во веки веков!

Несколько больше, чем на долю крестьян, перепало на долю горожан. Их признали политическим фактором на ряду со шляхтой, поскольку они получили своих представителей в сейме, в количестве двадцати двух человек, избранных путем косвенных выборов, однако эти представители имели право подавать свой голос только при решении вопросов, касающихся городов. Была гарантирована личная свобода горожан, прежняя независимость городов от старост восстановлена. Наконец горожане получили право приобретать землю и занимать командные должности и в довершение всего им был облегчен даже переход в шляхетское сословие. Само собой разумеется, что использовать эти вновь дарованные им права могли только состоятельные горожане, ибо осуществить эти свои права можно было горожанину только при условии, что он владеет в городе землею или самостоятельно занимается каким-нибудь ремеслом. Надо кроме того принять во внимание и то, что эти благодеяния были дарованы только «королевским городам», а большого числа городишек и местечек, находившихся в частном владении дворянства и церкви, они ни в какой мере не касались.

Вот — все, что в области социальной реформы дает конституция 3 мая. Дальнейшие параграфы относятся только к политической реорганизации, которая заключалась в том, что исполнительная власть в некоторых отношениях была усилена. «Либерум вето» и «конфедерация» (т. е. признанное за шляхтой право заключать между собой союзы и протестовать против неудобных для нее установлений, или даже бороться против них с оружием в руках) были уничтожены, расстроенная судебная власть наново налажена, введено наследственное замещение престола. Таким образом в основном Польша осталась тем, чем была: шляхетской республикой, в которой народ попрежнему оставался бесправным и порабощенным.

Те, кто поет панегирики конституции 3 мая, подчеркивают, что дворянство приняло ее без всякого внешнего принуждения, что оно великодушно поделилось с мещанами некоторыми своими правами. Но все, на что шляхта дала свое согласие, ничуть не противоречило ее собственным интересам. Кроме того поклонники этой конституции утешают себя также и тем, чего на самом деле не было, и что только могло быть, когда утверждают например, что если бы нападение соседей не уничтожило республику, то, так как шляхта охотно даровала права мещанам, социаль-

ные отношения в Польше могли бы в дальнейшем благоприятно развиваться к лучшему. Это конечно слабое утешение, причем факты говорят даже против этого утешения.

Прежде всего надо отметить, что отнюдь не вся шляхта была сторонницей конституции. В самом деле, конституция была установлена ведь при помощи маневра: партия реформаторов, которая была превосходно организована, воспользовалась временем, когда большая часть реакционных депутатов сейма отсутствовала вследствие пасхальных праздников, в то время как их сторонники оставались на своих постах. Только таким образом получилось необходимое большинство. При этом не надо забывать, что депутаты сейма находились под влиянием готовой на жертвы [90], патриотически настроенной Варшавы, и наконец под влиянием либеральничающего короля и его двора. Толща дворянства, провинциальная шляхта, далеко не была в восторге от того, что происходило в Варшаве. Когда позднее магнатам, купленным Россией, удалось вызвать гражданскую войну, когда они совершили свое последнее предательство путем провозглашения конфедерации в Тарговице, направленной против новой конституции, тогда выяснилось, насколько незначительное количество единомышленников было у партии реформаторов. Первым отрекся от конституции король, шляхта целыми массами стала переходить на сторону изменников, так что перед Россией и Пруссией стояла нетрудная задача, и второй раздел 1793 г. был произведен при ничтожном сопротивлении.

Теперь только стала назревать отчаянная борьба, восстание Косцюшки 1794 г. Только одно еще могло принести спасение: народная война в полном смысле этого слова, но ее-то не хотели, ибо для того, чтобы встряхнуть отупевших в рабстве крестьян, существовало только одно единственное средство [92]—уничтожение крепостничества. И теперь еще спасительное слово не было сказано. Необходимо отметить следующее: даже во время этой последней освободительной борьбы «революционное» правительство решилось лишь на освобождение крестьянина и его семьи от барщины, и то — п о к а он стоял под ружьем. Потом, после возможной победы, он должен был снова вернуться к своей прежней крепостной зависимости.

Поэтому, если кто-нибудь решится ссылаться на конституцию 3 мая как на пример, говорящий против теории классовой борьбы, если кто-нибудь решится утверждать, что патриотические стремления к освобождению страны от чужеземного нашествия превозмогли здесь классовую заинтересованность, то это будет просто чистейшая и наглая ложь. Истина как раз

противоположна этому: классовые интересы шляхты были непреодолимы, и польская самостоятельность была принесена в жертву именно этим классовым интересам.

Тем не менее мы видим, что во время восстания Косцюшки трудовой люд Варшавы умирает геройской смертью, мы видим как «косынеры» — польские крестьяне, вооруженные косами — брали русские артиллерийские батареи. Мы склоняем голову перед героизмом народа, но этот героизм дает нам еще большее основание для решительного осуждения господствующего класса.

Таким образом 3 мая,—действительно памятный день для польского народа: в этот день стало ясным, что основные интересы народа, его политическая самостоятельность как нации были принесены в жертву интересам кучки привилегированных, что даже опасность гибели самостоятельности нации не в состоянии была заставить господствующий класс пожертвовать хотя бы крупицей своих классовых интересов. Этот день может служить доказательством того положения, что даже одно политическое освобождение народа от чужеземного ига может быть только делом рук самого народа. Польской шляхте день 3 мая не приносит много чести, наоборот — это день позорящих воспоминаний о последнем действии исторической драмы, вызванной вековым попиранием интересов польского народа.

В то же время день 3 мая не является также и днем польского рабочего. Рабочий может спокойно уступить этот день пустозвонных фраз патриотическим фразерам.

Пусть мертвые хоронят мертвых.

Напечатано впервые в «Neue Zeit» № 4 5, 1896—1897 (XV Jahrgang, II Band.)

Перевод с немецкого

КОНСТИТУЦИЯ 3 МАЯ 1791 Г.[93]

Несколько недель назад «Польское издательское товарищество в Кракове» издало IX том сочинений ксендза Валериана Калинки, под заглавием «Конституция 3 мая». Сюда вошли сочинения этого писателя, оставшиеся в рукописи. В книге два отдела: 1) «Европейские отношения и приготовления Варшавы к конституции 3 мая» и 2) «Государственный переворот». Во втором отделе находим мы и оценку упомянутой конституции.

Хотя по этому вопросу существует сравнительно обширная литература, все же в истории конституции 3 мая остается еще много темных сторон. Трудности, с которыми встречается тут исследователь, — огромны. Очень удачно характеризует их сам Калинка.

> «Подготовка конституции 3 мая должна была быть по самому характеру своему конспиративной и потому, как и всякая конспирация, почти не поддается историческому исследованию. Там, где все происходит в узком кругу, в полнейшей тайне, не может быть и речи о ясных, систематически подобранных и достоверных документах, там на каждом шагу может встретиться какая-нибудь недоговоренность, для выяснения которой нет источников; с таким именно недостатком документов встречаемся мы в данном случае. Ни один из участников этого дела не захотел до конца выяснить, как оно зародилось. Сначала может быть их удерживало опасение, как бы не признаться в том, какая маленькая горсточка людей произвела этот переворот, а позже, когда все дело провалилось и творцы его, вместе

со всем народом, были низвергнуты в бездну, у них нашлось еще больше оснований, чтобы зарождение его оставить во мраке неизвестности.

«Главным источником, из которого польские историки черпали материал для описания этого эпизода, была известная книга: «O ustanowieniu i upadku Konstytucii 3-go maja» (Об установлении и упадке Конституции 3 мая), но источник этот скуден и, что еще хуже, умышленно затемнен. Кроме этой книги существует еще несколько разрозненных писем, несколько воспоминаний или признаний, случайно и мимоходом записанных; вот все, что дошло до нас от того времени и на что историк принужден теперь опираться. Ясно, что тот, кто захотел бы из этих клочков создать общую картину, без догадок обойтись бы не мог».

Оговорка эта тем более необходима, что картина, нарисованная Калинкой, составлена как мозаика, из мельчайших кусочков, тщательно обследованных, насколько это позволяет материал. Однако она не всегда своим колоритом соответствует характеру эпохи, которую она должна воспроизвести. Работу упомянутого историка можно считать ценной и тем не менее, несмотря на это, беспощадно высказать ему осуждение за то, что он очень пристрастно относится к историческим лицам и соответственно своим симпатиям и антипатиям относит их то к овцам, то к козлищам.

Читая данную книгу Калинки, читатель должен следующим образом представить себе подготовку всего «переворота». Ноябрьские сеймики 1790 г. высказались почти единогласно за «елекцию» (выборы) короля; в числе одиннадцати основных законов, принятых в конце этого года, один обеспечивал свободный выбор короля. Эти два факта являлись поражением для сторонников реформы, которые одним из необходимых условий для улучшения положения в стране считали наследственность трона. Тогда сторонники реформы превратились в заговорщиков, Станислав Малаховский, Игнатий Потоцкий — «князь-генерал польских земель», Коллонтай, Линовский и Ланцкоронский собираются на тайное совещание и «обдумывают (это точное выражение Калинки), как снова поднять вопрос о наследственности трона». Но они пришли к убеждению, что без содействия короля достигнуть ничего не удастся. И вот, с помощью королевского секретаря Пателли[94], им удалось привлечь на свою сторону Станислава Августа. Король дал себя уговорить и напи-

сал на французском языке проект конституции, который был отдан Коллонтаю для «поправок и окончательной обработки некоторых пунктов». Некоторые непредвиденные обстоятельства задержали почти на месяц эту работу. Между тем 18 апреля был принят закон о городах. Этот успех придает реформаторам бодрости, а грозные вести из-за границы о том, что Англия меняет фронт в соответствии с интересами России, заставляют их торопиться. Тогда в эту тайну посвящается более значительное число «послов» и министров: Мнишек, Хрептович, канцлер Малаховский [95]. Молва утверждает, что именно этот последний и сообщил о планах сторонникам Москвы. Тогда король приказал поторопиться с «переворотом» и произвести его 3 мая.

Что касается отдельных фактов, то они известны и ничего нового в этом отношении Калинка не сообщил, но дело не в них, а в общей картине, которую он дает. В изложении этого историка совершенно теряется связь между конституцией и всей многолетней работой сторонников реформы. Два поражения, о которых была речь, совершенно разбивают партию, ей остается только один путь — заговор и его величество король, тот самый король, который конечно никогда не обнаруживал способности создать и разработать какой-либо политический план, который занимался только мелкими интригами, да и в этом был побиваем достойными его противниками и великосветскими интриганками. Этот самый король становится теперь осью, вокруг которой все вращается. При этом король этот составляет неплохой план привлечь на сторону Польши курфюрста Саксонского, в качестве своего преемника на польском престоле, а вместе с ним и берлинский двор; план этот остается невыполненным только потому, что Игнатий Потоцкий вообразил себе почему-то, что делать этого не нужно. А потом все сторонники реформы сходят со сцены, члены партии узнают только о совершившемся факте, а участие духовного вождя партии, Гуго Коллонтая, ограничивается тем, что он переводит королевский манускрипт на польский язык и делает в нем поправки.

Мы полагаем, что такое представление обо всем этом деле не соответствует действительности. Вся литература о четырехлетнем сейме, созданная сторонниками реформы, свидетельствует о том, какая тесная, органическая связь существовала между идеями, воплощенными в конституции, и руководящей идеей всего кружка реформаторов. Думается, что не в королевской голове родились все эти мысли. Если даже король был втянут в заговор, если

для проформы ему доверили составление наброска конституции, если потом этот набросок расхваливали из вежливости, то ведь вполне возможно и правдоподобно, что «поправки», сделанные Коллонтаем, были поправками, совершенно изменившими все дело. Иначе нельзя объяснить близкое родство этой конституции с проектом, который Коллонтай уже давно составил и напечатал в «Listach anonima do Stanislawa Malachowskiego» (анонимных письмах к Станиславу Малаховскому). Этот проект с точки зрения общественной неизмеримо выше конституции 3 мая. В самом деле, первая статья основных законов, проектируемых Коллонтаем, гласит: «Всякий человек, родившийся в государстве Речи Посполитой, поселившийся в нем или же пришелец — свободен» — в то время как конституция подтверждает неволю крестьянина «на веки веков». Отречение Коллонтая от собственного проекта объясняется тем, что, убедившись, с течением времени в недостаточности сил своей партии, он шаг за шагом делал шляхте уступки, пока в конце концов не опустился до этой конституции.

Во всяком случае партия реформаторов пока что не требовала передачи руля правления в недостойные королевские руки. Она потерпела поражение в сеймиках и при голосовании основных законов, но вожди ее были не из того же теста сделаны, как его величество король, и не так уж легко поступились своими планами после этой неудачи. Ведь уже 18 апреля партия снова одержала значительную победу проведением закона о городах. Поэтому кажется вполне правдоподобным, что главное действие подготовлялось не в покоях ксендза Пиателли, а в знаменитой «К о л л о н т а е в с к о й к у з н и ц е».

Почему же наш историк силится придать всему делу такие миниатюрные размеры, почему он стремится представить его в таком превратном виде? Не потому ли, что он несомненно чувствует расположение к его величеству королю, которого другой историк запятнал позорным именем взяточника, и что он питает отвращение к реформаторам вообще, а Гуго Коллонтаю, которого он обливает грязью, в особенности? Или может быть потому, что историки одной школы с Калинкой великолепно знают, что делалось сто лет тому назад в королевских передних и дамских уборных, и в силу этого не в состоянии охватить своим взором картины в целом? Разрешать этот вопрос мы не собираемся. Во всяком случае картина, нарисованная рукой другого историка, действительно большого масштаба, который потому только не заслужил европейской славы, что писал по-

польски, а именно картина, нарисованная Тадеушем Корзоном, убеждает сильнее.

Во втором отделе книги Калинки, как уже было упомянуто выше, мы находим оценку конституции 3 мая. Этот отдел тем более заслуживает внимательного отношения, что до сих пор в польской литературе можно было найти больше хвалебных фраз, чем критики этого исторического события. Почему это так, прекрасно объясняет сам Калинка:

> «Поляку не легко говорить о конституции 3 мая, в уважении к которой он воспитывается с детских лет, с которой кровно связаны все современные заботы о национальной независимости и в которой три поколения привыкли видеть как бы последнюю волю умирающей матери. Но мы полагаем, что сейчас, через 100 лет, история должна обрести свое право и дать возможность трезвому суду сказать свое слово, хотя бы слово это причинило страдание и казалось неуважительным по отношению к давно почитаемым реликвиям».

Те, кто читал брошюры и статьи, выпущенные в столетнюю годовщину конституции 3 мая, полные одних только похвальных гимнов без всякой критики, все равно, были ли они написаны блюстителями старины или сторонниками крайних партий[96], те признают справедливость вышеприведенного рассуждения.

Однако ошибся бы тот, кто из слов Калинки вывел бы заключение, что в польской литературе не существует иных оценок конституции 3 мая. Ибо существуют критические исследования, может быть даже весьма резкие, вышедшие из-под пера людей, которым никто не посмеет отказать в чувстве патриотизма, потому что они проявили его не во фразах, а на полях сражений, обагренных кровью, пролитой ими за независимость.

Мы говорим о сочинениях, принадлежащих перу членов старого «Польского демократического общества». («Towarzystwo Demokratyczne Polskie»). Современные публицисты привыкли, правда, говорить об этих сочинениях тоном снисхождения и пренебрежения, но, вопреки этому, в них часто высказываются разумные и глубокие мысли, которые представляют и поныне еще новизну для польского общества и весьма достойны внимания. Необходимо также напомнить, что с точки зрения формы брошюры эти написаны очень часто прекрасным польским языком, благородным и сочным, рядом с которым тем более удручающее впечатление производят многие современные

словесные упражнения, где напыщенность только лишь прикрывает убожество мысли. Пользуемся поэтому случаем, чтобы указать на одну статью, заключающую в себе оценку конституции 3 мая, написанную в 1837 г. Виктором Гельтманом*, и вместе с тем противопоставить ее оценке Калинки.

Гельтман начинает с того, что указывает на вред всяких полумер, которые всегда приводили к гибели революционного движения в Польше, и упрекает творцов конституции 3 мая именно в этой половинчатости. Такая половинчатость, по его мнению, равносильна преступлению.

Этот демократ лет пятьдесят тому назад доказывал, что «чудовищность общественного порядка в Польше — единственная причина ее слабости» и прибавляет, что только социальная реформа, глубоко захватывающая, всвлекающая в политическую жизнь всю массу польского народа, могла спасти Речь Посполитую.

> «Однако же законодатели 3 мая, — говорит он, — не сумели возвыситься до подобной мысли, не нашли в себе достаточно сил, чтобы проникнуть в глубь, в самое сердце народа. Они остановились посредине и будучи по натуре своей беспомощными, не могли уничтожить старого бессилия».

Переходя затем к критике вновь установленного строя, Гельтман, как республиканец, издевается над усилиями навязать полякам, «традиционным и убежденным республиканцам», фикцию о безответственности короля и показывает, что исполнительная власть не усилилась, хотя к этому и стремилась.

> «Король мог сделать только то, чего хотела шляхта, т. е. не отнимать от нее того, что она приобрела, сохранять ее привилегии».

Делая оценку конституции со стороны социальной, Гельтман снова указывает на то, что

> «коренное зло — исключительное господство одного класса — осталось в полной силе, уродливость прежних отношений была сохранена, общественный строй остался прежним, опираясь на ту же основу, что и раньше, — на сословные привилегии».

---

* Читатель найдет ее в брошюре «Konstytucja 3 maja 1791 r. z uwagami podawanemi jej twórcom w r. 1789 oraz dwoma późniejszemi tejże konstytucji ocenieniami», Lipsk u Kaspr·wicza, 1865 (Конституция 3 мая 1791 г. с замечаниями, которые давались ее творцам в 1789 г. и двумя позднейшими этой конституции оценками, Лейпциг, у Каспровича, 1865).

Уступки, сделанные городам, его не удовлетворяют. Статья IV конституции о крестьянах, которая была источником стольких обманных утверждений, возмущает его своим лицемерием, так как, вопреки высокопарным ее фразам, для крестьянина ничего сделано в действительности не было. Он восклицает:

«Выражения: справедливость, христианский долг—у нее (т.- е. у шляхты того времени) были только насмешкой, так же как глумлением были слова о «защите закона», хорошо понятый интерес превратился в черствый, слепой эгоизм». А вот окончательный приговор Гельтмана:

«Когда в последнюю минуту нужно было отдаться всецело самому важному, отдать все силы свои на спасение родины, они оказались в самом фальшивом, ибо в срединном положении. Поэтому все их усилия привели к результатам, противоположным их намерению. Стремились установить сильную власть и не установили ее. Курфюрст саксонский отказался принять предложенную ему корону, поняв, что на тропе, воздвигнутом новой конституцией, он был бы только безвольной игрушкой в руках анархической шляхты. Хотели успокоить соседних тиранов, приведенных в трепет французской революцией, и не успокоили. Москва и Пруссия, под предлогом уничтожения якобинства, вторглись в Польшу и разорвали ее на части. Опасались возмутить привилегированное сословие смелым уничтожением его преимуществ, республиканская же шляхта под прикрытием давнишних свобод образовала Торговицу и привела против страны вражеские войска. Стремились заинтересовать массы установлением справедливости, заинтересовали же лишь небольшую, без большого значения, часть народа. Несчастная идея угодить всем, примирить всех и вся: свободу и абсолютизм, справедливость и насилие, энергию и умеренность — погубила все».

Так писал уже лет шестьдесят назад польский демократ. Что же говорит новейшая книга консервативно настроенного историка по тому же вопросу?

На вопрос, что принесла народу конституция 3 мая, Калинка отвечает:

«Очень много: она создала правительство, какого со времени «Постоянного совета» не было, сосредоточив власть в руках короля и министров, им же самим назначаемых,

связала между собой главнейшие комиссии, которые до этого времени зависели только от сейма, и поставила их в зависимость от приказов короля; уничтожила «liberum veto» (либерум вето) и право конфедераций, противопоставила опрометчивости решений сейма санкцию сената, уничтожила избирательный порядок замещения престола, эту, как говорилось тогда, прекраснейшую жемчужину польских свобод».

Однако он тотчас же подчеркивает отрицательные стороны конституции и тут, как ни странно, консерватор оказывается солидарным с демократом. Точно так же, как и Гельтман, Калинка осуждает колебания и неуверенность в действиях, так же, как и Гельтман, он признает, что для усиления исполнительной власти сделано было немного. Правильно он говорит:

«Во всем, что касается короля и власти, законодатель чувствует потребность объясниться и оправдаться, точно он предлагает не готовый закон, а только проект закона; одно из двух — или он сбивается в своих утверждениях, и то, что одна рука его пишет, другая зачеркивает, или же, в конце концов, таким образом выражает свою мысль, словно не хочет быть сразу и всеми понятым. Сколько бы раз он ни говорил о народной власти, о рыцарском сословии, о польской палате, он, можно сказать, умышленно злоупотребляет напыщенностью выражений».

Что же касается общественной стороны дела, то он говорит:

«Печальнее всего в конституции 3 мая то, что для крестьян она не сделала почти ничего. За свободными крестьянами она признала право обращения в референдарский [97] суд, причем суд этот должен был быть на каждую провинцию один. Такие свободные крестьяне составляли едва шестую часть всего крестьянства, и редко кто из них занимался хлебопашеством *. Огромное большинство крестьянства, более шести миллионов, оставлено в прежней вековой заброшенности. Правда, правительство принимает под свое покровительство крестьян, но только в тех случаях, когда помещики заключают с ними договор.

---

* Приписка в оригинале: «это были так называемые bortnicy (бортники) или rudnicy (рудники), кроме них небольшая горсточка немецких колонистов olendrow (олендров). Конституция не упоминает о давно уже существовавших судах референдарских для крестьян из королевских поместий и экономий. Каковы же причины этого упущения? Может быть, таким ограничением власти владельцев над холопами не хотели затруднять продажу старостств, которая уже в то время проектировалась»

Но пока дойдет до этого,* миллионы людей во многих провинциях должны будут находиться в положении, очень близком к рабству. И вот государство, которое стремится выйти из состояния упадка, которое признает прежние свои ошибки и хочет улучшить свою организацию, ничего не делает для улучшения судьбы того класса, который сама конституция 3 мая называет самой действительной силой! Можно подумать, что польская шляхта, спасая край, думала не о всем народе, а только о самой себе! Это не могло принести благословения божия всему делу».

Польская шляхта думала исключительно о себе, — в истории человечества это не ново. Ведь история не знает примера, чтобы господствующий класс когда-нибудь пожертвовал своими интересами, хотя бы во имя самых высоких идеалов, хотя бы во имя идеала национальной независимости. Так было прежде, так оно есть и теперь! Хорошо, если бы этот класс понимал, по крайней мере, свой собственный интерес. Калинка утешается тем, что в других местах бывало не лучше. Венгерский-де сейм воспротивился проекту крестьянской реформы Марии Терезии; Фридрих II не был в состоянии провести ее у себя целиком.

Это однако не совсем так. Прусское дворянство противилось реформам, но они тем не менее были начаты и проведены после битвы при Иене, когда государству грозила полнейшая гибель. Добиться этого удалось вопреки воле дворянства, потому что в тогдашней Пруссии уже были общественные слои, интересам которых эта реформа вполне отвечала. Но в Польше не сумели положить даже начало общей реформе и даже угроза потери политической независимости не заставила шляхту сделать хотя бы первый шаг на этом пути, ограничить барщину хотя бы определенными размерами, которые нельзя было бы нарушать. Этого конституция не сделала. Но и спустя несколько лет, когда Наполеон вызвал к себе депутацию от шляхты для составления конституции, эта депутация, несмотря на предостережение одного из ее членов, ограничилась тем, что предложила провести в жизнь конституцию 3 мая! Покоробило это даже «героя революции» и он продиктовал своему секретарю конституцию, начинающуюся со слов: «Le servage est aboli». (крепостничество отменяется). А паны стояли и кланялись челом **.

---

* «Наивным был бы тот шляхтич, который пошел бы на это добровольно, правительство же его к этому, по крайней мере пока, не принуждало».

** Эту великолепную сцену описывает Выбицкий в своих мемуарах («Pamiętnik»).

А вот еще что говорит Калинка о польской шляхте: «Живя выше средств и в полной праздности, шляхтич не имел средств для покрытия расходов, связанных с изменениями в поземельных отношениях и не видел вовсе необходимости в их изменении».

Что касается первого положения, то оно правильно только на первый взгляд, потому что часть шляхты все еще обладала значительными средствами, доказательством чего может служить хотя бы то, что статистики того времени не предвидят затруднений в осуществлении проектированной продажи старост, а кроме того для постепенного проведения некоторых реформ, например для перехода к чиншевой (оброчной) системе, шляхтичу и не пришлось бы делать новых крупных затрат [98].

Что касается другого положения, то ему противоречит вся литература того времени. Однако же в Польше уже не было тайной,что причиной упадка польского хлебопашества было рабство хлопа. Поэтому некоторая часть помещиков не только признавала необходимость изменения земельных отношений, но и осуществляла уже их на деле. Поэтому объяснять данное положение вещей надо иначе, и мы думаем, что сделать это очень просто. Та часть помещиков, которая была принуждена вести интенсивное хозяйство, не была окончательно против реформы; для средней же и наиболее бедной части шляхты реформа была убийственна [98], и вот именно эта часть, как численно наиболее сильная, могла не допустить до нее и в действительности не допустила. То обстоятельство, что в Польше этой шляхты было больше, чем в какой бы то ни было другой европейской стране, задерживало проведение реформы, которая, в сущности, уже тогда являлась экономической необходимостью и, тем не менее, столько еще лет впоследствии оставалась мечтой одних лишь патриотов.

В заключение Калинка еще раз возвращается к затруднениям, в которых запуталась Польша. Была установлена наследственность престола, а согласие кандидата на трон не было испрошено. Что Пруссия и Россия будут этому шагу противодействовать, можно было предвидеть, к тому же весь народ (читай: — шляхта) был против наследственности престола. Он полагает поэтому, что лучше было бы ограничиться малым достижением, каким было бы избрание преемника еще при жизни короля.

> «С королем, выбранным хотя бы временно, на определенный срок, Польша имела бы перед собой 20—30 лет обеспеченного существования, а за эти годы могли бы про-

расти семена, брошенные в сейм, были бы закончены многие из начатых реформ и устранены многие препятствия. «Дождемся смерти Екатерины, — говорил не раз Хрептович,— после нее многое может измениться». Что этого не случилось, в этом виноваты были на сей раз не афиняне, а Солон, который слишком рано составил свои прекрасные законы».

Слова эти не вполне ясны. Неясно, думает ли Калинка, что надо было провести реформы в духе конституции 3 мая, обойдя только наследственность престола, или что надо было вообще воздержаться от осуществления их. Так или иначе, но мы полагаем, что метод, избранный историком, заставляющий его единственную пружину исторических фактов искать в частностях и все основывать на мимолетных политических комбинациях, направил его по ложному пути.

Устанавливала ли конституция наследственность престола или нет — это имело мало значения. Россия и Пруссия наверное не оказались бы в затруднении найти какой-нибудь другой предлог для приведения в исполнение планов, которые уже давно были ими задуманы. Сохранение status quo * не спасло бы дела. Наивные надежды Хрептовича, что смерть Екатерины все изменит, не могут служить аргументом. С Екатериной, или без нее, русская политика должна была воспользоваться благоприятным моментом расширения своих границ на западе, какой создавало полное бессилие Речи Посполитой. Тарговица тоже восстала бы против всяких реформ. Отказ от проектированной наследственности престола лишил бы врагов реформы только одного аргумента для привлечения на свою сторону всей шляхетской массы. Но дело заключалось вообще говоря не в аргументах, раз сторонники реакции имели за собой такие аргументы, как московские рубли и штыки.

Поэтому остается только такая альтернатива: или не надо было ничего делать и, сложив руки, предаться врагам, или же надо было произвести настоящую государственную реформу, опирающуюся на коренное переустройство общественного строя, реформу, которая бросила бы на поле битвы миллионы людей.

Поэтому правда, по нашему мнению, на стороне Гельтмана: конституцию 3 мая погубила не наследственность престола, а половинчатость реформ.

Другое дело, как объяснить причины этой половинчатости. Демократ тридцатых годов смотрел на вещи очень просто: он

* Status quo (статус кво) значит: прежнее положение (ред.).

обвинял людей за то, что они «не додумались», что они «не проникли в сердце народное». Это несправедливо. Мы ни минуты не сомневаемся, что такие люди, как Коллонтай и ему подобные, видели так же хорошо, как и позднейшие демократы, что спасти страну может только подъем, охвативший весь народ. Однако же — и в этом был весь трагизм тогдашнего положения— приходилось в то же время сказать себе, что такого подъема ждать нельзя, потому что народ, придавленный вековой неволей, не имел силы освободить самого себя.

«Революций никто не делает, они вызревают» — «народ освобождать никто не может — только сам народ может освободить себя». Справедливость этих положений с жуткой точностью доказывается последними годами Речи Посполитой.

Деятели четырехлетнего сейма делали, что могли. Не их вина, что конституция 3 мая вышла именно такой, а не другой; она была только выразительницей современного ей общественного строя; она является карикатурой, потому что весь строй Речи Посполитой был только карикатурой. Она не могла спасти страну, потому что в стране, в которой господствующий класс высосал жизненные соки из народных масс, нехватило для этого сил.

Перевод с польского.

Напечатано впервые в газете „Przeglad Poznanski", Познань, 6/IX 1896.

ПЕРВОЕ и ТРЕТЬЕ МАЯ [99])

В «ОСВОБОЖДЕННОЙ» ПОЛЬШЕ Пилсудских, Анушей, Дмовских и Любославских [100]) день 3 мая считается национальным праздником.

Среди разных обманщиков рабочего народа существует очень ярко выраженная тенденция отвлечь симпатии рабочих масс от первого мая как праздника рабочих и привлечь их к «национальному» празднику».

Посмотрим, что же такое, на самом деле, представляет собою этот памятный день 3 мая.

Сто тридцать лет назад, 3 мая 1791 года, польская шляхта пожаловала самой себе новую конституцию. Таково происхождение этого праздника.

Мы говорим — польская шляхта, а не польский народ. Четырехлетний сейм (с 1788—1792 г.), выработавший эту конституцию, был шляхетским сеймом, исключительно шляхетским. Он и не мог быть иным, потому что в то время шляхта была господствующим классом в Польше, правящим неограниченно, и безраздельная диктатура шляхты всецело господствовала над народом.

После падения абсолютной монархии, которой правили в XI и XII вв. польские князья и короли (все эти Болеславы Храбрые, Смелые, Кривоустые), шляхта, «рыцарское сословие», начинает добиваться власти. Веками ведет она упорную борьбу за политическую власть с князьями, королями, с церковью, с магнатами или вельможами государства, и в этой борьбе она побеждает их. Побеждает благодаря определенным экономическим условиям. Польша, начиная с XI века, становится «житницей Европы», так как на западе с распадением средневекового строя развитие торгового капитала создает средоточия средне-

векового ремесла, промышленность развертывается все больше, а городское население быстро возрастает. Промышленность нуждается в сырье, городское население в продовольствии. Польша и доставляет им эти продукты: шерсть, лен, пеньку, кожи, дерево, поташ, скот на убой, хлеб.

Шляхта при помощи закона и беззакония захватила землю, которая некогда была общинной, поработила крестьян, превратила их в крепостных и таким образом завладела народным хозяйством. Из рыцаря, ремеслом которого была война, а источниками богатства военные грабежи, шляхтич постепенно превратился в помещика, в заботливого хозяина, для которого источником богатства делается безграничная эксплоатация крепостного хлопа.

И польская шляхта упорно и последовательно расширяет свою экономическую мощь. Народ польский, крестьянство попадает в безнадежное рабство, городская жизнь подорвана, городское население беднеет, теряет общественное значение, потому что торговлю захватывает в свои руки хищная шляхта, а ремесла приходят в упадок вследствие того, что хлоп, живущий в страшной нужде, не имеет возможности покупать продукты ручного производства, а предметы роскоши, необходимые шляхте, она привозит из-за границы.

Богатство дает политическую власть. Высшей точки своего развития власть шляхты достигла в XVII веке. Власть королевская стала ограниченной. Избирательный порядок замещения престола стал прекрасным средством для вымогания у короля все новых уступок. Фактически Польшей правила таким образом шляхта. Администрация, суд, армия — все было в ее руках. Она ревниво охраняла эту власть. Но, заботясь исключительно о собственных экономических и политических интересах, она довела государство до разорения. Она разграбила государственные богатства («староства», т. е. обширные земельные владения, которые до этого времени давали доходы, шедшие на покрытие государственных расходов, на содержание военных сил и государственного аппарата, шляхта тоже захватила в свои руки), а платить государственные налоги на содержание этого государства не хотела. От обязанностей обороны страны, которые некогда выполняло «рыцарство», она уклонялась, «посполитое рушение», всеобщее ополчение, точнее, армия, основанная на военной службе всех шляхтичей поголовно, уже к концу XVI в. стала никуда не годной, ибо военное искусство требовало хорошо обученных регулярных войск (а шляхетные паны в посполитом рушении делили свое время между сеймиками, пьянством и гра-

бежами, при встрече же с врагом очень часто проявляли трусость). Но на создание постоянной армии она не соглашалась, потому что армия в руках центральной власти угрожала бы «золотой шляхетской вольности».

В силу этих причин некогда могущественная Речь Посполитая оказалась банкротом, лишенным всякой силы. А когда вокруг этой Речи Посполитой возникли сильные государства, Россия, Пруссия и Австрия, с централизованной властью, опирающейся на регулярное войско, — она сделалась игрушкой в их руках.

Шляхетское государство летело в пропасть, а шляхта после пяти веков борьбы за власть исподлилась, политически опошлилась, морально упала и дошла до последней степени бесстыдства.

Лишь тогда только, когда после первого раздела Польши (1773 г.) стало ясно, что и тем областям, которые еще представляли Речь Посполитую, грозит чужеземное иго, в среде шляхетского класса образовалась партия сторонников политических реформ. Реформаторы ставили себе целью упорядочить государственный строй, дабы сделать возможным оборону страны. Для этого надо было установить сильную центральную власть, и реформаторы решили учредить наследственность престола, отменить «либерум вето»[87] и организовать финансовую систему, которая позволила бы содержать постоянное войско.

На этом основывалась работа четырехлетнего сейма и эти именно стремления отражает конституция 3 мая.

Представим себе ясно, каково было положение вещей. Не могло быть никакого сомнения, что государства, стремящиеся поделить Польшу между собой, не откажутся от своей политики, что Польша находится на краю пропасти, что только чрезвычайное усилие, усилие революционное, которое увлекло бы за собой весь народ на защиту страны, могло бы предотвратить гибель. Но таким дело представлялось только очень немногим политическим деятелям четырехлетнего сейма — Коллонтаю и группирующейся около него небольшой кучке его сторонников. Но и эти люди, насквозь пропитанные шляхетской идеологией, были далеки от каких бы то ни было революционных выступлений и боялись того самого народа, о политической свободе которого в сущности шла речь. Единственно возможным казался им путь реформ, осуществить которые должно было господствующее сословие шляхты. Но эта шляхта была насквозь реакционна, ее представители в сейме были противниками даже самых скромных реформ, если только

они угрожали ограничением шляхетского самовластья, и прежде всего шляхта противилась установлению налогов, которые уменьшали бы ее доходы. Поэтому группе реформаторов приходилось делать один компромисс за другим, чтобы осуществить хотя бы небольшую часть своих намерений, и, в конце концов, они принуждены были прибегнуть к уловке: голосование конституции 3 мая было произведено в экстренном порядке, когда большинство депутатов еще не съехалось в Варшаву после пасхального перерыва, а налицо были лишь посвященные в дело сторонники реформы. Итак конституция эта — плод сговора небольшой группы реформаторов против реакционного шляхетского большинства.

Что же гласит эта конституция?

Католическая религия объявляется религией господствующей, остальные только терпимы. Все привилегии шляхты, признанные за ней когда-либо, с самых отдаленных времен, остаются в силе. Горожанам делаются кое-какие уступки — они получают право приобретать землю, доступ к гражданским и военным должностям, за ними признается право, хотя и очень скромное, участвовать в сейме. Устанавливается наследственность престола, уничтожается «либерум вето», усиливается власть исполнительная, упорядочиваются суд и администрация. Одним словом Речь Посполитая остается шляхетской, почти исключительно шляхетской, потому что права горожан оказываются минимальными и фактически касаются только самых богатых слоев городского населения.

А массы польского населения? народ польский? миллионы польских крестьян? Что же конституция говорит о них?

Да, она говорит и о них. И говорит вот что: крепостничество сохраняется. Суды помещиков над крестьянами остаются! Рабство остается! Все остается по-старому. Весь ад бесчеловечного рабства остается! И прибавляется только следующее: те немногочисленные крестьяне, которые сидят еще на земле на правах оброка (чинша), ставятся под защиту закона: условия, заключенные ими с помещиками, будут находиться под защитой закона. Личная свобода гарантируется только переселенцам из-за границы, даже тогда, когда перед тем они выехали из страны незаконно. Какое великодушие! Хлоп должен был, значит, раньше бежать за границу (в чем ему помешает шляхтич), потом вернуться (в чем ему помешает пограничная стража, прусская, русская или австрийская), и тогда только он станет свободным! Какие подлые фразы! Какое глумление над несчастьем народа?

В защиту этой шляхетской конституции порою приходится слышать, что «по тому времени» она-де, все-таки, была прогрессивной.

По «тому времени»! Ведь это было время Французской революции! За два года до этого во Франции одним ударом уничтожена была барщина, народ стал свободным, завладел землей помещиков. Революционная Франция победила врагов, победила коалицию государств, которая хотела ее раздавить и разорвать на части, коалицию Англии, Австрии, Пруссии, Испании, только благодаря тому, что крестьянин ожесточенно защищал землю и те свободы, которые дала ему революция. Вот какое это было «то время»!

Надеяться на успешную оборону страны, пока крестьянин оставался рабом, которому помещик не разрешал итти на военную службу, даже если тот сам хотел этого (ведь если «хлоп» поступит в войско, кто же будет выполнять барщину?)— было полнейшей утопией.

Поэтому преобразованная таким образом Речь Посполитая не могла сохранить свою независимость. Когда тотчас же после введения конституции соседние государства вторглись в Польшу, в защите ее во время восстания Косцюшки приняли участие только часть шляхты и лишь самая незначительная часть крестьянства.

Отсюда вывод, суровый, но необходимый: конституция 3 мая есть памятник не национальной славы, а лишь памятник шляхетского позора.

В час смертельной опасности, когда необходимо было какой бы то ни было ценой защитить свободу народа, господствующий класс, польская шляхта, не пошел на подвиг, а, погрязши в подлом эгоизме, не захотел отказаться от своей власти над крестьянином, от варварского сдирания с него последней шкуры. Он предпочел подчиниться чужеземному игу, изменить своей национальности.

Иначе, впрочем, и быть не могло: не было еще такого случая, чтобы господствующий класс согласился уступить свое господство добровольно, без борьбы.

Во Франции народные массы революционным путем низвергли господство аристократии и тем спасли свою свободу; в Польше подъяремный народ не нашел в себе силы произвести революцию, и прогнивший до мозга костей шляхетский класс привел весь народ под чужеземное иго.

Поэтому, если день 3 мая должен быть памятным днем, он должен быть днем позора для шляхты и ее преемницы —

польской буржуазии, днем возмездия за преступление, за предательство по отношению к родине, за гибель свободы нации.

Мы предоставляем им эти воспоминания: «Пусть мертвые хоронят мертвых!» Ибо конституция 3 мая является не памятником национальной славы, а печальным памятником шляхетского позора. Праздновать 3 мая — это не значит «увядших лавров листьями венчать главу», ибо лавров там нет, а есть лишь увядшая полынь. Праздновать 3 мая значит лишь обманывать рабочий люд, значит заниматься бесстыдной фальсификацией истории народа.

Народ хочет жить! Народ польский, это миллионные массы польских рабочих и крестьян, которые идут навстречу светлому будущему, сквозь бури и кровавые бои. Союзниками их являются не выродившиеся потомки опозоренной шляхты, а пролетарии всего мира.

С ними вместе польский рабочий народ становится под красное знамя мировой революции в день 1 мая.

Напечатано в органе Польбюро ЦК РКП(б) «Trybuna komunistyczna» («Трибуна коммунистическая»), М. 2/I 1921.

Перевод с польского

НАПОЛЕОН И ПОЛЯКИ

НАПОЛЕОН И ПОЛЯКИ [101]

I

В битве под Лейпцигом польские войска сыграли немаловажную роль. Это они помешали 16 октября союзникам перейти Плейсу, а 19 им пришлось осуществлять трудные задачи по прикрытию отступления наполеоновской армии. Стоит по этому случаю напомнить об отношении Наполеона к полякам.

Польша была раздавлена после отчаянной борьбы под предводительством Косцюшки. В 1795 г. последовал третий, окончательный раздел государства между Россией, Австрией и Пруссией. Правительства всех трех государств-захватчиков стали преследовать польских офицеров и солдат. Всюду, где им удавалось схватить их, их бросали в тюрьмы, как «мятежников». Нет поэтому ничего удивительного, что поляки в большом числе бежали за границу, в Турцию, Италию, во Францию. Как раз в это время революционная Французская республика вела войну с двумя из упомянутых государств-захватчиков, Австрией и Пруссией, и было вполне естественно, что польские эмигранты вскоре стали возлагать свои надежды на победу республики, которая могла бы привести к новому преобразованию карты Европы. Так возникла идея польских легионов. Среди польских эмигрантов появился план пойти на военную службу революционной Франции, чтобы таким образом содействовать восстановлению Польши. Творцом этой идеи был Выбицкий, один из немногих искренне революционно настроенных польских политиков; осуществлять ее взялись военные, Генрик Домбровский и Кароль Князевич. Домбровский в январе 1797 г. представил Директории Французской республики свой план и был направлен с ним к генералу

Бонапарту, командовавшему армией в Италии. Последний одобрил этот план, однако имелись некоторые затруднения: конституция республики запрещала принимать иностранцев на военную службу. Выход из этих затруднений был найден в том, что поляки были зачислены на службу союзной с Францией Ломбардской республики. Они стали считаться ломбардскими гражданами, оплачивались Францией, получили право избирать своих офицеров, носить польские мундиры, на которых однако красовался трехцветный значок республики, эмблема «освободителей мира от тирании»; кроме того легионеры носили на руке повязку с итальянской надписью: «Gli homini liberi sono fratelli» (свободные люди — братья).

Вскоре стали притекать в эти легионы толпы польских эмигрантов. Сверх того было много поляков, находившихся против своей воли в австрийской армии, воевавшей с Францией, Французы в своем победоносном шествии захватили очень много пленных, в числе последних таким образом и поляков. Последние получили свободу, и их зачислили в легион. Таким образом удалось уже спустя два месяца по заключении договора набрать в польский легион 5 тыс. человек.

Домбровский предложил Наполеону план, имевший в виду сокрушение австрийской лоскутной монархии: польский легион должен был проникнуть через Крайну в Кроацию, склонить кроатов, словенцев, далматинцев и венгров к революционному восстанию против Габсбургов, через Венгрию отправиться походом в Польшу и там поднять восстание. Наполеон одобрил этот план, легион отправился в поход и дошел до Пальма-Нуова. В это время, в октябре 1797 г., Наполеон заключил мир с Австрией в Кампо-Формио. О польских интересах в мирном договоре не говорилось ни слова; легион был отозван назад.

После этого он получил приказ занять Папскую область, принимал участие в завоевании Неаполя, где особо отличился. Благодарность выразилась лишь в оказании высокой чести: генерал Шампионэ, командовавший, с тех пор как Наполеон отправился в Египет, французской альпийской армией, возложил на предводителя легиона Князевича поручение передать Директории в Париже отнятые у неприятелей знамена.

Началась война республики со второй коалицией: Австрией, Англией и Россией. В 1799 г. Суворов вступил в Италию. Поляки стояли лицом к лицу со своими смертельными врагами — русскими и австрийцами. Они сражались под Леньяго и Маньяно, под Мантуей, Требией и Нови. Что сражающихся не щадили, показывают голые ужасающие цифры: под знаменами при начале

похода было 7 тыс. человек, разбитых на два легиона; из первого легиона полковник Аксамитовский вернулся во Францию после капитуляции под Мантуей всего со 150 солдатами; из второго Домбровский имел возможность присоединить к корпусу Сюше лишь неполных 800 человек, оставшихся в живых после битвы под Нови.

Когда Наполеон вернулся из Египта и совершил государственный переворот, он устранил, пользуясь правом первого консула, параграф конституции, запрещавший принимать на службу иностранные войска. Домбровский и Князевич были уполномочены вербовать опять людей в легион. Вскоре у них оказалось под ружьем уже 15 тыс. человек. И опять легионы совершили один за другим ряд выдающихся военных подвигов. Под Маренго, под Гогенлиндеи, под Мантуей, под Кастельнуово, под Пешиерой они много способствовали победам первого консула. Он сумел опять вдохновить эти полки на невероятные походы, прельстив их вождей планами, которые должны были вести к освобождению Польши. Поход польской армии через Чехию и Галицию казался уже решенным делом, когда Наполеон неожиданно в феврале 1801 г. заключил мир в Люневилле. В мирном договоре не только не было речи об интересах Польши, но даже, напротив того, Франция обязалась распустить легионы. И тут последовало позорное предательство: часть легионеров, вопреки всем договорам, была включена во французские полки; другая часть была отправлена в Ливорно и в Геную. Там против легионеров выставили пушки и заставили их сесть на суда, которые отвезли всех в Сан-Доминго, где борцы за свободу должны были усмирять восстание негров. Кровопролитные бои и желтая лихорадка уничтожили большую часть легионеров: из 2 800 почти человек осталось в живых едва несколько сот.

Таков был трагический конец польских легионов. Свыше 20 тыс. поляков принесли себя в жертву на службе революционной Франции.

Этот легион представляет собой исключительное в истории явление. По видимости — как будто бы армия наемных солдат, но армия, у вождей которой (несомненно так же и у огромной части солдат) идеальные цели играли большую роль: они служили под французскими знаменами, ибо надеялись, что республиканская революционная Франция опрокинет троны по всей Европе, и тогда пробьет час освобождения Польши.

Однако вряд ли было бы возможно создать такой большой приток людей в эти легионы, если бы этому не содействовали особые социальные причины.

Эти причины таковы.

Польша имела, не в пример другим странам, исключительно многочисленное дворянское сословие (шляхту). Там приходился чуть не на каждые семь крестьян один шляхтич. Громаднейшую часть этой шляхты составляла совершенно обнищавшая мелкая шляхта, так сказать — дворянский люмпенпролетариат. Покуда существовало польское государство, эти мелкие шляхтичи состояли «клиентами» вельмож, магнатов: «при дворах» Потоцких, Радзивиллов, Любомирских, Браницких, Чарторижских, Замойских околачивались сотни и тысячи подобных благородных нищих, предоставлявших свои голоса на сеймах, а в случае надобности и свои сабли к услугам этих знатных господ и кормившихся за это от их стола, или получавших от них доходные местечки. После падения Польши вся масса этих людей стала излишней. Работать они не научились, и теперь они увидели себя на краю пропасти. Этим объясняется, что этот слой дал значительный приток в легионы: военное ремесло доставляло по крайней мере хоть кой-какие возможности как-нибудь прожить. Несомненно однако одним из побудительных толчков являлся также идейный: патриотическая цель, которую указывали вожди, манила молодежь, пережившую ужасное падение отечества и готовую принести за него в жертву свою жизнь.

Следующий момент, содействовавший увеличению числа легионеров, заключался в самих условиях войны: Австрия включила крестьян из захваченных польских областей в свою армию, режим же в этой армии был свыше всякой меры ужасный. Неудивительно, что эти польские крестьяне, заслышав о возникновении легионов, дезертировали массами и вступали в «польское войско», т.е. легионы.

Что в составившейся таким образом армии был широко развит дух товарищества, безграничной преданности вождям — легко понять. Люди служили под чужими знаменами; но они жили верой, что борются за свободу своей родины. Это сознание и эта вера связывали офицеров и солдат. Отсюда блестящие боевые дела легионов.

II

Мир в Европе продолжался недолго.

В феврале 1801 г. консул Наполеон Бонапарте заключил мир в Люневилле, 2 декабря 1805 г. император Наполеон I разбил австрийцев и русских наголову под Аустерлицем, 14 октября 1806 г. — пруссаков под Иеной. Было ясно, что между

его новоиспеченной империей, которая несмотря ни на что зиждилась на революционном фундаменте, и «законными» монархиями, приверженными старому режиму, тоже должна вспыхнуть борьба не на жизнь, а на смерть.

Для Наполеона было в высшей степени желательно, чтоб освободительное движение Польши не давало ни минуты покоя державам, принявшим участие в разделах. Поэтому он попытался снова создать приманку для поляков.

Нельзя сказать, что ему на этот раз удалось легко поймать поляков на удочку. Тадеуш Косцюшко—герой последней освободительной войны — оставил Наполеона форменным образом с носом. Этот человек, сражавшийся за свободу не только в Польше, но и в Северной Америке, усвоил себе демократическую добродетель недоверия к монархам и не доверял виновнику государственного переворота 18 брюмера. Когда Наполеон после битвы под Иеной предложил ему призвать к оружию поляков, он потребовал в категорической форме гарантий, что в случае победы будет восстановлено независимое польское государство. Наполеон, привыкший создавать и уничтожать государства по своему благоусмотрению, не пожелал связывать себя и отказался дать гарантии, после чего Косцюшко остался вдали от движения.

Несмотря на это многие бывшие легионеры примкнули опять к Наполеону: Домбровский организовал народное восстание в захваченных Пруссией польских провинциях.

Это восстание несомненно облегчило Наполеону возможность нанести решительный удар России и пруссакам. Прусские войска были вынуждены очень скоро очистить всю Познанскую область до Варшавы; французская армия устроилась там на зимние квартиры и разбила затем в феврале 1807 г. русских под Эйлау и в июне под Фридландом.

На этот раз Наполеон действительно создал польское государство — Великое княжество Варшавское. Но это было образование, с самого начала нежизнеспособное. Оно охватывало лишь польские области, отобранные у Пруссии, так как при заключении Тильзитского мира Наполеон пожелал щадить своего «друга» Александра.

Новое государство представляло собой область в 1 860 кв. миль с 2½-миллионным населением. Границы его оставались со всех сторон открытыми. Это был так сказать военный лагерь, вклиненный между Пруссией, Россией и Австрией. Государство это получило конституцию, которую Наполеон продиктовал представителям Польши в Дрездене в течение одного часа.

Герой революции успел уже настолько полинять, что закрепил в новом государстве сословный строй: шляхта получила фактически власть в свои руки. Крестьянский вопрос был «разрешен» в форме, какая могла быть желательна только зубрам-помещикам. И просто и коротко было объявлено: «крепостничество отменяется». Между тем крепостные крестьяне в Польше, как и в Пруссии, были фактическими владельцами земли, на которой они жили, а новая конституция, не упоминая ни словом об этом владении, установила лишь положение, что земля составляет собственность помещика. Крестьянин лично стал свободен, но земля была у него отнята. Помещик мог оставить крестьянина в своем имении, или прогнать его вон, если ему это было угодно. Он оставлял его, если крестьянин обязывался попрежнему исполнять барщину. Таким образом в сущности все осталось по-старому. Но и для Наполеона было важно лишь одно, — выжать из Польши все, что было возможно.

Государство вынуждено было взять на себя обязательство содержать армию в 30 тыс. человек. Из них 8 тыс. отборных солдат оно предоставило тотчас же императору для испанского похода. Освобожденные поляки вынуждены были отправиться покорять испанцев! Следующие десять тысяч солдат были распределены гарнизонами в находящихся во французском владении прусских крепостях. Оставалось 12 тыс. человек, почти исключительно вновь набранных рекрутов.

С этим была соединена финансовая операция в наполеоновском духе. Пруссия основала в польских провинциях ипотечный банк, отпускавший взаймы деньги помещикам; Наполеон объявил этот банк военной добычей и навязал новому государству следующую сделку: княжество выплатило императору 20 млн. франков наличными деньгами и получило в свою собственность банк. Так как помещики были должны банку 48 млн. франков, то государство получило таким образом подарок. Но соль этой сделки состояла в том, что должники, все вместе и каждый в отдельности, разоренные войной, были неплатежеспособны.

Обескровленное в хозяйственном отношении государство едва только начало оправляться, как вспыхнула новая война: Австрии с Францией. Эрцгерцог Фердинанд с сорокатысячной австрийской армией вступил в Княжество Варшавское, которое могло противопоставить ему лишь упомянутых 12 тыс. новобранцев и 1 300 саксонцев, которых выставил саксонский король как суверенный глава государства. Начался своеобразный маневр: польская армия была разбита под Рашином, австрийцы вступили в Варшаву, но польские войска после-

шили в покоренные австрийцами польские области и подняли там восстание населения. Победа Наполеона под Ваграмом (5 и 6 июля 1809 г.) решила окончательно войну.

Если поляки надеялись, что восставшие области тоже получат независимость, то они опять обманулись. В Венском трактате границы были проведены опять по капризу Наполеона: часть Галиции была присоединена к Княжеству Варшавскому (около 900 кв. миль с 1½-миллионным населением), другая часть этой области осталась за Австрией, третья была отдана России. И опять было возложено на Княжество чудовищное бремя: оно обязывалось содержать под ружьем 60 тыс. человек, причем опять большая часть этого войска была отправлена в Испанию, в Италию, на Рейн к «всегда веселому» королю Жерому. Страна почти изнемогала под этим бременем.

Однако в 1812 г. она была вынуждена к новым жертвам: император Наполеон подготовлял поход против России. Наполеон опять поселил в душах поляков надежды на окончательное восстановление единого польского государства. В находившихся под властью России областях было вызвано восстание. Княжество было вынуждено делать лихорадочные усилия, чтобы подготовиться к приему колоссальной французской армии, и вскоре неисчислимые полчища пронеслись через опустошенную вконец страну. Не 60, а слишком 80 тыс. поляков должны были принять участие в походе.

Верховное командование было возложено на князя Понятовского. Это была личность, абсолютно ничем не выдающаяся. Кроме личной храбрости у этого человека не было никаких свойств, которые делали бы его способным быть вождем большой армии. Но он был племянником последнего польского короля, и поэтому Наполеон, основательно позабывший свое революционное прошлое и от него отрекшийся, обошел в его пользу действительно высокоталантливых польских полководцев, испытанных в боях в Италии, Испании и Германии. Эти люди знали, что должен был означать зимний поход в Россию. Они заклинали императора перезимовать в Польше, Литве и прибалтийских провинциях и подготовить как следует поход. Наполеон не хотел их послушаться, или скорее, пожалуй, не мог, так как ему были необходимы немедленные победы, ибо его могущество начинало колебаться.

В результате получилось неслыханное поражение. Солдатские отряда бежали обратно через Польшу, сильно опустошая страну. Польские полки, как-никак, легче чем другие выдержи-

вавшие поход, так как они лучше могли приспособляться к условиям, остались верны делу Наполеона, несмотря на то, что царь Александр делал все попытки склонить Понятовского покинуть императорские знамена. После битвы под Лейпцигом, где погиб Понятовский, поляки направились под предводительством Сулковского вместе с французской армией к берегам Рейна и лишь после отречения Наполеона были отпущены на родину.

На Венском конгрессе польское государство было опять раздроблено; Пруссия и Австрия получили значительную часть захваченных ими прежде земель назад, и только часть Княжества Варшавского была восстановлена под названием Королевства Польского с отдельной конституцией, причем польским королем являлся русский царь. Русское хозяйничанье привело к восстаниям 1831 и 1863 гг., по усмирении которых самоуправление края было уничтожено.

Есть своеобразный трагизм в этой преданности поляков Наполеону.

Необходимо иметь постоянно в виду, что основную причину падения Польши надо искать в полном бесправии народных масс и в эксплоатации страны шляхтой. Бесчисленная масса крестьянства относилась ко всем политическим сотрясениям тупо и равнодушно; шляхта же не желала нести на себе бремени защиты государства и сделала страну беззащитной перед милитаристическими монархиями. Когда державы-захватчицы решили поделить между собой Польшу, то помочь сколько-нибудь могло бы лишь героическое средство, — призыв всего народа к оружию. Как революционная Франция устояла против коалиции таким образом, так могла бы устоять и Польша. Но для этого шляхта должна была отказаться от своего господства, должна была освободить крестьянство от барщины. Сделать это помешали ей ее классовые интересы. Буржуазия и городской пролетариат, который мог бы произвести подобный переворот, имелись во Франции, но их не было в Польше. Создалась к тому же идеология, какая могла возникнуть только в рядах шляхты: польские легионеры надеялись своими военными подвигами на службе революционной Франции освободить Польшу, не вызывая в собственной стране революции на социальной почве. Даже когда Наполеон создал Княжество Варшавское, крестьянство оставалось безучастным к политическим событиям, и потому именно «царь сражений» мог обращаться с судьбой польского народа, как ему было угодно: он создал государство, какое было ему нужно для усиления его могущества, и когда это

могущество рухнуло, рухнуло также и «Княжество Варшавское».

В настоящее время Польша представляет собой страну, в которой пролетариат играет важнейшую роль. Этот пролетариат не может ожидать своего освобождения от военных переворотов, и он, борясь за социализм, борется за свои национальные интересы. [102]

Напечатано впервые в «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигская народная газета») 21 и 22/X 1913.

Перевод с немецкого
I. K.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В ПОЛЬШЕ

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В ПОЛЬШЕ [103]

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В конце XVIII века в Польше кое-где возникали «мануфактуры» на началах, заимствованных из Франции и Англии. В большинстве случаев основывали их магнаты. Занимались они производством сукон, полотна, бумаги, фарфора и т. п. Предприятия эти применяли труд крепостных и поэтому серьезного успеха иметь не могли. [104]

После уничтожения крепостничества в «Княжестве Варшавском» в 1809 г. в этой части Польши возникли новые экономические условия. Освобождение крестьян произошло в следующей форме: крестьяне объявлялись лично свободными, но участки земли, на которых они хозяйничали, отбывая барщину, объявлялись полной собственностью помещиков. Помещик мог заключить с крестьянином договор на арендных началах, причем арендаторы платили наличными или трудом, но он мог также и просто прогнать крестьян с занимаемых ими участков. Так как в то время, время постоянных войн, цены на сельскохозяйственные продукты стояли очень высокие, помещики были крайне заинтересованы в расширении своих владений. Поэтому они поспешили воспользоваться своим правом, и много крестьян было согнано со своих участков. Это не стало всеобщим явлением только потому, что у многих помещиков не хватало средств на обзаведение собственным инвентарем, и они продолжали хозяйничать на старых началах: крестьяне обрабатывали помещичьи поля своим инвентарем, но только считались при этом арендаторами, а не крепостными. По меткому выражению графа Б а д е н и [70], реформа состояла в том, что крестьян

освободили от кандалов, но вместе с кандалами стащили с ног и сапоги.

Крестьяне, выгнанные помещиками, вынуждены были искать заработка во что бы то ни стало, и рабочая сила стала баснословно дешева в Польше. После наполеоновских войн, с наступлением мирного времени, эта дешевизна рабочих рук стала одной из побудительных причин для заграничных капиталистов строить фабрики в Польше. В Королевстве Польском, основанном после Венского конгресса 1815 г., министр финансов Любецкий всячески поощрял этих заграничных капиталистов. При содействии Польского банка финансировались крупные предприятия, в первую очередь заводы для выделки железа в угольном районе Домбровы, добыча соли в Цехоцинске и другие. Привлекались в страну также мелкие производители, которые временно освобождались от налогов. Таким образом возникла текстильная промышленность Лодзи. В этом, в то время ничтожном поселке, поселилось несколько сот ткачей, прибывших из Силезии, а вскоре явился более крупный предприниматель Шейблер из Рейнской провинции, который устроил хлопчатобумажную прядильню и ввел механические ткацкие станки.

Фабричное и ремесленное производство снабжало своими продуктами не только Польшу, но проникало и за границу Королевства Польского, в западные губернии России, несмотря на то, что между «Королевством» и «Империей» существовала таможенная граница. В 1859 г.[105] эта граница была устранена, и торговые обороты сильно расширились.

После восстания 1863 г. была проведена аграрная реформа 1864 г., после которой крестьяне были наделены землей. Благодаря этому значительно расширился внутренний рынок. Крестьянин-собственник явился в значительно большей степени потребителем промышленных изделий, чем был крестьянин, хозяйничавший на началах барщины. Но, с другой стороны, далеко не все крестьяне были наделены землей в таком количестве, чтобы пропитать себя на собственном хозяйстве, и предложение рабочих сил на рынке труда усилилось в свою очередь.

Эти два факта — беспрепятственный доступ на товарные рынки России и дешевизна рабочих рук — все больше привлекали капиталистов, и промышленность стала развиваться все быстрее. Кроме железоделательной промышленности в Домброве и текстильной в Лодзи стала развиваться также промышленность Варшавы, где возникали фабрики машин, кожевенные заводы, а также более мелкие предприятия самого разнородного характера.

Промышленному развитию страны способствовала также постройка железных дорог. Первые две дороги, Варшава — Вена и Варшава — Быдгощ (нем. Бромберг — город в довоенной Пруссии близ русской границы), были построены в шестидесятых годах, а в семидесятых годах были построены дороги, соединяющие Польшу с Россией.

При столь быстром темпе развития внутренний рынок Польши был быстро насыщен товарами, и капиталисты все больше стали приспособлять производство к сбыту на необъятном рынке России и добиваться в этом отношении блестящих успехов.

Торговые отношения развиваются в связи с этим все больше. Начиная с восьмидесятых годов, благодаря развитию путей сообщения, Россия является не только рынком сбыта для польских предприятий, но также и поставщиком сырья и отчасти полуфабрикатов. Польские текстильные фабрики перерабатывают русскую шерсть, русский лен, а с половины девяностых годов также русский хлопок; с открытием богатых залежей высококачественной железной руды в Донецком бассейне этой рудой и марганцем снабжается польская металлургическая промышленность, и наконец русский чугун перерабатывается польской промышленностью и т. д. и т. п.

Эти факты экономической жизни коренным образом меняли взаимоотношения между Польшей и Россией. Раньше Польша находилась в тисках русского абсолютизма, как порабощенная страна, но ее экономическая жизнь протекала вне всякой связи с Россией. Когда же, благодаря развитию капитализма, возникают и все крепнут экономические связи между обеими странами, Польша, продолжая оставаться порабощенной и все больше страдая от царского гнета, оказывается однако в своих жизненных интересах связанной с Россией *.

Восстание 1863 г. и аграрная реформа подорвали господство в Польше помещичье-шляхетского класса. Вся экономическая и политическая власть в течение нескольких столетий была в руках этого класса. После уничтожения польского государства, после захвата польских земель милитаристическими державами шляхта теряет политическую власть, но экономическая власть остается все-таки за ней. В ее руках находятся все богатства

---

* Значение этих последствий развития капитализма в Польше впервые разработала Роза Люксембург в своей книге о развитии промышленности в Польше [105]. По ее выражению, раньше между Россией и Польшей существовала связь чисто механическая, развитие капитализма привело к органической связи.

земледельческой страны. И так как крестьянство находится в полном порабощении, а мещанский класс потерял в Польше всякое значение, то шляхетский класс и только он определял общественное мнение, ему принадлежала духовная гегемония в стране.

Восстания же повлекли за собой сильное обеднение шляхты. Конфискация имений, грабеж со стороны войск, контрибуции, произвольно налагаемые любым чиновником, привели имения в расстройство. Последовавшая затем аграрная реформа ухудшила положение еще больше. У многих помещиков не было ни собственного инвентаря, ни рабочей силы. Вследствие этого в первые годы после реформы имения их пришли в полный упадок и продавались за бесценок, причем покупателями являлись в значительной части иностранцы.

На сцену выступает новый властелин — капиталист, промышленник, делец.

К нему на службу идут сыновья разоренных помещиков. Для поляков государственная служба была закрыта, а потому молодежь наполняет собою специальные учебные заведения в Варшаве, в России и за границей, и из них выходят врачи, техники, инженеры, торговые и банковские служащие.

Вначале промышленная буржуазия не могла еще использовать своего экономического перевеса, чтобы влиять на общественную жизнь, ибо она состояла из иностранцев. Но эти буржуа ополячиваются с удивительной быстротой. Объясняется это просто: разбогатевший немецкий мещанин попадает в «высшее» общество, которое все еще представляет собою польскую шляхту. Он посылает своих детей в школу, где, несмотря на обрусительную политику правительства, господствует польский дух. Выросши, его сыновья женятся на дочерях польских помещиков, его дочери выходят замуж за тех же помещиков. Таким образом уже второе поколение этих немецких пришлецов оказывается вполне слившимся с польским «обществом» *.

Тот же процесс ассимиляции наблюдается и среди буржуазии еврейского происхождения.

---

* Из своих личных наблюдений, когда я работал в промышленности Лодзи [107], помню характерный случай. Фабрикант Б., получивший немецкое письмо из Варшавы, обиделся и заявил, что его фирма является польской и требует, чтобы к ней обращались на польском языке, иначе она порывает сношения. Отец этого Б. был типичным немецким мещанином, прибывшим из Саксонии, и ни слова не говорил по-польски.

Буржуазная идеология идет на смену шляхетской

С появлением капиталистической буржуазии удивительно быстро возникает в Польше новая идеология. От времен раздела Польши и до 60-х гг. XIX в. господствовал патриотический шляхетский мистицизм. Он вырос на европейской романтике, но принял своеобразные формы под влиянием тех страданий, которые пришлось перенести порабощенной нации. В научном отношении он оказался бесплодным, но в искусстве дал чудные перлы поэзии в творениях Мицкевича, Словацкого, Красинского. В семидесятых годах на смену этому мистицизму идет прямая его противоположность, так называемый «позитивизм», философское течение, отцом которого является французский философ Огюст Конт. В основе его лежал материалистически подкрашенный эмпиризм и применение индуктивного метода. Блестящее развитие в то время естествознания, благодаря работам Дарвина и его последователей, дало «позитивизму» твердую почву.

В Польше это учение стало главным оружием в руках идейных поборников буржуазной идеологии. Кампания — совершенно последовательно — была начата с борьбы против религиозных и специально католических предрассудков. Шляхетская идеология была теснейшим образом связана с католицизмом в самой ортодоксальной его форме, а, следовательно, с борьбы против религии и необходимо было начать борьбу против шляхты. Эта сторона деятельности «позитивистов» является главной их исторической заслугой. Не только буржуазная молодежь зачитывалась книжками и статьями нового направления, но вскоре эти книжки и статьи стали материалом и для рабочих социалистических кружков. В политическом отношении «позитивисты» являются сторонниками мещанского либерализма, не замечая или не желая замечать, что этот либерализм, являвшийся революционным в начале XIX в., в последней его четверти превратился уже в пошлое фразерство. Но для нарождающейся польской буржуазии этот либерализм являлся как раз наиболее подходящей идеологией. По национальному вопросу «позитивисты» изобрели своеобразную формулировку, гласящую следующее: национальные восстания 1830 и 1863 гг. доказали, что вооруженная борьба не может дать освобождения польскому народу, ибо соотношение сил слишком невыгодно; необходимо, следовательно, сузить цель: нужно приложить все усилия к тому, чтобы сохранить польскую национальность,

укрепляя жизненные силы нации и развивая ее культуру. Для этого необходимо развивать промышленность и торговлю и всемерно поддерживать научное и вообще культурное развитие. Нужно бросить утопические мечты о немедленном освобождении страны от иноземного ига и заняться повседневной работой в экономической и культурной области. Эта программа получила название «программы органического труда». Как видим, эта формулировка национальных задач также вполне отвечала интересам буржуазии. В своем практическом применении она окружала ореолом самую беспощадную наживу. Живодер-фабрикант или делец-спекулянт могли с этой точки зрения считать себя национальными героями: ведь надо поднимать экономическую жизнь нации, а они это именно делают. Подтасовка состояла в том, что личное обогащение смешивалось с обогащением нации. Пресловутый лозунг «обогащайтесь, господа», брошенный французским королем Луи Филиппом, стал в Польше национальной программой.

Это течение нашло свое отражение также в литературе и искусстве. Героем поэтов шляхетской Польши был борец за национальную свободу, — героем нового времени стал инженер, фабрикант, преуспевающий делец, наконец помещик, ведущий образцовое хозяйство.

Своему призванию идеологов буржуазии «позитивисты» оказались верны и в том отношении, что они яростно выступили против социализма, лишь только стало проявляться рабочее движение в Польше.

Отношение буржуазии к русскому самодержавию было прямо противоположно тому, какое было у шляхты. Новый господствующий класс, будучи заинтересован в экономической связи с Россией, не только был принципиальным противником борьбы за национальное освобождение, но стремился еще и доказать всякими способами свою лояльность по отношению к царскому правительству. Польским фабрикантам и торговцам приходилось отстаивать свои интересы против фабрикантов и торговцев русских промышленных центров, и потому им приходилось заискивать перед правительством, чтобы парализовать усилия своих противников, которые добивались оградительных мер против польской конкуренции (например путем повышения железнодорожных тарифов на товары, привозимые из Польши на восток). В этом отношении польские капиталисты достигли кое-каких успехов. В восьмидесятых годах Петербургское правительство стало ясно сознавать, что развитие промыш-

ленности в Польше является лучшим средством слияния Польши с Россией и стало явно покровительствовать польским капиталистам. Политика «о б р у с е н и я», удушения культурной жизни нации проводилась беспощадно, но интересы польского к а п и т а л и з м а п о д д е р ж и в а л и с ь в с е м е р н о.

Против рабочего движения, которое в восьмидесятых годах стало быстро развиваться, царские власти свирепствовали вовсю, и это явилось еще одним из звеньев, связывавших польскую буржуазию с царизмом: «Твердая власть», которую проявляло самодержавие против рабочих, ограждала интересы капиталистов, и они горой стояли за эту твердую власть.

Союз польского и русского капитала

Если, как сказано, в восьмидесятых годах существовали еще трения между промышленниками Польши и промышленниками русских центров, то в девяностых годах эти трения сводятся на-нет, и создается полная солидарность [108]. Этому способствовали синдикаты и тресты. В разных отраслях промышленности и в банковом деле были заключены договоры для нормирования цен и разграничения рынков сбыта, и наконец возникают синдикаты и тресты, которые объединяют промышленность всей империи. При этом создается известное разделение труда. В русских районах быстро развивается промышленность самых крупных размеров, но эти предприятия не гонятся за производством изделий, требующих высокотехнического уровня; им выгоднее массовое производство сравнительно простых изделий. На долю же польской промышленности, которая пользуется в изобилии квалифицированным трудом как рабочих, так и техников, выпадает производство более сложных изделий — машин, арматуры, химических препаратов и т. п.

Таким образом быстрое развитие капитализма в России не только не обостряло конкуренции, а напротив, способствовало укреплению экономической связи между капиталистами России и Польши.

Интересно отметить, что польские капиталисты превращаются постепенно в ярых русских империалистов. Стремление царской России к захвату а з и а т с к и х р ы н к о в встречает полное сочувствие со стороны польских промышленников и дельцов. Ведь в Персию и Китай идут также лодзинские и варшавские товары, и польские дельцы найдут возможность обогащаться при эксплоатации стран, куда проникает русское «влияние». В Туркменистане возникают хлопковые плантации

не только московских тузов текстильной промышленности, но также и лодзинских.

Эти империалистические вожделения ярко сказались в Государственной Думе, где представители польской буржуазии были не менее ярыми сторонниками милитаризма и «великодержавной политики», чем кадеты и октябристы.

«Политика соглашения»

Варварские преследования польской культуры конечно раздражали массы населения, особенно рабочих и мелкую буржуазию. Чтобы не потерять влияния на мелкую буржуазию, капиталистическим политикам пришлось обосновывать свое поведение все новыми выдумками. Либерализм «позитивистов» скоро уступил место открытой реакции. Подличанье перед самодержавием маскировалось тем, что буржуазные политики утверждали, будто их цель направлена к тому, чтобы добиться ряда уступок со стороны царского правительства в национальном вопросе. Если-де поляки окажутся вполне лояльными по отношению к этому правительству, оно пойдет на уступки, согласится на введение польского языка в школах, разрешит культурную деятельность и т. п. Это называлось «политикой соглашения» (по-польски «polityka ugodowa»). Все эти надежды оказались однако обманчивыми. Царизм и не думал о каких-либо уступках и только во время революции 1905—1906 г. школьная молодежь революционным путем (бойкотом школ) добилась того, что в частных школах было введено преподавание на польском языке.

Разгул реакции и возникновение партии «Национальной демократии»

Революция 1905 г. вызвала диференциацию буржуазных партий. Возникли 1) партия крупных помещиков и крупного капитала, называвшая себя «партией реальной политики»; 2) партия среднего капитала и мещанства, «национальная демократия», прозванная «эндеками», [109] и 3) партия «прогрессивной демократии», объединявшая часть интеллигенции. Самой влиятельной оказалась партия «эндеков». Она во время революции выступила на борьбу с рабочими, образуя черносотенные дружины, не останавливаясь перед убийствами из-за угла и перед гнусными доносами. Этим

она приобрела доверие и поддержку царских властей. Угождая инстинктам мелкой буржуазии, она бросилась в антисемитизм, и это обеспечило за ней влияние на широкие массы польского мещанства и отчасти крестьянства.

Антисемитизм в Польше

В шляхетской Польше существовал несомненно антисемитизм в народных массах в его «зоологической форме», т. е. в виде ненависти к чужому, существовала также ненависть к еврею и как к эксплоататору (ростовщичество), и как к орудию эксплоатации (еврей как арендатор, прислужник помещиков). Со стороны шляхты мы встречаем барскую заносчивость, беспредельное презрение к еврею, что однако не мешает тому, что помещик-шляхтич пользуется в своих торговых и кредитных делах услугами евреев. Не было помещика, у которого не было бы «своего еврея»— посредника или так называемого «фактора». Эта ненависть и это презрение не вели однако к настоящему антисемитизму в современном смысле, т. е. преследованию евреев, возведенному в политический принцип. Такой антисемитизм появляется уже в капиталистической Польше как результат экономической борьбы между мелкими буржуа, католиками и евреями.

Следует помнить, что Королевство Польское принадлежало к странам с исключительно многочисленным еврейским населением. Численность евреев вдобавок постоянно возрастала. Особенно в восьмидесятых годах, когда царское правительство начало систематически преследовать евреев, запрещая им проживать в центральных, восточных и северных губерниях России, волна евреев-эмигрантов бросилась в Польшу. В последние годы до войны в Королевстве Польском евреи составляли до 14% всего населения; в крупных городах евреи составляли одну треть населения, а среди мелких местечек имеются такие, в которых евреи составляют до 90% населения.

Начиная с восьмидесятых годов десятки тысяч разорившихся шляхтичей переезжают в города и стараются применить свой уцелевший маленький капиталец в торговле и промышленности. Но тут на каждом шагу они наталкиваются на евреев, которые давно овладели мелкой торговлей. Начинается грызня из-за «места у корыта». Эти выходцы из шляхетского лагеря, более энергичные, чем закоснелое польское мещанство, увлекли за собой и это мещанство, и начинается политическая кампания антисемитизма.

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ ПРУССКОГО ЗАХВАТА

Силезия[110]

Силезия была отделена от Польши еще в XIV в. Западная ее часть, более плодородная, постепенно заселялась немецкими колонистами, которые вытеснили польских крестьян. Восточная часть, так называемая Верхняя Силезия, также подверглась сильной германизации в том смысле, что дворянство и мещанство онемечились совершенно (этим объясняется, что среди германской аристократии и дворянства встречается очень много польских фамилий — Посадовские, Подбельские и т. п.). Но народные, крестьянские массы сохранили свой родной польский язык. Немецкие ученые по националистическим соображениям пытались доказать, что население Силезии нельзя считать польским, что язык, которым оно говорит, не является польским. Но все эти попытки являются совершенно необоснованными. Язык, которым говорят народные массы Верхней Силезии, является несомненно одним из польских наречий, в котором сохранилось много слов и оборотов речи старинного польского языка, и все дело только в том, что это наречие испорчено сильной примесью немецких слов.

До начала XIX в. Верхняя Силезия была страной чисто земледельческой, и притом очень бедной, ибо почва здесь скудная и трудно поддается обработке. Было известно, что в стране имеются залежи железной руды, но руда низкокачественная, и при тогдашней технике эта руда не годилась для обработки. Только когда в начале века были найдены богатейшие залежи каменного угля, началось промышленное развитие этой провинции и пошло дальше быстрым «американским» темпом.

Особенность этого развития состоит в том, что территории, на которых добывают уголь, железную и цинковую руду, были собственностью крупнейших помещиков — князя Гогенлое, князя Ратиборского, князя Плесс, графа Доннерсмарк и т. д.,— эти аристократы не выпускали из своих рук богатств и сами стали крупнейшими промышленниками. Вследствие этого концентрация промышленности в этом районе с самого начала оказалась сильной.

Условия добычи угля в Верхней Силезии исключительно благоприятны. Угольные пласты очень мощны и находятся на сравнительно небольшой глубине. Это сильно влияет на доходность добычи: работа забойщика по сравнению с угольными районами Англии и Западной Германии более произво-

дительна, и поэтому Верхнесилезский район отличается тем, что тут применяется больше, чем в указанных выше районах, труд неквалифицированных рабочих. Источником рабочей силы является местное малоземельное крестьянство. Это давало владельцам угольных предприятий возможность держать заработную плату на очень низком уровне и выручать громадные барыши.

Развитие промышленности повело к интересным переменам в стране в национальном отношении. Еще в середине XIX в. в стране господствовал несомненно немецкий элемент, так что помещики и капиталистические предприниматели и мещанство были немцами.

Официальным языком был немецкий. Один он господствовал в администрации, в школах, в торговых и промышленных заведениях.

Громадное же большинство населения рабочих и крестьянских масс состояло из поляков, еле-еле понимающих немецкий язык. Правда, ему обучались в школе, отчасти в армии, но такое знакомство с чужим языком, как это обыкновенно бывает, не давало даже возможности объясняться в обыденной жизни. Впрочем эта масса трудового народа безмолвствовала, не принимала никакого участия в общественной жизни, а потому с ней вообще не считались.

Но с тех пор как сотни тысяч крестьян переселяются в города и заводские поселки, дело меняется. Рабочий начинает принимать участие в политической жизни, а прежде всего он сталкивается с эксплоатирующим его капиталистом. Но это сознание социального антагонизма для темных масс принимает в первую очередь форму национального антагонизма. Не только владелец угольной копи, рудника и завода — немец, но и инженеры, весь технический и административный персонал, с которым имеет дело рабочий, состоит из немцев. Нет ничего удивительного в том, что в таких условиях вся ненависть мало еще сознательного рабочего, вся его ненависть к эксплоататорам выливается в форму национальной ненависти поляка к немцам.

Наблюдается еще и другое интересное явление. Этот польский рабочий предпочитает покупать, что ему нужно, в лавочке, где с ним говорят по-польски, он идет в кабачок, где хозяин поляк, а не ненавистный немец. Это значит, что появляется многочисленная масса покупателей-поляков, которые предъявляют запрос, чтобы их обслуживали на родном языке, и немедленно мелкое мещанство приспособляется к обстоятельствам. Раньше лавочник, ремесленник, а также врач и адвокат

тянулись к немцам, если даже по происхождению они были поляками. Немецкая культура манила их к себе, немецкий язык, язык господствующего класса, язык «хорошего общества», открывал двери всюду. Вот почему силезский мещанин чувствовал себя немцем. Но теперь, когда является эта польская клиентура, жажда наживы берет верх: чтобы привлечь доверие рабочих, мещанин польского происхождения, наполовину забывший родной язык, объявляет себя «коренным поляком», провозглашает лозунг «национальной солидарности», кричит во всю глотку: «мы, поляки, должны поддерживать друг друга против немцев». Таким образом под влиянием развивающегося капитализма, который перебросил миллионы людей из глухой деревни в город и на завод, в стране, казалось, окончательно германизированной, встает во весь рост национальный вопрос. С удивительной быстротой вырастают кадры польской мелкой буржуазии. Верхняя Силезия к крайнему изумлению немецких националистов оказывается страной, в которой польский элемент оказывается сильнее немецкого [111].

Очень характерно впрочем, что даже для немецкой социал-демократии это явление было неожиданным и непонятным. Работники партии и профессиональных союзов заявляли, что требование рабочих Верхней Силезии о создании польских газет и введении польского языка в агитацию и в делопроизводство союзов является-де недопустимым национализмом. Только после упорной борьбы эта тактика была оставлена, и только с тех пор рабочее движение в Верхней Силезии получило широкий размах, захватывая польскую рабочую массу *.

Провинция Познань и Западная Пруссия

В этих западных провинциях Польши в XVI и XVII вв. имелось кое-какое развитие промышленности, конечно в форме ремесленного и кустарного производства. Когда во время разделов Польши эти провинции были захвачены Пруссией, это производство погибло, его убила конкуренция с немецким За-

* Помню, что даже такой искренний социалист, как Август Бебель, когда я ему в 1889 г. старался объяснить, что происходит в В. Силезии, никак не мог освоиться с мыслью, что там имеется «польский вопрос». Он вполне соглашался, что в Познанской провинции социал-демократия обязана защищать интересы трудящихся масс также по вопросу защиты родного языка и культуры, но относительно В. Силезии упорно утверждал, что «страна, присоединенная к Германии еще в XIV в., должна считаться страной немецкой».

падом: Познань и Западная Пруссия стали преимущественно земледельческими областями. Но именно в сельском хозяйстве, по мере развития капитализма в Германии, в этих провинциях сильно сказывается капиталистическое хозяйство.

Крепостничество было уничтожено в этих провинциях, как и во всей Пруссии, в 1816 г., и крестьяне получили землю в собственность на началах выкупа. Однако вследствие существовавших до этого времени аграрных отношений получилось большое число малоземельных крестьян. Это влекло за собой дешевизну рабочих рук, чем пользовались помещики. Так как эти помещики могли пользоваться дешевым кредитом и так как сельскохозяйственные продукты находили обширный сбыт на немецких рынках, то введение интенсивного хозяйства в помещичьих имениях на чисто капиталистических началах шло очень быстрым темпом. Для промышленного капитализма однако не оказалось почвы. Быстро развивающаяся промышленность в западных и центральных провинциях Пруссии выбрасывала в восточные провинции фабричные изделия по дешевым ценам, и о местном развитии промышленности не могло быть речи, тем более, что в стране не было ни угля, ни руды. В развитии германской промышленности эти провинции играли только роль поставщиков сырья. Так например Познанская провинция развила в первой половине XIX в. овцеводство и доставляла для Саксонии и Рейнской провинции тонкорунную шерсть и только впоследствии, когда по мере интенсификации хозяйства овцеводство стало невыгодным, несмотря на высокие цены на шерсть, эта отрасль хозяйства потеряла значение.

После франко-прусской войны, когда промышленное развитие Германии пошло вперед гигантскими шагами, в польских провинциях еще успешнее развивается капиталистическое сельское хозяйство. Спрос на сельскохозяйственные продукты в промышленных центрах Германии растет чрезвычайно быстро, а со спросом растут и цены. Польские помещики воспользовались этой конъюнктурой и стали скупать крестьянские земли, расширяя таким образом свои имения, и начали все больше интенсифицировать хозяйство. Возникают различные отрасли сельскохозяйственной промышленности: сахарные, спиртные, пивоваренные, крахмальные заводы.

Быстро богатеющие помещики являются лойяльными подданными прусского короля, и о национальных восстаниях, какие были в части Польши, попавшей под владычество России, нет

тут и речи. Когда в семидесятых годах Бисмарк проводит систему протекционизма, и Германия вводит пошлины на хлеб, вследствие чего повышаются цены на него и рента помещиков растет, польские помещики вполне солидаризируются с прусскими юнкерами.

Несмотря на отсутствие крупной промышленности, все же экономическое развитие Познани и Западной Пруссии идет вперед. Капиталистическое хозяйство влияет на развитие местной торговли и города растут, а этот рост идет за счет местного сельского населения. Вследствие этого мы наблюдаем здесь тот же процесс, который произошел в Верхней Силезии: из деревни в город прибывает чисто польское население, вследствие чего в городе растет польский элемент. И это тем более, что немцы, а в еще большей мере евреи из захолустных местечек наших провинций переселяются в значительном числе в города Германии, куда манит их надежда наживы, которую сулит быстрое развитие капитализма. В результате получается рост польской мелкой буржуазии. Но политически все еще преобладает влияние богатого шляхетского дворянства.

В восьмидесятых годах Бисмарк начинает усиленную кампанию с целью германизации польских провинций. Несмотря на совершенную лойяльность польских помещиков, Бисмарк считает их оплотом польского национализма и «врагами германской государственности». Чтобы сломить их, начинается своеобразная колонизационная политика. Была создана специальная Комиссия, которой ставилось задание скупать имения польских помещиков и на приобретенной земле поселять немецких крестьян, происходящих из западных областей Германии. План намечался очень простой: Комиссии отпускается фонд в 100 млн. марок из государственных средств, на эти деньги она покупает землю и перепродает ее поселенцам, приступает к новым покупкам и т. д. Но этот план оказался совершенно невыполнимым. На первых порах комиссия купила несколько десятков имений, но продажа оказалась затруднительной. Зажиточное немецкое крестьянство не проявляло желания переселяться в неведомые края. Нашлись только охотники покупать землю в кредит на очень льготных условиях, причем впоследствии оказалось, что эти переселенцы даже при таких условиях не справлялись в новых условиях с хозяйством и требовали постоянной поддержки из государственных средств. С другой стороны, польские помещики оказались экономически достаточно сильными и продавать имений своих не стали, тем более, что немедленно было организовано противо-

действие: возникли польские кредитные организации, которые шли на помощь помещикам, по тем или иным обстоятельствам вынужденным продавать имения. Отчасти такие имения покупались банками для парцелляции среди польских крестьян. Государство прибегало к принудительным мерам и стало экспроприировать не только польских помещиков, но и крестьян. Фонд колонизационной комиссии был постепенно увеличен до 500 млн. марок, но, несмотря на это, она до начала войны сумела поселить в польских провинциях не больше 13 тыс. немецких крестьян, ничтожное, относительно, число, так как в обеих провинциях общее число крестьянских хозяйств превышает 251 тыс. Главным экономическим результатом этого германизационного эксперимента было сильное повышение цен на землю (от 1880 до 1910 г. цена возросла втрое и больше). В политическом же смысле результатом было крайнее обострение национальной борьбы между немцами и поляками.

Борьба шла также и среди мещанства на экономической почве. Торгаши, мелкие производители, домовладельцы и т. п. в конкурентной борьбе на каждом шагу злоупотребляли национальным лозунгом. В печати велась тщательная регистрация результатов этой борьбы. Если в местечке N. поляк-ростовщик купил дом у немца, или торговое предприятие перешло из немецких рук в польские, ликовала польская печать, в противном случае — немецкая. В конечном счете несомненно укреплялся польский элемент, так как он пользовался поддержкой помещиков и крестьянской массы. Таким способом, вопреки германизационной политике правительства, провинции Познань и Западная Пруссия в последние десятилетия перед войной не только не онемечились, но польский элемент в них даже усилился. Капиталистическое развитие, втягивая в общественную жизнь «низы общества», привело именно к такому результату.

Если в бывшем «Королевстве Польском», как мы указали выше, начало капиталистического развития породило либеральное течение, «позитивизм», то в польских провинциях, находившихся под прусским господством, ничего подобного не замечается. Господствующим классом оставались богатые помещики, о борьбе с ними польское мещанство не могло и думать. Широких перспектив хозяйственного развития перед этим мещанством поэтому не было, в своей кропотливой борьбе против немецких конкурентов развить новую идеологию оно не могло и, оставаясь верным узеньким, мещанским взглядам, было охвачено консерватизмом и клерикализмом.

Объединяла немецкий и польский лагерь только злобная, мещанская ненависть к рабочему движению. Но это движение в польских провинциях было лишь слабым отражением германского движения. При отсутствии крупной промышленности фабричный пролетариат был очень немногочислен, и широкого размаха само рабочее движение получить не могло.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГАЛИЦИИ

Галиция, захваченная Австрией во время разделов Польши, была экономически обречена на прозябание. Значительные природные богатства, имеющиеся в стране (нефть в Бориславском районе, уголь в Краковском), долго оставались неизвестны, и страна была чисто земледельческой, для продуктов же земледелия не было сбыта. Географическое положение и таможенная политика соседей препятствовали вывозу. Попадать в австрийские города продукты сельского хозяйства Галиции не могли, ибо страна расположена клином между Карпатскими, трудно доступными, горами на юге и русской границей. Хлеб из черноземной полосы Восточной Галиции может попасть в Вену и в промышленные районы Австрии только по дороге, огибающей на сотни верст Карпатский хребет с востока на запад, а это делает совершенно невозможной конкуренцию галицийского хлеба с венгерским и чешским. Для развития же промышленности нехватало капиталов в стране, а венское правительство и не думало поощрять развитие ее промышленности, — напротив, оно смотрело на Галицию как на рынок сбыта промышленных районов Австрии. Между тем эта чисто аграрная страна ни по своему климату, ни по своей почве не представляет благоприятных условий для земледелия. Климат здесь довольно суровый (Карпатский хребет задерживает теплые течения, идущие с юга), почва значительной части края гористая и скудная, — только в восточном углу имеется плодородный чернозем. Горные районы пригодны только для скотоводства. Этими условиями и объясняется бедственное положение громадного большинства галицийских крестьян. Помещичьи имения при отсутствии сбыта продуктов обрабатываются экстенсивно. Только один продукт оплачивает дорогой транспорт — водка, выделываемая из картофеля.

Но был еще один предмет вывоза из Галиции, — рабочая сила. Из обнищавших деревень Галиции, особенно Западной, шла непрерывная эмиграция в Америку, а кроме того Галиция снабжала дешевой рабочей силой промышленные центры

Австрии, а впоследствии, когда в Саксонии, Чехии, в «Королевстве Польском» и Познани возник спрос на сезонных рабочих, малоземельные галицийские крестьяне шли на заработки в эти страны. Положение этих людей характеризует обычай, установившийся у помещиков: сезонного рабочего из Галиции первые недели усиленно подкармливать, иначе он не в состоянии был работать.

После революции 1848 г. в Австрии была введена конституция, но в общественных отношениях изменилось очень немного: по существу управляла государством аристократическая клика. Только поражение в войне с Пруссией 1866 г. заставило венское правительство отказаться отчасти от централистически-бюрократической системы и признать за отдельными странами, входящими в состав империи, право на самоуправление. Положительным результатом этого самоуправления было то, что Краков стал вскоре центром польской культурной жизни. Университет и Академия наук привлекали сюда лучшие силы польской науки, интеллигенция всех частей Польши стремилась время от времени посетить эту «Мекку польского национализма».

В смысле развития промышленности и торговли в первый период самоуправления было сделано немного, так как во главе оказалась помещичья шляхта, отсталая и косная. Только открытие нефтяных источников в округе Бориславе-Тустановице в начале восьмидесятых годов и несколько позже открытие угольных залежей вблизи Кракова дало толчок капиталистическому развитию. Но это развитие шло довольно туго. Об отношении аристократии к промышленности рассказывают следующий характерный анекдот: на территории, принадлежащей к владениям графа Потоцкого, был найден уголь; когда об этом сообщили графу, он заявил, что промышленность ведет к революции, и потому он не намерен содействовать добыче этого угля! Если даже это выдумка, то она все-таки очень хорошо характеризует самодурство галицийской аристократии, которая, к несчастью, до последнего времени играет решающую роль в Галиции.

Были однако и другие причины, которые тормозили капиталистическое развитие Галиции. Известно, что уже с восьмидесятых годов промышленность и торговля всей Австрии оказались в теснейшей зависимости от венских банков. Эти банки руководили синдикатами; синдикатам же образование новых промышленных предприятий было нежелательно. Вот этим и объясняется то например, что когда в начале девяностых

годов в Галиции был построен новый сахарный завод, группа банков, распоряжавшихся на сахарном рынке, стала бойкотировать это предприятие, что вызвало даже скандал в парламенте. Хозяйничанье венских банков тормозило также развитие нефтяного дела: эти банки руководили нефтяной промышленностью Румынии и Венгрии и кредитовали галицийские заводы только в том случае, если увеличение добычи было в их интересах, в противном же случае они искусственно тормозили дело. Последствием этого была бешеная спекуляция акциями галицийских предприятий.

В конечном счете однако можно констатировать, что в последние двадцать пять лет перед мировой войной капиталистическое развитие Галиции сильно шагнуло вперед. В последние годы войны разрабатывались планы электрификации, которые сулили большие успехи. Дело в том, что северные склоны Карпатских гор, особенно западной их части, Высоких Татр, изобилуют мощными водными потоками, которые могут дать громадное количество энергии. Намечалась в первую очередь добыча азота, по примеру Норвегии. Кроме того дешевая электрическая энергия дала бы возможность использовать природные богатства горного района — лес, гранит и т. д.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

При нормальном ходе развития капитализма в Европе перед польским капитализмом несомненно открылась бы перспектива дальнейшего нормального и быстрого развития. В самом деле, население Польши достигает 30 млн. душ, и следовательно Польша сама по себе представляет серьезный рынок сбыта. Кроме того угольная и железная промышленность бассейнов Верхней Силезии, Домбровы и Кракова призвана обслуживать пространства на восток от Польши, так как ни Белоруссия, ни Западная Украина не имеют собственного угля. Восточная часть Германии равным образом нуждается в угле и железе Верхней Силезии. Галицийская нефть представляет серьезный фактор в мировом хозяйстве. Обрабатывающая промышленность Польши, центрами которой являются Варшава, Лодзинский район, Ченстохов, может снабжать не только Польшу, но отчасти западные русские районы и восточные районы Германии (прусские провинции Бранденбург и Восточная Пруссия расположены ближе к польским промышленным центрам, чем к немецким).

Однако политические и экономические отношения, созданные войной, лишают Польшу этих возможностей на долгий период. Прежде всего мировая война подвергла значительные части нынешнего польского государства самым тяжелым разрушениям. Промышленные центры б. Королевства Польского оказались в сфере германской оккупации, которая сопровождалась самым беспощадным хищением. Оккупанты вывозили из Польши не только продовольствие: хлеб, скот, овощи, но также и сырье, машины и т. п. Германия нуждалась крайне в меди и в коже. И вот германские власти бесцеремонно разрушали в варшавских и лодзинских фабриках машины, чтобы утащить медные части; брали какой-нибудь медный подшипник, но для этого портили всю ценную машину, тащили приводные ремни и т. п. Эти варварские хищения временно парализовали всю польскую промышленность. В последние годы * фабрики в большинстве восстановили свое оборудование, но далеко не полностью.

Особо тяжелых боев во время империалистической войны в б. Королевстве Польском не было,[112] так как царская армия отступала за Буг. Но все же сотни местечек и деревень подвергались обстрелу артиллерии, и население сильно обеднело. Война свирепствовала на белорусской территории, захваченной Польшей, и там, где произошли тяжелые позиционные бои, в окрестностях Брест-Литовска и Баранович, дальше на линии Лида—Крево, край превращен в пустыню. Не только уничтожены города и села, но на далеком пространстве — по линии окопов — приведены в негодность и пашни. Вследствие рытья глубоких окопов, на протяжении сотни верст камни подпочвенного пласта выброшены наверх и пашни уничтожены навсегда; к тому же результату привели и «воронки» от артиллерийских снарядов. Ясно, что население этих мест обнищало до крайности. Той же участи подверглись значительные части Галиции. Туда вошли царские войска, которые по части грабежа, конечно, ничуть не уступали немцам. Число уничтоженных бомбардировкой местечек и сел чрезвычайно велико, ибо здесь война шла преимущественно не позиционная.

Но не только империалистическая война истощала польские земли. Польское правительство затеяло войну против Советского Союза, отчасти подстрекаемое на это Антантой, отчасти в целях захвата по собственному почину. В 1920 г., когда польская армия вынуждена

---

* Работа написана в 1923 г. — *Прим. ред.*

была отступать перед Красной армией, она систематически разрушала страну. Польские войска разрушали города, уничтожали железные дороги, опустошали край. Ясно, что вследствие этих военных бедствий, значительная часть населения обнищала совершенно.

Для восстановления хозяйственной жизни в этих пострадавших от войны областях не сделано почти ничего. Население бедствует без всякой надежды на будущее и конечно является слабым потребителем промышленных изделий.

В финансовом отношении Польша с первого же момента своего существования оказалась банкротом. Вновь возникшее государство правда получило в наследие от России, Германии и Австрии ценное имущество — железные дороги, громадные лесные массивы, государственные земли и т. д., но оборотных средств у него не было. В стране имели хождение бумажные германские марки и австрийские кроны и кроме того выпущенные оккупационными властями специально для Польши денежные знаки. Все эти бумажки обесценивались быстро, и столь же быстро росли цены. Создать новый финансовый аппарат было конечно чрезвычайно трудно, особенно ввиду того, что в трех частях Польши существовали различные податные системы. В 1919 г. приступили к эмиссии польских бумажных денег, которые конечно не были обеспечены золотым запасом и не пользовались доверием *. Все новые эмиссии этих денежных знаков не могли не вызвать усиленного роста дороговизны.

Надежды на помощь «союзников» не оправдались. Союзники давали в долг снаряжение для польской армии, сбывая в Польшу ненужные запасы, оставшиеся на складах после мировой войны, сбывая конечно по высоким ценам. Таким образом получилась задолженность Франции выше миллиарда франков и Англии почти в четыре миллиона фунтов стерлингов, но такие займы, разумеется, не укрепили казны, не позволили упрочить финансов, — напротив, являются лишь тяжелым бременем для страны. Имущие классы изливают без конца свои патриотические чувства, но для того, чтобы пожертвовать хотя бы частичку своих богатств в пользу отечества, на это патриотизма нехватает. Напротив, фабриканты, помещики и банкиры ухитряются получать от государства все новые подарки.

---

* Характерно, что еще в конце 1919 г. царские рубли у населения пользовались бо́льшим доверием, чем польские деньги. В многих местах крестьяне отказывались продавать что-либо за польские марки, но за царские рубли продавали.

И все же «дела идут хорошо». Спекуляция процветает, и буржуазия накопляет деньги, стремясь вывозить барыши за границу, где накопляет капиталы в твердой валюте.

Государство остается банкротом, и в данный момент нет никаких надежд на выход из этого положения. При капиталистическом строе без твердых государственных финансовых основ, от которых зависит денежный вопрос, немыслима нормальная экономическая жизнь.

Выше мы сказали, что перспективы капиталистического развития Польши, если бы были налицо нормальные условия в капиталистическом мире, могли бы быть положительны. Но в том-то и дело, что этих нормальных условий сейчас нет и не будет.

Не только безнадежное положение финансов Польши является такою ненормальностью. Мы видим безнадежный развал капиталистического хозяйства в Германии, а это влечет за собой для Польши роковые последствия: торговые обороты с Германией сводятся почти на-нет. Но и другие капиталистические государства не могут быть опорой для польского капитализма. Хаос, который господствует во всем капиталистическом мире, является губительным для Польши, которая не может надеяться получить кредиты, не может рассчитывать на то, чтобы использовать свои природные богатства путем капиталистического товарообмена.

Казалось бы, что в данных условиях Польша должна стремиться всемерно к созданию добрососедских отношений с Советским Союзом. Ведь открытие необъятного рынка Союза для сбыта промышленных изделий Польши является жизненным вопросом для ее народного хозяйства. Однако политические комбинации заставляют польское правительство до сих пор препятствовать экономическому сближению. Для советского же правительства конечно нет нужды спасать польский капитализм и итти навстречу желаниям промышленников и торговцев страны, которая проявляет на каждом шагу враждебность к трудящимся массам пролетарской республики.

Вопрос существования польского капитализма является в первую очередь конечно вопросом соотношения внутренних сил. От воли трудящихся масс Польши — промышленного и сельского пролетариата и малоземельных крестьян — зависит, когда они свергнут революционным путем иго капиталистов и помещиков. События в октябре и ноябре 1923 г. свидетельствуют о том, что терпение пролетарских масс исчерпано. Но если ход социальной революции в Польше замедлится по тем

или иным причинам, то возможно, что решать судьбы польского капитализма будут внешние силы. В момент, когда пролетариат в Германии низвергнет господство капитала у себя, пробьет последний час также для буржуазии в Польше. Ибо между советской пролетарской Германией и Советской Россией нет места для капиталистической Польши. Имеется место только для свободной, рабоче-крестьянской Советской Польши.

Братский Союз Советских Социалистических Республик от берегов Тихого океана и до берегов Рейна — вот ближайшая перспектива. В этом Союзе производительные силы Польши найдут себе полное применение с пользой для трудящихся масс польского народа.

Напечатано впервые после смерти Ю. М. в брош. «Из истории Польши». Воениз, М. 1925, с. 33—51.

Написано на русском языке

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.

ПОРЯДОК НАДЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН ЗЕМЛЕЙ В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г. [118]

Дипломаты держав - победительниц на Венском конгрессе 1815 г. проделали такую же работу, как их наследники на наших глазах в Версале в 1919 г., и проделали ее с такими же результатами. Одним из самых сложных вопросов, которые тогда пришлось решать дипломатам, был вопрос о судьбе польского народа. О восстановлении самостоятельного польского государства конечно не было и речи. Наполеон в 1807 г., после побед над Пруссией и Россией, создал из части земель Речи Посполитой, отошедших к Пруссии, новое государство, «Княжество Варшавское», с саксонским королем Фридрихом Августом, как наследственным герцогом, во главе. Это «княжество» французский император представлял себе как оплот Франции, как плацдарм на случай новых осложнений в Европе; действительно, во время похода на Москву в 1812 г. этот плацдарм сыграл серьезнейшую роль, став базой французских операций, причем маленькая страна (всего 1 860 кв. миль с 2 400 тыс. жителей) дала армии Наполеона около 80 тыс. отборных войск. На Венском конгрессе Александр I потребовал передать ему это «княжество», против чего протестовали Австрия и Пруссия. Из-за этого вопроса союзники чуть не подрались между собой, и только известие о десанте Наполеона, бежавшего с острова Эльбы во Францию, заставило их примириться. После долгих торгов в 1815 г. относительно польских земель было принято решение, в силу которого: 1) Россия удержала за собой восточные области, доставшиеся ей при первых разделах Польши, и Белостокский округ, который при третьем разделе отошел к Пруссии, но в 1807 г. был отнят у нее; 2) Австрии оставили «королевство Галиции и Лодомерии», т. е. восточную и западную Галицию, увеличив этот надел округом Тарнополя, а также Величкой с ее богатейшими залежами

соли; 3) Пруссии дали часть «Княжества» с департаментами Познань и Быдгощ (Бромберг) и Данцигский порт; 4) Краков объявили «вольным городом» с территорией в $23^1/_2$ кв. мили, под протекторатом России, Австрии и Пруссии; 5) оставшуюся часть «Княжества» превратили в «Королевство Польское», вошедшее в состав Российской империи, но с собственным государственным строем, основанным на конституции. Наконец было решено, что Россия, Австрия и Пруссия введут для своих польских подданных конституцию, удовлетворяющую их национальным интересам.

Это хитроумное решение конечно окончилось крахом. Первое восстание вспыхнуло в Королевстве. На первых порах Александр увлекался ролью конституционного монарха, и в «Королевстве» водворилась администрация, соответствующая если не интересам польского народа, то интересам польской шляхты. Она пользовалась широкой автономией, которую осуществляла в сейме. Все административные должности были в руках поляков, армия была польской, — словом, Королевство Польское связывалось с Российской империей исключительно в лице монарха: самодержец всероссийский являлся конституционным королем Польши. Такая комбинация конечно вела к конфликтам. Русское чиновничество никак не могло примириться с ней, и очень скоро начались трения. Вызывал их в первую очередь сам «наместник» короля-императора, великий князь Константин Павлович, доводивший своим самодурством до отчаяния не только чиновников, но и офицеров польской армии, главнокомандующим которой он состоял. Эти трения повели к тому, что конституция очень скоро стала нарушаться. Нетвердый в своих взглядах Александр, по мере того как подпадал под влияние мистиков-реакционеров, отказывался от своих конституционных увлечений, а Константин Павлович и Новосильцев, русский чиновник, посланный последнему в помощники, прилагали все усилия к тому, чтобы конституцию свести на-нет. Это вызывало оппозицию, которая прибегала к тайным сообществам, а это, в свою очередь, вызывало гонения. После смерти Александра, при Николае I, реакция еще более усилилась, причем главным поводом явилось то, что царскими сыщиками была установлена связь между т а й н ы м и польскими сообществами и д е к а б р и с т а м и. Преследования привели наконец к в о с с т а н и ю, которое началось 27 ноября 1830 г. нападением воспитанников военной школы «подхорунжих» (подпрапорщиков) на Бельведерский дворец, в котором проживал Константин Павлович. Демократы старались придать

восстанию революционный характер, но этому сопротивлялись вожди шляхты. После упорных боев военные силы Польши в конце 1831 г. были подавлены. Николай I уничтожил конституцию и ввел режим, направленный к уничтожению польской культуры и насильственному обрусению поляков.

Разгром восстания повел к обеднению края и к подавленному настроению среди тех, кто сопротивлялся иностранному игу. Во время восстания некоторые части польских войск вынуждены были перейти на территорию Пруссии и Австрии, где солдат разоружили и заключили в тюрьму. Но все же несколько тысяч человек были впоследствии освобождены и нашли приют во Франции и Англии. Эмигрировали также многие политические деятели. Таким образом в тридцатых и сороковых годах в Западной Европе, преимущественно во Франции, сосредоточилась польская эмиграция, насчитывавшая несколько десятков тысяч человек. Там были и представители польской аристократии, которые уповали на «торжество справедливости», т. е. на помощь западных держав в деле восстановления Польши, и демократы, которые надеялись на торжество демократии во всей Европе и указывали на то, что в интересах этой демократии польский народ должен быть освобожден от иностранного ига, ибо демократия может быть прочной лишь при том условии, если она уничтожит всякое насилие, а следовательно и насилие одной нации над другой. Последнее, демократическое направление преобладало среди эмиграции. Во главе его стали выдающиеся ученые, как Лелевель[6] и Мохнацкий[114], к ним присоединились великие поэты Мицкевич и Словацкий. С одной стороны, среди эмигрантов-демократов шла усердная научная работа, и подвергалась суровой научной критике вся шляхетская идеология; с другой — они завязывали многочисленные сношения со всякими революционными организациями в странах Запада. Но эмигранты не отказывались и от непосредственного возобновления вооруженной борьбы за освобождение Польши. Уже в 1835 г. Иосиф Заливский организовал отряды для нападения на русские гарнизоны в Польше, рассчитывая на поддержку крестьян; такие тайные революционные организации возрождались и после. Но все эти попытки кончались неудачами и стоили больших жертв: многие из участников погибли на виселицах и в тюрьмах России, Пруссии и Австрии. Лишь в начале сороковых годов демократы сумели создать дееспособную организацию в Познани, откуда они распространяли множество революционных брошюр и воззваний во всех трех частях Польши. Это повело к возникновению целой

сети тайных организаций, которые вели широкую пропаганду революционных идей в разных местах Польши.

Интересно, что и первые проявления социалистической[115] пропаганды в Польше возникли в этой эмигрантской среде. Часть солдат польской армии, разоруженных в 1831 г. в Пруссии и заточенных в крепости Грудзиондз (немецкое Грауденц), после долгих мучений попали в Англию. Там им отвели лагери, выдавали кое-какие средства на содержание. И вот среди этих солдат, борцов за национальную свободу, начинают распространяться идеи социализма. Они сознают, что восстание погибло потому, что не весь народ принял в нем участие, что господствующий класс шляхтичей-помещиков ничем не поступился с своей стороны: если бы помещики немедленно отдали землю крестьянам, то крестьяне сумели бы эту землю защитить от «москалей». Вывод простой: чтобы освободить Польшу, нужно, чтобы восстал весь крестьянский народ, отнял землю у помещиков и выгнал врагов отечества. С этой революционной идеей сочетались идеи и религиозные. Таким образом возникла «громада Грудзиондз», сообщество, основанное на социалистических принципах. Главным пропагандистом этих идей был Станислав Ворцелль. С другой стороны, в самой Польше, в окрестностях Люблина, под влиянием революционной пропаганды эмигрантов, ксендз Петр Сцегенный образовал тайное крестьянское сообщество, которое провозгласило социализм[115] и революционную борьбу против царского правительства. В 1844 г. Сцегенный был захвачен жандармами и сослан на Нерчинскую каторгу.

В 1846 г. демократические организации готовили новое национальное восстание во всех трех частях Польши по плану, выработанному Людовиком Мерославским. По этому плану восстание должно было иметь характер крестьянской революции: лозунгом было наделение крестьян землей в собственность и уничтожение всех остатков крепостничества. Но заговор был раскрыт, прусские власти арестовали Мерославского и значительное число его товарищей — организаторов. В Кракове однако произошел взрыв: австрийский гарнизон сбежал, и заговорщики провозгласили «народное правительство», во главе которого стал Домбровский. Провозглашались лозунги революционные и отчасти социалистические[116], и объявлялась борьба против шляхты и против иностранных угнетателей. Но такая постановка вопроса вызвала сопротивление краковских обывателей. Начались распри среди самих заговорщиков, и вся борьба была парализована.

Австрийское правительство расправилось с этим восстанием таким образом, что через своих агентов повело крестьян, возбужденных агитацией повстанцев, против тех же повстанцев: в окрестностях Тарнова произошла резня, жертвой которой пали в первую очередь те помещики, которых агенты правительства считали сторонниками восстания. Произошли также попытки восстания кое-где в Королевстве. Начались бешеные репрессии, и значительная часть заговорщиков была казнена. Политическим результатом этого заговора был договор между Россией, Пруссией и Австрией об отмене постановления Венского конгресса касательно «вольного города Кракова»: город был отдан в распоряжение Австрии.

Неудивительно, что после этих тяжелых поражений настроение среди польских демократов-революционеров в Польше и в эмиграции было подавленное. Особенно Тарновская резня не могла не произвести самого тяжелого впечатления и дала повод консерваторам к ярым нападкам против демократов.

Таково было положение в Польше, когда разразилась революция 1848 г. «Народы» восстали против правительств, против королей, провозглашались лозунги свободы и братства народов. В кругах польских революционеров сразу создался подъем. Польские эмигранты во Франции немедленно пошли на баррикады вместе с парижскими рабочими, в Италии Адам Мицкевич призывал к организации польских легионов для борьбы за освобождение Италии от Габсбургов, и в эти легионы спешили старые боевики, участники наполеоновских войн и бывшие повстанцы, зака[illegible]нные в боях 1830 г.

В Берлине, в мартовские дни революционеры вспомнили поляков, борцов за свободу, которые томились с 1846 г. в тюрьмах. По обычаю того времени к королю была отправлена депутация, и она заставила его подписать амнистию, на основании которой освобождались Мерославский и его сподвижники. Они немедленно примкнули к берлинским революционерам и старались воздействовать на население в польских провинциях Пруссии. Под давлением революции правительство обещало реформы, и была организована комиссия из поляков и немцев для выработки новых начал самоуправления в этих провинциях.

Одним из требований, которые выдвигали революционеры в Пруссии, была подготовка войны против России на случай, если бы царь вздумал двинуть свою армию для подавления революции. Понятно, что Мерославский сейчас же предложил свои услуги в этом деле. Это был человек с военным образова-

нием и пользовался широким авторитетом среди революционных кругов. Не дожидаясь решения правительства, он приступил к организации военных отрядов в польских провинциях. Однако прусское правительство и не думало о войне с Россией, оно, напротив, тайком сносилось с Петербургом, и, когда через несколько недель революционная волна пошла на убыль, оно потребовало роспуска польских отрядов. Мерославский и его сторонники отклонили это требование, но «национальный комитет», образовавшийся в Познани, настаивал на подчинении приказу: в нем преобладали защитники помещичьих интересов, далекие от всяких революционных стремлений, которые в расчете на то, что «законная власть» удовлетворит национальные стремления поляков, не хотела «раздражать короля». Мерославскому пришлось уступить.

В местечке Ярославце состоялось соглашение с представителем правительства генералом Виллисеном; отряды были разоружены; оставалась лишь милиция в числе 2 800 человек. Вскоре однако и эта милиция подверглась нападению со стороны прусских войск; Мерославский пытался было сопротивляться, и у местечек Милослав и Вржесня произошло несколько стычек. Однако победа осталась за королевскими войсками, которые принялись беспощадно истреблять польских революционеров. В мае революционное движение в польских провинциях было окончательно раздавлено.

Эпилог разыгрался во франкфуртской учредилке, о чем придется говорить ниже.

Австрийское правительство использовало опыт 1846 г.: декретом от 15 апреля 1848 г. было объявлено, что император освобождает крестьян от крепостной зависимости, и чиновники начали демагогическую агитацию против «бунтовщиков», которые мешают императору осчастливить народ. Одновременно агенты правительства всеми средствами старались разжигать в Восточной Галиции национальную вражду между поляками и украинским крестьянством. Вследствие этого в Галиции (кроме незначительных выступлений в Кракове и во Львове) во время революционной борьбы в Вене все было спокойно. Крестьянство пошло на удочку правительственной демагогии, и конечно жестоко поплатилось за это, ибо впоследствии «отмена крепостных повинностей» была проведена таким образом, что у крестьян отняли значительную часть земли в пользу помещиков.

В Королевстве и в Литве взрыв мартовской революции вызвал усиленную деятельность тайных сообществ, которые

еще уцелели от преследований. Но царские власти были на-чеку, и заговорщикам не удалось вызвать никаких серьезных выступлений.

Когда в Германии началась вооруженная борьба между революционерами и монархией, Мерославский поспешил вместе с многочисленными эмигрантами-поляками на помощь революционной армии; и благодаря своей военной подготовке эти польские революционеры сыграли серьезную роль в боях в Бадене и Пфальце.

То же самое повторилось в Венгрии: когда царь двинул русскую армию для подавления революции, отряды польских революционеров под командою опытных офицеров, участников восстания 1830—1831 гг., Бема, Высоцкого, Дембинского и др., поспешил на помощь венгерским революционерам. После подавления революции остатки польских легионов нашли убежище в Турции, и многие солдаты и офицеры перешли на турецкую службу, где принимали потом участие в Крымской войне против России.

Итак мы видим, что несмотря на все усилия революционеров-заговорщиков, мартовская революция 1848 г. не нашла широкого отклика в Польше. Одной из причин этого был несомненно разгром тайных организаций в 1846 г. Но главной причиной конечно является тогдашнее социальное положение в Польше. Революция 1848 г. являлась революцией буржуазной, и она могла развиваться главным образом благодаря тому, что промышленный пролетариат, который во Франции и даже в Германии в это время составлял уже заметную общественную силу, всецело поддерживал революционную борьбу. В Польше же в это время промышленного пролетариата почти не существовало. Если в 1830 г. была вооруженная борьба польского народа против царизма, то это объясняется существованием организованной военной силы в виде польской армии в Королевстве Польском. Благодаря этой армии революционное правительство могло достигнуть того, что народ [117] был вовлечен в вооруженную борьбу против царизма. В 1848 г. этой вооруженной силы не было, и поднять на борьбу темное и разрозненное крестьянство не оказалось в Польше возможным, несмотря на все усилия заговорщиков-революционеров.

Спрашивается, какой же общественный слой представляли эти польские революционеры? По своему происхождению громадное большинство из них принадлежало несомненно к шляхетскому сословию. Преобладали среди них военные, офицеры-эмигранты, а затем молодежь, вовлеченная в конспиративную

революционную деятельность. Большинство этих эмигрантов было воодушевлено исключительно патриотизмом: их заветною целью было освобождение Польши от иностранного ига. В силу же существовавших в то время обстоятельств единственная возможность сокрушить силу поработителей польского народа заключалась в революционном движении, направленном против монархической власти Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов, и поэтому эти патриоты-заговорщики и должны были итти в революционное движение. Классовые интересы польской шляхты несомненно были на стороне реакции, [118] но это могло бы вполне обнаружиться только при успешном ходе и в особенности исходе борьбы. Но раз они так или иначе вступили на революционный путь, революционная идеология того времени захватывала этих патриотов включительно до социализма.

Выше мы упоминали, что вопрос о реформах, и вообще о польско-прусских отношениях был перенесен во Франкфуртское учредительное собрание. Польский вопрос обсуждался здесь в августе 1848 г. Вопрос прежде всего шел о том, должны ли войти польские провинции в состав германского государства. Тут оказалось, что германская буржуазия и не думала разрешать польский вопрос революционным путем. Прежде всего она попыталась произвести новый раздел польских земель. Так как прусский король дал обещание ввести в польские провинции реформы, которые удовлетворят национально-культурные интересы польского населения, то представители немецкой буржуазии во Франкфурте прежде всего подняли спор о том, на какой территории должны быть введены эти реформы, и пришли к заключению, что не вся территория, захваченная Пруссией при разделе Польши, населена поляками. Дело в том, что уже во время существования Речи Посполитой, города — особенно на западе Польши — насчитывали значительное число немецкого населения, а, начиная с первого раздела Польши 1772 г., прусские власти всеми средствами старались поощрять немецкую колонизацию в захваченных провинциях. Туда посылали в большом числе немецких чиновников. Кроме того долгое время существовал закон, по которому земля, которая продавалась с торгов вследствие задолженности владельца, могла быть продана только немцу, а не поляку. Таким образом в 1848 г. в этих провинциях действительно скопилось довольно значительное число немцев. Поэтому депутаты учредилки заявляли, что если в польских провинциях будет введена автономия в пользу поляков, то необходимо, для ограждения несчастных немцев, выделить из

этих провинций те части, которые заселены в значительной мере немцами. Это и был новый раздел польских земель. В конце концов однако все эти толки в учредилке ни к каким результатам не привели: когда реакция восторжествовала окончательно, то прусское правительство никаких реформ в польских провинциях не ввело, а напротив, усилило политику насильственной германизации. Для нас, марксистов, этот эпизод особенно интересен потому, что прения во франкфуртской учредилке дали повод Карлу Марксу написать ряд блестящих статей по польскому вопросу в «Нейе Рейнише Цейтунг»*.

Один ученый историк, некий Штенцель, написал для учредилки обширный доклад, в котором старался оправдать захват польских земель прусским правительством и защищал притязания немцев на эти земли. Это дало повод Марксу изложить в общих чертах историю польско-немецких отношений. Он безжалостно разоблачает все фразы о «культурных благодеяниях», которые немцы, колонизируя города, оказали полякам, горько смеется над псевдо-научными, а по существу реакционно-националистическими выводами немецкого ученого и показывает, что захват польских провинций был просто грабежом, а хозяйничанье прусского чиновничества в этих провинциях — одним сплошным преступлением, позорящим немецкую нацию. Потом Маркс со свойственным ему сарказмом разоблачает «либеральные» фразы о симпатиях «к несчастной, угнетенной нации», которые тогда были в ходу в Германии, высмеивает лживую сантиментальность мещанского либерализма и с пламенным гневом обрушивается на те варварские преступления, которые солдатчина проделала после Ярославецкого договора, разоружая польские отряды. Он заявляет: «Первые разделы Польши до 1815 г. были захватом земель вооруженной силой; раздел 1848 г. является кражей» и приводит факты, как все время правительство и чиновничество Пруссии обогащались грабежом польского населения.

> «Беспочвенный и нецелесообразный немецкий энтузиазм (в польском вопросе) не дал других результатов кроме того, что стал предлогом для самых грязных действий новейшей истории».

Затем Маркс указывает на роковые последствия раздела Польши:

---

* Статьи эти вошли в «Литературное наследие» [119].

«Черта, которую провели три державы по польской земле, является ремнем, который связывает их между собой: общий грабеж заставляет их быть солидарными. С момента первого ограбления Польши Германия попала в зависимость от России. Россия приказывает Пруссии и Австрии сохранять абсолютистский монархический строй, и Пруссия и Австрия не смеют ослушаться».

Дальше Маркс указывает, что во время раздела Польши аристократия Польши оказалась на стороне держав-захватчиц: эта аристократия спасалась от аграрной революции, ища защиты у милитаристических держав. Борьба поляков за самостоятельность является революционной борьбой, и потому их угнетатели становятся еще более контрреволюционны.

«Особенно с момента Краковского восстания 1846 г. борьба за независимость Польши становится одновременно борьбой аграрной демократии — единственно возможной формы демократии в восточной Европе — против патриархально-феодального абсолютизма».

Отсюда вывод:

«Помогая угнетать поляков и присоединив одну из частей Польши к Германии, мы сами оказались прикованными к России и к русской политике на все время, пока мы не сможем разрушить до основания патриархально-феодальный абсолютизм у себя. Создание демократической Польши является первым условием создания демократической Германии».

И дальше Маркс говорит:

«Германия могла бы дать Польше гарантию в восстановлении ее государственной независимости и при этом обеспечить свои собственные интересы и свою собственную честь, если бы у нее хватило мужества после революции потребовать у России в собственных интересах с оружием в руках выдачи польских земель. Но ввиду колоссальной чересполосицы на границах и особенно на морском побережьи, обе стороны были бы вынуждены к взаимным уступкам, и то, что часть немцев должна была бы стать польскими гражданами, а часть поляков немецкими, понятно само собой и не могло быть препятствием».

Но, говорит Маркс, хотя немецкие краснобаи изливали свои чувства в сантиментальных речах в честь польских борцов за свободу, они не были способны понять великие задачи революционной политики.

> «Революция не расширила, а сузила наш кругозор. Все вопросы рассматривались с самым трусливым, ограниченным и узким филистерством, и этим конечно мы компрометировали еще раз наши действительные интересы. Вследствие этого мелочного филистерства великий вопрос об освобождении Польши был сведен к крошечной фразе о реорганизации одной части познанской провинции, и энтузиазм в пользу поляков кончился применением разрывных бомб и адского камня» *.

Единственно возможным, единственным способом спасти честь Германии и оградить немецкие интересы была бы война против России. На это не решились, и наступило неизбежное:

> «Солдатчина реакции, разбитая в Берлине, подняла голову в Познани; под предлогом, что спасает честь и национальность Германии, она подняла стяг контрреволюции и задушила поляков-революционеров, наших союзников, и обманутая Германия одно мгновение кричала «ура» своим победоносным врагам».

В дальнейшем Маркс подвергает уничтожающей критике речи ораторов, выступавших по этому вопросу в национальных собраниях, не щадя ни ораторов справа, ни демократических краснобаев в роде Руге и Роберта Блюма.

С тех пор как Маркс писал эти статьи по польскому вопросу, прошло семьдесят пять лет, и «польский вопрос» был решен революционным путем: русский пролетариат, уничтожив царский абсолютизм, создал положение, при котором восстановление политической независимости польского народа стало неизбежным. Но интересно то, что во время германской половинчатой революции 1918 г. немецкие политики оказались такими же узколобыми филистерами, какими были немецкие демократы во время половинчатой буржуазной революции 1848 г. Господа Шейдеман, Гаазе, Носке, в руки которых попала власть в ноябре 1918 г., эти «марксисты» соглашательского толка, и в польском

---

* «Адским камнем» в Пруссии клеймили польских пленных, брошенных в казематы крепостей.

вопросе сыграли ту же идиотскую роль, какую в 1848 г. сыграли германские демократы. Вместо того, чтобы стать на революционный путь и по примеру большевиков немедленно провозгласить отказ Германии от всякой претензии на польские земли, они оказались такими же шовинистами, как члены пресловутой франкфуртской учредилки, и этим содействовали тому, что польская буржуазия и польские социал-предатели бросились в объятия империалистической Франции, ища защиты от немецких притязаний. Это способствовало тому, что сейчас Польша, которая, как доказывал Маркс в 1848 г., была очагом революции, является орудием в руках реакционного империализма.

Но разница в том, что в эти семьдесят пять лет вырос польский пролетариат, возглавляемый коммунистической партией, и Россия, которую Маркс клеймил, как оплот мировой реакции, является ныне сильнейшей базой мировой пролетарской революции. «Польский вопрос» в том виде, как он существовал во время буржуазной революции для Маркса, не существует больше. Но существует вопрос об освобождении польского пролетариата, и он будет решен революционным путем.

Напечатано впервые в сборнике „К 75-летию революции 1848 г.", М. 1923, изд. „Кр. Новь", с. 187—98

Написано на русском языке

ПОРЯДОК НАДЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН ЗЕМЛЕЙ В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ [120]

Порядок наделения крестьян землей имел конечно решающее влияние на формирование земельных отношений в Королевстве Польском.

Как известно, русское правительство, проводя эту земельную реформу, имело в виду свои особые политические цели: оно хотело путем экономических мероприятий сломить польскую шляхту как элемент наиболее активный в вооруженных восстаниях, и одновременно оно хотело привлечь на свою сторону хлопов. Поэтому в польской шляхетско-националистической литературе говорится не мало о неслыханном якобы радикализме русского правительства, об обиде, нанесенной им шляхте, о предпочтении, оказанном хлопам. Милютин, который руководил всем этим делом, изображается ею в качестве какого-то «крайнего демократа» и крестьянофила. Но при внимательном рассмотрении все это дело принимает совсем другой характер.

Сущность реформы заключалась в том, что барщинные хлопы получили в собственность ту землю, на которой они сидели, выполняя барщину, в момент издания указа о наделении их землей. В этом сторонники шляхты усматривают необычайный радикализм. А между тем это было только санкционирование того земельного ограбления хлопов, которое произвела шляхта в течение последних трех веков. Все те земли, с которых были вытеснены крестьяне и которые были присоединены к фольваркам, [59] были потеряны для хлопов теперь уже окончательно, и им, таким образом, достался лишь тот остаток земли, который алчности крупных землевладельцев не удалось еще у них отобрать. Лишь земля, отобранная у хлопов после 1846 г. вопреки правительственному указу, должна была быть возвращена им, но и это не было выполнено в точности. Наделы при этом полу-

чались очень неравные. Стремление к вытеснению крестьян было всеобщим, но возможности его осуществления были различны в разных частях страны и даже в разных имениях одного и того же уезда. В чем, собственно говоря, была суть дела при вытеснении хлопов и присоединении их полей к фольварку? Суть дела заключалось в том, чтобы таким путем создать хозяйство с собственным инвентарем, принадлежащим фольварку, а для этого необходимы были средства, необходим был капитал. Возьмем пример: положим, что в данном фольварке имелось 30 влок; из них 15 влок принадлежали к фольварку, а 15 находились в пользовании крестьян, у этих крестьян была своя упряжка, были волы или лошади, и этой упряжкой они обязаны были обработать господское поле, потом убрать весь хлеб, свезти его на господское гумно, вымолотить и на своих телегах подвезти к месту продажи. Для того, чтобы работа эта могла быть выполнена, надо было, чтобы крестьяне имели упряжку, а для этого надо было, чтобы у них было земли столько, сколько им необходимо было для прокормления не только самих себя, но своего живого инвентаря. Помещик выживал хлопа, а это означало: если у хлопа было полвлока, то помещик отнимал у него половину, или еще больше, и тогда хлоп уже не мог содержать пару волов или лошадей, потому что на нескольких моргах он едва был в состоянии сам прокормиться. Поэтому крестьянин мог стать на господскую работу лишь сам, упряжку же должен был давать господский двор. Таким образом там, где условия способствовали более интенсивному земледелию, где был сбыт для хлеба, где у помещика был запасный капитал, там помещик проводил беспощадное обезземеление крестьянства и заводил фольварочное хозяйство с собственным инвентарем; там же, где у него этих возможностей не было, произвести обезземеление крестьянина было невозможно, потому что нельзя было лишать земледельца средств содержать живой инвентарь, который был необходим для работы на господском поле. Следствием всего этого и было следующее: там, где земля была урожайная или сбыт был легкий — в Куяви, в Люблинской земле, по берегам Вислы, этой главной артерии хлебной торговли, поблизости от больших городов, вдоль западной границы, — уже ко времени наделения крестьян землей была осуществлена основная предпосылка для осуществления фольварочного хозяйства. В этих местностях крестьяне были уже обезземелены, оставлено было в их руках всего только по два, по три каких-нибудь морга, за которые они отбывали барщину без своей упряжки. А там, где у владельцев не было оборотных средств, где земля была

хуже, где сбыт был затруднен — в восточной и северной части Польши, в захолустных местностях или в господских имениях, лишенных достаточных капиталов в силу тех или иных причин, хотя бы например по причине мотовства владельцев,— там ко времени реформы хлопы сидели еще на хозяйствах в половину влока или даже в целый влок и отбывали барщину со своим инвентарем. И вот крестьяне при наделении их землей, например в Сувалкской губернии, оказались обладателями сравнительно более крупных хозяйств; а в Куявии и в Плоцкой земле по большей части получили всего только по нескольку моргов. Таким образом дали много тому, у кого много и было, и мало тому, у кого было мало. Те крестьяне, которые были наиболее ущемлены помещиками, оказались наиболее обиженными и при наделении их землей. Разница в размерах крестьянских хозяйств в результате наделения крестьян землей получилась действительно разительная. Например в Сувалкской губернии на крестьянское хозяйство пришлось в среднем 24,6 морга, в Плоцкой — 13,4, в Калишской — 11,2 морга *.

Такой способ проведения реформы свидетельствует не о радикализме Милютина, а скорее о тупости и лености российского чиновника: дать крестьянам то, что у них и без того было раньше, на это требовалось меньше всего хлопот и забот, а о справедливости и о будущем подумать никто себе и труда не давал.

Во всяком случае остается в полной силе факт, о котором не следует забывать: при наделении крестьян землею они не получили тех участков, которые им когда-то принадлежали, они получили лишь небольшую часть той земли, которую отобрали у их отцов помещики, поправ все их права; историческая несправедливость, совершенная над хлопами, не была исправлена при наделении их землей; механическое проведение положения о наделении землей тех, кто ею в тот момент уже владел, послужило на пользу не крестьянам, а тем же крупным помещикам!

Вековые счеты между панами и хлопами не закончились наделением крестьян землею.

Общий результат реформы представляется в таком виде.

Крестьяне в общем получили 8 063 313 моргов земли, а за крупными землевладельцами осталось 10 427 692 морга. На земле, переданной крестьянам при их наделении, возникло 592 817 крестьянских хозяйств или дворов. Из этого числа: 129 197 дворов получили менее чем по 3 морга, получивших от 3 до 15 моргов было — 240 922, получивших более 15 моргов — 222 698.

---

* В России морг приравнивается к половине гектара.

Наделено было землей не все крестьянское население, осталось довольно много безземельных. Сколько именно, трудно сказать. Симоненко уверяет, что из общего количества безземельных крестьян—1 139 тыс., какие застал в Польше «Учредительный комитет», осталось после наделения крестьян землей всего только 220 тыс.*.

Но эта цифра получена была в результате подсчетов, не выдерживающих критики, да и число 1 339 тыс. безземельных перед реформой не опирается на какую-либо перепись населения, а получено было путем неточного исчисления. На тех 10 млн. моргов, которые остались в руках помещиков после наделения крестьян землей, сидела дворовая челядь, домашняя прислуга, конюхи, пастухи и т. д.; считая, что на 20 моргов приходился только один работник, мы получили общее число 500 тыс. человек. Но надо думать, что число их было гораздо значительнее.

Крестьяне получили землю не даром, а заплатили за нее очень дорого. Как известно, правительство не взыскивало с польского крестьянина выкупных платежей, а лишь выдавало помещикам ликвидационные листы, которые оплачивались из средств государственного казначейства, а зато на крестьян была наложена земельная подать, которая должна была покрыть эти расходы. Таким образом крестьяне оказались обложенными чрезмерно высокою податью, причем взимание этой подати, вопреки закону, не прекращено и в настоящее время. В указе о ликвидации от 3 марта 1864 г. ясно сказано, что выплата земельного выкупа раскладывается на 42 года, значит указанный законом срок истекал в 1906 г., а между тем платежи эти взыскивались и позднее. Крестьяне выплачивают в год слишком 2,5 млн. рублей, а три четверти этой суммы, т. е. почти 1,9 млн. рублей, уплачиваются ими явно за освобождение их от барщинных тягот. Сверх того выплачивается около 1,7 млн. рублей т. н. подымного налога, который является просто остатком варварства, так как он представляет собою наиболее архаическую форму подати — подушный налог.

В России этот подушный налог был уничтожен лет 30 назад, в Польше же подымный налог остается в силе. Таким образом тяготы непомерных налогов душат крестьян до сих пор; до сих пор уплачивают они за наделение землей больше 3,6 млн.

* Потому что часть безземельных получила участки пахотной земли из состава владений, отобранных у монастырей, и из состава государственных имений, а отчасти на землях, с которых в 1846 г. крестьяне были согнаны вопреки правительственному запрещению.

рублей в год, — иначе говоря, они заплатили за освобождение от крепостничества в виде выкупа 154 млн. рублей.

Кроме пахотной земли, которую крестьяне получили в собственность, за ними признали право пользования лесами и пастбищами, т. е. так называемые «сервитуты» [121]. Это было неизбежно, потому что крестьяне получили в общем такие небольшие участки, что не могло быть и речи не только о содержании на этих участках необходимого рабочего живого инвентаря, но и коровы для удовлетворения нужд крестьянской семьи. Точно также хозяйства эти не могли существовать и без топлива. Эти сервитуты стали яблоком раздора, поводом для непрестанных столкновений между крестьянами и господским двором, и не подлежит никакому сомнению, что эти столкновения были предусмотрены комиссией Милютина и были с ее точки зрения желательными. Эта цель таким образом была достигнута, но с точки зрения крестьянских интересов сервитуты имеют весьма относительную ценность. Казалось бы на первый взгляд, что сервитуты дают крестьянам преимущества, позволяют им чувствовать себя господами положения, и очень часто приходится слышать мнение, что сервитуты стали препятствием для развития сельского хозяйства, что крупные помещики не могут осуществлять в своих имениях мелиоративные работы только из-за сервитутов. Без сомнения это иногда имеет место, но бывает чаще так, что технические усовершенствования делают сервитуты иллюзорными. Крестьянам например принадлежит право пасти скот на земле, которая находится под паром и на жнивье. До тех пор пока существовало трехпольное хозяйство, сервитуты имели жизненный смысл. При этой форме обработки земли третья часть ее оставалась под паром и эта часть могла служить пастбищем. То же самое и с жнивьем: часть пашни, предназначенная под яровой хлеб, бывала вспахана поздней осенью или только весной, поэтому скот мог пастись и здесь. С введением же новейшей сельскохозяйственной системы, основанной на севообороте, дело в корне меняется: под паром земля совсем не остается, жнивье не может служить пастбищем, потому что его тоже нет; согласно требованиям современной техники, убранное поле должно быть вспахано возможно скорее; не успеют жнецы уйти с поля, как появляются плуги и поднимают землю под будущий посев. В общем — существует тенденция совершенно прекратить выпас скота и перевести его на стойловое содержание в течение всего года. Таких изменений требует процесс земледельческой техники; но очевидно, что изменения эти могут быть осуществлены не иначе как в ущерб крестьянам,

потому что их право пасти скот на паровом поле и на жнивье превращается таким образом в фикцию. Вот еще другой пример: крестьяне имеют право пасти скот на лугах после уборки сена. С точки зрения земледельческой техники это просто варварство: 50 лет назад луга росли, как попало, о мелиорации никто и не думал, поэтому пользоваться ими как пастбищем после покоса мог всякий, и крестьянский скот пасся на них вместе с господским; теперь же принято заботиться о лугах так же, как и о полях: луга надо унаваживать, вспахивать, засевать кормовыми травами. Такая обработка очевидно невозможна, раз луга утоптаны скотом. В первом взятом для примера случае ущерб терпят крестьяне, так как не существует никаких законных средств заставить владельца фольварка оставлять землю под паром или откладывать своевременную пахоту; во втором примере сервитут явно тормозит сельскохозяйственный прогресс, и этим объясняется запущенность наших лугов в отличие от заграничных. То же самое относится и к лесному сервитуту. Народное мнение, согласно которому «лес ничей, потому что растет сам собой», является теперь анахронизмом, потому что рациональное лесное хозяйство требует большой работы. Однако же вести такое хозяйство совершенно невозможно пока крестьяне пользуются лесными сервитутами, т. е. имеют право брать из лесу определенное количество дров и сучьев, а часто и право пасти в лесу скот. Это и создает то хищническое лесное хозяйство, которое приводит леса к гибели.

Сервитуты могут быть — как это предусматривается законом — урегулированы с обоюдного согласия крестьян и помещиков. Обыкновенно подобное урегулирование производится в таком виде, что крестьяне отказываются от сервитута пастбищного и лесного, или лишь от одного из них, а взамен получают участки земли. Но именно добровольность соглашений подобного рода мешает успешному решению дела. Для владельца фольварка такого рода договор представляется выгодным только в том случае, если все без исключения крестьяне, пользующиеся сервитутами, откажутся от них; коль скоро один или несколько крестьян пожелают сохранить за собой сервитуты, скот все равно будет пастись на лугах, а лес подвергаться расхищению. Бывает иногда и так, что сделка одинаково выгодна и для крестьян и для помещика, но некоторые крестьяне могут предъявлять слишком большие требования, настаивать на них, и тогда возникнет непреодолимое препятствие для соглашения. Сервитуты и помимо всего этого служат поводом для непрестанной малой войны между крестьянами и помещиками: все дело только

в том, чтобы как можно больше досадить противной стороне. Помещик досаждает крестьянам, причиняет им всякие неприятности, чтобы сделать для них сервитут ненавистным и заставить их отказаться от сервитутов за небольшое вознаграждение; крестьяне же в свою очередь досаждают господскому двору, чтобы заставить его уладить дело какой бы то ни было ценой. Отсюда — сутяжничество, бесконечные процессы, возникающие из-за пользования сервитутами, с одной стороны, из-за стеснений в пользовании ими — с другой.

Потребность в урегулировании сервитутов настолько жгучая, что оно происходит, несмотря на всевозможные препятствия. Согласно правительственным данным, сервитутами в 1864 г. пользовалось 355 171 крестьянское общество; к концу 1903 г. обществ, отказавшихся от сервитутов, было 290 316, т. е. отказалось от них 62,5% всех обществ, продолжают пользоваться ими только 37,5%. Что касается фольварков, то из общего числа их в 7 417 в 1903 г. было обременено сервитутами 1 912, т. е. 25,8%. Взамен сервитутов крестьяне получили около миллиона моргов земли.

Следствием того порядка, согласно которому произведено было наделение крестьян землей, является также и так называемая чересполосица. Чересполосицей называется такое расположение земельных участков, при котором участки, принадлежащие одному хозяину, не составляют одного цельного владения, а разбросаны в различных местах вперемежку с участками других владельцев. Результатом «радикального» способа наделения крестьян землей конечно и должна была явиться такая чересполосица. Владелец отводил крепостным крестьянам участки земли в различных местах: рядом с хатою несколько гряд под картофель и капусту, потом по одному участку в трех полях, на которые разделилась вся пахотная земля при трехпольной системе и наконец, может быть, еще отдельный участок на новине, на месте выкорчеванного леса; при наделении землей крестьянин и получал в собственность эти участки пахотной земли, разбросанные в различных местах. Правда в законе о наделении крестьян землей сказано, что замена этих разбросанных участков наделами, заключенными по возможности в общей меже, допускается и даже весьма желательна, но на практике в этом отношении не сделано было почти ничего. Только в государственных владениях эта сторона дела кое-как едва-едва улажена.

С течением времени эта чересполосица увеличилась еще больше. Земля, при переходе по наследству, делилась, пере-

ходила из рук в руки, ее участки непрестанно мельчали: крестьянин, выдавая дочь замуж, давал ей в качестве вена кусок пашни в одном месте, кусок луга в другом; потом сыновья при разделе наследства тоже делили пашню; так как участок пашни, расположенный на горе, имел меньшую ценность, чем участки, расположенные в долине, то для того, чтобы никто из них не пострадал, каждый из наследников брал по куску и тут и там. В результате и возникают часто те знаменитые полосы, длина которых измеряется верстами, а ширина такова, что «если собака ляжет поперек пашни, то хвост ее оказывает на чужом поле».

Вред чересполосицы бросается в глаза: очень многие улучшения, как например прорытие канав, кладка дренажей и т. п. становятся невозможными, если все владельцы участков данного поля не придут к общему соглашению; очень часто к такому участку нельзя подъехать, под проходами и пограничными межами остается очень много неиспользованной для посева земли (высчитано, что в Королевстве Польском потеря земли таким путем достигает 750 тыс. моргов); в конце концов происходит также потеря времени и энергии, если крестьянину приходится добираться до своего поля окружным путем, а бывает и так, что участки его земли удалены от его двора, один в одну сторону от него, другой в другую на несколько верст.

Во многих странах — в Швейцарии, Дании, Ганновере, Баварии, Тироле, Италии — для устранения чересполосицы предприняты специальные меры, предписанные законом. Существуют три системы борьбы с этим злом: 1) к о н с о л и д а ц и я землевладения, — когда отдельному п о л ю, входящему в состав данного владения, придается рациональная форма, путем обмена полос, принадлежащих разным владельцам; при этом выпрямляются межи и прокладываются подъездные пути к каждому полю; 2) к о м м а с а ц и я (т. е. внутриселенное землеустройство): обмен участками между разными владельцами производится с таким расчетом, чтобы каждый из них имел в с ю з е м л ю в одном цельном куске; 3) к о л о н и з а ц и я: вся земля одного владельца соединяется в одном месте, причем дом его со всеми хозяйственными постройками переносится в пределы закругленного таким образом владения (хутора). Очевидно, что для проведения коммасации или колонизации необходимо установление законодательных норм, представляющих большинству право принуждать меньшинство к необходимому при этом обмену земельных участков, необходима также помощь государства, необходимы кредиты для производства землемерных работ, перенесения усадеб и т. д.

Необходимо наконец вспомнить об ограничениях, которым подлежат по закону крестьяне в отношении земель, принадлежавших им в момент наделения их землей. Прежде всего мы встречаемся здесь с постановлением, согласно которому лицам, не принадлежащим по происхождению своему к крестьянству, воспрещается покупать крестьянские «пожалованные» земли. В настоящее время это стало каким-то странным анахронизмом, потому что понятие крестьянства как «сословия», является пережитком, противоречащим жизни. Ведь в наши дни * во всех общественных классах—и в среде буржуазии и в среде помещиков, и в среде так называемой интеллигенции—встречаются люди, приписанные к «крестьянскому сословию», и, с другой стороны, встречаются мелкие лавочники, приказчики, рабочие, принадлежащие к «шляхетскому» сословию. Таким образом выходит, что прирожденный земледелец, владеющий несколькими моргами земли, не имеет права купить у соседа землю только потому, что земля эта зарегистрирована как «пожалованная», сам же этот земледелец регистрирован как шляхтич; зато прирожденному спекулянту, который не имеет ничего общего с земледелием, купить ее можно, так как он зарегистрирован как крестьянин. Дальнейшим следствием этого положения является лишение крестьян права на ипотечный кредит и затруднения, с которыми сопряжено получение ссуд под залог движимости. «Учредительный комитет» запретил создавать специальные учреждения для ипотечного кредитования крестьян, чтобы воспрепятствовать обременению их имущества долгами; частные же учреждения не могут открывать им такого кредита, так как указанные ограничения, запрещающие продавать «пожалованные» земли лицам некрестьянского происхождения, сделали невозможным какие бы то ни было операции; ипотечный заимодавец должен всегда иметь возможность приобретения недвижимости ипотечного должника, иначе ипотечная гарантия теряет всякий смысл. Результат получается определенный: крестьяне делают займы у частных лиц, уплачивая ростовщические проценты, и они лишены рационального кредита, без которого хозяйство в капиталистической стране не может итти вперед. Интенсивное земледелие требует наличия капитала, а земледельческий капитал может быть получен только с помощью кредитных операций. Отсюда те странные соотношения, при которых крестьянин является производителем, работающим в обстановке капиталистического хозяйства и тем не менее

---

* Статья написана в 1908 г. — *прим. ред.*

лишенным помощи в той экономической форме, которая выработалась в этом капиталистическом хозяйстве. Не может быть никакого сомнения в том, что уничтожение этих ограничений, установление полной свободы в купле и продаже земли и допущение ипотечного кредита для крестьян вызовут частичный переход крестьянской земли в другие руки; при этом может произойти концентрация крестьянской земли, покупка ее владельцами фольварков; но, с другой стороны, до тех пор, пока существуют эти ограничения, прогресс в крестьянском хозяйстве, переход к интенсивному земледелию страшно затруднен.

На этом мы и заканчиваем наш беглый очерк по истории наделения крестьян землей, в котором мы считали особенно важным отметить условия, препятствующие еще и теперь улучшению земельных отношений.

Напечатано впервые в теоретическом органе СДП и Л. «Przeglad Socialdemokratyczny» 1928.

Напечатано впервые в «Коммунистическом Интернационале» №№ 6—8 1919.

Печатается по тексту брошюры Мархлевского (Карского) «Польша и мировая революция», Гиз, М. 1920.

ПОЛЬША И МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПОЛЬША И МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ [122]

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В БУРЖУАЗНОЙ И ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Было время, когда стремление польского народа к свержению чуждого ига считалось революционным фактором в европейских освободительных войнах. И это действительно было так. В период борьбы революционной Франции с коалицией монархий, «восстание» Косцюшки (1792 г.) парализовало на время силы Пруссии, Австрии и России. В 1830 г. польское восстание спасло Европу от вмешательства царской армии. Между тем оба движения носили дворянский характер, вовсе не знаменуя собою революционного восстания польского народа. Правда, в 1848 г. польские эмигранты, главным образом из среды дворянства, участвовали в освободительной борьбе во Франции, Венгрии, Италии и Германии, но в самой Польше дело не шло дальше попыток поднять народное возмущение.

В 1863 г., благодаря позорному владычеству царских ставленников, в Польше вспыхнуло последнее национальное восстание. Но оно произошло как раз в эпоху мрачной реакции в Европе; повстанцы истекли кровью в неравной борьбе. Есть что-то символическое в том, что это неудавшееся национальное восстание дало внешний толчок к образованию I Интернационала. Известно, что Маркс и Энгельс воспользовались созванным в Лондоне для выражения сочувствия польскому восстанию совещанием английских и французских рабочих и революционных групп других стран для провозглашения идеи боевого международного союза рабочих как единственного средства их победы над своими классовыми угнетателями.

В самом деле, прошло время, когда национальные движения служили революционным фактором [123]. Стремление немцев к национальному объединению, имевшее в 1848 г. революционное

значение, вылилось в 1870 г. в реакционное движение, как это показала коварно спровоцированная война с Францией. Национальное объединение Италии точно так же было следствием «государственно-охранительной» политики. В обоих случаях дело не было доведено до конца, так как архиреакционное здание Габсбургской монархии вполне уцелело, удержав за собою части как немецкого, так и итальянского народов. Последняя четверть XIX в. принесла балканским народам освобождение от турецкого ига, но это освобождение было результатом борьбы за наследство «больного человека» между европейскими державами, заинтересованными в том, чтобы национальный вопрос на Балканах не был решен окончательно, так что Балканский полуостров продолжал быть адским котлом, бурление которого порождало постоянные кровопролития.

Таким образом проблема «национального государства», являющегося в сущности чисто буржуазно-демократическим идеалом, не была разрешена в период возрастания господства буржуазии. Целый ряд «вопросов», как: «ирландский вопрос», «балканский вопрос», «польский вопрос» — остался неразрешенным. Все эти вопросы продолжали существовать в скрытом состоянии и не ими было вызвано столкновение мировых держав, ввергшее капиталистический мир в кровавую бойню в 1914 г. Но эти неразрешенные вопросы, как злые призраки, снова выползли на свет в момент ликвидации империалистической войны, и снова мы видим все тот же реакционный [123] лик их. В Англии революционное движение тормозится «ирландским вопросом». Исключительно лишь национальное ослепление превращает румынских крестьян в палачей венгерской революции. А Польша, освободительные тенденции которой вызывали некогда восторг всех революционных умов Европы, играет теперь роль «европейского жандарма». Последнее обстоятельство является особенно горьким разочарованием для всех, кто не освободился еще от последних остатков буржуазного идеализма (таких людей не мало и среди мнимых марксистов). Между тем, это разочарование — прямое следствие недостаточного знакомства с истинным положением дел в Польше. Мы, польские марксисты, в течение целых тридцати лет не уставали разоблачать иллюзию об исключительной, якобы, не в пример прочим, революционности польского национализма.

Истина такова: пока имели место буржуазные революции, польские освободительные стремления были действительно революционным фактором. Но с тех пор как социальное развитие сделало возможными исключительно лишь взрывы классовой

борьбы пролетариев против буржуазии, — а эти взрывы не миновали и Польши, — «польский вопрос» приобрел совершенно иной характер. Польская буржуазия ищет себе союзников в лагере реакции, и только пролетариат в Польше стоит на стороне революции. Но пролетарская революция стремится к уничтожению классового государства, и польский пролетариат не может уже стремиться к созданию польского классового государства; его борьба должна быть направлена на создание новой общественно-политической формы, — социалистической федерации пролетариев Европы.

Это приводит к следующему противоречию: вождями польского восстания 1830 г. были отчасти ультрареакционные польские шляхтичи, нисколько не собиравшиеся признать буржуазное равноправие за польским крестьянством, и тем не менее указанное восстание было революционным актом, спасшим, как уже сказано, Европу от вмешательства царской России. Ныне же мы видим, как «честные демократы», борющиеся за независимое польское государство, ищут помощи у контрреволюционеров, соглашаясь за это взять на себя роль «охранителей Европы от большевизма».

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ ДО МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Польские земли под русским игом

Чтобы читатель, незнакомый с польскими условиями, мог лучше понять развертывающиеся сейчас в Польше события, необходимо набросать краткий очерк развития трех частей Польши за последнее время.

Мы начинаем с той части, которая была под русским владычеством.

После усмирения восстания 1863 г., царское правительство провело аграрную реформу, сделавшую крестьянина собственником обрабатываемого им участка земли. Эта реформа часто ошибочно называется «освобождением от крепостной зависимости». Это неверно, так как официально крепостное право в этой части Польши было отменено еще Наполеоном (во время существования «Княжества Варшавского»). Но это «освобождение» кончилось тем, что крестьяне потеряли всякое право на обрабатываемую ими землю. На практике аграрные отношения в этой части Польши в период 1808—1864 гг. сводились к тому, что крестьяне арендовали помещичью землю, платя за нее не наличными деньгами, а отра-

ботками на помещичьих землях. На бумаге они были свободны, но эта свобода вела к тому, что помещик мог во всякое время прогнать крестьянина со двора. Это и случалось довольно часто, и если польским помещикам не удалось тогда же окончательно пролетаризировать крестьянство, то виною тому был исключительно недостаток у них денежных средств. Крестьяне продолжали владеть рабочим скотом и другими необходимыми для обработки земли средствами производства; в 1864 г. они стали собственниками и тех земель, которые они арендовали до тех пор. Помещики были вынуждены прибегнуть к наемному труду для обработки своих земель.

Это вызвало капиталистическое развитие сельского хозяйства. Но в то же время уничтожение таможенных преград, отделявших до 1849 г. [124] Польшу от России, породило расцвет польской промышленности. По мере развития железнодорожной сети в России Россия оказывалась довольно емким рынком сбыта продуктов промышленности, в особенности шерстяных товаров, между тем как в распоряжении польской промышленности находилась дешевая рабочая сила и, что особенно важно, дешевый кредит и техническая помощь со стороны Германии. Торговые сношения между Россией и Польшей становились с каждым годом все оживленнее — Польша получала из России во все увеличивающихся размерах сырье: лен, коноплю, шерсть, кожу, меха, лес, скот, сало, давая ей взамен, кроме продуктов текстильной промышленности, также железные изделия, машины и орудия. Сеть торговых сношений становилась все гуще и гуще.

Начиная с 1880 г., западная часть России получала из Польши в большом количестве уголь; с другой стороны, развивавшаяся промышленность Донецкого бассейна стала снабжать польские заводы железной рудой высокого качества. Новым этапом на пути развития русско-польских сношений явилось привлечение лодзинских фабрикантов к эксплоатации хлопковых плантаций в Средней Азии и усиленный ввоз в Польшу бакинской нефти. Особенно способствовало общности торговых интересов обеих стран то обстоятельство, что Польша стала отправлять в Россию избыток своих инженеров. В результате этого процесса польская промышленность к началу XX в. оказалась спаянной с русской промышленностью общими трестами и синдикатами.

Именно это явление имела в виду Роза Люксембург, говоря об «органическом срастании» Польши с Россией, хотя противники марксизма сознательно старались совершенно

исказить истинный смысл этого «срастания». Речь шла просто об установлении следующего факта: между тем как до 1863 г. господство царизма над Польшей было чисто «механическим», опиравшимся исключительно на грубое насилие, исключавшее возможность сколько-нибудь тесной связи между обеими странами, позднейшее развитие хозяйственного взаимодействия вело ко все более тесному «органическому» срастанию их. Само собой понятно, что это порождало также известные социальные последствия. Для польской промышленной буржуазии это отождествление ее интересов с интересами русской буржуазии означало полнейшее заражение ее идеями русского империализма. Конечно между русскими и польскими фабрикантами возникали трения. По отношению например к таможенной политике или к железнодорожным тарифам их интересы часто расходились, и польские промышленники и купцы нередко жаловались на затруднительность сбыта их товаров в Россию, а московские фабриканты яростно вопили о губительном влиянии лодзинских цен на русскую промышленность... По существу же это был «семейный спор», какой нередко можно наблюдать в любом государстве между различными группами буржуазии. Зато польские буржуа не менее русских были заинтересованы в усилении царской империи, ибо всякое усиление последней означало расширение поля деятельности капитализма, а стало быть, и увеличение прибыли. Когда в Думе и в Государственном совете господа Дмовский, Грабский и компания выступали сторонниками русского империализма, это было далеко не лицемерие, как утверждали Пуришкевич и компания; ими в значительной степени руководило сознание общности интересов буржуазии Польши и России. Но больше всего польских и русских капиталистов объединяли их непосредственные классовые интересы в борьбе с пролетариатом. Чем сильнее становилось рабочее движение, тем искреннее становилась преданность польской буржуазии царизму, и тем страстнее становилось ее влечение к «твердому порядку», как спасению от «переворота».

Дворянство оставалось гораздо дольше в оппозиции к царизму. Помимо политических традиций — почти каждая дворянская семья пострадала во время восстаний — здесь действовали еще и экономические причины. После 1863 г. царское правительство сознательно покровительствовало крестьянству за счет дворянства. При наделении крестьян землею возникли многочисленные «сервитуты» [121] (крестьянские общества имели право пользования «господскими» лесами и пастбищами), при-

водившие к частым трениям между помещичьими приказчиками и крестьянскими общинами. При этом поставленные правительством крестьянские комиссары получили прямое приказание раздувать всякие конфликты, натравливать крестьян на помещиков и привлекать их на сторону правительства.Однако эта царская демагогия продолжалась недолго, и дворянство очень скоро, благодаря своему экономическому перевесу, снискало себе поддержку русского чиновничества и в частности — упомянутых комиссаров.

Потомки повстанцев 1792, 1830 и 1863 гг. чувствовали себя превосходно под защитой русского царизма. Особенно непритворной стала преданность польских панов русскому царизму с тех пор, как Николай II, во время своего первого посещения Польши после коронации, сделал крестьянам торжественное внушение о неприкосновенности панской земли. Царизм охранял панов от крестьян — этого для польских помещиков было достаточно для того, чтобы отказаться от свободолюбивых мечтаний. Конечно, нельзя отрицать того факта, что среди представителей названных господствующих групп были тысячи лиц, патриотическое сознание которых глубоко страдало от гонений на все польское со стороны царского правительства. Это однако нисколько не умаляет значения того основного факта, что польские капиталисты и помещики, **как класс**, нимало не интересовались борьбой за освобождение от чужого ига. И поэтому не могло быть и речи о серьезной оппозиции чужому государству, не говоря уже о национальном восстании против него. Господствующий класс Польши великолепно приспособился к русскому владычеству.

Все, на что он был способен, это — робкие попытки отвлечь (посредством политических маневров) царское правительство от его политики беззастенчивых национальных преследований. Понятно, что все эти попытки были обречены на неудачу. Представители польского «общества» могли сколько угодно распинаться в «лойяльности польского народа», они могли плести какие угодно хитрые интриги для приобретения влияния при петербургском дворе — это ничуть не заставляло царский правительственный механизм отклоняться от его политики «обрусения инородцев». Признание за поляками права на национально-культурное развитие было бы для бюрократии и православного духовенства равносильно признанию права на существование за всеми инородцами. И действительно, гнусная политика угнетения продолжала свирепствовать в течение 90 гг. прошлого столетия вплоть до самой революции 1905 г.

Этот режим был исключительно тяжел для среднего сословия, в особенности для интеллигенции. Она страдала уже чисто материально: в Польше не было места для поляков ни в качестве чиновников, ни в качестве учителей или офицеров; польский ученый и писатель задыхался в этой атмосфере полицейских придирок. Кроме того этот умственно более развитой общественный слой разумеется живее всех других чувствовал национальный гнет и рабство. В его среде постоянно шевелилось нечто в роде политической оппозиции. Но как и всюду эта мелкая буржуазия являлась простым отражением господствующих классов, а поэтому не могло быть и речи о принципиальной борьбе с ее стороны против «лойяльной политики»: она продолжала колебаться между шовинистическою ненавистью к «мóскалям» и поддержкой «политики соглашения» с ними. Тем не менее патриотизм этих слоев имел известное значение для сохранения польской культуры, особенно до тех пор, пока в Польше существовало либеральное движение. Однако по мере обострения классовой борьбы этот либерализм все более сходил на-нет, уступая свое место неприкрашенной реакции. В XX в. патриотизм вылился в форму самого вульгарного национализма со всеми соответствующими признаками: отрицанием демократии, антисемитизмом и ярой ненавистью к социалистам.

Что касается крестьянства, то оно оставалось политически совершенно индиферентным. Демагогия царского правительства особого успеха конечно не имела. Крестьянин не очень-то верил в сказки о русском царе как своем освободителе, так как было слишком очевидно, что помещик и русский чиновник действуют в трогательном единении, когда идет речь об обирании народа. Национальный гнет был для крестьянина конечно довольно чувствителен, но в конце концов никакая сила в мире не могла отнять у него его родной язык и веру отцов. С обрусением школы он боролся тем, что тайно обучал своих детей польской грамоте. Сильно угнетали его лишь хозяйничанье чиновников, гнет налогов и воинская повинность. Но и о готовности крестьянской массы к упорной борьбе за свержение чужого господства не могло быть и речи.

Обратимся теперь к пролетариату. Польский рабочий имел все основания ненавидеть царский произвол. Железная рука этого произвола сдерживала его каждый раз, когда он пытался отстоять свои классовые интересы. Именно это и сделало его социалистом. Но в момент, когда польский пролетариат созрел для самостоятельной политики, социализм стал законченной системой, в основу которой легла идея международной соли-

дарности, и при тогдашних условиях для варшавского, лодзинского или домбровского рабочего было осязательно ясно, что ему следует думать не о создании нового классового государства, [128] а о разрушении существующего классового государства, и в первую голову, — угнетавшего его государства, возглавляемого русским царем. Столь же очевидно было и то, что в этой борьбе польский капиталист является его смертельным врагом, а русский рабочий — желанным союзником. Городской рабочий чувствовал национальный гнет на каждом шагу, но борьба против обрусительной политики была для него лишь составною частью борьбы со всей системой политического угнетения вообще. Итак, наиболее активный класс польского народа не мог выставить на своем знамени лозунга национальной войны в рамках существующих государственных отношений.

Безнадежность всякой попытки национального восстания, подобного восстаниям 1830 и 1863 гг., стала особенно очевидной во время революции 1905 г. В 1905 г. не было сделано ни одной серьезной попытки к отделению Польши от России, но силы с самого начала стали группироваться самым естественным образом: господствующий класс поддерживал правительство по всей линии, стремясь к сохранению «существующего порядка», в то время как польский пролетариат боролся плечом к плечу с русскими рабочими против царского правительства и капиталистов, во имя захвата власти и установления революционной диктатуры. Побочным результатом этой борьбы явились известные уступки в отношении польского языка в школе и администрации. Уже по одному тому, что польский рабочий не может отказаться от своей национальности, всякое сделанное им завоевание идет на благо польской культуры вообще.

Галиция

Галиции суждено было страдать от процесса разложения Габсбургской монархии. Богатая естественными сокровищами, страна эта (она владеет углем в так называемом Краковском бассейне, который до сих пор не разрабатывается; величкинские соляные промыслы принадлежат к богатейшим в Европе; в ней много нефтяных источников, калийных солей; почва здесь местами превосходная, реки Карпат изобилуют легко доступными источниками электрической энергии) находится в настоящее время в состоянии крайней хозяйственной беспомощности. О промышленности здесь почти говорить не приходится, и причина этого та, что господствующая в Австрии немецкая бур-

жуазия долгое время сознательно держала Галицию на положении «гинтерланда», предназначенного для сбыта продуктов верхнеавстрийской и чешской промышленности. Отчасти конечно развитие тормозилось географическим положением. Галиция представляла собою продолговатую полосу земли, отделенную на юге неприступными Карпатскими горами от Венгрии и австрийских земель и загражденную на севере таможенным барьером от России. Третьей причиной промышленной отсталости Галиции была «охранительная» политика Габсбургов, направленная к покровительству как австрийским, так и галицийским помещикам, а это повело к полному владычеству в стране их хищнической политики, делавшей невозможным какое бы то ни было хозяйственное развитие. С введением, после проигранной в 1867 г. войны с Пруссией, конституционных учреждений, «земли монархии» получили самоуправление и господствующая до тех пор политика национальных преследований была оставлена. Таким образом в Галиции с тех пор администрация стала польской.

В школе, в суде, в общественной жизни господствует польский язык. Краков, со своим старинным великолепием, сделался Меккой польских патриотов. Здесь находился польский университет, в театрах ставились патриотические польские пьесы. Разгулу патриотической вакханалии был дан полный простор. Однако спасавшиеся здесь от национальных преследований варшавские патриоты вскоре убедились в том, что их галицийские братья чтили прежде всего черно-желтое габсбургское знамя, и только за ним уже шло их «собственное» патриотическое знамя. Это и понятно: повелителями в стране были польские аристократы, связавшие свои судьбы с судьбами монархии, т. е. с судьбами династии Габсбургов. Среднее сословие состояло преимущественно из чиновников, а остальные слои населения, при слабом развитии торговли и промышленности, находились в полной зависимости от аристократии и помещиков. Этим и объясняется продолжавшееся целые десятилетия господство так называемых «государственных» слоев, т. е. ультрареакционной партии, видевшей все благо в преданности Габсбургам и внесшей разврат во все области общественной жизни.

Только в самое последнее время, с появлением признаков культурно-политической жизни среди крестьянства и с началом некоторого промышленного развития, стали возникать наконец буржуазно-оппозиционные течения против клерикально-аристократического режима, представители которых из партийно-политических соображений вели пропаганду национально-патрио-

тических идей, будучи однако далеки от мысли выставить на своем знамени лозунг независимости.

Видное место в галицийской политике занимала национальная распря между поляками и украинцами; дело в том, что восточная часть страны сплошь заселена крестьянским населением, родственным советским украинцам («галичане»), в то время как крупные помещики и преобладающая часть городского населения — поляки.

В этом-то карасином пруде «Польской социал-демократической партии Галиции» суждено было играть роль щуки.

При ничтожной численности фабричных рабочих, партии этой приходилось искать себе сторонников главным образом среди ремесленников, железнодорожных служащих, торговых приказчиков и тому подобных элементов с неизжитой еще мелкобуржуазной психологией.

Благодаря политическим талантам своего вождя Дашинского, прекрасно сумевшего использовать своеобразные австро-галицийские условия, партия приобрела в 90 гг. многих приверженцев. Это происходило понятно не без ущерба для классовой чистоты ее: галицийская социал-демократия являлась попросту партией крайней оппозиции, к которой примыкали все элементы, недовольные существующим положением.

Такой состав партии, в которую входил ничтожный процент пролетариев, делает понятным успех, выпавший здесь на долю «Польской социалистической партии» (PPS). Программа последней была выработана польскими эмигрантами, преимущественно членами партии «Пролетариат» и представляла собою смесь националистических и социалистических идей. Главная идея партии заключалась в том, что польскому народу необходимо прежде всего сбросить с себя чужое иго, чтобы проложить себе дорогу к социализму. При этом в программе не говорилось ни слова о том, насколько осуществимо вооруженное восстание польского пролетариата против трех величайших военных держав, вдобавок без всякой поддержки со стороны собственной буржуазии. В конце концов все строилось на расчете о столкновении между этими державами. Усвоив эту программу, галицийская с.-д. партия очутилась в двусмысленном положении; «для публики» она и в печати и в парламенте нападала на австрийский милитаризм, но в душе вожди ее страстно желали войны Австрии против России. Теперь можно с точностью установить, что члены этой партии, с Пилсудским во главе, уже давно находились в самых тесных сношениях

с австрийским генеральным штабом, принимая ближайшее участие во всех приготовлениях к войне, в особенности по части шпионажа.

Польские земли под прусским игом

Польские области, подчиненные Пруссии, распадаются на две резко обособленных части: на Верхнюю Силезию, с одной стороны, и на провинции Познань и Западную Пруссию — с другой. Первая область уже с XIV в. не входила в состав польского государства и подпала под прусское владычество еще во время Семилетней войны; Познань и Восточная Пруссия окончательно перешли к Пруссии только после Венского конгресса. Обе последних провинции представляют собою земледельческие области, почти без всякой промышленности, между тем как Верхняя Силезия,— это высокоразвитый промышленный округ с колоссальным производством угля и железа.

Для того, чтобы правильно оценить социально-политическую жизнь Познани и Западной Пруссии, необходимо помнить, что эти окраинно-западные области Польши подвергались сильной немецкой колонизации еще в период самостоятельного существования Польши. Сословный строй польской республики предоставлял широкое самоуправление городам, и это послужило на пользу осевшим в них немцам, которых привело сюда «стремление на Восток» (Drang nach Osten). Здесь господствовало поэтому «магдебургское право», т. е. польские города, независимо от верховной власти, имели свои собственные суды по германскому праву, их цехи были устроены по образцу немецких, обиходным языком был немецкий, а в сношениях с польскими властями они пользовались латынью. Таким образом многие города — Данциг, Торн, Бромберг (Быдгощ) — были в сущности немецкими колониями. В других городах немецкие колонисты составляли лишь часть населения, но и в них этот немецкий элемент был очень силен.

Получив в свои руки эти провинции, прусское правительство, при поддержке немецкого населения, принялось за их германизацию. Польский язык был окончательно изгнан из школы, из администрации, и наконец запрещено было употребление польского языка даже в общественных собраниях. Придирчивость по отношению к польскому населению принимала часто чудовищные и смешные формы: в конституционном королевстве Пруссии было запрещено пение польских национальных песен и преследовалось ношение национальных отличий, поль-

ские города были окрещены немецкими именами (так, например старинный Иновроцлав был переименован в Гогензальца, Забрже был во время войны перекрещен в Гинденбург). Если это были лишь булавочные уколы, постоянно раздражавшие национальное самолюбие, то далеко не так безобидны были насилия, глубоко задевавшие самые основы национальной жизни. Так, в 1886 г. десятки тысяч польских жителей были изгнаны из этих провинций на том лишь основании, что, будучи выходцами из русской и галицийской Польши, они не были прусскими подданными. В то же время началась насильственная колонизация обеих провинций. Правительство скупало земли польских помещиков и наделяло ими немецких крестьян. Когда оказалось, что скупка путем полюбовных сделок идет не очень успешно, было приступлено к экспроприации. Польские собственники обязаны были уступать свои земли немцам по требованию немецких властей. Попытки оправдать это принуждение ссылкой на то, что ведь в конце концов экспроприация была направлена исключительно против крупных польских помещиков, являются не более, как лицемерием (этим часто грешили так называемые социал-демократы). Ибо, во-первых, при этом дроблении поместий польские рабочие систематически изгонялись из имений и лишались средств к существованию; во-вторых, эта политика отнимала у польского крестьянина возможность приобретать землю; в-третьих, правительство часто прибегало к принудительному отчуждению земли и у польских крестьян, а не только у одних помещиков. Еще более вопиющим актом насилия был так называемый «закон о поселенцах». Чтобы воспрепятствовать помещикам передавать свободные участки земли польским крестьянам, был издан закон, по которому для постройки жилища, даже на собственной земле, требовалось разрешение властей, а власти систематически отказывали польским крестьянам в таких разрешениях. Не трудно себе представить, до какой степени эта вероломная политика озлобляла поляков. Но прусское правительство ничего не выиграло от этой политики. Напротив, можно с уверенностью сказать, что в настоящее время эти провинции являются более польскими, чем они были полвека тому назад. Польская деревня как была, так и осталась польской: несколько тысяч насильно вселившихся немецких колонистов ничего в ней не изменили; мало того, с течением времени рассеянные в польских областях немецкие колонии постепенно ополячились, причем этот процесс все ускорялся по мере того, как исчезала культурная обособленность колонистов. Но особенно сильно шла колонизация городов

в течение последних десятилетий, несмотря на все старания правительства воспрепятствовать этому. Объяснить это явление не трудно: здесь, как и повсюду в Европе, городское население быстро возросло вследствие «притягательной силы городов». Но приток новых кадров городского населения шел главным образом из деревни, и следовательно кадры эти состояли в значительной части из поляков. Таким образом осевшее немецкое городское население постепенно вытеснялось польскими пришельцами, и в городах возникла польская мелкая буржуазия.

Между польским и немецким мещанством неизбежно должна была начаться конкуренция, «борьба за кусок хлеба», еще более обострившая национальную рознь.

Хозяйственное развитие обеих провинций определялось хозяйственным развитием всей Германии. Быстрое промышленное развитие Германии порождало все возрастающий спрос на сельскохозяйственные продукты для городов и промышленных округов, и обе провинции стали поставщиками хлеба, картофеля и скота. Поэтому мы и находим в них интенсивное сельское хозяйство как у помещиков, так и у крестьян. Развитие отраслей промышленности, имеющих целью обработку продуктов сельского хозяйства — сахарных, винокуренных заводов, крахмальных фабрик, — также способствовало интенсификации сельского хозяйства. Главные выгоды этого развития выпадали конечно на долю крупных помещиков, но и крестьяне извлекали пользу из нового положения вещей, и нет сомнения, что крестьяне рассматриваемых областей пользуются большим благосостоянием, чем их единоплеменники в других польских областях. Вместе с тем и здесь, как и в городах, возникла своеобразная форма национальной борьбы на экономической основе. Польский мещанин боролся с немецким. Польский крестьянин, всегда испытывавший острый земельный голод, старался использовать колонизаторскую политику правительства и всеми силами стремился приобрести землю. «Увеличение национального польского достояния» стало лозунгом дня, и каждый крупный или мелкий спекулянт гордился своей наживой, как величайшим патриотическим подвигом. «Национальная энергия» выражалась в основании польских банков, польских кредитных обществ, производительных товариществ, союзов для разведения скота и т. д. Само собой понятно, что это нисколько не мешало ни польскому эксплоататору угнетать своего рабочего, ни польскому спекулянту при случае обобрать до нитки своего дорогого соплеменника. В такой атмосфере разумеется не было места для авантюристской национальной политики, для идеологии осво-

бодительной борьбы. Польские депутаты в германском рейхстаге и в прусском ландтаге поддерживали во всех экономических вопросах реакционное юнкерство, неизменно голосовали за морские и военные кредиты, и только время от времени позволяли себе в виде некоторой роскоши заявлять торжественные протесты против позорной германизаторской политики. Рабочее движение было развито очень слабо в виду почти полного отсутствия крупной промышленности. Все возникавшие социал-демократические и профессиональные организации примыкали к соответствующим немецким организациям. Между тем национальная рознь служила серьезным препятствием для социалистической пропаганды, и в годы, предшествовавшие войне, большим влиянием пользовался националистический и, по существу, контрреволюционный «польский ремесленный союз», с которым немецкие якобы «свободные», социал-демократические профессиональные союзы заключили договор.

Совершенно иначе обстояло дело в Верхней Силезии. Крестьянство здесь сплошь состоит из поляков, между тем как помещики — почти исключительно немцы; можно сказать, что Верхняя Силезия является областью господства крупных немецких латифундий par excellence *. Мелкая городская буржуазия с течением времени совершенно германизировалась. Начиная с середины XIX в., в Верхней Силезии развилась мощная крупная промышленность, опирающаяся на богатые залежи угля, железа и цинка. Гигантские промышленные предприятия сосредоточены в руках немецких капиталистов (преимущественно это те же владельцы латифундий). Почти все занятые в этой промышленности рабочие по национальности поляки, если не считать незначительного числа высококвалифицированных рабочих, привлекаемых сюда из других промышленных округов Германской империи. Благодаря этому национальный вопрос принимает здесь совершенно другой облик: обедневшее польское крестьянство, многочисленный польский сельский пролетариат и развитой польский промышленный пролетариат противостоят здесь немецким юнкерам и капиталистам. Национальные противоречия искажают здесь классовую борьбу в том смысле, что темный польский рабочий легко смешивает эксплоататора с немцем вообще.

Любопытно, что в течение двух-трех десятилетий и в Верхней Силезии произошла некоторая полонизация мелкой буржуазии. Огромный приток польских рабочих в промышлен-

* По-французски: преимущественно—*Ред.*

ные центры создал для торговцев и ремесленников постоянный круг польских покупателей. Польский рабочий, едва владеющий десятком немецких слов, охотнее идет к тому продавцу, который может с ним говорить по-польски, а это в свою очередь заставляет мелкого буржуа разыгрывать роль польского патриота.

Рабочее движение в этой области, вопреки ожиданиям, развивалось не особенно быстро. Известно, с каким трудом шахтеры и горнозаводские рабочие поддаются организации — об этом говорит практика Англии, Франции, западной Германии и Америки. В Верхней Силезии особенно значительно число неквалифицированных рудокопов (это объясняется тем, что здесь уголь удобно расположен толстыми пластами, и поэтому каждый рудокоп-специалист нуждается в большем числе помощников-чернорабочих, чем в других районах), являющихся весьма неустойчивым элементом, постоянно притекающим из деревень и легко переходящим на другую работу. Во всяком случае, социал-демократическая и профессиональная пропаганда пустили корни и здесь. Неблагоприятное влияние оказывало только соперничество между социал-патриотической ППС и «Польским ремесленным союзом», тем не менее, в виду наличности высокоразвитого промышленного пролетариата в Верхней Силезии, незадолго до войны можно было отметить нарастание революционной волны.

ПОЛЬСКИЕ ОБЛАСТИ К МОМЕНТУ НАЧАЛА ВОЙНЫ

С самого начала войны между тремя терзавшими Польшу хищниками господствующие польские слои всюду оказались в общем на стороне «своих» правительств. Варшава совершенно потеряла голову от военного угара, охватившего царскую Россию. Краков горел желанием победы Австрии. Познань вела себя довольно сдержанно, но с внешней стороны и она выказывала полную лояльность по отношению к Германии.

Начнем с Галиции в виду того, что здесь польские политические группы давно уже вели активную военную политику.

Как мы уже указывали, галицийская социал-демократическая партия уже давно поддерживала сношения с австрийским генеральным штабом, и с первого же момента войны как из-под земли вырос «польский легион» для борьбы с Россией; возник он при деятельной поддержке партийного правления, в особенности — Дашинского, а команду над легионом принял Пилсудский. Ядром этого добровольческого отряда явились поли-

тические эмигранты из Польши, находящейся под царским игом Кроме того сюда вошли галицийские военнообязанные, предпочитавшие службу в легионе совместной службе с австрийскими солдатами. Австрийское военное командование пускало в ход всевозможные демагогические приемы для того, чтобы разжечь патриотический пыл этой молодежи. Легион имел польское командование, особую форму с польскими национальными отличиями; но в военном отношении его роль с самого же начала была очень ничтожна.

В то время в Кракове, при участии Краковского правительства [125] возник «Национальный комитет содействия войне с Россией», в котором рядом с экс-министром Яворским фигурировал и господин Дашинский, Комитет вел интенсивную пропаганду, главным мотивом которой была ненависть к царизму. Политика комитета с первой же минуты страдала внутренней двойственностью. Да и как в самом деле можно было призывать польский народ к борьбе с царизмом, когда эту борьбу предстояло вести плечом к плечу с прусским правительством? Разве это последнее не было еще более враждебно Польше чем царизм? Разве победа немецкого империализма, во имя которой полякам предлагали жертвовать жизнью, не грозила величайшими опасностями польскому народу? А та же Австрия — разве она не угнетала польскую нацию, хотя и в более мягкой форме? Бесспорно, победа австро-немецкого империализма над русским не сулила ничего доброго польскому народу, а между тем во имя этой победы польский солдат в австрийской форме призывался к братоубийственной борьбе с польским солдатом в русском мундире. Этот разлад обозначился особенно ярко, когда стала очевидной жалкая роль Австрии в этой войне, в которой тон задавала явно враждебная Польше Германия, и когда поэтому стало ясно, что на будущем совете победителей судьбу Польши будут решать не Габсбурги, а Гогенцоллерны.

Этой внутренней противоречивостью и объясняется слабый успех пропаганды. Политики толка Пилсудского и Дашинского рассчитывали на то, что вторжение польского легиона в русскую Польшу зажжет там национальное восстание. Эти соображения руководили и австрийским правительством при инсценировке им указанной выше затеи. Между тем все эти надежды не оправдались. Зарубежные крестьяне и рабочие встретили легионеров как врагов и не обнаружили ни малейшего желания присоединиться к ним. Это было первым звеном в целой цепи горьких разочарований.

В Варшаве же наблюдалась не простая лойяльность, — здесь царило горячее воодушевление в пользу царизма. Это объясняется различными причинами. Главное значение здесь имела прорвавшаяся наконец наружу бешеная ненависть к немцам, этим — мол — «наследственным врагам польского народа». Далее сказался конечно и кровавый угар, опьянивший широкие слои народа. Тот же гипноз, который охватил население почти всех европейских стран, оказался и в Польше настолько сильным, что заставил забыть про ненависть к русскому игу. Во всяком случае приходится констатировать, что военнообязанные поляки в России не только не уклонялись от воинской повинности, но даже шли в армию добровольцами. Причину этого следует пожалуй искать и в том, что вследствие позорной прусской политики национального угнетения, ненависть к немцам была сильнее ненависти к царскому режиму. Однако я склонен думать, что в этой кровавой оргии рассуждения вообще играли лишь последнюю роль. Жажда борьбы, убийства, еще более возбужденная разнузданной правительственной пропагандой, в первые недели совершенно лишила массы рассудка... Одним из важных мотивов была и военная прибыль. Русское правительство прибегло к высокоразвитой польской промышленности для удовлетворения своих военных нужд, и при этом не жалело денег. Размещенная в Польше русская армия тоже принесла с собою не мало денег: офицеры предавались диким кутежам, да и простой солдат в первые недели швырял деньгами направо и налево. В Варшаве деньги лились рекой, и это поддерживало воинственный дурман и победное настроение. Самое последнее место занимали тут конечно правительственные манифесты. Ни один серьезный польский политик не придавал значения легковесным обещаниям Николая Николаевича о даровании свободы польскому народу. Возможно, впрочем, что кое у кого и возникала смутная надежда на воссоединение всех трех частей Польши в случае победы России...

Среди этого всеобщего воинственного опьянения одни только сознательные пролетарии сохраняли ясность ума [126]. «Социал-демократия Королевства Польского и Литвы» исполнила свой революционный долг и с самого же начала повела кампанию против бойни народов, точно так же, как и «левица», революционное, марксистское крыло Польской социалистической партии. Но здесь, как и повсюду в Европе, эти отдельные голоса безнадежно тонули во всеобщем воинственном гуле.

В землях Польши под прусским владычеством господствовало несколько иное настроение: польские депутаты рейхстага голосовали за военные кредиты и беспрестанно трубили о польской лояльности. Военнообязанные безропотно шли в армию, частью под гнетом дисциплины, частью под влиянием военного угара. Но в общем польское население было враждебно настроено по отношению к Германии. Звериная правительственная пропаганда на тему о том, что «если все не пойдут воевать, то казацкие орды наводнят страну», не производила никакого впечатления в польских областях, несмотря на то, что именно им русское нашествие угрожало в первую голову. Люди, имевшие тогда возможность следить на месте за ходом событий, уверяют, что польское население Познани готово было встретить русскую армию с распростертыми объятиями. Правительство отлично видело это настроение и думало бороться с ним репрессиями, чем, разумеется, только ухудшило свое положение.

Нашлись конечно и в этих областях единичные политики, которые посвятили себя ревностному служению правительству и без всякой надежды на успех пытались вести германофильскую пропаганду в занятых германскими войсками польских городах. В настоящее время многие из них — и прежде всего господин Корфанти — играют крупную роль в польском правительстве и разыгрывают из себя первых застрельщиков в борьбе против Германии.

С оккупацией Польши австро-германскими войсками, польский вопрос приобрел для победителей всю остроту злободневности. Между Австрией и Германией начался позорный торг, в котором принимали горячее участие польские патриоты, не исключая господина Дашинского и его партии.

Сначала было создано Временное управление. Завоеватели посадили в Варшаве «Регентский совет». Ни один влиятельный политик не пожелал приобщиться к этому учреждению, и за отсутствием лучших людей пришлось возложить почетную обязанность «регентов» на первых попавшихся аристократов — князя Любомирского и графа Островского вкупе с архиепископом Краковским. Был составлен также Совет министров, для которого опять-таки не нашлось никого, кроме пары ничтожных политических интриганов. Но фактически всем распоряжались занявшие Польшу державы, поделившие между собой страну: в одной части хозяйничали германцы, в другой — австрийцы. Задачей и тех и других было — использовать страну в интересах ведения войны, и производимый ими с этой целью грабеж поистине не знал границ. Особенно

отличался в части, занятой германцами, генерал Безелер. Мало того, что он наложил руку решительно на все технические изделия и сельскохозяйственные продукты, какие только могли быть полезны Германии — готовые фабрикаты, сырье, машины,— он прибег и к самому гнусному виду военного насилия: сотни тысяч польских рабочих были угнаны в Германию, где их заставили работать на помещичьих землях, в снарядных мастерских и в рудниках. Нетрудно понять, насколько подобный образ действий усилил в населении ненависть ко всему немецкому. Но в Германии ослепление войной было так велико, что и в прессе и в парламенте по адресу поляков раздавались совершенно серьезные упреки в «черной неблагодарности»; в самом деле— как смели они не выказывать бешеного восторга перед своими «избавителями от московского ига?» Трудно поверить этому, но это факт: в этом хоре были голоса и социал-демократической прессы (в особенности «Гамбургского эхо» и лейб-органа Носке: «Хемницкого голоса народа»).

Однако Временное управление не могло же существовать вечно, а немецкое правительство не торопилось открыть свои карты, имея на то основания: в Берлине все еще не теряли надежды на сепаратный мир с царским правительством, даже на условиях возвращения ему «освобожденной» Польши и заодно уже и переуступки ему Галиции, — возможность изменить при этом австрийскому союзнику придала бы сделке еще большую привлекательность.

Со своей стороны Австрия поддерживала в поляках самые радужные надежды, если не на полную автономию, то во всяком случае на объединение Королевства Польского с Галицией под милостивым скипетром Габсбургов.

Тем временем польские политиканы продолжали замышлять свои комбинации. В случае победы Германии не могло быть и речи о восстановлении Польши. При этом предположении очевиднее всего была безнадежность Прусской Польши: в самом деле, было бы безумием надеяться, что жаждущий упиться свежей кровью народов прусский хищник откажется, в случае победы, от своей прежней добычи. Поэтому политики из Краковского национального комитета с легким сердцем жертвовали Познанью, Западной Пруссией и Верхней Силезией. Их пресса, в том числе и краковский орган социал-демократической партии, не видела никакого национального позора в этом «самоотречении», обрекавшем свыше четырех миллионов поляков в жертву прусской истребительной политике. Зато на все лады расписывалось великолепие

частичного польского государства, в составе прежнего Королевства Польского и Галиции. Публицисты ППС всячески старались доказать жизнеспособность этого будущего государственного сооружения, ломая себе голову лишь над вопросом, перейдет ли тогда австро-венгерская монархия от двойственной системы к тройственной, или дело обойдется и без этой реформы. Наиболее пылкие оптимисты видели уже в своем воображении самостоятельное Королевство Польское, для которого тут же был найден и король, в лице австрийского эрцгерцога Стефана, сын которого женат на княжне Чарторийской. Социал-патриоты с удовольствием принимали участие и в этих монархических комбинациях.

Эта ребяческая игра продолжалась до тех пор, пока не вспыхнула русская революция. Теперь германскому правительству необходимо было высказаться определеннее о том, как оно себе представляет будущее Польши, ибо возникала опасность, что революционная Россия окажет на поляков притягательное действие. Между тем правящие круги были не вполне единодушны. Австрийская комбинация была оставлена, так как германская военная партия опасалась усиления своих «союзников», с которыми уже тогда у немцев происходили весьма болезненные конфликты. Напротив, подготовлялось создание «буферного государства» из русской Польши, с более чем сомнительной автономией. В кандидатах на трон недостатка не было. Претендентами объявились, с одной стороны, Виттельсбахи (Бавария), один из предков которых в XVI в. был женат на какой-то принцессе из рода Ягеллонов, а с другой стороны — Веттины (Саксония) на том только основании, что в XVIII в. двое представителей их рода покрыли позором польский трон.

Однако, чтобы не дать уже слишком широко раскинуться этому буферу, Людендорф требовал такого «урегулирования границ», при котором Домбровский угольный бассейн, Лодзинский промышленный район и вообще вся западная часть страны до реки Пилицы отошла бы Германии.

Эти хищнические планы убедили даже национал-социалистических польских политиканов в невозможности попрежнему тащить прусско-немецкий воз, да и в Вене выросло крайнее недовольство прусской политикой, и отношения между ней и Берлином сильно обострились. Во всяком случае в Берлине было решено положить конец существованию польских легионов, которые до того времени служили прекрасным пушечным мясом, и на долю господина Пилсудского выпало неожиданное счастье: он был посажен в магдебургскую тюрьму.

Варшавские ставленники генерала Безелера, господа из Регентского совета и их министры конечно приложили руку и к этой политике.

За Февральской революцией в России последовала Октябрьская. Русское пролетарское правительство провозгласило в польском вопросе, как и следовало ожидать, следующий принцип: революционный пролетариат отказывается от угнетения какой бы то ни было национальности и предоставляет польскому народу самому решить свою судьбу; русские уполномоченные в Бресте делали все, что могли, чтобы вырвать у Германии признание за Польшей этого права на самоопределение. Но германское правительство отказывалось признать «право народов на самоопределение»: оно крепко держало добычу в своих когтях и собиралось распорядиться с «освобожденной» Польшей по своему собственному усмотрению.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВОГО ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

Через полгода пришел конец политике ежовых рукавиц: революция в Австрии и Германии освободила Польшу от цепей чужого господства. Разыгравшиеся затем в Польше события были до того запутаны, что кажутся совершенно необъяснимыми большинству современников.

Постараемся разобраться в них.

Приверженцы господина Пилсудского охотно изображают дело так, будто они разоружили австро-германские оккупационные отряды. Это грубое преувеличение. Упомянутые отряды были в высшей степени деморализованы гарнизонной жизнью: офицеры и солдаты превратились в самых отвратительных мародеров и спекулянтов. Через несколько дней после взрыва революции в Австрии, поголовно все австрийские солдаты разбежались. Не было никакой надобности их разоружать — они сами побросали оружие и все военное снаряжение. Все занятые до тех пор этими войсками польские области сразу очутились без всякого господина. Все это были чисто крестьянские местности, в которых не было крупных городов. Но крестьянское население в этих местах, особенно в Люблинской губернии, самое развитое во всей Польше: оно немедленно же сорганизовалось. Далее, в областях австрийской оккупации существовала тайная «Польская военная организация», к которой принадлежали бывшие легионеры. К этим-то элементам — крестьянам и легионерам — и перешла власть. Так возникло «Люблинское правительство» с Дашинским во главе [127]. Стояв-

шие в Западной Галиции немногочисленные войска, родом большею частью из других австрийских областей, тоже торопились поскорее выбраться на родину. Оттого «Люблинскому правительству» и было так легко укрепиться. Оно тотчас же провозгласило демократические реформы: всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право для всех без различия пола, самоуправление, восьмичасовой рабочий день. Революционные пролетарские требования при этом были совершенно забыты, так как за отсутствием фабричных рабочих, задержавшихся в Германии и России, не было никого, кто напомнил бы господам пепеэсовцам о социализме [128]. Между тем стали прибывать легионеры из Австрии и из лагерей для военнопленных, и из них «Люблинскому правительству» удалось сформировать народную милицию, вооружив ее чем попало. Милицию эту составляли не более двух-трех тысяч человек, но при всеобщем хаосе и они представляли собою известную силу.

В то время как в местностях австрийской оккупации происходили описанные события, в Варшаве и в области германской оккупации все оставалось пока по-старому.

Только вспыхнувшая через несколько недель в Германии революция вызвала и здесь аналогичные последствия. Германские солдаты бросили все и устремились на родину. За одну ночь Безелер лишился всего своего могущества. Господа регенты, почувствовав себя в центре всеобщей ненависти, поспешили ступеваться. Они стали умолять генерала Безелера об освобождении Пилсудского, видя в этом популярном вожде легионов своего единственного спасителя.

Просьба их была удовлетворена. Выпущенный на свободу Пилсудский тотчас же был провозглашен «начальником польского государства», господин Дашинский выслал в Варшаву часть своей люблинской милиции, и — Варшавское правительство было готово.

Так как и здесь — в Варшаве и Лодзи — отсутствовали рабочие, то идиллия никем не могла быть нарушена, тем более, что обрадованное освобождением от господства Безелера население спокойно смотрело на все происходившее. Реакционеры, в первое время с опаской относившиеся к «социалисту» Пилсудскому, вскоре успокоились, увидев, что он еще более податлив, чем господин Дашинский, и что его им бояться нечего, так как он тотчас же при поддержке милиции ревностно принялся за «охрану порядка и спокойствия».

Возникшие вначале трения между Варшавским и Люблинским

правительствами вскоре были улажены. Господин Пилсудский назначил министрами нескольких сверхумеренных членов ППС (г. Дашинский однако угрюмо ретировался) и не менее умеренных демократов. В остальном он удовольствовался обещанием созвать Учредительный сейм, и вместе с тем, из опасения слишком крутым поворотом оттолкнуть от себя народные массы, он все же счел необходимым признать и возвещенные в Люблине вольности (избирательное право на демократической основе и т. д.).

В Познани происходило следующее: гарнизон в Познанской крепости, а также и в других городах состоял исключительно из немцев, уроженцев других областей, которые теперь спешили возможно скорее вернуться на родину. С другой стороны, началось возвращение на родину поляков, служивших в других местностях.

Так же как и в Германии, и здесь были созданы рабочие и солдатские советы, состав которых разумеется оказался польским. Правительство Эберта—Шейдемана и не думало последовать примеру русского пролетарского правительства, признавшего за поляками право на самоопределение: напротив, оно заняло явно враждебную к полякам позицию, на что те ответили борьбою, скоро закончившеюся образованием польского Национального совета, взявшего власть в свои руки. При указанных нами выше познанских социальных условиях этот Национальный совет оказался мещанско-реакционным. Он мудро рассудил, что разрешение польского вопроса есть дело мирной конференции, а его задача заключается главным образом в охранении «мира и спокойствия». Исходя из этих соображений, он поддерживал лишь весьма слабую связь с Варшавским правительством, которое казалось познанским лавочникам слишком радикальным, и заботился больше всего о том, чтобы «все осталось по-старому»: остались даже прусские чиновники, и только к важнейшим из них были приставлены польские «советники». Только впоследствии уже, когда германское правительство послало войска против Польши (излюбленный Носке прием «защиты»), польско-немецкие отношения в Познани сильно обострились, приняв характер ожесточенной борьбы. Интересно отметить, что начальство над польскими войсками в Познани было передано генералу Довбору-Мусницкому, тому самому, который при демобилизации русской армии образовал в Бобруйске контрреволюционный польский корпус. «Социалист» Пилсудский, в качестве главнокомандующего, утвердил это назначение.

Таким образом образование самостоятельного польского правительства было предоставлено случаю. Благодаря революции в России и в Германии Польша освободилась от цепей чужого рабства, но польские народные массы не принимали активного участия в этом революционном освобождении по той простой причине, что единственный революционный элемент в Польше—пролетариат [129]—был парализован насильственной эвакуацией в Россию и в Германию. Никто не мешал авантюристам из национал-социалистической среды взять кормило правления в свои руки. Единственным общественным слоем, на который эти господа опирались, было националистическое мещанство, в основе своей реакционное; однако им удалось вырвать его согласие на довольно серьезные демократические установления (весьма демократическое избирательное право и народную милицию), ибо, как никак, их власть все-таки имела революционный, хотя и извне пришедший, источник.

Февральские выборы в Учредительный сейм, в которых принимали участие бывшее Королевство Польское и Галиция (Познань, по вышеуказанным причинам пока воздержалась), дали, как и следовало ожидать при данной структуре общества, крестьянское большинство, тем более, что часть рабочих последовала выдвинутому коммунистической партией * лозунгу бойкота выборов [130].

В политических вопросах это крестьянское большинство совершенно неопытно. Партийная группировка только намечается, крестьянские депутаты прошли весьма слабую политическую школу. Они находятся частью под влиянием клерикалов, частью под влиянием националистических демагогов. Единодушие среди них обнаруживается только в вопросах, непосредственно касающихся крестьянства. Неожиданно обнаружилась полная дезорганизация старых буржуазных партий: как галицийские крайние консерваторы, так и не менее реакционные «реальные политики» Королевства Польского временно сошли со сцены. Казавшаяся прежде всемогущей в Королевстве Польском партия «Национал-демократов» (имеющая еще менее общего с демократизмом, чем германские «национал-либералы» с либерализмом) представлена в сейме довольно слабо. Столь нашумевшие либералы почти совсем исчезли. Это вряд ли говорит о падении значения тех социальных групп, представителями которых являлись названные партии; все дело лишь в том, что вследствие резкого изме-

* Партия эта образовалась через слияние прежней «Социал-демократии Королевства Польского и Литвы» и «Левицы ППС».

ления политического положения, внутренние связи этих партий оказались нарушенными, их организационный аппарат негодным.

Заседания сейма производят до-нельзя жалкое впечатление: в речах министров и депутатов невозможно обнаружить ни одной творческой мысли. Особенно оскандалилось правительство, когда при обсуждении конституции оно предложило принять за основу искаженный оттиск «конституции 3 мая», принятой польским дворянством в лето от Р. Х. 1791! Невольно приходишь к мысли, что это правительство постоянно находится под гнетом сознания своей собственной бесполезности.

Только однажды дело дошло до более или менее серьезной парламентской борьбы, именно при обсуждении аграрного вопроса. Достойно внимания уже само по себе то, что сейм, теряя время на бесполезные дискуссии о конституции, вынужден были приняться за аграрный вопрос, прежде чем государство как таковое успело сложиться. Между тем для депутатов от среднего и зажиточного крестьянства весь аграрный вопрос сводился к желанию этих слоев получить земли крупных помещиков — они не революционеры и готовы заплатить чистоганом, но от требования земли они не откажутся. Вся суть следовательно сводится к разделу крупных имений между крестьянами — конечно с выкупом. Эти домогательства сильно встревожили помещиков. Они обратились за помощью к познанцам, решившимся наконец принять участие в заседаниях сейма, в надежде укрепить таким образом его реакционное крыло. Так и вышло: познанские депутаты оказались решительными противниками «какого бы то ни было покушения на частную собственность». Несмотря на это, за реформу высказалось большинство, правда не особенно значительное — всего в один голос.

В общем государственное строительство протекает при весьма тяжелых условиях. Всюду наблюдается деморализация, порожденная войной; среди государственных чиновников царят продажность и кумовство самого низкого сорта; еще более ужасна полная бездарность людей, стоящих у власти. Прибавьте к этому безнадежное экономическое положение. Безработица принимает невероятные размеры, вследствие застоя в промышленности и постепенного возвращения на родину бывших на чужбине рабочих. Сотни деревень сожжены во время войны, многие города опустошены. Нужна была бы гигантская работа для одного только восстановления довоенного положения, не говоря уже о той колоссальной культурной работе, какая потребовалась бы для того, чтобы поправить зло, причиненное стране иноземными властителями Польши.

ПОЛЬША НА СЛУЖБЕ У СТРАН СОГЛАСИЯ

С самого начала разговоров о мире возник вопрос о том, какое положение займут в «польском вопросе» победители в мировой войне. Президент Вильсон провозгласил «право народов на самоопределение». Франция и Англия официально также приняли эту точку зрения, но мудрые заправилы капиталистической политики по отношению к Польше продолжали хранить молчание, якобы ожидая решения верховного ареопага.

Польские же политики, едва освободившись сами от чужого ига, тотчас же обнаружили наклонность к подавлению других народов; только этим и объясняется то влияние, которое вскоре получили державы Согласия на решение польских судеб.

Прежде всего разгорелась борьба в Восточной Галиции и в австрийской Силезии. В Галиции с распадением Австрии ярким пламенем вспыхнула борьба между украинцами и поляками. Первые чувствовали свое родство с соседними украинцами, которые стремились занять Львов. Отсюда возникла кровавая борьба, закончившаяся пока победой поляков.

В австрийской Силезии положение чрезвычайно запутанное. Здесь происходит грызня между чехами и поляками; княжество Цешинское, из-за которого главным образом идет борьба, имеет правда польское большинство, но чересполосица языков здесь невероятная: чешские оазисы разбросаны среди польских областей, и — наоборот. Для процветания как Польского, так и Чешского государства, весьма важно обладание Карвинским угольным бассейном, и поэтому обе стороны норовят присвоить себе всю страну. Далее, Польша предъявляет притязания на Спиж, область, вдающуюся дугой в южные склоны Татрских гор. Эта местность населена поляками и немецкими колонистами (потомками немецких рудокопов, пришедших сюда еще в XV в. для добывания в горах золота и меди) и до сих пор в политическом отношении входила в состав Венгрии. Теперь чехи предъявляют притязания на южные склоны Татр целиком, а также на Прикарпатскую Словакию, включая и Спиж.

Не менее запутан и вопрос о польско-немецких границах. Провинция Познань, за исключением западных, граничащих с Бранденбургом округов, носит польский характер. Спорно только положение так называемой «Западной Пруссии». Широкая полоса вдоль Вислы имеет несомненно польское население; точно так же и живущие ниже, до самых берегов Балтийского моря, кашубы принадлежат к поль-

скому племени. С другой стороны, немецкое население преобладает в городах, не считая отдельных полос с немецким крестьянством, издавна здесь поселившимся. Эти национальные вопросы можно было бы конечно разрешить взаимными уступками в области школьного языка и т. д., но для капиталистических государств это невозможно по следующим причинам: Польша желает получить все течение Вислы до Данцига, ибо в противном случае у нее не будет доступа к морю; но тогда немецкая провинция Восточная Пруссия оказалась бы отрезанной от остальной Германии. В мирное время беда пожалуй не так уж велика: дорога из Берлина в Кенигсберг будет проходить на коротком пространстве по польской области — и все тут[131]. Но как в случае войны? Восточная Пруссия потеряет тогда всякое военное значение для Германии. В этом смысле подобное положение для обоих государств — «важный жизненный вопрос».

Далее спор идет из-за Верхней Силезии. Как уже было указано, немецким помещикам и капиталистам здесь противостоит сплошная польская народная масса.

Но и здесь дело не в одних национальных затруднениях. Польша добивается Верхнесилезского угольного бассейна, обладание которым сразу превратило бы ее из страны чисто земледельческой в страну промышленную. Германия не намерена поступиться этим угольным районом, ибо в случае конфликта с Польшей, вся среднегерманская промышленность была бы лишена угольного питания.

При выработке мирных условий с Германией победители не совсем считались с польскими вожделениями: Германия обязывается уступить Польше Познань и часть «Западной Пруссии»; зато судьба остальной части последней, а также и участь Верхней Силезии ставятся в зависимость от народного голосования. Данциг объявляется вольным городом, находящимся лишь в косвенной зависимости от Польши.

Эти мудрые решения не более, как жалкие полумеры, ибо, повторяем, «вопрос» неразрешим. Пока Германия и Польша будут оставаться капиталистическими государствами, они неизбежно, независимо от исхода плебисцита, будут вести борьбу не нажизнь, а насмерть из-за обладания спорными областями. Одна только победа социализма в обеих странах в состоянии разрешить эти национальные вопросы, ибо в сущности, все сводится к решению определенных экономических проблем, в соответствии с данными природными условиями[132].

Чешско-польский конфликт пока еще тоже далеко не решен. Поживем — увидим, как его разрешит мирный договор Антанты с Австрией.

Во всяком случае участь правительства господина Пилсудского всецело зависит от милости держав Согласия, властное слово которых должно определить очертания границ польского государства. Купить эту милость можно было лишь одной ценой: борьбой против социалистической России.

Польскую буржуазию было тем легче подбить на эту борьбу, что борьба эта совпадала с ее собственными интересами. Буржуазия Польши отлично понимает, что пока будет существовать социалистическая Россия, польские пролетарии будут иметь в ней твердую опору. Кроме того выступает вопрос о восточных границах польского государства. Этнографически польские области простираются приблизительно до линии Буга. Как быть с обширными восточными областями, покоренными некогда польской шляхтой: с Литвой, Белоруссией, Подолией, Волынью, Украиной [133]—вплоть до Двины и Днепра? Крестьянство в этих восточных окраинах «исторической» Польши в религиозном и политическом отношениях осталось чуждо польской культуре, но зато и литовский, и белорусский, и украинский крестьянин очутились под пятой у польского шляхтича — польские дворянские роды до сих пор еще владеют здесь колоссальными поместьями; рядом с средним поместным дворянством можно назвать здесь таких магнатов, как Радзивиллов, Сапегов, Чарторийских, Замойских, Любомирских, Потоцких, Сангушко, Коссаковских, Тышкевичей, владеющих здесь огромными латифундиями. В случае установления здесь советской власти, земли перейдут к рабочим и крестьянам, что отчасти уже и случилось. Неудивительно поэтому, что польские аристократы пускают в ход все свое влияние для «искоренения большевизма» в этих областях и для присоединения их к Польше.

Будь у господ Пилсудских, Дашинских и К° хоть капля даже не социалистического, а просто демократического чутья, они наверное поняли бы недопустимость для себя участия в этой аннексионистской политике на Востоке. Совершенно независимо от всяких симпатий и антипатий к социалистической России (которая чувствовала себя обязанной притти на помощь пролетариату и крестьянству указанных областей), но с чисто польской демократической точки зрения аннексию этих стран следовало бы отвергнуть: во-первых, потому что не в интересах польской демократии содействовать усилению польской аристократии, во-вторых, потому что даже политическим младенцам должно

быть ясно, что без грубой внешней силы Польше не удержать за собой этих областей, и что она следовательно обрекается на то, чтобы стать хищническим военным государством. Ибо неужели же кто-нибудь в состоянии серьезно поверить, что крестьянство этих областей, на деле познакомившееся со всеми выгодами советского строя и на время вернувшее себе землю, когда-либо согласится снова терпеть иго помещиков и страдать от безземелья? Допустим даже, что аграрный вопрос так или иначе будет решен, например принудительным отчуждением земли в пользу крестьян [134], конечно за выкуп; но тогда останется еще национальный вопрос. Ведь в этих областях поляки не составляют и 10% населения (вместе с евреями они живут в городах; далее мы встречаем поляков среди сельскохозяйственных рабочих, и наконец имеется незначительное число польских крестьян).

Возможность ополячения таким образом исключается, а с ростом культурного сознания у литовского, белорусского и украинского крестьянина неминуемо будет расти его сопротивление чужому господству. Ясно, что аннексионистская политика является для демократии новорожденного государства чистейшим самоубийством.

Возможно, что Пилсудский со всей его свитой и чувствуют это, но отстранить от себя чашу сию они не в силах. Они вынуждены итти на самоубийство. Ибо они продали душу капиталистическим хищникам Антанты, а те велят им вести борьбу с социалистической Россией.

Так Польша с первого же дня превратилась в военный лагерь, вынужденный воевать на все стороны: с Германией, с Чехией, с Литвой и с Россией. Государственная жизнь находится в крайнем хаосе: администрация, транспорт, школа, финансы находятся в ужасающем беспорядке; в промышленности застой, в деревнях свирепствуют голодный тиф, оспа и другие эпидемические заболевания. Но вместо того, чтобы напрячь все силы для упорядочения государственной жизни, правительство Пилсудского вынуждено возложить на страну, и без того уже истощенную, непосильное военное бремя.

Особенную опасность для будущей Польши представляют долги, в которые втягивает ее эта война. Вся военная добыча, захваченная поляками в германских и австрийских крепостях и военных лагерях, все-таки оказалась недостаточной для снабжения польской армии: требуются еще оружие, снаряды, обмундировка. Все это щедро доставляется — правда, за большие деньги — американскими, французскими и английскими воен-

ными поставщиками, которые в противном случае просто не знали бы, куда девать оставшиеся у них на складе орудия убийства. Не имея наличных денег, Польша покупает в кредит на самых невыгодных условиях, запутываясь таким образом в долгах, сумма которых значительно превышает платежеспособность разоренной страны. В результате, пока Польша ведет завоевательную войну, капиталисты Антанты делают в ней свои «мирные завоевания».

Пользуясь затруднительным положением страны, они прочно укрепляются в банках и в промышленности. Таким образом «освобожденная Польша» попадает в экономическое рабство: иностранные капиталисты уже сейчас являются в ней полными господами, а каждый новый день войны еще крепче сковывает экономические цепи. Спасения для буржуазной Польши нет.

В мае 1919 г. политики Антанты выкинули новое коленце: они признали адмирала Колчака главою русского государства. Это должно было бы послужить предостережением для варшавских политиков: ведь ни Колчак, ни другой какой-нибудь представитель империалистической России никогда не согласятся отказаться от западных владений бывшей царской России. В случае свержения Советской республики, новому польскому государству предстоит борьба насмерть с империалистической Россией. Какое следовательно безумие обнаруживает Польша, напрягая свои последние силы против Советской республики только для того, чтобы обеспечить победу угрожающей ей гибелью новой империалистической России. Невольно припоминается немецкая пословица: «Только самый глупый теленок сам выбирает себе мясника».

ПОЛЬСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Революционный пролетариат Польши к моменту конца немецкой оккупации был, как уже сказано, бессилен, так как главная масса польских рабочих по принуждению пребывала на чужбине. Обе революционных партии — С.-д. Королевства Польского и Литвы, и левица ППС, слившиеся в единую Польскую коммунистическую рабочую партию, не могли и думать при таких условиях о провозглашении диктатуры пролетариата,[135] как того требует программа партии, и было бы смешно упрекать их за это. Они мужественно выполнили свой долг, выступая все время с резкой критикой нового государства и ведя пропаганду коммунизма и советского строя.

Кто знаком с существовавшими тогда условиями польской действительности и способен хорошенько вдуматься в них, тот поймет, каких скромных результатов можно было ожидать от этой пропаганды. В конце концов и рабочие ведь подвержены настроениям, и вполне понятно, что в первую минуту освобождения от чужого ига волна патриотических чувств, в самом лучшем смысле этого слова, охватила и рабочих. Следует кроме того вспомнить оживленную демагогическую агитацию, которую вела ППС при дружественной поддержке правительства, между тем как наши товарищи подвергались преследованиям со стороны мещанских кругов и новоиспеченной полиции. Редакции коммунистических газет были разгромлены, каждый агитатор в любой момент мог быть растерзан искусственно разгоряченной чернью. Подобно большевикам в июльские дни, наши польские товарищи были загнаны в подполье. И здесь оправдался старый закон: только опыт создает политическое воспитание масс. Да, потребовался горький опыт, чтобы доказать массам, что «освобожденное отечество» даст им только камень вместо хлеба.

Главной ареной революционной пропаганды был — да и до сих пор остается — единственный район, где производство более или менее сохранилось — Домбровский угольный бассейн. Далее, коммунистическая партия насчитывает много сторонников среди варшавских, лодзинских, люблинских рабочих (на водопроводных и электрических станциях, городских железных дорогах и т. д.). Неожиданным явился ее успех среди сельских рабочих. Целый ряд энергично проведенных стачек прежде всего укрепил в них сознание своих экономических интересов; но стачки эти имели также немалое политическое значение. Промышленные рабочие в подавляющей части своей все еще лишены работы, и само собою ясно, что эта безработная масса — элемент, мало пригодный для планомерной политической борьбы. Революционная пропаганда конечно оказывает влияние на них, и в своих демонстрациях они все чаще выставляют коммунистические лозунги, но решительных действий со стороны безработных можно ожидать только при крайнем обострении политической ситуации, когда самые широкие пролетарские массы убедятся в неизбежности политического переворота.

И нужно отдать справедливость польскому правительству — оно делает все, что может, для ускорения этого процесса. Если не считать правительства Эберта—Шейдемана в Германии, вряд ли можно найти другое правительство, которое бы так усердно подготовляло свою собственную гибель, как правительство господина Пилсудского, обрекающее себя неверную смерть

своим тупым непониманием положения, пренебрежением ко всякой сознательной деятельности, своей политикой голого насилия и преследований рабочего движения.

Пока война все еще позволяет этому правительству держать массы под националистическим гипнозом. Применяемые при этом приемы представляют собою рабское подражание приемам немецких политиков. Новоиспеченные «правители» Польши не даром прошли школу Безелера, Фалькенгейма и компании, и их обезьянье подражание ухваткам этих «мировых властителей» доходит до смешного. Даже речь их не более как перевод с немецкого: так и слышится хриплый фельдфебельский окрик.

Беспощадная война против войны — такова настоятельнейшая задача польских коммунистов, и они выполняют ее изо всех сил. Этим они бьют господствующую клику по самому больному месту и помогают европейской революции.

Наметить перспективы польского революционного движения для ближайшего будущего особенно трудно по той причине, что «независимая» Польша всецело зависит от хода вещей во всей остальной Европе. Например коммунистический переворот в Германии вызвал бы в ней немедленное отражение. Не в меньшей степени Польша зависит и от стран Согласия. Достаточно изменения по тем или другим причинам английской и французской политики, ныне стремящейся из Польши сделать таран для сокрушения большевизма, — и все великолепие нынешнего правительства рухнет как карточный домик. Поэтому возможно, что польскому пролетариату еще долго придется занимать оборонительную позицию против капитализма; но так же возможно, что он вдруг встанет лицом к лицу с задачей захвата власти в свои руки.

Польской коммунистической партии остается только продолжать свою работу, ни на минуту не теряя из виду своей главной цели — диктатуры пролетариата.

ПОЛЬША В ВОЙНЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Осенью 1919 г., когда были писаны предыдущие главы, наступление Польши против Советской республики приостановилось. Польские войска, дойдя в Белоруссии до Березины, заняли выжидающее положение. Это было время, когда Деникин и Юденич стремились нанести пролетарской республике смертельный удар. Нет сомнения, что как раз в это время державы Согласия подстрекали Польшу к наступлению. Если она не

напрягла всех усилий, чтобы атаковать в этот момент, то на это имеются вероятно разные причины. Во-первых опасность со стороны Германии была очень серьезна, и польское правительство не решалось бросить на восточный фронт все имеющиеся в его распоряжении силы. Во-вторых, не было еще полной согласованности между Варшавским правительством и Познанью. В-третьих — и это вероятно решающий фактор — польское правительство очевидно не желало содействовать победе Деникина, сознавая опасность для Польши полного торжества реакции в России. Господин Пилсудский с компанией сочли более для себя удобным, чтобы гражданская война в России продолжалась до полного истощения народных сил и, вопреки Антанте, не помогли Деникину.[136] Они отговаривались тем, что польская армия не приспособлена к зимней кампании, и в этом были отчасти правы: Антанта снабжала эту армию очень скудно, и особенно экипировка теплой одеждой была из рук вон плоха.

Советская республика в это время делала все усилия, чтобы разрешить конфликт с Польшей мирным путем: и если бы польское правительство захотело, оно могло бы заключить мир на самых выгодных для себя условиях. Но оно не захотело. Советское правительство продолжало свою мирную политику по отношению к Польше и тогда, когда Деникин был разбит окончательно, когда миновала опасность на южном, восточном и северном фронтах — в январе и феврале 1920 г. — советское правительство сделало Польше предложение о переговорах, которое свидетельствует о его готовности заплатить высокую цену за мир.

Варшавское правительство притворялось, что оно готово вступить в переговоры, но поставило заведомо неприемлемое условие: вести переговоры в местечке Борисове, в прифронтовой полосе, с тем, что только на маленьком участке фронта будет заключено перемирие, а на всем остальном фронте могут итти бои. Теперь конечно ясно, чем было вызвано это нахальное предложение: в это время уже состоялось соглашение г. Пилсудского с Петлюрой, состоящее в том, что польская армия пойдет на Украину, чтобы завоевать ее с целью создания «самостоятельного» кулацко-буржуазного государства. Видимо г. Пилсудский с компанией считали, что Советская республика принуждена «просить о мире», что они могут ей диктовать «новый Брестский мир».

Но спрашивается, почему Польше нужна эта немецкая затея? почему ей необходимо вести войну для создания «государств-буферов», отделяющих ее от России?

Ответ на это может быть только тот, что Польше, капиталистической Польше, это не нужно, да оно для нее и неосуществимо. Такие затеи были возможны для Германии, но они бессмысленны для Польши. Германия, если бы за ней осталась победа, могла рассчитывать на то, что «самостоятельные» государства, созданные ею на окраинах бывшей Российской империи — Польша, Литва, Латвия, Белоруссия, Украина — будут во всех отношениях, и политически и экономически, зависимы от нее. Они будут враждовать между собой, и в этих драках Берлин будет третейским судьей; они будут «гинтерляндом» для немецкой промышленности, оставаясь странами чисто аграрными, в которых финансовый капитал Германии будет руководить производством продовольствия и сырья. Это был во всяком случае реально обдуманный план. Но для Польши все это несбыточно. Ее разрушенная промышленность не может мечтать о господстве на этих рынках, финансовая помощь отсутствует, а удержать в политической зависимости Украину и Белоруссию, где крестьянское население поголовно дышит жгучей ненавистью к польским панам, Польша никогда не сможет. Это вполне сознают и ясно высказывают представители буржуазии, вожди единственной серьезной политической партии — «национальной демократии». Поэтому эти господа и ставят вопрос ясно: Польша должна, пользуясь созданным положением, захватить то, что она сможет удержать за собой, а именно западную Белоруссию, включая Гродно и Вильно, потому что там польский элемент довольно многочисленен, а белорусское население исповедует католичество и потому легче поддается ассимиляции с Польшей; дальше, на тех же основаниях — западные части Украины, Подолию и Волынь. Это явный, наглый, ничем неприкрытый захватный империализм, ибо никаких прав на господство над населением этих земель Польша предъявить не может, хотя в этом имеется реальный политический расчет. Другое дело — политика Пилсудского с компанией: тут все расплывчато, неясно, романтично и лживо, прежде всего лживо. «Нужно восстановить границы 1772 г.». Почему нужно, кому нужно — неизвестно. «Польша отстаивает права народов, изнасилованных царской Россией, на свободу». Кто ее об этом просил, кто ей дал мандат — неизвестно. Но известно, в чьих это интересах: в интересах самой реакционной части польских помещиков, подольских, волынских, гродненских зубров, которым важно удержать свои латифундии. «Польша является носителем культуры в этих восточных своих окраинах». Это ложь. Польская демократия имеет в этих областях одну только задачу — поскорее заставить забыть мир о тех

кровавых преступлениях, которые польская шляхта в течение веков совершала над украинским и белорусским крестьянством. Но подоплека тут ясна: проголодавшаяся интеллигенция, которую во время чужеземного ига над Польшей не пускали на государственные должности, алчет постов, местечек, синекур в Украине и Белоруссии. Это она и называет «выполнением культурной миссии».

Несчастие Польши состоит в том, что, как было сказано, власть захватили проходимцы, за которыми реальной силы нет, кроме армии, которую они создали при помощи и по приказу Антанты. Они-то и проводят эту политику «романтизма» и бессовестной лжи. Но их поддерживает, кроме зубров-помещиков и алчных карьеристов-интеллигентов, пока еще часть буржуазии, поддерживают те, кому выгодна война. А их много. Война создала в разоренной Польше вакханалию спекуляции, создала новый слой не капиталистов, а просто жуликов, и это жулье поддерживает «благородную, доблестную, самоотверженную политику великого вождя, мужа, посланного Польше провидением, Юзефа Пилсудского».

А государства Антанты не то порицают, не то поддерживают эту авантюру. Это политика на-авось. В делах советских республик разобраться трудновато; если Пилсудский сможет некоторое время устоять, то быть может возникнет опять какая-нибудь колчаковщина или деникинщина, и проклятые большевики сломят шею. Авось... Финансировать серьезно эту Польшу Пилсудского не стоит — рискованно. Но послать ему несколько сот офицеров-авантюристов, которым на родине делать нечего — можно; это ничего не стоит. Продать ему старые пушки и залежавшиеся снаряды — тоже можно; это даже выгодно.

Вот почему приходится Красной армии пролетарской Республики разбивать польскую армию, брошенную правительством проходимцев против советских республик.

Напечатано впервые в „Коммунистическом Интернационале", № 6—8 (окт. — дек.) М. 1919.

Написано на русском языке. Печатается по тексту брош. Ю. Мархлевского (Карского) „Польша и мировая революция". Гиз, М. 1920.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА И ДИКТАТУРА ДВОРЯНСКОГО КЛАССА

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА И ДИКТАТУРА ДВОРЯНСКОГО КЛАССА [137]

ВВЕДЕНИЕ

История Польши от XV до конца XVIII века представляет исключительный интерес, ибо польское государство в это время является примером неограниченной диктатуры дворянского помещичьего класса — шляхты. Крестьяне были в полном порабощении, мещане были в загоне, вся государственная власть была исключительно в руках шляхты и использовалась ею исключительно в своих интересах. Эта классовая диктатура привела в конце концов государство к гибели, польский народ — к утрате национальной независимости. Почему именно в Польше образовался такой государственный строй, на это имеется целый ряд исторических причин.

Следует прежде всего подчеркнуть, что происхождение польской шляхты иное, чем дворянства в других странах.

В странах Запада, как и в России, дворянство возникло или как результат того, что произошло завоевание страны, и завоеватели образовали привилегированный слой (русскому дворянству дали начало «Варяги») или же как результат военной организации племен еще во времена родового строя. Германию, Францию и Англию во время «великого переселения народов», заняли воинственные племена — по очереди — кельты, готы, франки, тевтоны и т. д., — которые долгое время кочевали, прокладывая себе путь к новым землям оружием. Такие, продолжавшиеся сотни лет, походы требовали военной организации всего племени и из вожаков постепенно возникал привилегированный класс — дворянство.

В землях, занятых «лехитскими» племенами, [8] таких завоеваний не было. Правда, некоторые историки утверждают, что эти племена были завоеваны норманнами в V веке, и что шляхта

представляет потомков этих завоевателей, но эта гипотеза не выдерживает критики.

Не было также военной организации. Самая вероятная гипотеза, объясняющая происхождение польской шляхты, следующая: племена, заселяющие Польшу, т. е. земли между Вислой и Бугом на востоке и рекой Одером на Западе, Балтийским морем на севере и Карпатскими горами на юге, сидели здесь с самых древних времен. Во время «великого переселения народов» племена, прибывавшие с востока, не вторгались в эти земли, ибо они были защищены непроходимыми болотами громадных размеров, ничтожным остатком которых являются Пинские болота. Кочевники — гунны, готы и т. д.,— направлявшиеся с Востока, предпочитали итти на Запад степями (южнорусская и венгерская степь), тем более, что их привлекали богатства византийского и римского государств. Таким образом племена, заселявшие Польшу, в течение веков были предоставлены самим себе *. Среди них сохранялся долго родово-вечевой строй, основанный на первобытном коммунизме и полном равенстве. По мере развития техники землепашества, выделялись группы, которые занимали новые места под пашни. Первоначально роды селились над реками, ручьями, изобилующими рыбой, на луговых пространствах, дающих корм скоту. Развитие земледелия давало возможность селиться на местах более высоких, где поселенцы корчевали лес и строили поселения. Последствием этого было возникновение частной земельной собственности. Эти поселенцы выходили из состава первобытных коммун с их родовым и вечевым строем. Несомненно родовой строй сохранялся среди них, ибо отдельной семье невозможно было побороть суровую природу, но старый строй уже разрушался и ширился индивидуализм. И вот из этих выходцев, селящихся отдельно от селений, со временем образовалась шляхта.

Если даже допустить, что нашествий иноземцев не было в Польше древних времен, то из этого, однако, нельзя заключить, что там существовал идиллический мир. Между родами и целыми племенами возникали драки и войны из-за пастбищ, из-за женщин и т. д. Эти войны привели к образованию княжеской власти, к зачаткам военного строя. А раз существовали эти зачатки, князья стремились к завоеванию все более решающей роли среди окружающих. Между князьями и коммунистическими общинами, основанными на родовом, вечевом строе, отношения не могли быть мирные: эти общины чуждались войны, которая им могла

---

* См. схему — *Прим. ред.*

итти только во вред. Другое дело с упомянутыми переселенцами. Им война могла быть выгодна, ибо война давала пленных. Если вечевая община не нуждалась в рабах, то переселенцы-шляхтичи как раз их и могли использовать. Таким образом возникает союз между воинственными князьями и шляхтой. Война ради пленения людей становится все более выгодной около VII—VIII века, потому что к этому времени развивается торговля и между прочим торговля рабами. Известно, что в царствование императора Карла I в Германии происходили громадные торги славянскими рабами на рынках в Регенсбурге. Торговлей рабами обогащались польские князья и их воины — шляхтичи.

Эта гипотеза о происхождении польской шляхты имеет то преимущество, что она дает стройное объяснение двух крупных фактов в истории Польши: 1) многочисленности шляхты, 2) родовой связи среди этой шляхты, которая продолжалась много столетий после развала родового строя, пережитки которого сохранились до сих пор.

Историческое исследование показывает, что в XVI—XVII вв. шляхетские семьи составляли около пятой части всего населения, — отношение, которое не встречается в других странах, где дворянство составляет сравнительно очень малочисленный общественный слой. Что же касается родовой связи, существовавшей между польскою шляхтой, то показателен тот факт, что в Польше одним и тем же гербом пользуются семьи с различными фамилиями, так что на всю шляхту имеется там всего только несколько сот гербов. Опять-таки в данном случае мы имеем дело с явлением, которое не наблюдается в других странах, где герб объединяет исключительно однофамильцев и число гербов значительно больше. Это показывает, что в Польше герб иного происхождения, чем в Западной Европе, и очень правдоподобна гипотеза, что герб здесь является знаком рода и был в употреблении раньше, чем возникли фамилии. Имеются данные, показывающие, что еще в XV веке принадлежность к одному гербу обязывала к солидарности в общественной жизни.

Эта многочисленность и родовая спайка шляхты были несомненно очень важным фактором в общественной жизни.

Первые исторические документы о Польше относятся к 966 году: немецкие летописцы отмечают, что польский князь Мешко женился на чешской княжне Добравке и принял крещение. Не подлежит однако сомнению, что у Мешко были предшественники, которые объединяли под своей властью значительное число польских племен. Это объединение произо-

шло в значительной части под давлением немцев, которые в начале VIII века перешли на восточный берег реки Лабы (по-немецки Эльба), покоряли или истребляли славянские племена, живущие между Лабой и Одером, и угрожали польско-лехитским племенам [3].

Княжеская власть при первых князьях была неограниченной и до середины XII века шляхта, как сословие, не пользовалась никакими привилегиями. Только в качестве «княжеских слуг» (воеводы, старосты, каштеляны и т. п.) шляхтичи занимали привилегированное положение. Следовательно, в то время когда на Западе вполне сложился феодальный строй с присущей ему целой иерархией в дворянском сословии (простые дворяне, бароны, графы, герцоги, князья по наследству), польская шляхта в правовом отношении еще не выделялась. Но около половины XII века, когда центральная княжеская власть падает, наступает период междоусобицы, которая длится до начала XIV века, и шляхта, пользуясь крушением княжеской власти, становится привилегированным классом. Конечно, в первую очередь она заботится о своих экономических интересах. В результате возникает порабощение крестьян. В период неограниченной монархической власти, крестьяне (кметы) несли повинности для государства (постройка укрепленных замков, доставка для княжеской дружины различных продуктов, подвод для воинов и чиновников и т. п.). В период феодализма шляхтичи захватывают власть над крестьянами и обращают эти повинности в свою личную пользу. Так возникает барщина.

Король Владислав Локоток (1306—1333) и преемник его Казимир Великий (1333—1370) восстанавливают монархическую власть, объединяют вновь Польшу. Исчезают удельные князья, но устранить привилегии шляхты короли уже не в состоянии, напротив, они вынуждены укрепить и расширить эти привилегии. Барщина санкционируется законом («Вислицкий статут» 1347 г.).

НАЧАЛО ШЛЯХЕТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

С королем Казимиром пресекается так называемая династия Пястов и начинается борьба за престол.

Этим пользуется шляхта, чтобы добиться новых привилегий, расширить свое участие в правлении государством. Результатом борьбы явился своеобразный государственный строй. Во главе государства стоит король, избираемый всей шляхтой.

Права короля сильно ограничены. Вся администрация находится в руках шляхты. Существует широкое местное самоуправление: каждый уезд и каждое воеводство управляется самостоятельно. Центральное правительство не имеет права назначать налоги. Общегосударственные дела решаются сеймом, являющимся представительством шляхты. Сейм не ограничивается только законодательной властью, он постепенно захватывает также и исполнительную. Само название государства противоречиво: несмотря на то, что во главе стоит монарх, оно называется «Речь Посполитая [3], что является дословным переводом латинского слова «республика». По существу, ввиду крайнего ограничения монархической власти, название вполне правильное. Но эта республика является «демократической и федеративной», если брать эти слова не в современном смысле, а в смысле понятий XVI века. «Демократия» заключалась в том, что все шляхтичи по закону считались равноправными между собой. Отсюда польская пословица: «шляхтич на своем дворе равен воеводе». «Федерация» была не менее своеобразной. Дело в том, что шляхта отдельных уездов пользовалась широким самоуправлением. Она собиралась на уездные «сеймики», где решала вопросы административной и экономической жизни. «Сеймики» посылали депутатов в общегосударственный сейм, но эти депутаты считались в первую очередь «защитниками» интересов своего уезда, их посылали с определенным «наказом». Этим объясняется своеобразное явление, так называемое право «либерум вето», которое заключалось в том, что каждый депутат мог опротестовать решение сейма, объявить свое «вето». Это было не проявлением анархии, как хотят доказать некоторые «историки» вроде пресловутого Иловайского, а следствием совершенно определенного государственного строя. Депутат, провозгласивший «вето», действовал от имени своего уезда, считая решение сейма вредным для пославших его *.

То обстоятельство, что вследствие срыва работы сейма, государственные дела могли притти в полное расстройство, вызвало необходимость учреждения другого своеобразного института, так называемой «конфедерации». Если часть шляхты признавала, что государству угрожает опасность, эта часть

---

* Бывали такие случаи: шляхта снабжалась солью из государственных копей в Величке по пониженным ценам и шли споры о количественном распределении соли между отдельными уездами. И вот уездный сеймик решает, что его депутат на сейме должен добиться увеличения нормы отпуска соли, а если его требование не будет удовлетворено, он должен опротестовать все решения сейма по любому вопросу.

образовывала союз (конфедерацию), вооружалась и призывала всю шляхту соединиться с ней. Если призыв находил достаточный отклик, избирали «генералитет» конфедерации, за которым признавалась неограниченная власть. Генералитет мог созывать сейм, и такой «конфедерационный сейм» не мог быть сорван, ибо решал все вопросы большинством голосов. После достижения намеченной цели конфедерация отказывалась от власти, и наступал нормальный порядок.

Таким образом, конфедерациями устранялись недостатки, вызванные «федерацией» и ее последствием — «либерум вето», но с другой стороны конфедерации легко вели к междоусобной войне одной части шляхты против другой. В результате и «либерум вето» и конфедерации для государства оказались пагубными.

Этот государственный строй, развивавшийся в течение нескольких веков, являлся результатом классовой борьбы шляхты за свои интересы. Шляхта боролась против королей, которые стремились к абсолютной власти, против католической церкви, которая стремилась захватить все большие богатства и облагать шляхту налогами, наконец она боролась с вельможами (магнатами), потомками бывших «княжеских слуг», которые претендовали на привилегированное положение в государстве. Борьба длилась весь XV и XVI век и кончилась победой шляхты над монархами и над церковью, а формально и над магнатами. Власть королей была, как сказано, сильно ограничена. В борьбе против церкви шляхта одержала большие успехи во время реформации, но в XVII веке наступила полная реакция: при помощи ордена иезуитов церковь овладела умами, и духовенство приобрело громадное влияние на общественные дела. Борьба с магнатами кончилась формальной победой шляхты, но эта победа сводилась на-нет экономическим развитием. Дело в следующем: вследствие политического объединения с литовским княжеством и порабощения вольного казачества Украины создалась возможность «колонизаторской» деятельности шляхты. Белоруссия (принадлежавшая Литве) и Украина были слабо населены. Богатые польские помещики приобретали в этих краях землю, заселяли ее крепостными из своих польских имений, заводили таким образом «фольварочное хозяйство», т. е. устраивали имения, хозяйничая на основах барщины. Так как в это время (начиная с конца XV века) в Западной Европе быстро растет спрос на сельскохозяйственные продукты, то эти барские имения дают громадные доходы и владельцы их обращаются в магнатов нового типа, могущество которых осно-

вано уже не на привилегиях, а на экономической мощи. Юридически эти магнаты, разные Радзивиллы, Вишневецкие, Сапеги, Замойские, не обладали никакими привилегиями и пользовались правами, равными с любым шляхтичем-однодворцем, каким-нибудь паном Бартошем. Но суть дела заключалась в том, что какой-нибудь пан Бартош сидел на нескольких десятинах, которые он и обрабатывал собственноручно, у пана же Радзивилла например имелись десятки тысяч десятин, причем на свои доходы он мог содержать вооруженное войско в несколько тысяч человек, и наконец в прямой зависимости от него находилось несколько тысяч шляхтичей, которые были арендаторами его имений, управляющими и прислужниками.

Понятно, что последним обстоятельством магнаты пользовались в своих политических интересах. При выборе короля например (на такие избирательные сеймы могли являться не только депутаты от уездов, но и каждый шляхтич) магнат пускал в ход голоса своих «клиентов», зависимых от него экономически шляхтичей, а при необходимости просто-напросто покупал голоса шляхетской бедноты. Если пан Радзивилл желал быть выбранным воеводой или канцлером государства, то вопрос заключался лишь в одном — в состоянии ли он купить достаточное число голосов. Шляхта превратила свое законодательное право в предмет торга, продавая свои голоса тому, кто больше давал. Государственный строй, который являлся более или менее разумным при общественных отношениях XV века, становится таким образом в полное противоречие с отношениями XVII и XVIII веков: магнаты, благодаря своим громадным богатствам, овладевают государственной властью, а мелкая шляхта политически деморализуется. Не шляхта как класс управляет делами, а клики магнатов.

Положение крестьян в Польше

После того, как упрочилась политическая диктатура шляхты, положение крестьян было в общем такое, какое было в Германии и вообще в странах Западной Европы. Крестьянин был бесправным. Экономическое положение его однако было кое-как обеспечено. Земля считалась собственностью дворян-помещиков, крестьяне сидели на своих наделах и отбывали барщину на земле, которую помещик оставлял за собой (фольварк). Но с конца XV века положение крестьян резко ухудшается под влиянием роста спроса на сельскохозяйственные продукты на Западе. По реке Висле и Неману сплавляются к Балтийскому морю хлеб, шерсть, лен, конопля, лес и лесные

продукты (смола, поташ) и естественно помещики заинтересованы в расширении своего производства. Для этой цели они прогоняют крестьян с их участков и присоединяют эту землю к своим фольваркам, а на оставшихся крестьян налагают более значительную барщину (в XIV веке крестьяне работали на барской земле 2-3 дня в неделю, а в XVII веке часто уже полную неделю, а надел обрабатывался семьей крестьянина). Такие явления были и в Западной Европе, но разница в том, что там угнетение и грабеж вызывали крестьянские восстания (особенно в Германии и во Франции). В Польше же этого нет. В истории Польши крупное выступление крестьянской массы мы имеем лишь в первой половине XI века против князей, шляхты и духовенства. Это было восстание против посягательств на родово-вечевой строй, против непосильных повинностей, а также против католицизма в защиту язычества. Называют его «бунтом Маслава» от имени воеводы, который присоединился к крестьянам. Подавлено это восстание было при помощи немецких рыцарей. Во время диктатуры шляхты всякие попытки крестьянских бунтов в Польше, взятой в ее этнографических границах, подавляются в самом зародыше, так как многочисленная шляхта, отлично вооруженная, бдительно следила за крестьянством. Серьезной опасностью для шляхетского государства были только восстания на Украине в XVII веке, где крепостные крестьяне присоединялись к вооруженным казакам.

Беспокоило шляхту лишь опасение побегов крестьян. В соседней Пруссии спрос на рабочие руки был громадный, и крестьяне бежали туда. С другой стороны, манила их к себе и Украина, в степях которой можно было найти убежище от панского гнета. Наконец нужно отметить, что только часть помещиков была в состоянии хозяйничать своим капиталом и приобретать для «фольварочного хозяйства» собственный инвентарь. Для большинства помещиков было выгоднее хозяйничать при помощи крестьян, а хороший хозяин сознавал, что этот крестьянский труд даст лучшие результаты, если крестьянин обеспечен в своем хозяйстве.

Как мы заметили, положение крестьян в Польше в общем было аналогично с положением на Западе. Это значит, что оно сильно отличалось от положения крестьян в России в том смысле, что полного рабства крестьян в Польше не было. Отличительным признаком в данном случае надо считать следующее: русский помещик мог продавать крестьян и без земли, в Польше и на Западе этого не было. Крестьянин был прикреплен к земле, и помещик мог продавать землю только вместе с крестьянами,

но отделять крепостного от земли и продавать его он не мог[138].

Роль городов в Польше

В Польше, как и в других славянских странах, городов первоначально не существовало. В период господства монархического строя князья привлекали в страну немецких мещан, и те устраивались здесь по немецкому обычаю. В городах, возникших таким образом, население долгое время было поэтому элементом, чуждым по национальности *.

До XV века развитие городов в Польше благоприятствовало то обстоятельство, что через Южную Польшу вел один из торговых путей с Востока на Запад.

Мореплавание было слабо развито, а сухопутные дороги из Византии через Венгрию [139] и Австрию были опасны вследствие междоусобицы, царившей в австрийских странах, и «кулачного права» рыцарей-разбойников. Поэтому купеческие караваны предпочитали дальний, но более безопасный путь через Византию, теперешние румынские земли, Львов и потом вдоль северных склонов Карпатских гор, через Краков, на Запад. Тем же путем шли продукты Венгрии, между прочим железо, которым в то время была богата эта страна. Но эта торговля сокращается с развитием мореплавания и наконец совершенно падает после укрепления турецкого владычества в Константинополе. В результате этих перемен, польские города обнищали и утеряли свое экономическое и вместе с тем политическое влияние. С укреплением диктатуры шляхты города были поставлены в тяжелые условия. Шляхтичи-помещики принимали меры против «эксплоатации» со стороны купцов. В городах цены назначались шляхетской властью, а затем, начиная с конца XV века, ведется экономическая политика в ущерб городам и на пользу шляхте. Так вывоз и ввоз, поскольку он производится купцами, облагается высокими пошлинами, и напротив, если ввозит или вывозит товары шляхта, она освобождается от пошлины как и в том случае, когда ею ввозятся товары для своего употребления. Ясно, что это сильно подрывало силу городов. Наконец шляхта в противовес старым городам строит свои центры местной торговли. Богатый помещик устраивает на своей земле местечко, поселяет в нем мещан, преимущественно евреев, и запрещает своим крепостным покупать какие-либо товары

* В некоторых городах, например во Львове, был также силен армянский и молдаванский элемент.

в другом городе. Производится это конечно с целью получать доход от торговли. Таким образом возникает большое число маленьких местечек, которые влачат жалкое существование, а более крупные центры торговли приходят в упадок. Это обнищание городов является одной из основных причин, объясняющих, почему в период, когда на Западе укрепляется центральная власть, в Польше, напротив, шляхта могла отстоять свою диктатуру. Во Франции и в Германии монархи успешно боролись с дворянством, опираясь на богатые города, в Польше же этой опоры для центральной власти не оказалось. Кроме того, на Западе города являлись союзниками крестьян в борьбе с дворянством (немецкая «крестьянская война»), в Польше же опять-таки этого не могло быть. Чуждое крестьянской массе (вследствие своего инонационального состава) мещанство никогда не оказывало поддержки крестьянам.

Роль евреев в истории Польши

Евреи прибыли в Польшу в большом числе после гонений, которым они подверглись в XII и XIII веках в Германии. Второй поток еврейской эмиграции шел с Востока, когда там города стали падать под давлением турецкого нашествия. Привлекали в Польшу этих пришельцев князья и короли. Евреи приносили с собой денежные капиталы, еврейские банкиры давали князьям и королям ссуды, в которых те нуждались, и потому монархи оказывали евреям свое покровительство. Мещане этой эмиграции оказывали сопротивление, так как она нарушала средневековый строй города, где для пришельцев не оказывалось просто-напросто места в ремесленных цехах и купеческих гильдиях. Но сопротивление это было сломлено монархами, они объявили евреев «королевскими слугами» и стали принуждать мещан принимать их в города. Для погашения ссуд короли передавали своим еврейским кредиторам сбор тех или иных определенных налогов в денежной или натуральной форме. Кроме того, евреи нередко бывали арендаторами разных государственных учреждений. Бывали случаи, что еврейским банкирам вверялся монетный двор, и они чеканили монеты для короля *.

Таким образом евреи как сборщики податей и арендаторы, являлись в руках монархов оружием эксплоатации населения.

В эпоху диктатуры шляхты таким же точно образом пользуются евреями и помещики-дворяне. Помещики, поселяя евреев в своих местечках (см. выше), продавали им право на

* Сохранились монеты с латинскими и еврейскими надписями.

монополию торговли с крестьянством, конечно требуя при этом себе значительную долю барышей. Евреи же были почти повсеместно в Польше арендаторами кабаков. В общем дело было организовано так: винокуренный и пивной заводы принадлежали помещику, распивочная торговля в кабаках сдавалась в аренду еврею, крестьяне же были обязаны не только покупать водку и пиво у данного арендатора, но определялось и количество напитков, которые каждый крестьянский двор обязан был покупать. На Украине эта система дошла до чудовищных размеров: евреи были не только арендаторами кабаков, но даже — православных церквей. Ключ от церкви находился у арендатора, и он передавал его верующим каждый раз за определенную плату.

Будучи таким орудием эксплоатации власть имущих, евреи стали объектом ненависти народных масс.

Что касается жизни еврейских общин, то она была основана на самоуправлении, причем и тут существовала фискальная цель. Община отвечала за взнос подушного налога, которым были обложены евреи. Власть старшин общины содействовала тому, что увековечились все предрассудки и то тяжелое господство обрядности, которое отличает еврейскую религию. Для польского еврея не было выхода из средневекового религиозного мрака.

Все это в совокупности делало жизнь еврейской бедноты в Польше кошмарным адом, и только ничтожное число ростовщиков и арендаторов, прислужников шляхты, накопляло крупные капиталы.

Военное дело

В начальный период существования государства шляхта считала военную службу не только своей обязанностью, но и своей привилегией. Война сулила добычу, особенно пленных, которые использовались как рабочая сила и как предмет очень выгодной торговли*. В период образования шляхетской республики дело обстоит уже иначе: шляхта считает своей обязанностью защищать страну от нашествия, но если

* Интересно, что еще в XVII веке вояка-шляхтич Ян Пасек, который написал замечательно интересные мемуары, смотрел на войну с точки зрения ее прибыльности. Воевать с турками, заявляет он, выгодно, ибо в случае победы получишь богатую добычу отборными конями и всякими драгоценностями, которые турки берут с собой в поход. Но воевать с татарином никудышное дело, ибо что возьмешь с него в случае победы? Разве только его вшивый тулуп,

войска пойдут за пределы Польши, король должен платить шляхтичам и возмещать их ущерб в лошадях или снаряжении.

Когда сложилась окончательно шляхетская республика, вся способная к оружию шляхта поголовно обязана была служить на военной службе. Если король созывал «посполите рушение» (общее ополчение), каждый взрослый шляхтич обязан был явиться в назначенное место на коне и в полном снаряжении. Обязательного обучения военному делу однако не было, так как предполагалось, что шляхтич — прирожденный воин. Кроме общего ополчения, начиная с XVI века, существовало несколько полков шляхетской кавалерии, которые несли постоянную службу, особенно на восточных границах государства, против нападения татар и турок. Для содержания этих полков была назначена четвертая часть дохода от государственных земельных имений, так называемых староств, которые сдавались в аренду. Но со временем эти староства были расхищены шляхтой, доходов не хватало, полки часто не оплачивались и вследствие этого неоднократно бунтовались.

Из истории войн видно, что эта шляхетская кавалерия была очень боеспособна в XV и XVI веках. Но уже в конце XVI века она утрачивает свое военное значение. В те времена, когда помещик-шляхтич жил за счет натуральных поборов и повинностей крестьян, он действительно был воином по наклонностям. Но с тех пор как помещик превращается в деловитого хозяина, который ведет в своем имении сельское хозяйство ради прибыли, продавая продукты на внешнем рынке, военное дело отрывает его от хозяйства и становится в тягость. «Посполите рушение» дает толпы всадников, совершенно непригодных для военного дела *. Кроме того техника военного дела со времени введения огнестрельного оружия ставила задачи, которые были не по силам армии, состоящей исключительно из кавалерии.

В то время как в других государствах армии преобразовывались в том направлении, что главной силой является пехота, состоящая из наемников-профессионалов, Польша остается при своей старой военной организации. Это было результатом классового эгоизма шляхты: по классовым соображениям она не допускала образования постоянной армии. Мотивы были ясны и высказывались в литературе и в дебатах сеймов с полной отчетливостью: 1) содержать пехотные полки — это значит обучать

* Упомянутый выше Ян Пасек, который служил в полках постоянной службы, когда ему пришлось однажды вести отряд ополчения, заявляет, что он предпочел бы пасти свиней, чем воевать с такими воинами, у которых нет дисциплины, но зато много трусости.

военному делу крестьян, что опасно, ибо создает возможность бунтов против шляхты, 2) создавать постоянную армию — значит усиливать центральную королевскую власть, а это опасно, ибо, опираясь на такую армию, король может посягать на шляхетские привилегии и вольности, 3) армия такого типа потребует крупных средств, а шляхта податей платить не желает. И вот в XVII и XVIII веках, когда соседние государства — Пруссия, Австрия и Россия — увеличивают свои военные силы, становятся милитаристическими государствами, Польша, благодаря диктатуре шляхты, лишается всякой военной защиты, и ее шляхетское ополчение абсолютно не в состоянии противостоять чужим армиям *.

РАЗВАЛ ГОСУДАРСТВА

Выше мы показали, каким образом польская шляхта добилась диктаторской власти своего класса над всем народом. Пока она ведет эту борьбу за власть, она является передовым элементом. Она охотно поддается веяниям, идущим с Запада, ищет в науке орудия борьбы. Не даром говорят о «золотом веке» польской культуры начала XVI века. Реформация, которая на Западе была эмансипацией городской буржуазии, в Польше завершает победу шляхты. Добившись своей диктатуры, шляхта устраивает государство согласно своим классовым интересам. Народные массы порабощены и безмолвствуют, но среди шляхты общественная жизнь бьет живым ключом. Однако с изменением экономической основы меняется и эта общественная жизнь. Шляхтич превращается в усердного хозяина, который все свои усилия направляет на то, чтобы выжимать побольше труда из крестьян и по возможности выгоднее продавать продукты своего хозяйства. Общественная жизнь разлагается, шляхтич, усердный хозяин, расхищает государственное добро, торгует своими привилегиями, продавая свой голос за наличные, и одновременно погружается в мрак невежества.

Политика шляхты, вследствие классового эгоизма последней, лишившая страну военной защиты, привела страну к катастрофе: в XVIII веке Польша оказалась в окружении милитаристических

---

* На первый взгляд получается некоторое противоречие, если вспомнить, что именно в конце XVII века польская армия одерживает блестящую победу под Веной, но дело в том, что армия Собесского состояла исключительно из наемных войск. Ядро ее составляла кавалерия, набранная из людей, служивших в постоянных полках.

государств, вооруженных до зубов, а сама была лишена армии совершенно.

В 1697 году после смерти Яна Собесского был избран королем курфюрст саксонский Август. Выбор этот был сплошным скандалом. Кандидатура Августа не была популярной среди шляхты. Поддерживал ее царь Петр I. Были пущены в ход все средства подкупа и интриги. Причиной поддержки Августа Россией было желание втянуть Польшу в войну против Швеции. Польша владела частью латвийских земель и таким образом граничила со шведскими владениями; курфюрст же Саксонии был в это время одним из самых богатых монархов средней Европы и имел в своем распоряжении хорошую армию. Таким образом, поддерживая Августа, Россия рассчитывала получить от него значительную помощь. Август со своей стороны мечтал о том, чтобы Польшу превратить в наследственную монархию и объединить со своими немецкими владениями, чему должны были способствовать союз с Россией и война. Но шляхта войны не хотела и наотрез отказала королю в призыве ополчения и в средствах для ведения войны. Ввиду этого Август в помощь России послал против шведов свои саксонские полки. Поход окончился поражением русской армии, и шведские войска Карла XII устремились в Польшу. Карл решил устранить Августа и привлечь на свою сторону Польшу. Среди шляхты эти планы нашли поддержку, и под давлением шведских войск был созван сейм, который низложил Августа и выбрал королем Станислава Лещинского. Царь Петр поспешил на помощь своему союзнику, и русская армия вступила в Польшу для борьбы со шведами и польскими противниками Августа. Карл в это время громил Саксонию, но ввиду похода Петра направил свою армию вновь в Польшу и собирался потом на Москву, рассчитывая на поддержку днепровского казачества, во главе которого стоял Мазепа. Победа над шведами под Полтавой развязала руки Петру. Русские войска опять вступили в пределы Польши, Станислав Лещинский бежал, и Август при содействии Петра вновь овладел престолом, но вынужден был воевать со сторонниками Лещинского. Петр взял на себя роль посредника между королем и шляхтой. В 1717 году был созван сейм, на котором Петр продиктовал Польше следующие условия: Август остается королем, саксонские войска уводятся из Польши, Польша обязывается содержать армию в количестве не более 24 тыс. человек. Ясно было, что таким образом Польша должна была стать зависимой от чужой державы. Но под угрозой русских штыков сейм вынужден был покориться воле Петра. Участники

сейма выразили свой протест лишь молчанием и без дискуссии утвердили продиктованный Петром трактат. Отсюда этот сейм и получил название «Немого сейма».

Август, увидев, что планы его превратить Польшу в наследственную монархию не встречают больше поддержки Петра, решил искать новых союзников в лице прусского короля, а когда это не удалось — в лице австрийского императора. Это побудило Петра не выводить своих войск из Польши.

Таким образом Польша оказалась уже в начале XVIII века в полной зависимости от России.

Август II умер в 1733 году. Опять встал вопрос об избрании короля. Кандидатом явился сын Августа II, тоже по имени Август, а с другой стороны — Станислав Лещинский, который рассчитывал на поддержку Франции (дочь его вышла замуж за Людовика XV). В России царствовала в это время Анна Иоанновна. Август добивался поддержки Анны и с этой целью обещал ей назначить ее любовника Бирона князем Курляндии, находившейся в ленной зависимости от Польши. Цель была достигнута: 70 тыс. русских солдат вступили в пределы Польши, и под их давлением Август III был избран королем.

В последовавших европейских войнах (австрийская война из-за наследства престола и Семилетняя война) Польша прямого участия не принимала, но Россия заставляла ее пропускать русскую армию через свою территорию, в отместку за что король прусский делал набеги на западные границы Польши, похищая массами крестьян, которых брал в свою армию.

Все это наконец заставило часть шляхты искать путей к укреплению государства. Во главе реформаторов, вышедших из этой среды, оказались Чарторийские, одна из самых богатых и влиятельных магнатских фамилий. При их поддержке возникли общества, которые боролись с невежеством и развратом шляхты. Неотложной задачей признавалось укрепление центральной власти, для чего требовалось ввести наследственность престола (вместо выборности короля), устранение «либерум вето», упорядочение финансов, увеличение армии, улучшение судопроизводства. Шляхетское общество разделилось на два лагеря: за и против реформ. Опасаясь, что силами одной своей партии они не победят, Чарторийские решили опереться на помощь России. Воспользовались они для этого тем обстоятельством, что один из членов их рода, Станислав-Август Понятовский, будучи в дипломатической миссии в Петербурге, стал любовником Екатерины II.

После смерти Августа III Чарторийские во время междуцарствия захватили власть при помощи русских войск и провели избрание на престол любовника императрицы. Однако вскоре возник конфликт между петербургским двором и партией Чарторийских. Россия требовала заключения русско-польского союза и уступок в пользу православного населения в Польше; Чарторийские отклонили эти требования, опасаясь, что исполнение их даст повод России вмешиваться во внутренние дела Польши. Ввиду этого Россия бросила партию реформаторов и стала поддерживать их противников. Русский посол Репнин заявил, что Россия не согласится на устранение «либерум вето», ибо она «защищает свободу польской нации от деспотизма». Создалось положение довольно сложное: противники реформ были очень рады покровительству императрицы, но как яростные реакционеры, они были фанатиками-католиками и ни за что не соглашались на уступки в пользу православия. Репнин применил грубое насилие. Во время сейма он просто приказал арестовать вожаков, действующих против его плана, и вывезти их под конвоем казаков в Калугу. Затем был проведен закон об уравнении в правах шляхты православного вероисповедания с католиками. Это вызвало взрыв негодования реакционной шляхты. Образовалась конфедерация (т. н. Барская) против короля и против России, которая однако была подавлена русскими штыками.

РАЗДЕЛЫ ПОЛЬШИ

Первый раздел

Этими происшествиями воспользовался прусский король Фридрих II и предложил Екатерине частичный раздел Польши, указывая на то, что необходимо укротить крамольный народ, смуты которого угрожают спокойствию соседей. План был принят в Петербурге. Привлекли к участию в разделе и Австрию, и в 1772 г. был заключен договор между тремя державами об отторжении части земель от Польши.

Россия захватила часть польской территории на востоке в размере почти 1 700 кв. миль, Австрия — территорию на юге, в общем — 1 500 кв. миль, Пруссия территорию на западе — 660 миль.

Таким образом Польша из общей территории в 13 300 кв. миль потеряла 3 860 миль, с населением в четыре миллиона душ.

Польша неспособна была к сопротивлению, и войска союзных держав заняли без боя территории, означенные в договоре о

разделе, затем войска трех держав вошли в Варшаву, и под их давлением сейм в 1773 году вынужден был подписать «согласие» Польши на захват части ее территорий.

После захвата Россия решила в урезанной Польше подчинить себе ее правительство. Реорганизация правительства состояла в том, что вновь утверждались право «либерум вето» и выборность короля; но главной переменой конституции являлось введение нового правительственного органа — «Государственного Совета» для управления всеми делами. Русский посланник Штакельберг рассчитывал на то, что в этот «Совет» будут проведены исключительно желательные для него кандидаты, и действительно путем подкупов и интриг добился этой цели. При помощи Совета управлял делами Польши в ближайшие годы в сущности он.

Бедствия, обрушившиеся на страну, подействовали на часть шляхты в такой степени, что стремление к серьезным реформам стало охватывать более широкие круги. Новые веяния, идущие из Франции, сильно действовали на умы, труды энциклопедистов были чрезвычайно популярны среди образованной шляхты и многих магнатов. Нашлись даже помещики, которые под влиянием этих новых веяний отменяли крепостное право в своих имениях и переводили крестьян на положение свободных арендаторов, плативших умеренную арендную плату. Была проведена широкая реформа школ, причем использован был роспуск папой ордена иезуитов: громадные богатства ордена были употреблены на школьное дело. Наблюдалось также стремление к поднятию торговли и промышленности. Города получили кое-какие льготы. Были построены каналы: канал Огинского, который соединяет приток Днепра — Припять с притоком Немана — Щарой, и так называемый «королевский канал», соединяющий Припять с Бугом. Таким образом был создан речной путь между Балтийским и Черным морями. Некоторые магнаты строили фабрики и заводы. Все это были проявления новых веяний в сравнении с косностью прежних времен. Однако эти новые веяния затрагивали только небольшую часть шляхты. Лучшим доказательством этого служит судьба проекта реформ Яна Замойского на сейме 1780 года. Замойский исходил из принципа, что политические реформы необходимо связать с социальной реформой, облегчающей участь крестьян. Проект его не предполагал уничтожения барщины, но улучшал незначительно юридическое положение крестьян и предоставлял сыновьям крестьян, кроме двух, которые обязаны были оставаться на наделе, переселяться куда угодно. Но даже этот чрезвычайно

умеренный проект вызвал взрыв бешенства шляхты, которая усмотрела в нем посягательство на свое священное право беспредельной эксплоатации крестьян. Правда, против проекта возбуждал сейм и всемогущий Штакельберг, но основная причина провала проекта в том, что во всей стране сторонники реформы оказались в ничтожном меньшинстве.

Война России против Турции несколько ослабила нажим на Польшу, и партия реформаторов решила приступить к действиям. В 1788 году был созван сейм, который затем был объявлен конфедерационным и потому решал дела большинством голосов и не мог быть сорван на основе «либерум вето». Сейм этот заседал под ряд четыре года и известен поэтому в истории под названием «Четырехлетнего сейма». Сейм упразднил «Государственный Совет», навязанный стране Россией, и изыскивал средства на содержание армии в 100 тыс. человек. Однако эти усилия увенчались только частичным успехом, так как средств хватило только на 60-тысячную армию.

Решения сейма были вызовом против России. Сейм решился на это благодаря договору, который Польша заключила с Пруссией. По этому договору оба государства заключали оборонительный союз.

Работы сейма привели к выработке конституции 3 мая 1791 года.

Конституция эта в первых своих главах подтверждает господство в стране католической религии (другие вероисповедания лишь признаются и пользуются защитой власти) и торжественно закрепляет за шляхтой все ее права и привилегии; затем делаются некоторые уступки мещанам: в сейм допускаются представители городов, но они пользуются решающим голосом только по вопросам, касающимся непосредственно городов и торговли, но для крестьян, главной массы населения, не сделано было почти ничего. Нет речи ни об отмене барщины, ни о личной свободе крестьянина. Имеются лишь туманные фразы о том, что крестьяне должны пользоваться «защитой закона и правительства» в отношении договоров, которые они заключают с помещиком. Но ввиду того, что такие договоры существовали только в редких случаях, а в общем отношения барщинного крестьянина регулировались «обычаем» и все местные органы власти состояли из представителей шляхты, — по существу ничего этим не менялось. В вопросе о престолонаследии найден был компромисс: впредь престол является наследственным, и только когда династия вымирает, шляхта избирает новую. Так как у Понятовского наследников не было, то после его

смерти намечалась династия Саксонского курфюрста. Уничтожается «либерум вето», в сейме дела должны решаться большинством голосов.

Новая конституция устраняла некоторые недостатки государственного аппарата, но ничуть не затрагивала общественного строя, основанного на диктатуре шляхты. Среди реформаторов, которые являются авторами этой конституции, были люди глубоко преданные идеям Французской революции, как Коллонтай и другие, но у них не было ни малейшей опоры в народных массах. Крестьянская масса, изнемогая под гнетом помещиков, молчала, и вся реформа была внутренним делом господствующего класса.

Спрашивается, опиралась ли эта реформа по крайней мере на широкие круги шляхты? Даже этого не было. Партии реформаторов удалось провести ее только благодаря конспиративному маневру. Они выждали момент, когда члены сейма разъехались на пасхальный перерыв заседаний, задержали в Варшаве своих сторонников и таким образом создали искусственное большинство в сейме.

И борьба против конституции началась немедленно. Во главе ее противников стали магнаты Браницкий, Потоцкий и Ржевусский, которые обратились за помощью в Петербург. У Екатерины II после заключения мира с Турцией руки были свободны, и она решила действовать. Указанные магнаты призвали шляхту объединиться с ними и созвали конфедерацию, названную Таговицкой. Русская армия вновь вступила в пределы Польши. Польское правительство решило сопротивляться. В польской армии оказалось налицо лишь около 50 тысяч человек, и она устоять против 67 тысяч русских не могла. После нескольких сражений польская армия оказалась разбитой, русские войска вступили в Варшаву.

Второй раздел Польши и восстание Косцюшко

Прусский король не только не поддержал Польшу, не только отказался соблюдать договор, заключенный с ней, но предложил в Петербурге план нового раздела польских земель. Россия захватила вновь 4 550 кв. миль, Пруссия — 1 060. Территория Польши была сведена до 3 800 кв. миль с населением около 4 млн. душ. Этот второй раздел Польши был проведен в 1793 году.

Среди шляхты нашлись патриоты, которые решили бороться против насилия. Остатки разбитой польской армии собрались

в окрестностях Варшавы, начальником военных сил был призван Фаддей Косцюшко, бывший офицер польской армии, участвовавший добровольцем в американской освободительной войне, где проявил выдающиеся военные способности. Положение было почти безнадежное, и спасти страну можно было только, призвав к защите отечества народные массы, как это было во Франции, где революционная армия отбила нападение войск целой коалиции. Но для этого необходим был революционный почин, освобождение крестьян от барщины, передача им помещичьих земель. Только тогда крестьянские массы стали бы на защиту родины. Такие планы предлагались некоторыми деятелями, но Косцюшко не решался на революционные шаги. Воззвание его к народу, изданное в лагере под Поланцом, оказалось невольной карикатурой на революционные действия: не уничтожалось крепостное право, а лишь ограничивалась барщина, освобождались от барщины лишь «на все время войны» крестьяне, идущие добровольцами в армию. Часть помещиков была против восстания и плохо исполняла приказы верховного вождя. Приказано было посылать в армию определенное количество рекрутов с определенным снаряжением, а посылали как насмех людей негодных для работы, старцев и калек, и посылали их босыми и раздетыми.

Вместо трехсот тысяч человек, о которых мечтал вождь, удалось собрать около семидесяти тысяч. На противной же стороне было хорошо вооруженных войск 78 тысяч русских, 50 тысяч пруссаков и 4 тысячи австрийцев. После ряда кровопролитных боев армия Косцюшко была разбита окончательно в битве под деревней Мацеиовице; сам Косцюшко, тяжело раненый, попал в плен.

Несмотря на это поражение, Варшава, где население было настроено явно революционно, пыталась защищаться против армии Суворова, но этот порыв окончился кровавым погромом русскими солдатами пригорода Праги.

Третий раздел Польши

Последствием восстания был окончательный (третий) раздел Польши между Австрией, Пруссией и Россией (1795). Россия захватила земли на восток от Буга, Гродно и Литву. Пруссия захватила почти всю этнографическую Польшу к северу от реки Пилицы, — в ее руках оказалась и Варшава. Австрия кроме Галиции с Львовом и Краковом захватила территорию между Пилицей, Вислой и Бугом.

ПОЛЯКИ В ЭМИГРАЦИИ И ПОЛЬСКИЕ ЛЕГИОНЫ

Правительства, разграбившие Польшу, вводили в польских землях самодержавно-бюрократический режим. Особенно свиреп был этот режим в первое время в областях, захваченных Россией, и только вступлением на престол Александра I был несколько смягчен. Пруссия и Австрия ставили себе задачу онемечить захваченные земли. Политические преследования заставляли многих поляков эмигрировать за границу. Туда же скрылось несколько тысяч солдат и офицеров армии Косцюшко. Вся Европа тогда находилась под впечатлением Французской революции. Французская республика не только умела отстоять себя от нападений, но армия ее шла в Италию, освобождая итальянские земли от австрийского ига и уничтожая там феодальные порядки. Революционная идеология, гласившая, что Французская республика призвана освободить все человечество от тирании и средневековых пережитков, захватывала и поляков - эмигрантов: Франция ведет борьбу с Австрией, Россией (поход Суворова) и с Пруссией, врагами польского народа; победа ее может освободить также и Польшу от иноземного ига, а следовательно обязанностью польского патриота является поддержать революционную Францию.

Под влиянием таких мыслей возникли «польские легионы». Первоначально это был отряд, состоявший из военных косцюшковской армии, который пошел на службу в итальянскую армию (закон не позволял иностранцам служить в французской армии, но выход нашелся: отряд был включен в армию союзной Ломбардии). Вскоре этот отряд был увеличен большим числом поляков, взятых в плен из австрийской армии или перебежавших оттуда, и достиг 15 тысяч человек. После захвата власти Наполеоном, дело формирования легионов было поставлено широко, и они оказывали «первому консулу» и потом императору крупные услуги в походах и считались одним из самых надежных отрядов армии Наполеона. Но это ничуть не мешало Наполеону отказаться от легионов, когда они стали ему невыгодны. После заключения мира с Австрией в 1801 году, значительная часть легионеров разочаровалась в Наполеоне, и когда он приказал легионам вновь перейти на итальянскую службу, началось дезертирство из потрепанных боями легионов. После этого осталось не более 8 500 человек. Но и эти последние были императору неудобны, и вскоре он придумал средство избавиться и от них: легион был отправлен на остров Сан-Доминго (Гаити), во французскую колонию, для подавления восстания негров. От убий-

ственного климата и тяжелых боев погибло ужасающее число солдат. Возвратилось в Европу только несколько сот человек.

КНЯЖЕСТВО ВАРШАВСКОЕ

В новой войне с Пруссией Наполеон снова пожелал использовать поляков, и опять среди них нашлось много добровольцев для его поддержки. После победы под Иеной в 1806 году над прусской армией и победы под Илавой (Эйлау) над русской армией Наполеон решил создать на польской земле военный плацдарм, как угрозу против Пруссии и России. С этой целью создано было им в 1807 году Варшавское княжество. В состав его вошли земли, захваченные у Польши Пруссией с городами Познань, Торн и Варшава. Вся территория занимала 1 860 кв. миль с населением в 2 400 тыс. Для этого княжества Наполеон продиктовал конституцию: власть передавалась наследственно князю, каким был назначен курфюрст Саксонии. Старый сословный общественный строй отменялся, вводилось равноправие всех граждан. Законодательная власть сосредоточивалась в руках сейма. Крестьяне освобождались лично, но земля оставлялась за помещиками. Крестьянин не обязан был отбывать барщины, но помещик мог в любой момент прогнать крестьянина с участка земли, на котором тот жил. Так как в это время постоянных войн цены на хлеб стояли очень высокие, то многие помещики и воспользовались этим правом: они прогоняли крестьян, присоединяя их землю к «фольваркам,» и обрабатывали их с помощью наемных рабочих. Этим в значительной мере объясняется малоземелье крестьян Польши.

Рассматривая Польшу как плацдарм, Наполеон заставил княжество содержать в постоянной боевой готовности армию в 40 тысяч человек. Кроме того Наполеон потребовал от княжества отряда отборных войск, преимущественно кавалерии, который направил воевать в Испанию. Таким образом новое княжество задыхалось от непосильного военного бремени.

Когда в 1812 году Наполеон предпринял поход против России, княжество дало ему 80 тысяч хорошо обученных и вооруженных солдат.

После гибели наполеоновской армии остатки этих солдат пошли за ним и участвовали в битве при Лейпциге, и только после низвержения Наполеона несколько тысяч человек возвратились в Польшу.

КОРОЛЕВСТВО ПОЛЬСКОЕ

На конгрессе в Вене в 1815 году «польский вопрос» оказался одним из наиболее спорных. Результатом длительных споров был новый раздел польских земель.

Земли, захваченные Россией, были включены в царскую империю без договоров.

Австрийские границы были несколько округлены в окрестностях Кракова, и таким образом Величка с богатейшими копями соли досталась ей. Город Краков был объявлен независимым «вольным городом».

Земли, захваченные Пруссией, были разделены на две части: западная часть с городами Познань, Торн и Данциг осталась за Пруссией, из остальной части «Княжества Варшавского» было образовано так называемое «Королевство Польское» во главе с императором России как польским королем. При этом Александр I обязался провозгласить в этом «королевстве» конституцию.

В захваченных Пруссией и Австрией частях Польши, несмотря на то, что в Венском договоре эти государства гарантировали, правда в очень туманных выражениях, «национальные права поляков», возобновилась политика преследований и германизации. Только революция в 1848 году вынудила Австрию признать за Галицией право на самоуправление.

«Вольный город Краков» в 1846 году был лишен своих прав и захвачен Австрией.

В Австрии, как и в Пруссии, одним из непосредственных последствий наполеоновских войн было проведение аграрной реформы, и крестьяне освобождались от крепостной зависимости и барщины и наделялись землею. Таким образом улучшилось также и положение польских крестьян.

Александр I, который в то время переживал свою «либеральную эру», с большим усердием взялся за свою роль конституционного монарха. Конституция шла навстречу национальным интересам поляков. По существу устанавливалась «персональная уния»: император России являлся наследственным королем «Королевства Польского», но законы России не касались Польши, которая управлялась своими законами, установленными сеймом, и сохраняла отдельную армию. Только дипломатические дела и вопросы участия польских войск в войнах, которые ведет Россия, решала воля короля - императора. Ему же принадлежала исполнительная власть, которую он осуществлял через своих министров и через наместника.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВОССТАНИЯ

Восстание 1830 г.

Такое сочетание либерального конституционализма в Польше и самодержавия в России, часть которой составляло Королевство Польское, было с самого начала неестественно. Это обнаружилось, когда либеральные настроения Александра I улетучились и в нем взяли верх мистицизм и самодержавные наклонности. Это стало ясно тем более, что Александр назначил командующим польскими войсками своего брата Константина, деспота, капризного до безумия, а комиссаром при правительстве Королевства— Новосильцева, ярого приверженца самодержавия. Конфликты были неизбежны, а Константин и Новосильцев обостряли их. В польской армии сильно были распространены революционные идеи. Константин же своей тиранией доводил до белого каления ненависть к себе офицеров и солдат. В армии образовались поэтому тайные революционные сообщества, которые в 1825 г. вошли в сношения с декабристами. Во время процесса декабриста Пестеля эта связь была раскрыта и несколько заговорщиков польской армии были арестованы. Царь Николай и Константин бесились и требовали смертной казни, но сеймовый суд в Варшаве в 1828 году вынес мягкие приговоры: одному из заговорщиков 3 года, остальным по нескольку месяцев тюремного заключения. Такой оборот вызвал взрыв восторга во всей стране, судьям и обвиняемым устраивали бурные овации, что еще более озлобляло царя. Однако до поры до времени Николай вынужден был не обострять положения, так как Россия находилась в это время в войне с Турцией. Но вскоре начались репрессии, а Константин и Новосильцев на каждом шагу старались провоцировать польское общество.

Революция 1830 г. во Франции и в Бельгии возбуждала польские умы, и, находясь под влиянием такого возбуждения, революционные круги решили поднять восстание.

29 ноября 1830 года вспыхнуло восстание под руководством юнкеров военного училища (школа подхорунжих»). Константин бежал. В Варшаве образовалось революционное правительство. Однако среди господствующего класса не было единогласия. Влиятельные круги не верили в успех и даже генерал Хлопицкий, назначенный диктатором, больше думал о переговорах с царем, чем о боях. Только под нажимом демократов и радикалов с Лелевелем [6] и Мохнацким [114] во главе диктатор бросил свои соглашательские замыслы и началась более энергичная подготовка войны. Но вследствие этих трений было потеряно много драго-

ценного времени, что тяжело отразилось на последовавших затем военных действиях.

Демократы стремились придать восстанию социальный характер, призывая сейм к решительной аграрной реформе, к наделению крестьян землей, чтобы таким образом привлечь крестьянские массы к защите родины. Сейм отказал. Эгоизм шляхты еще раз погубил польское дело.

Несмотря на то, что польская армия сражалась отчаянно, она не смогла устоять перед царской армией, на стороне которой был громадный численный перевес[140], и восстание было подавлено. 5 октября 1831 года остатки польской армии в числе около 20 тыс. человек перешли на прусскую территорию и сложили там оружие.

Последствием восстания была отмена конституции. Сейм перестал существовать, польская армия упразднялась, и в Польшу были введены русские войска. Однако Николаю I надобны были «для Европы» кое-какие внешние формы, удовлетворявшие хотя отчасти условиям, подписанным на Венском конгрессе. Потому были изданы указы, гарантирующие местное самоуправление, личную свободу жителей, право пользования родным языком, судопроизводство, соответствующее условиям края, и т. п. Но все эти гарантии остались на бумаге. Князь Паскевич, назначенный царем наместником в Польше, стал править по своему произволу. Самоуправление было сведено на-нет, вводился чисто чиновничий режим и для осуществления его чиновники выписывались из России. Так как эту роль «обрусителей» неохотно брали на себя честные люди, то в Польшу пошли подонки царского чиновничества. Начались бешеные гонения на «неблагонадежных», причем доносы, вымогательство и взяточничество играли большую роль. Имения участников восстания конфисковывались и раздавались русским военным и чиновникам.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭМИГРАНТОВ

Разгром восстания вновь выбросил за границу тысячи эмигрантов, которые находили приют во Франции, Швейцарии и в Англии.

На Западе в это время все возрастало революционно-демократическое движение, и польские эмигранты в громадном своем большинстве проникались революционным настроением. Во главе этой эмиграции стал Лелевель, который в многочисленных произведениях пропагандировал идею, что судьбы польского народа неразрывно связаны с освобождением всех

европейских народов от абсолютизма и неволи. Дело не ограничивалось словами; польские эмигранты принимали самое деятельное участие в революционном движении, в тайных сообществах и заговорах тридцатых и сороковых годов.

Были также попытки революционных выступлений и в самой Польше. В 1833 году несколько мелких партизанских отрядов, во главе которых стояли Заливский, Бялковский, Лубенский, Завиша, проникли в «Королевство Польское» и пытались поднять восстание крестьян. Попытки эти однако кончились неудачами; казаки царской армии хватали партизанов, и не только эти последние, но и все, предоставившие им приют, были казнены или сосланы в каторгу.

Видя, что крестьяне не поддерживают партизан, эмигранты решили повести широкую пропаганду. В этой пропаганде проявлялись уже явно социалистические [115] идеи. Тайные общества, занимавшиеся этой пропагандой, подвергались жесточайшим гонениям.

Интересно отметить, что этот социализм носил все признаки утопического социализма, который в то время пропагандировался на Западе, но отличие его состояло в том, что в то время как большинство утопистов Запада не отличалось боевым настроением, польские социалисты призывали к непосредственной вооруженной борьбе.

ПОПЫТКИ ВОССТАНИЯ В АВСТРИИ В 1846 г. И УЧАСТИЕ ПОЛЯКОВ В РЕВОЛЮЦИИ В 1848 г.

В 1846 году эмигранты решили вызвать восстание во всех частях Польши. В Познани был образован комитет, который должен был руководить восстанием. Во главе его стоял бывший офицер польской армии Мерославский. Через эмигрантов, разосланных в Варшаву, Краков и Львов, подготовлялось образование партизанских отрядов. Но заговор был раскрыт прусскими властями, и Мерославский с другими членами комитета попали в тюрьму. В Галиции не успели узнать об этом провале, и восстание вспыхнуло в Кракове и Львове. В Кракове комендант австрийского гарнизона в испуге вывел войска из города. Образовалось польское революционное правительство, которое провозгласило лозунг освобождения всей Польши и основания в освобожденной стране строя, не лишенного социалистических черт [116]. Австрийские власти решили поднять против повстанцев крестьян. При содействии этих властей крестьяне в окрестностях Тарнова стали громить поместья и убивать

целые помещичьи семейства. Это подействовало сильно на шляхетских заговорщиков, и восстание было легко подавлено. В Королевстве Польском движение окончилось незначительными вспышками. Все три правительства, разграбившие Польшу, мстя за эту попытку восстания, ввели режим суровых репрессий, жертвой которых пали тысячи людей.

Революция 1848 года во Франции и Германии окрылила вновь надежды польских революционеров. Мерославский, освобожденный немецкими революционерами из берлинской тюрьмы, стал вновь во главе движения и поднял восстание в Познани. Но скоро немецкая революция пошла на убыль, и повстанцы были разгромлены прусскими войсками. Мерославский спасся и стал во главе вооруженного восстания, которое вспыхнуло в Бадене. Была предпринята такая же попытка восстания в Галиции, но и ее постигла та же участь. Уцелевшие от разгрома польские революционеры бросились в Венгрию, где приняли крупное участие в боях против русской армии, посланной Николаем для усмирения венгерской революции.

ВОССТАНИЕ 1863 г.

В «Королевстве Польском» революция 1848 года не вызвала восстания. Полицейский режим был здесь настолько силен, что попытки заговоров подавлялись в самом зародыше. Смерть Николая и вступление на престол Александра II возбудили в Польше надежды на прекращение системы преследований. Но надежды эти не оправдались. Напротив, система репрессий еще усилилась и к ней еще присоединилась система мелочных придирок. Виновником этого был граф Велепольский, поляк, который стоял на точке зрения, что только примирившись вполне с царизмом, поляки могут добиться лучшей участи. Добившись же своего назначения царем на пост члена правления Королевства Польского, Велепольский стал эту программу осуществлять полицейскими мерами, путем удушения всяких попыток оппозиции.

Это особенно раздражало население Варшавы. Помещичий слой держался лояльно, хотя Велепольский разными придирчивыми выходками отталкивал и этот слой от себя. В 1860 году в знак протеста против полицейско-чиновничьего режима произошел ряд демонстраций, чествовали героев и мучеников бывших восстаний, устраивали празднества в годовщины исторических событий и т. п. Одна из таких манифестаций была устроена в годовщину смерти Косцюшко в форме панихид в костелах.

По приказу генерал-губернатора войска напали на костелы, и около трех тысяч манифестантов было арестовано. Архиепископ Варшавы в ответ на это закрыл все костелы и заявил, что они будут открыты только тогда, когда власти дадут гарантию, что впредь святыни не будут поруганы. Епископ и многие духовные лица были арестованы и брошены в тюрьму. Это, конечно, сильно подействовало на всю Варшаву, особенно на ее очень многочисленное ремесленное население, среди которого ярый католицизм был сильно развит и сочетался с революционными традициями времен Костюшко и 1831 года.

Такими настроениями масс воспользовались революционеры, находящиеся под влиянием эмигрантов. Возник ряд тайных заговорщических организаций, во главе которых стал «Центральный Национальный комитет». Благодаря широкой поддержке ремесленников, конспираторы могли развернуть свою деятельность, несмотря на всю бдительность полиции. Собирали деньги и оружие. Было несколько покушений на наместника великого князя Константина Николаевича, которого царь послал в Варшаву, и на Велепольского. Все эти покушения были произведены ремесленниками Варшавы. Сыщики сообщали о тайных сходках и усиленной деятельности заговорщиков, но не могли раскрыть ничего определенного.

Тогда Велепольский придумал план уничтожения «крамолы»: он добился царского указа о том, что рекрутский набор в Варшаве должен быть проведен не обычным путем, т. е. не путем определения по жребию, кто должен пойти в солдаты, а путем выбора рекрутов по усмотрению властей; таким образом Велепольский желал изъять всю «крамольную» молодежь. Однако Центральный комитет, который получал все сведения из тайных правительственных канцелярий, узнал об этом плане, и до назначенного для набора срока значительная часть молодых людей, которой угрожала опасность, бежала и скрывалась в лесах вблизи Варшавы. Оттуда они рассеялись по всей стране для образования партизанских отрядов. 22 января 1863 года Центральный Национальный комитет обнародовал воззвание, которым призывал к восстанию, декретировал наделение крестьян землей и назначил диктатором Мерославского.

Мерославский с отрядом польских, французских и итальянских военных, преимущественно офицеров, пробрался через прусскую границу, но отряд был окружен вблизи границы русскими войсками и разбит, а Мерославский в сражении был ранен.

После этого диктатором был назначен Ляпгевич, который с другим маленьким отрядом пробрался через австрийскую

границу. Его постигла та же участь: он был разбит австрийскими войсками и попал в плен. Партизанские отряды таким образом на первых порах были лишены руководства. Вооружение их состояло из охотничьих ружей и из кос, поставленных вертикально на косище. Только кое-где удалось партизанам разоружить мелкие отряды русских войск и захватить винтовки.

В помещичьей среде настроение было против восстания. Правда, молодежь шла к партизанам, но солидные отцы не верили в успех. Однако после некоторого колебания представители шляхты решили вступить в повстанческий комитет. Мотивом было желание взять в свои руки вожжи с целью противодействовать революционерам, стремившимся придать восстанию социальный характер. Таким образом среди повстанцев возникли партии «красных» и «белых». Последние ставили своей целью поддержать восстание некоторое время, рассчитывая на интервенцию европейских держав, особенно Наполеона III. Эта интервенция, по их мнению, должна была заставить царское правительство пойти на уступки в национальном вопросе. Из интервенции однако ничего не вышло. Партизаны же, укрываясь в лесах, делали,правда вылазки против русских гарнизонов, но силы их были недостаточны, и о развитии широких военных действий не могло быть и речи. Командующий партизанскими отрядами Траугут пытался было выступать активно, но без серьезного успеха. Летом 1864 года Траугут попал в плен и вместе с другими членами повстанческого правительства был казнен в Варшаве.

Это было последнее вооруженное восстание в Польше с целью освобождения от иностранного ига. Оно было начато без малейших шансов на успех и носило характер взрыва отчаяния. Большое участие в этом восстании ремесленников Варшавы оставило глубокий след в рабочем классе Польши [141]. Среди многих рабочих, пролетаризированных ремесленников по сей день живы традиции восстания: они гордятся тем, что отцы их или родственники принимали участие в борьбе за свободу.

Неизбежным последствием восстания были тяжелые репрессии. Были уничтожены последние следы самоуправления. Началась система насильственного обрусения, гонения на польский язык и культуру, попытки грубым насилием задушить культурную нацию.

Напечатано впервые после смерти Ю. М. в брош. „Из истории Польши". Воениз М. 1925.

Написано на русском языке. Печатается по рукописи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Очерк истории Польши» печатается впервые; русский перевод сделан с неопубликованной еще немецкой рукописи. Работу эту Ю. Мархлевский писал в 1916—1918 гг. во время своего пребывания в берлинской тюрьме и в Гавельбергском лагере для пленных. Литературу по истории Польши Ю. М. в своем заточении получал согласно своим требованиям, пользуясь, между прочим, Берлинской национальной библиотекой. Однако затруднения со стороны литературы были ощутительны. В своем письме из тюрьмы к жене от 3 января 1917 г. Ю. М. пишет:* «...во время печатания книги я буду на свободе и тогда изменю то, что потребуется в корректуре». Этого своего желания автор не смог однако никогда выполнить.

Первоначально вся работа была задумана в качестве исторического введения к переведенным Ю. Мархлевским в тюрьме на немецкий язык знаменитым мемуарам XVII в. Яна Пасека**. Отсюда конспективность и сжатость ее изложения, а также и подбор фактов, имеющий в виду широкого немецкого читателя. В процессе работы у автора возникла мысль изложения истории Польши в более обширном виде. В том же письме от 3 января 1917 г. Ю. М. пишет: «...Все более укрепляется во мне желание написать — после окончания введения к Пасеку — очерк истории, о котором уже шла речь. Спроси поэтому NN, не захочет ли он помочь мне найти издателя для «Grundriss der Geschichte Polens» размером в 25—30 листов». Возможно, что первая глава печатаемого нами «Очерка» (доисторическая эпоха), более подробная по содержанию, чем остальная рукопись, и более академическая по характеру, представляет собою именно начало упомянутого «Грундрисса». До какого периода должен был быть доведен 30-листовый «Грундрисс» — неизвестно. Историческое же введение к мемуарам Пасека было вероятно доведено автором по крайней мере до времен, которыми кончаются эти мемуары, т. е. до конца XVII века; во всяком случае несомненно, что Ю. Мархлевский работал уже над этой эпохой, как это вытекает из его письма к жене от 3 января 1917 г., в котором мы читаем следующее:

«Моя работа подвигается вперед, хотя трудно без серьезных источников. В последнее время такой вопрос: Мария-Людовика Гонзага (жена Яна

---

* Все приводимые ниже выдержки из писем Ю. М. предоставлены Е. Г. Мархлевской для настоящего издания из личного ее архива.

** «Pamiętniki Jana Chryzostoma z Gosiawic Paska z czasów panowania Jana Kazimierza, Michała Korybuta i Jana III (1656—1688)» (Воспоминания Яна Хризостома из Гославиц Пасека времен правления Яна Казимира, Михаила Корибута и Яна III). Несколько изданий. Имеется русский перевод в выдержках («Библиотека для чтения» 1860, № 2). Ян Пасек жил в XVII и самом начале XVIII ст.

Казимира) интригует в пользу Франции, по поводу чего весьма сердится пан Пасек. То же делает и Марысенька (жена короля Собесского II р. р е д.). Смоленский и др. серьезные мужи точно также сердятся на этих бабенок из-за их каверзности, капризности и изменчивости. Однако при серьезной трактовке вещей следовало бы объяснить эти интриги в связи с политикой Людовика XIV. Мне думается, что существует связь не только с внешней политикой Людовика XIV, но также и с борьбою между Ришелье и Мазарини против «фронды» (князя Конде прочат на польский трон, дабы избавиться от него во Франции, подобная же история — позднее с кн. Лонгвилль). Так вот, для надлежащей оценки этих дел следовало бы углубиться в историю Франции времен Людовика XIV, а у меня под рукой в виде источника худощавый учебник истории Франции для средних заведений! Хоть садись и реви! Помнится, что история «фронды» неплохо разработана в 24-томной «Histoire de France» Лависса и Рамбо (1912), однако не помню в каких томах. К польским книгам, нужным мне, присовокупи еще: Константин Гурский «Historja piechoty» и «Historja jazdy polskiej», это в крайнем случае, если не удастся раздобыть эту вещь полностью».

Невозможно пока решить, были ли написаны Ю. Мархлевским дальнейшие главы «Очерка», относящиеся к XVIII ст. и след. По свидетельству т. Б.Г.Мархлевской вся работа была еще при жизни автора переписана на немецком языке на машинке, но, к сожалению, эта машинная копия затерялась в Ленинграде.

В нашем распоряжении находится пока лишь собственноручная запись автора, очевидно первоначальная, не приготовленная окончательно для печати. Эту рукопись мы и даем в нашем томе, в русском переводе. Текст рукописи находится в таком состоянии, что в языковой обработке не нуждался. Нет, правда, разбивки на главы, и нет также заголовков, за исключением двух (мы их особо оговариваем в примечаниях). Таким образом р а з б и в к а н а г л а в ы и и х з а г о л о в к и п р и н а д л е ж а т р е д а к ц и и. Общее заглавие всей работы «О ч е р к и с т о р и и П о л ь ш и» тоже исходит от редакции.

Рукопись, к сожалению, н е с о х р а н и л а с ь п о л н о с т ь ю. Оставшаяся в нашем распоряжении рукопись обрывается на половине XVI ст. Нехватает главы об удельной эпохе, на которую имеется ссылка в начале следующей за ней главы; нехватает также глав, следующих за «эпохой Ягеллонов», на которой наша рукопись обрывается и на которые опять-таки имеются ссылки в рукописи. Еще более прискорбно то, что утеряны повидимому и самые важные с марксистской точки зрения п а р а л л е л ь н ы е г л а в ы, которые, по замыслу автора, должны были давать социально-экономическое освещение соответствующих эпох. Сохранилась только одна такая глава, дающая историческую оценку первоначальному периоду польской истории (п. з. «Возникновение государства и эпоха завоеваний»), параллельная главе, излагающей внешнюю сторону событий той же эпохи. На другие параллельные главы подобного же характера имеются ссылки в тексте, но эти именно главы пока не найдены.

Отсутствие упомянутых п а р а л л е л ь н ы х г л а в весьма существенно не только для самого чтения «Очерка», но и для его оценки. Мы оставляем в стороне вопрос, было ли удачным такое двойное, параллельное строение «Очерка», задуманное автором,—оно несомненно представляет опасности и трудности; как преодолевал эти трудности автор, судить невозможно, не имея с о ц и а л ь н о - э к о н о м и ч е с к и х глав, т. е. тех, которые не найдены. То, что осталось, своею «внешней» причинностью, вызывающей местами впечатление прагматизма, может приводить к недоумениям. Конечно, критика исторического прагматизма часто не имеет ничего общего с ленинской исторической теорией и скорее напоминает меньшевистский «объективизм» и «ползучий эмпиризм», столь характерный для марксистов эпохи II Интернационала. Однако здесь надо

иметь в виду следующее. В своих главах, излагающих внешнеисторическую сторону событий, автор, имея перед собой широкого немецкого читателя, мало знакомого с польской историей или знакомого с ней в грубо извращенной шовинистической форме, заплатил слишком большую дань информационной, популяризаторской стороне дела. Получается напр. впечатление, что у Ю. М. имеется перегиб в сторону переоценки роли полководцев, королей, политических деятелей. Однако вряд ли здесь перед нами неправильный исторический метод. Ю. М. был ведь теоретиком и идеологом той партии (С.-Д. К. П. и Л.), сильной стороной которой была именно ее борьба за массовость движения, за массы как фактор движения, партии—которую (вместе с Ю. М.) Ленин правильно обвинял в перегибе в обратную сторону: в недооценке значения вождей, проблемы авангарда и организационных моментов воздействия на историю, в некоторых перегибах в сторону «теории стихийности». Ко всему этому вопросу надо подойти повидимому с другой стороны. Ю. М. конечно не принадлежал к тем марксистизирующим упрощенцам, которые думают, что личности не играют никакой роли в истории и что в частности в монархическом строе монархи не причем. Но ошибка на одном полюсе обычно ведет к противоположной ошибке на другом полюсе; так, перегиб в сторону массовости, стихийности ведет к недоработанности вопроса о личности, проблемы вождей и т. п.

Оговорить все это необходимо потому, что ответственность за издание «Очерка» без социально-экономических глав, до сих пор не найденных, лежит конечно не на авторе, а исключительно на редакции, тем более что автор считал необходимым делать по выходе из тюрьмы добавления и изменения, чувствуя, что недостатки со стороны источников и литературы были ощутительны; при этом имелась бы возможность и более тщательной обработки текста; кроме того «Очерк» писался в 1916—1918 гг., появляется же он в 1931 г., а за это время теоретически столь много пережито, не говоря уже о ленинизме, теоретическая роль которого выросла с того времени столь неизмеримо.

Несмотря на все пробелы, рукопись «Очерка» представляет большой интерес. О затрагиваемых в ней эпохах и событиях польской истории никто из марксистов еще до сих пор не высказывался. Первые главы (вплоть до 1138 г.) сохранились полностью в том виде, как их составил автор. Остальные главы, несмотря на то, что они дают лишь внешнее описание фактов, вызывают интерес, хотя бы подбором этих фактов и той основной линией развития истории Польши, которую автор среди этих фактов старается найти. Кроме того среди самого изложения фактов рассыпано много замечаний и экскурсов общего характера.

2. Заголовок исходит от редакции. В начале рукописи имеется надпись «Глава I», которую мы выпустили ввиду того, что дальнейшие главы не обозначены, ряд же глав отсутствует. Заголовки, исходящие от редакции, заключены в квадратные скобки.

3. Польско-лехитские племена у польских буржуазных языковедов и историков означают польские племена и тех их западных славянских соседей, которые в первопачальный период польского государства говорили на языках, более близких к польским наречиям, чем к другим западно-славянским; конкретно это относится к племенам, жившим вплоть до Одера, т. е. прежде всего к Кашубам и Поморянам. В своей брошюре «Польша под иноземным игом» (М. 1920) Ю. Мархлевский говорит: «...польское государство образовалось, благодаря объединению лехитских племен (лехи — ляхи), живущих на пространстве от реки Одры на западе, приблизительно до Буга на востоке, доходивших к югу до Карпатских гор, а к северу по среднему течению Вислы».

4. «Тухольская пуща» расположена в низовьях Вислы, по р. Брда, левому притоку Вислы (см. карту № 1) — лесной массив, еще теперь раскинутый на 120 клм. в длину, с площадью в 60 кв. миль.

5. В своей популярной польской работе, написанной в 1922 г. «Легенды о польских королях», не включенной в настоящий том (см. предисловие редактора стр. IX), Ю. Мархлевский дает следующее объяснение, почему в Польше нет героического эпоса.

«Знаменательным является то, что польский народ ни песен, ни легенд о героях-воителях, королях или князьях не имеет. Имеются такие легенды у различных народов Азии—великолепные поэмы индусов и персов, где герой является богом, мудрецом, чудотворцем и воителем. Имеются также легенды германские (песнь о Нибелунгах), романские (напр. песнь о Роланде) и некоторые народы славянские (Болгары, Сербы и др.).

«Но то, что нам преподносят как польские легенды о Лехе, о Кракусе и Ванде, о Пясте и Жепихе, это не продукт народного воображения. Легенды эти, лишенные поэтической фантазии, от которых несет кислой моралью, литературным потом, являются вымыслом писателей-историков и возникли значительно позже на основе неумело сколоченных обрывков. Все же выявить в них народный элемент в конце концов возможно только не польский, а какой-то общеславянский, больше — обще-арийский. Лех, Кракус, Пяст, Ванда, Жепиха под несколько иным видом мытарствуют у германцев, чехов, литовцев. В польской переделке эти лица дьявольски скучны, банальны, кукольны, совершенно очищены даже от следов поэзии.

«К счастью народ не творит таким образом и он не дал себе навязать этих скучных героев. Просто дело было так: когда историческая наука была еще в пеленках, ученые, пишущие об истории Польши, были в огромном затруднении от того, что они обладают материалом, лишь начиная с князя Мешко, и стали дорабатывать начальные времена. Они переняли из чужих источников легенды, лишь несколько их видоизменяя. А так как среди этих историков ни один не грешил поэтическим талантом, то эти легенды приняли такую именно неудачливую форму. Только из запыленных книг получили они доступ к читающим кругам и рассказывались,быть может,во «фрауциммерах»* и дворовых избах шляхетских поместий, но до народа они все же не дошли. Уже позднее, в XVIII веке, когда стали критически смотреть на науку и в частности науку истории, пользуясь все же критицизмом очень примитивным, было решено, что это лишь «народные легенды», что историки де собрали их из живых сказаний народа. Сегодня только в бестолково состряпанных учебниках удержалось еще это мнение. Наука давно перешла над ними к порядку дня.

«Но интересно, почему именно в Польше не возникли героические песни, песни о королях, князьях, воителях, когда другие народы их создавали. Для этого имеются свои причины, и мы полагаем, что указать их можно.

«Песни о героях-воителях возникали там, где народ переживал период, в котором война была для него необходимостью, содержанием жизни. Такой период переживал каждый народ, который по той или иной причине, ведя кочевой образ жизни, должен был отвоевывать себе место в борьбе с другими племенами. Такими были судьбы народов Западной Азии, Индии, судьбы народов Греции и Рима, германских и романских народов, которые расселились в Средней и Западной Европе уже довольно поздно, когда они достигли относительно высокого культурного уровня.

«Переживая такой «героический» период, эти варварские народы переживали войну как свое собственное дело, дело жизни и смерти. В вождях, несмотря на то, что чаще всего эти вожди были и должны были быть забияками без высших нравственных достоинств, народ видел ведь воплощение своих инстинктов и в поэтическом воображении восхвалял их дела. Эти герои грубы и толстокожи;

---

* Так называли в Польше, с немецкого, женские покои (примечание ред.).

равно короли, полубоги Гомера, как и герои песни о Нибелунгах являются пропойцами, обжорами, лгут и обманывают, купаются в крови, нападают и грабят, — как и полагается воякам. И песни славословят как раз эти их дела, потому что привыкший к войне народ именно в такой жизни усматривает свой идеал.

«Между тем многое говорит за то, что лехитские племена, из которых возник польский народ, такого военно-«героического» периода никогда не переживали. Попросту потому, что мест они себе не отвоевывали, во всяком случае не отвоевывали их в период, в котором умственно-культурное развитие было настолько высоко, чтобы могли возникнуть эпические песни. Вероятно эти племена осели в речной системе Вислы и Одера очень давно и населяли эти пространства в продолжение многих веков, может быть,тысячелетий перед выступлением на поприще истории, известной нам уже по документам и книгам. Разумеется, это совсем не значит, что племена эти вели идиллический образ жизни, не зная вооруженной борьбы и столкновений. Без сомнения, эти племена вели борьбу между собой, а также с ближайшими соседями из-за пастбищ, стад, женщин, которых они вырывали взаимно друг у друга.

«Время пастушечьей идиллии, когда люди жили в согласии и любви на лоне добродушной природы существовало только в воображении писателей. В действительности варварские племена, наполовину кочевые, живущие скотоводством, охотой и рыбной ловлей и отчасти архи-первобытным земледелием — а таким мы должны себе представить лехитские племена в эпоху, о которой здесь идет речь,—безусловно создают трения между собой и находятся в состоянии постоянной борьбы.

«Но если не было завоевательных войн, во время которых весь народ шел в поход, завоевывал новые места, жил исключительно военными набегами вел обозную жизнь — то не было и героев, вождей, которые становились воплощением идеала и имя которых было знаменем. Поэтому «героические» песни, песни о королях и вождях возникнуть у лехитских племен не могли».

«О королях же невоителях, о добрых королях, о благодетелях и «отцах народа» ни один народ никогда песней и сказаний не создавал, потому что такого рода королей никогда и не было».

6. Лелевель Иоахим (1786 — 1861) — знаменитый польский историк, географ и политический деятель первой половины XIX ст. Один из выдающихся представителей демократического крыла в восстании 1830 г., во время которого однако проявил мало решительности. В эмиграции развивался все более влево. Много работ по истории, географии, нумизматике, юриспруденции, библиографии и пр. Собрание соч. в 20 томах («Polska, dzieje i rzeczy jej», Познань 1854—68).

7. В последние времена ряд буржуазных и с.-д. (напр.Кунов) писателей подвергает это положение ревизии, подчеркивая индивидуалистические формы в первобытном обществе. На старых позициях Моргана и его школы в этом вопросе стоит до сих пор кроме марксистов известный английский исследователь Фрезер (Fraser).

8. В этом вопросе у автора налицо противоречие, которое Ю. М. вероятно выправил бы, если бы сам выпускал «Очерк» в печать. Правильно второе утверждение, что первоначально крестьяне были свободны, что подтверждается рядом источников (напр. Генриковского монастыря в Силезии).

9. Маврикий Стратег — автор сочинения о войне в 12 книгах («Стратегикон»), являющегося источником сведений о славянах VI века; сочинение написано после 550 г.; обычно смешивают М. С. с византийским императором Маврикием Тиберием (538—602).

10. Кадлубек Викентий (Vincencius 1160 (?) — 1223), — польский хроникер, писавший по-латыни почти столетием позднее Мартина Галла (см.

прим.33). Написал хронику в 4 книгах о польской истории, доведенную до 1203 г. Хроника «мастера Викентия» (Croniса vincentiana) является испещренным вымыслами, полубеллетристическим диалогом и как источник может быть использована лишь с большой осторожностью. Книга II и часть III основаны на Мартине Галле. Лучшее издание (хотя и не без недостатков) А. Беловского (в «Monumenta Polonica» т. II и отдельно).

11. Аль-Бекри (ум. 1094 г.) — испанский араб, автор компилятивного сочинения «Пути и страны», содержащего известия о славянах, м. пр. и рассказ еврейского купца Авраама Ибн Якова (побывавшего в 965 г. в Чехии и Германии) о князе Мешко I (см. прилож. к 32 тому Изв. С.-Пб. Акад. Наук 1878 г.).

12. Автор употребляет здесь слова «варварство» и «цивилизация» в энгельсовском их значении (см. Энгельс, Происхождение семьи и т. д.).

13. Ольвия, т. е. «Счастливая» — древнегреческий торговый центр на правом берегу устья Зап. Буга, ниже теперешнего Николаева, основанный ок. 645 г. до нашей эры. Ведя обширную торговлю с восточной и средней Европой, Ольвия была проводником античной культуры среди славянских «варваров». Окончательно погибла в VI в. новой эры в борьбе с готами. В рукописи трудно разобрать, записано ли «Olvim» или «Obim», но такого крупного торгового центра «на берегу Черного моря» не было и по контексту речь может итти только об Ольвии.

14. В упомянутой в прим. 5 польской брошюре Ю. Мархлевский говорит по этому поводу следующее:

«В популярных рассказах Болеславу III приписывают гениальную проницательность по поводу того, что, стремясь к присоединению Поморья к Польше, он открывал государству дорогу к морю.

«Приведем хотя бы «Историю» Риделя: «Всякий польский продукт, и особенно плоды земли, могли по Одеру, Висле и Балтийскому морю плыть в далекие края». Это совершенно бессмысленные россказни, свидетельствующие только о полном отсутствии исторического чутья у их авторов.

«В Польше XII века наверное не имелось для сбыта никаких «продуктов», и особенно «плодов земли», так как о земледелии, которое давало бы значительный избыток над потребностями населения, не могло быть тогда и речи. Если же и были бы для сбыта эти «плоды земли», то это немногим улучшило бы дело, так как в тогдашней Европе абсолютно не было на них спроса. Все страны, до которых могла дойти морская торговля побережья Балтийского моря, были земледельческими странами и не нуждались во ввозе «плодов земли». Морские же пути не имели еще в XII столетии для торговли большого значения. Только Средиземное море в средние века играло некоторую роль в сообщении, так как на побережьях его сохранились остатки греко-латинской культуры и отчасти арабской, которую не совсем уничтожили варвары Севера.

«Таким образом походы Болеслава на Поморье надлежит оценивать только с точки зрения покорения сидящих там славянских племен, которые, защищая свой вековой родовой строй, сопротивлялись равно как немецким, так и польским захватчикам. Главной целью этих походов, как и вообще военных походов того времени, была жажда грабежа и добычи со стороны «рыцарства».

15. В рукописи сказано: «в XI в.» — явная описка.

16. Государство Само, — т. наз. могущественное государство, ядром которого являлись Чехия и Моравия, образованное в 3 десятилетии VII века после свержения аварского ига. После «смерти Само» (личность мифическая) распалось.

17. Государство Моймира образовано было моравским князем Моймиром, который освободил Моравию от франков, завладевших Моравией после «Само».

18. Ал. Брюкнер выводит Гнезно от слова гнездо (Gniez (d)no).

19. Подзаголовок «К вопросу...» исходит от редакции.

20. Еще более определенную и оригинальную критику старой филологической теории индо-арийской «прародины», «праязыка» и многочисленных переселений дает акад. Н. Я. Марр своей «яфетической» теорией.

Так называемая «яфетическая» теория утверждает, что «индоевропейские» языки: «никогда и ниоткуда не являлись ни с каким особым языковым материалом, который шел бы из какой-либо расово-особой семьи языков или тем менее восходил к какому-либо расово-особому праязыку... индоевропейские языки составляют особую семью, но не расовую, а как порождение особой степени, более сложной — скрещения, вызванной переворотом в общественности в зависимости от новых форм производства, связанных повидимому с открытием металлов и широким их использованием в хозяйстве... индоевропейская семья языков типологически есть создание новых хозяйственно-общественных условий; по материалам же, а пережиточно и по многим конструктивным частям—это дальнейшее состояние тех же яфетических языков в Средиземноморьи — своих или местных на определенной стадии их развития, в общем новая по строю формация» (Н. Я. Марр). Согласно «яфетической» теории языки эти автохтонны, а говорящие на них народы являются древнейшими обитателями Европы, так называемыми «яфетидами», пережившими в процессе исторического развития ряд формаций.

Таким образом теория Н. Я. Марра коренным образом изменяет прежние взгляды на древнейшие «переселения» в Европу и в Европе, косвенно подтверждая автохтонную теорию происхождения польской шляхты. Ю. М., составляя свой «Очерк истории Польши», не мог быть знаком с теорией Марра, который пришел к вышеприведенным автохтоническим выводам лишь в 1924 г. (Н. Я. Марр, По этапам яфетической теории, М.-Л., 1926. Курс лекций «Яфетическая теория», Баку 1927, и мн. др.).

21. Автор не оговаривает здесь, что дело не только в «научной неподготовленности», но и в том, что все эти «путешествующие» агенты империализма и колонизаторства классово-пристрастны и ограничены.

22. Прокопий (ум. после 562 г.)—византийский историк VI в., секретарь Велизария, походы которого описал в своей «Истории в 8 книгах». Политическую историю современности он описал в своей «тайной истории» п. н. Анекдоты. Дает сведения о славянах (антах, спорах).

Иорнанд (500—552)—полуобразованный монах, аллан, известен своей историей готов «De rebus Geticis», неуклюжей компиляцией, частично однако списанной с ценной истории готов Кассиодора, благодаря чему она является единственным источником по вопросам славян до Прокопия.

23. В рукописи небольшой пропуск.

24. Подзаголовок: «К вопросу...» исходит от редакции.

25. Индоевропеисты обычно выводят польское «szlachta» (шляхта) не от немецкого «Schlacht», а от древнегерманского «slaht», обозначающего «род», от которого происходит современное немецкое «Geschlecht». Вряд ли однако это почти общепризнанное толкование правильно, ибо тот же корень встречается не только в польском и других западно-славянских языках (чешском, верхне-лужицком, вендском), но и среди южных славян (и в украинском), причем «леха», «ляха» означала участок земли не только у лехитов, но и например у южных сербов. Возможно, что корень этот «яфетический» (см. пр. 20), т. е. более древний чем герм. «slaht». Кроме того словесное выведение славянской «шляхты» из немецкого «рода» социологически и исторически недоказательно.

26. По этому вопросу осталось в бумагах Ю. Мархлевского письмо к неизвестному товарищу, из которого видно, что Ю. М. не был уверен окончательно относительно этимологической стороны вопроса «о шляхте».

27. Подзаголовок «Введение христианства» происходит от автора,—«Возникновение польского государства...» — от редакции.

28. Ал. Брюкнер выводит Мешко от «мишки» (медведя).

29. В русских летописях называют его «Толстым».

30. Мархлевский не упоминает, что события эти связаны с первой русской «революцией» 1068 г. (см. М. Н. Покровский, «Русская история...»).

31. Длугош Ян (1415—1480) главный польский историограф хроникер конца средневековья. Главный труд — история Польши, написанный по-латыни под названием «Historia Polonica Joannis Dlugossii seu Longini», является важным источником для истории конца польского средневековья. Длугошу были известны русские летописи, не дошедшие до нас. Полное собр. сочинений на польском яз. в 14 томах (Краков 1863—1880). См. также стр. 114 настоящего тома.

32. Подзаголовок: «К вопросу об измене...» исходит от редакции.

33. Мартин Галл (т. е. француз) — польский летописец-хроникер XII в., прибывший будто бы в качестве монаха в Польшу из Франции и поэтому прозванный «Галлом». Написал по-латыни между 1110 и 1113 гг. «Хронику», излагающую историю Польши с древнейших времен до Болеслава Кривоустого. Имеется польский перевод «Хроники» (Комарницкого).

34. Викентий и Кадлубек (см. прим. 10) — одно и то же лицо.

35. Заголовок принадлежит автору.

36. Капитул (от лат. capitulus — глава книги) в католической церкви означает коллегию духовных лиц, т. н. каноников при епископе (или при главе монашеского ордена), обычно при кафедральной церкви, монастыре и т. д. На этих коллегиях в прежние времена зачитывалась одна из глав (capitulus) устава, откуда и название «капитула».

37. Дитмар (Dietmar) также Титмар (Thietmar)—немецкий хроникер X в. (975—1019), епископ мерзебургский, принимавший лично участие в походах против западных славян. Известен своей «Хроникой», написанной по-латыни в 8 книгах, в которой он затрагивает времена от Генриха I (876) и до 1018 г. Главный источник по истории западных славян X века. Знал немного славянские языки. Имеется перевод немецкий (Лорана 1848) и польский (Комарницкого. Житомир 1861 г.).

38. Заголовок исходит от редакции.

39. Слова «как уже было сказано» относятся очевидно к предшествующему разделу, разбирающему эпоху распада централизованного государства (удельных князей), т. е. с 1138 г. и до начала XIV ст. Раздел этот до сих пор не найден. Возможно, что существовал еще и параллельный раздел о значении эпохи распада.

40. Грош получил свое название от «толстых» римских денариев («denarius» — по-латыни десятичный, «grossus» (гроссус) значит толстый), которые появились в XIII в. «Пражскими» грошами назывались чеканные при короле Вацлаве в Праге, между 1300 и 1305 гг. — серебряные гроши по 60 из «гривны» или марки, весившей ½ ф. серебра (точнее 250, 233 гр.). Равен по содержанию серебра ок. 15 коп.

41. Глава эта не найдена.

42. Речь идет здесь о «грошах», т. н. краковских, которые составляли не 60-ю (как пражские), а 48-ю часть серебряной польской гривны. Но так как польская гривна была соответственно меньше пражской, то цена краковского гроша была равна цене пражского, т. е. по содержанию серебра около теперешних 15 коп. Однако рыночная цена гроша была значительно выше, о чем можно судить по тому, что в конце XIV ст. вол стоил 24 гроша, т. е. 3 руб. 60 коп. — четверть (коржец) ржи — 5 грошей, пара ботинок — 2 гроша.

43. Лан (от лат. laneus) — древняя мера, отвечающая позднейшей, «в л о к е», т. е. 30 моргам.

44. Гульден, досл. «золотой», равнялся 30 серебряным польским грошам; первоначально гульден был золотой монетой и при Казимире III (XIV ст.) равнялся 14 серебряным грошам; при Яне-Казимире (XVII ст.) чеканились 30-грошевые серебряные «злотые».

45. Автор, употребляя неправильное название «славянская держава», имеет очевидно в виду тот факт, что большинство составляли поляки, белоруссы и украинцы, а литовцы—лишь незначительное меньшинство. Несколькими строками ниже автор употребляет более правильное название «польско-литовское государство».

46. Мысль эта сформулирована в рукописи неудачно. Борьба вытекает не только из смешанности населения и не из давнего завоевания Чехии немцами, а из разжигания нацвражды современной буржуазией обеих наций в своих интересах.

47. Такое замечание об историческом влиянии на несколько веков вперед можно принять лишь с рядом оговорок, тем более что оно формулировано неудовлетворительно, что в свою очередь можно объяснить, может быть, тем, что рукопись автором окончательно неотредактирована; это тем более, что автор говорит об «одной» лишь из причин, которую он, как это вытекает из других его работ («Физиократы», «3 мая»), не считал г л а в н о й, усматривая последнюю во внутренних экономических и классовых отношениях Польши.

48. Заголовок исходит от редакции, причем по вине набора пропущено в нем на конце: «до XIV в.».

49. Заголовок исходит от редакции.

50. Очевидно должна была следовать и в этом месте глава с социально-экономическим анализом эпохи.

51. В этом месте автор пишет в скобках: «в с т а в и т ь о Ф л о р е н т и н с к о й у н и и». Флорентинская уния была заключена между западной и восточной церковью во Флоренции на Вселенском соборе в 1439 г. Византийский император Иван Палеолог рассчитывал при этом на помощь католической Европы против турок, в чем однако просчитался. Соглашение было заключено по вопросу о «троице».

52. Секуляризировать, секуляризация (от латинского secularis —светский, мирской) означает замену монашеского состояния светским, а также замену монастырских имений светскими.

53. Аллодиальный — латинизированная форма от немецкого слова «аллод» («алл» — весь, «од» — пустошь) — первоначально означал всякое общинное, впоследствии же наследственное владение, свободное от ленных обязательств.

54. Очевидно описка («исключительно»), ибо ниже и в других местах автор правильно говорит о наемных войсках, которые уже в эту эпоху играли значительную роль.

55. Автор почему-то не принимает во внимание того факта, что сеймы на деле устанавливали не раз гораздо более высокую сумму налогов.

56. «И с т о р и ч е с к и е п р и ч и н ы о б н и щ а н и я с е л ь с к о г о н а с е л е н и я в П о л ь ш е»—эта работа является частью более обширной работы политического характера, помещенной в теоретическом органе Социал-Демократии Королевства Польского и Литвы «Przeglad Socjal-Demokratyczny» (Социал-демократическое обозрение № 2, 1908; подписано Ю. Карский), п. з., «W kwestji zadań naszych wobec robotników wiejskich i włościan» (К вопросу о наших задачах по отношению к сельским рабочим и крестьянам). Статьи эти были вторично изданы с введением автора в Москве, в 1918 г., п. з. «Wobec kwestji rolnej w Polsce» (К аграрному вопросу в Польше). Помещенную

нами главу легко было выделить, так как она носит чисто исторический характер и представляет собою определенное целое. К сожалению, ценная эта работа была сильно сокращена за недостатком места в журнале (по нашим воспоминаниям минимум в три раза). Во введении 1918 г. Ю. Мархлевский пишет: «...исторический раздел был сокращен до минимума ввиду недостатка места в нашем научном органе...» Возможно, что эти именно сокращения являются причиной того, что ряд важных положений в данной главе не развит, а некоторые из них страдают слишком большой общностью или упрощенностью (для примера укажем хотя бы такое место: «в Польше же развитию фольварочного хозяйства сопутствует упадок городов...»).

57. «Капитал», т. I, гл. 24, разд. I: «Тайна первоначального накопления»— в конце раздела.

58. «Капитал», т. I, гл. 24, разд. II: «Экспроприация земли у сельского населения» — начало раздела.

59. Фольварк (от нем. Vorwerk, т. е. выдвинутое, отдельное хозяйство)— означает отдельную хозяйственно-производственную единицу помещичьего владения (хутор, экономия), зависящую однако от главного управления крупного хозяйственного комплекса. Упоминается уже в Вислицком статуте 1347 г.

60. Автор имеет в виду Чацкого Ендрзея, знатока гражданского права, выдвинутого сеймом 1589 г. для реформы законов; не следует смешивать с Тадеушем Чацким (1765—1813).

61. При этом, почти пятикратном, росте цен надо не забывать и имевшее тогда место большое обеспенение денег.

62. Любомирский Тадеуш (1826—1908) — общественный и политический деятель. Написал историю крестьян в Польше XV и XVI вв. (Варшава, 1857—1858).

63. Ставиский Эдмунд (опечатка в тексте: «Славинский») автор сочинений на польск. языке «Исследования по истории сельского хозяйства в Польше», Варшава, 1857, и «Торговые отношения в старой Польше», Варшава, 1860.

64. Модржевский Фрич (1503—1569) — выдающийся писатель, политик и теоретик права. Главная работа« О реформе Речи Посполитой» («Commentarium de republica emendanda libri quinque») в Базеле в 1555 г. в 5 книгах (в краковском издании 1551 г. две последних книги были конфискованы); переведена на польский, немецкий, французский и испанский языки. За эту работу Модржевский был в Риме объявлен еретиком.

65. Опалинский Кристоф (1609—1656) — сатирический поэт. Собрание едких сатир на современные порядки, п. з. «Satyry albo przestrogi do naprawy rządu i obyczajów w Polsce». (Сатиры или предостережения для исправления правления и нравов в Польше), Амстердам, 1650 и мн. др.

66. Здесь какая-то неудачная формулировка: дело не в том, что шляхта «прогнила до мозга костей», а в том (о чем Ю. М. говорит в своей статье «Польская конституция 3 мая»), что она как класс не могла без принуждения, по собственной воле, отказаться от своих прав в пользу порабощенного класса.

67. Коллонтай Гуго (1750—1812) – ксендз, реформировал Краковский университет, вытеснив оттуда в значительной степени средневековую схоластику; под влиянием французской революции, после провала Конституции 3 мая и раздела, во время восстания Косцюшки поддерживал крайних и признавал террор (т. н. «польский Робеспьер»).

68. Русский перевод этого места звучит еще более упрощенно, чем оригинал. Правда, автор ясно говорит, что он не ставит перед собой задачу анализа причин и затрагивает лишь вскользь одну только из причин — интересы милита-

ризма, обуздывавшие эксплоатацию крестьянства. Ясно, что дело не только в милитаризме. Ю. М. не отметил важнейшей стороны политики так называемого просвещенного абсолютизма—именно экономической. Ф. Меринг, который занимает крайнюю позицию в отрицании прогрессивно-буржуазного характера фридерицианской монархии, правильно отмечает, что военные реформы милитаризма требовали в свою очередь буржуазных реформ. Для Ю. М. это было столь же ясным, однако, стесненный быть может рамками статьи, он выпустил эту основную сторону вопроса. Возможно, что на этом месте отразились упомянутые выше сокращения (см. прим. 56).

69. Работа написана в 1907 г.

70. Бадени Мартин (умер в 1824 г.) — граф из полонизированной итальянской семьи, прибывшей в Польшу в XVI в. Деятель последних лет Речи Посполитой, был министром юстиции в конгрессовом Королевстве Польском.

71. Скарбек Фридерик (1792—1866) — экономист, историк, писатель. Написал «Историю Княжества Варшавского» в 2 томах (Познань 1860, 2-е изд. Варшава, 1897).

72. «Евреи в независимой Речи Посполитой»—это глава более обширной работы автора п. з. «Antysemityzm a robotnicy» (Антисемитизм и рабочие), написанной в 1912 г. и изданной в Варшаве во время антисемитской агитации так называемых «эндеков» (т. е. национал-демократов — основной партии польской буржуазии) в 1913 г. и сразу же в угоду последним конфискованной царским правительством. Вторично брошюра была издана в Москве в 1918 г., по тексту которой сделан русский перевод для нашего издания. Публицистический характер работы является может быть причиной того, что ряд важных вопросов, связанных с историей евреев в Польше, как например внутренняя борьба в кагале (см. прим. 74) и др., не развит и не разработан. Вся работа была посвящена борьбе с антисемитизмом, носила агитационно-пропагандистский характер, и собственно истории евреев в Польше была посвящена в ней целиком только настоящая глава, печатаемая в нашем томе.

Для того чтобы судить о данной работе, надо иметь в виду особую сложность еврейского вопроса в Польше. Разрешая в 1913 г. трудную задачу борьбы на два фронта: против зоологического, шовинистического польско-католического антисемитизма, с одной стороны, и мелкобуржуазной еврейской реакционности и национализма, с другой, за интересы рабочих и против буржуазных слоев обеих национальностей, — Ю. М. идет по пути, начертанному еще Марксом, т. е. рассматривает еврейский вопрос с точки зрения исторического объективного прогресса. Однако и здесь, как и в вопросе о прогрессивности крупного земледелия (см. прим. 120 «Порядок наделения крестьянской землей в Королевстве польском» в этом томе), у Ю. М. имеется перегиб в сторону исторического «объективизма», чем и объясняются такие например односторонние и неудачные формулировки: «...страшная ненависть со стороны крестьян, которых евреи, служа шляхте, эксплоатировали, — таков был удел евреев...», — как будто здесь не играли никакой роли мелкобуржуазные собственнические интересы самих крестьян и натравливание их против евреев со стороны господствующих классов Польши, на что сам Ю. М. не раз указывал в других своих работах.

73. Гривна — старинная платежная единица, представлявшая первоначально пучок меховых шкурок, позднее равная ½ ф. серебра или золота. Пражская гривна времен Вацлава (XIV в.) весила 250, 233 грамма, польская гривна составляла ¾ пражской (см, пр. 42).

74. Кагал, кагальный — еврейское слово (означает сход, собрание) — правление еврейской общины в Польше, состоящее из так называемых старших. Сохранились и после разделов; в Королевстве Польском упразднены в 1844 году.

В кагале кипела внутренняя борьба уже и в старой Речи Посполитой, временами очень острая. Правда, говоря об еврейской общине (стр. 120), Ю. М.

указывает вскользь, «какому беспредельному угнетению» подвергалась еврейская беднота со стороны кагальных старшин и богатеев», однако тем более приходится сожалеть, что данная работа не развивает и не дает разработки этой важной стороны вопроса.

75. Слова эти писались в 1912 г. Автор имеет в виду резкое обострение антисемитизма, что было со стороны польской буржуазии маневром против вновь бурно тогда поднимавшегося рабочего движения.

76. Смоленский Владислав (псевдоним Грабенский) — известный буржуазный историк с прогрессистским народническим оттенком, выдвинувшийся еще в конце XIX в.; националистичен. Написал ряд крупных работ по истории Польши, среди них переведенную на русский язык «Историю польского народа».

77. «Из прошлого ченстоховских монахов-паулинов» — является статьей, написанной в разгар клерикальной агитации всей реакционной польской печати в защиту «авторитета» ченстоховского монастыря (самой влиятельной и популярной католической «святыни» в Польше), подорванного в широких массах грязным убийством, совершенным на сексуальной почве в стенах монастыря одним из монахов. Убийца спрятал труп убитого и пытался скрыть преступление, но был разоблачен. В Ченстохов, к монастырю и его «чудесному образу богоматери» стекались десятки, а иногда и сотни тысяч паломников. Монастырь в народе более всего известен под названием «Ясной горы». Впервые статья эта печаталась в легальном органе СДКП и Л «Wolna Trybuna» (№ 1 в 1911 г., Варшава).

78. «Трупный запах» — намек на убийство, совершенное монахом Мацохом в стенах ясногорского, т. е. ченстоховского, монастыря (см. прим. 77).

79. С точки зрения старой СДКП и с Л-ой постановки нацвопроса и при незнакомстве с обстановкой, в которой писалась статья о паулинах, фраза о «предателях польской независимости» может показаться звучащей слишком «национально». Но тогда мы имели бы странное противоречие: Ю. М. всегда обвиняли в обратном — в недооценке вопроса о национальной независимости. Однако дело в том, что Ю. М., неправильно отрицая вместе с Розой Люксембург «невозможность» национально-революционных движений в эпоху империализма (см. прим. 123), а также «право на самоопределение», никогда не отрицал революционного и прогрессивного характера национальной независимости для эпохи восхождения капитализма, несшего с собою национальные государства на место феодального распыления и партикуляризма. Здесь надо напомнить правильное замечание Скворцова-Степанова, сделанное им в предисловии к «Истории Германии» Меринга: марксист должен рассматривать феодальный мир с точки зрения прогрессивной борьбы буржуазии против феодализма.

Для понимания данной фразы Ю. М., а также конца статьи (см. прим. 80) надо иметь кроме того в виду обстановку, в которой она писалась. Когда легальный орган партии «Трибуна» доказал фактами пресловутому антисемиту и «вольнодумцу» Немоевскому, что он фальсифицирует взгляды Р. Люксембург, которая выступала не «против независимости Польши», а лишь против борьбы рабочих за буржуазную независимость, — тогда всей буржуазной печатью с Немоевским и Свентоховским во главе была поднята неслыханная кампания и травля партии пролетариата как «могильщика отечества». Ю. М., разоблачая ложь этой кампании (статья писалась как раз в разгар националистической травли), сознательно прибегал к ярким выражениям вроде «изменников» и «защитников» польской независимости.

80. В отличие от фразы, оговоренной в прим. 79, эту фразу о «любви к родине и т. д.» нельзя признать удачной. Желая бить врага в его собственном лагере патриотического лицемерия, Ю. М. дал формулировку бесклассовую, либералистическую.

81. «Польская конституция 3 мая 1791 года» — напечатана была по-немецки в «Die Neue Zeit», теоретическом органе германской социал-демократии (№ 48, XV Jahrgang, II B., 1896 97 г.; подписана J. B. M.). Работа эта является побочным продуктом серьезных занятий Ю. Мархлевского польской историей XVIII века, в связи с законченной как раз тогда его докторской диссертацией, печатаемой в экономическом томе настоящего издания— «Der Physiocratismus in Polen» (Физиократизм в Польше). Приводимые автором в статье отрывки «Конституции 3 мая» переведены для нашего издания с польского оригинала «Конституции».

Относительно этой и следующей (см. прим. 93) работы Ю. М. о конституции 3 мая, точно так же как и основной работы о физиократизме в Польше, необходимо подчеркнуть, что написаны они были почти одновременно с «Монистическим взглядом на историю» Плеханова и рядом других научных работ основателей революционного марксизма в России, — Мерингом лишь незадолго до этого перешел в ряды партии пролетариата, а молодой Каутский (тогда еще ортодоксальный марксист) выпускал свои первые крупные работы (например известная его полемика с Бельфорт-Баксом об историческом материализме относится к 1896 г.), — т. е. в то время, когда усвоение метода Маркса и Энгельса было во многом неудовлетворительно, и марксисты того времени прокладывали в этом направлении лишь первые шаги. Достаточно напомнить, что важнейшие письма последних лет жизни Энгельса Мерингу, Шмидту, Штаркенбуру и др., вносящие очень важные и существенные поправки в освоение метода, были опубликованы лишь многими годами позже. Накопец Ю. М. работал над эпохами и страной, над которыми другие марксисты до него мало работали, и ему приходилось прокладывать себе дорогу самостоятельно и без предшественников. Во многом чувствуется еще влияние демократической, прогрессистской польской историографии, на сторону которой он становится против реакционных историков; много вопросов не доработано, напр. вопрос о буржуазных чертах реформенного движения XVIII в., в ряде других имеются неясности, противоречия и неправильности (например в вопросе о «натуральном» хозяйстве в Польше XVIII в.). И несмотря на все недостатки, историческая концепция Ю. М. (с которой во многом сходна была и концепция Р. Люксембург) десятилетиями определяла, а во многом определяет еще и теперь взгляды польских коммунистов на историю Польши XVIII в. Никто из марксистов не выступал до сих пор с принципиальной критикой этих давно напечатанных работ Ю. М., и до сих пор концепции Ю. М. не противопоставлена никакая другая принципиально отличная концепция.

82. В оригинале употреблено выражение «классовая борьба» во множественном числе («Klassenkämpfen»), что трудно перевести дословно на русский язык, — мы переводим: классовых битв и столкновений. Нельзя сказать, чтобы и в немецком оригинале автор удачно выразил свою мысль. Ю. М. правильно желал выпятить тот разительный факт, что Польша не знала таких крестьянских войн, как немецкая начала XVI в. или русская пугачевщина и разинщина, однако это не должно приводить к отрицанию того, что сопротивление крестьян имело все же место неоднократно, проявляясь в классовых стычках, местной партизанщине, убийствах помещиков, бегстве в Запорожье и пр., — а между тем такой взгляд и до сих пор встречается весьма часто.

83. Здесь такая же, как и выше (см. прим. 82), слишком резкая и утрированная формулировка.

84. Борк Эдмунд (Burke)—английский писатель и политик (1729—1797), «защитник» Северной Америки и Индии (против зверств Гастингса), одновременно ненавистник Великой французской революции, в обоих случаях—как замечает Маркс—в качестве продажного «литературного лакея» (см. характеристику Борка, «Капитал», I, гл. XXV, 7, прим. 297).

85. Характеристика экономического строя Польши XVIII в. как «натураль

ного хозяйства», общая впрочем с Розой Люксембург, страдает недооценкой товарно-денежных отношений в Польше, в частности в польском сельском хозяйстве. У Розы Люксембург это связано с ее доказательством о насаждении капиталистических отношений в Польше царизмом; у Ю. М. это же выражено не столь резко и поэтому приводит к противоречиям. Так например в своей докторской работе «Физиократизм в Польше» (помещенной в выходящем одновременно с нашим томом экономическом томе работ Ю. М.) автор пишет, более правильно характеризуя среднее польское поместье XVIII в.: «Их хозяйство имеет наполовину капиталистический, наполовину натуральный характер. Капиталистический — потому, что производство зерна и разведение скота осуществляются в нем в крупном масштабе для сбыта на мировой рынок, натуральный — так как все, что необходимо хозяйству, производится внутри его самого» (см. прим. 81).

86. Ливр — итальянская денежная серебряная монета, аналогичная французскому серебряному франку.

87. Liberum veto (либерум вето) означает по-латыни «свободное вето», т. е. право опротестовывания решений сейма; пользуясь правом вето, шляхетские послы имели возможность срывать сеймы и, начиная с половины XVII в., срывали их под ряд.

88. См. об этом более подробно докторскую работу Ю. Мархлевского (см. стр. X и XX) в четвертом томе настоящего издания.

89. Такая формулировка упрощает вопрос: дело не только в «подкупленности» магнатов и их погоне за «личными выгодами», а в классовом, экономическом положении магнатов востока Речи Посполитой, сближавшем их с крепостнической Россией, причем однако считать этих магнатов представителями прогресса, как это иногда утверждалось, неправильно. Точно так же дело не только в «политическом ослеплении», а в экономической и социальной отсталости, реакционности большей части этой шляхты.

90. Здесь у автора налицо такая же недооценка роли мещан и городов, как и отмеченная уже выше (см. прим. 85) недооценка товарно-денежных отношений. И здесь, как и там, это приводит автора к противоречиям; так например автор правильно говорит о «готовой на жертвы» Варшаве (см. с. 144) в период принятия конституции. Да и при такой трактовке мещанства нельзя было бы понять, откуда взялась его геройская борьба в период восстания 1794 г. (о чем сам автор говорит в конце статьи, см. с. 145).

91. В труднейшую проблему польской истории, именно в вопрос об экономической и классовой диференциации в развитии шляхты XVIII в. и о выявившейся на этой почве противоречивости интересов различных ее групп в период конституции 3 мая, Ю. М. не удалось внести полную ясность. Это находится в связи с противоречиями в трактовке экономики Польши XVIII в. как натуральнохозяйственной (см. прим. 85). Этим именно надо объяснить и то, что в данном абзаце, в начале его, Ю. М. говорит о существовании непрогнивших слоев шляхты, на которые опирались реформаторы, в конце же этого абзаца слишком много кладет на чашку весов «блестящих политических способностей» тех же реформаторов.

92. Такой «возможности» народной войны однако реально не существовало. Здесь мы имеем у Ю. М. публицистический агитационный прием, который с точки зрения строгой теории слишком внешне, формально подходит к вопросу.

93. «Конституция 3 мая 1791 года» — является статьей, написанной для прогрессивной газеты «Przeglad Poznanski» (Познанское обозрение), где она и была напечатана 6 сентября 1896 г. Статья написана по поводу появления IX тома сочинений известного польского историка ксендза В. Калинки, посвященного конституции 3 мая. Статья отнюдь не является повторением одноименной статьи из «Neue Zeit» (см. прим. 81), так как она занимается главным образом не столько разбором самой конституции, сколько событиями, ей предшествовавшими, и затрагивает ряд новых моментов по сравнению с той статьей.

94. Пиателли (Piatelli) Сципион (р. 1750 г. во Флоренции, ум. 1809). Приехав в Варшаву из Италии в качестве учителя сына княгини Любомирской, вовлекся в политическую жизнь и считался другом Коллонтая. Уйдя из Польши после Тарговицы и II раздела, скитался по Австрии, где был одно время заключен; в 1805 г. попал в С.-Петербург, где ему запретили писать что-либо о Польше. Позднее — секретарь Адама Чарторийского.

95. Канцлер Малаховский (1737—1821) по имени Яцек был братом упомянутого Ю. М. выше в тексте Станислава Малаховского (1736—1809), с которым не надо его смешивать.

96. Автор имеет в виду ППС и «Национальную лигу», группировку народнического, весьма умеренного и националистического толка.

97. Референдарские суды — суды, проводимые так называемыми «референдариями», которые первоначально только докладывали (реферировали) канцлеру или королю о жалобах, со времени же Сигизмунда III получили право судить и выносить приговоры. В особенности им были подведомственны дела подданных королевских имений против старост и арендаторов, и обратно.

98. Это утверждение автора находится в противоречии с высказанным десятью строками ниже положением о том, что такая реформа была для части шляхты убийственна. Противоречие это не по вине перевода, а существует в оригинале (см. впрочем прим. 91).

99. «Первое и третье мая» — статья, напечатанная уже после Октябрьской победы (в польской «Коммунистической трибуне» от 2 января 1921 г., Москва), отличается от двух предыдущих статей о 3 мая большей резкостью постановки вопросов и кроме того на первых страницах дает чрезвычайно сжатый и яркий обзор истории Польши. Обращает внимание тот факт, что Ю. М., несмотря на четверть века, протекшую со времени первых его работ, написанных о конституции 3 мая, ни в чем существенном своей концепции не изменяет, повторяя ряд тех положений, которые нам пришлось оговаривать в примечаниях к двум другим статьям о 3 мае. Таким образом недостатков, повторяемых на протяжении 25 лет, ни случайностью, ни чисто литературными моментами объяснить нельзя.

100. Ануш — бывший пепеэсовец, потом пилсудчик, начальник II отдела т. е. контрразведки в Варшаве, прославившийся преследованием коммунистов. Дмовский и братья Лютославские — вожди буржуазно-реакционной партии «национал-демократии», так называемых «эндеков».

101. «Наполеон и поляки»—статья написана в столетнюю годовщину лейпцигской «битвы народов» в 1813 г. и напечатана была в «Лейпцигской рабочей газете» (Leipziger Volkszeitung), стоявшей тогда на левом крыле немецкой социал-демократии. Подписана J. K. В статье ошибочно утверждается, что верховное командование было возложено в русском походе на Понятовского: верховное командование было за ним раньше в Княжестве Варшавском, в армии же Наполеона польские части не были объединены. Что касается «массового наплыва» в легионы, то надо иметь в виду и оборотную сторону: переписка с Выбицким, например, вскрывает массу жалоб и недовольств легионеров; имелось налицо и дезертирство, о чем сам Ю. М. пишет в другом месте.

102. Сведение национально-освободительной борьбы к борьбе за социализм было связано у Ю. М. из отрицания возможности революционных национально-освободительных войн в эпоху империализма (см. прим. 123). Этот неправильный взгляд на национальный вопрос, раскритикованный Лениным, был общ Ю. М. с Р. Люксембург и всей СДКП и Л.

103. «Этапы развития капитализма в Польше» — одна из последних работ, написанных Ю. Мархлевским (в 1923 г.). Написанная на русском языке, она напечатана была впервые лишь после смерти автора, в 1925 году, вместе с работой, напечатанной в «Приложении» к настоящему тому (см. прим. 137) под общим заглавием «Из истории Польши» (Мо-

сква, Гос. Воен. изд-во). Так как Ю. М. не владел в совершенстве русским языком, то Воен. изд-во подвергло «Этапы» языковой правке, однако при этом были сделаны (уже без участия умершего автора) изменения, зачеркивания и вставки, иногда довольно существенного характера. Ввиду того, что сохранилась первоначальная рукопись (нехватает лишь двух первых страниц), то текст был проверен и восстановлен по этой рукописи. Правку русского языка произвел для нашего издания проф. Н. А. Дубровский.

Вся работа не была окончательно выправлена и приготовлена автором к печати и не лишена недочетов.

104. Ю. М. не знал очевидно работы Воблого «Очерк промышленности Польши 1764—1830», вышедшей в Варшаве уже после имп. войны. Работа Воблого вносит много нового, приводя ряд данных о мануфактурах городского, буржуазного типа, и доказывает, что многие предприятия, о которых столь отрицательно говорит Ю. М., продержались долго вглубь XIX века.

105. В рукописи очевидная описка: граница была отменена не в 1859, а в 1851 году.

106. «Industrielle Entwickelung Polens», Lpzg. 1898; имеется русский перевод. Более подробно об этой работе см. у Ю. М. в настоящем томе, с. 231.

107. Ю. М. был в Лодзи 1889—1891 гг., работал красильщиком-мастером у Познанского.

108. Формулировки эти страдают утрировкой правильной в основном позиции автора в вопросе о классово-экономической общности интересов польских и русских капиталистов.

109. Обе партии — «реальной политики» (она переменила лишь название) и «нац.-демократии» (программа 1896 и 1903) — существовали еще до 1905 года.

110. Заголовок «Силезия» добавлен от редакции.

111. Ю. М. не выявляет здесь всех сторон этого сложного процесса и прежде всего того важного факта, что немецкий элемент в Силезии является представителем более высокой капиталистически-промышленной формации, а польский— более в общем отсталой (за исключением конечно польского пролетариата); этим объясняется тот факт, что при голосованиях после присоединения части В. Силезии к Польше число немецких голосов, подаваемых за немецкие списки, превышает часто этнографический процент немцев.

112. Мархлевский этот период провел в Германии (частично в заточении) и находился, повидимому, под влиянием немецких военных сводок, — на самом деле имел место ряд кровавых сражений (например под Лодзью и др.).

113. «Польский вопрос во время революции 1848 г.» — статья написана на русском языке в конце 1922 г. для специального сборника, посвященного 75-летию революции 1848 г. (Москва, «Красная новь», 1923, статьи И. Степанова, Стеклова, М. Покровского, Ротштейна, Бэра, Варги, Мархлевского и Луначарского). Статья эта, тщательно просмотренная автором при печатании и прошедшая внимательную редакцию, в правке со стороны русского языка нуждалась лишь в минимальной степени, в отличие от других работ настоящего тома, писанных автором на русском языке. Языковые правки коснулись всего лишь нескольких мест. В нескольких случаях пришлось изменить политико-географическую терминологию для однообразия с другими работами этого тома, придерживаясь той терминологии, которую Ю. М. употребляет правильно в других своих работах.

114. Мохнацкий Маврикий (1804 — 1834) — известный историк польской литературы и политический писатель. Политически чрезвычайно неустойчивый, под натиском политических врагов переходил на их позицию, перебрасываясь от самых радикальных уличных выступлений в начале восстания до поддержки Хлопицкого, Скржинецкого и др. реакционеров. В эмиграции дошел до самых правых группировок и поддержки монархистов из лагеря Чарторийских. Написал «Историю восстания 1830 г.» в 2 томах и много гром-

ких в свое время радикальных политических воззваний и памфлетов. Собрание соч. в 5 томах (Познань, 1863 г.).

115. В «Коммунистическом манифесте» говорится: «Среди поляков коммунисты поддерживают партию, которая ставит аграрную революцию необходимым условием национального освобождения, ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 г.». А 32 года спустя (в письме к женевскому митингу в память восстания 1830 г.) Маркс говорит следующее: «... в Кракове вспыхнула в 1846 году первая политическая революция, которая провозгласила социалистические требования». О «социалистических» элементах краковского восстания можно говорить лишь в весьма условном значении; понимание «социализма» тех времен ярко отразилось в третьей части Коммунистического манифеста, в предисловии к которому Энгельс говорит: «Социализм означал в 1848 г. буржуазное движение, коммунизм — движение рабочих».

116. О социалистических чертах восстания 1846 г. Ю. М. в статье о 1848 г. говорит: «лозунги отчасти социалистические»; в работе же, помещенной в «Приложении» (в конце настоящего тома, с. 2 0) — более осторожно: «не лишенные социалистических черт». О значении слова «социализм» в ту эпоху см. прим. 115.

Соответствующее место из Манифеста революционного краковского правительства от 22 февраля 1846 г., гласит: «...Нас двадцать миллионов, восстанем же как один, тогда никакая сила не пересилит нашего могущества, завоюем свободу, которой еще не было на земле, завоюем такой строй общества, при котором каждый сможет пользоваться земными благами по заслугам и способностям и при котором не будет никаких привилегий и ни под каким видом; в котором каждый поляк найдет обеспечение для семьи, для себя, жены и детей; в котором все обиженные телом или душой от природы будут пользоваться без всякой обиды надежной помощью всего общества; в котором землей, которой крестьяне владеют теперь лишь условно, они будут владеть безусловно; в котором будут уничтожены без всякого вознаграждения всякие оброки, барщина и тому подобные повинности, а преданность делу народа на поле брани будет особо награждена землею из фонда национальных имений...»

117. Здесь налицо какая-то нетщательность формулировки, ибо в таком виде это утверждение противоречит многократно высказанному Ю. М. положению, что восстание 1830 г. погибло именно благодаря тому, что вследствие эгоизма шляхты и на этот раз крестьяне не были вовлечены в движение (см. например с. 287).

118. Здесь слишком сплошным, сословным образом трактуется «шляхта», вследствие чего получается противоречие с утверждением автора, что революционная часть шляхты боролась на стороне демократии...

119. Имеется в виду немецкое издание Меринга, так наз. «Nachlass», в III томе которого помещены упомянутые статьи Маркса (с. 134—183, 1923). В русском переводе «Литературного наследия» упоминаемых статей нет, так как вышли только первые два тома. Сокращенное изложение упоминаемых статей Маркса русский читатель найдет в работе Д. Б. Рязанова «Маркс и Энгельс о польском вопросе» в его «Очерках по истории марксизма», Москва, 1923 и 1928.

120. «Порядок наделения крестьян землей в королевстве Польском» — является другим чисто историческим разделом из той же аграрно-политической работы Ю. Мархлевского 1908 г., из которой взят был выше раздел «Исторические причины обнищания сельского населения (см. с. 103 и прим. 56).

На этой работе Ю. М. отразилась та неправильная трактовка крестьянского и аграрного вопроса, которая в отличие от Ленина слишком схематич-

чески подчеркивала реакционную роль крестьянства и объективно-прогрессивную роль крупного помещичьего хозяйства, — трактовка, от которой Ю. Мархлевский отказался лишь в период II конгресса Коминтерна в совместной работе с Лениным по аграрным тезисам (см. «На аграрн. фронте» № 1 1928, и Колларов «Комм. интерн.» № 1 1929). См. в данной статье например место о сервитутах.

121. Сервитут — происходит от латинского слова «servitus», означающего «службу» человека или участка земли — повинность.

122. «Польша и мировая революция» — статья эта была написана Ю. М. в 1919 г. на немецком языке после того, как он пробрался через Польшу в Москву, бежав от расстрела в Руре, и была напечатана отдельной брошюрой (Берлин 1919). Переведенная на русский язык повидимому самим автором, работа эта была напечатана также в № 6—8 «Коммунистического интернационала» (за 1919 г.); мы ее перепечатываем с отдельного издания брошюрой на русском языке (Москва 1920).

123. Такое же неправильное положение высказывала и Р. Люксембург. Ленин дает критику этого взгляда в рецензии на брошюру Юниуса (Р. Люксембург) «Кризис социал-демократии».

124. Описка, должно быть: «1851 г.».

125. Неправильное название, возникшее вероятно в связи с переводом на русский язык: никакого краковского «правительства» тогда не было.

126. Ю. Мархлевский в это время в Варшаве не был и переоценивает военный угар и руссофильские настроения масс, „жажду борьбы“ и т. д.; относительно крестьян это прямо неверно, да и среди польской мелкой буржуазии антирусскими настроениями пренебрегать было нельзя.

127. Ю. М. не упоминает совершенно о советах на Люблинщине.

128. Здесь у Ю. М. определенный перегиб. Наша партия действовала, и нельзя утверждать, что у нее не было «никакой» базы.

129. Упущена из виду крестьянская беднота—остаток старых, неправильных взглядов Ю. М. на крестьянский вопрос.

130. Лозунг бойкота был крупной ошибкой партии, — часть польских коммунистов была с самого начала против бойкота.

131. Ю. М. недооценивает и для мирного времени для Германии всей остроты вопроса о Данцигском коридоре.

132. Здесь недооценка национального момента после захвата власти пролетариатом. Когда Ю. М. писал свою статью, в советской печати велся спор, следует ли районировать советскую страну лишь по чисто экономическому признаку. Было признано отстаиваемое т. Сталиным районирование на национальной основе с привлечением экономических моментов.

133. Подолье и Волынь тоже входят в Украину.

134. Вопрос этот Ю. М. задает чисто риторически, ибо такой возможности конечно не было, и сам Ю. М. всерьез ее не принимает.

135. Так категорически утверждать этого нельзя. Борьба за власть советов в Польше 1918—1919 гг. была налицо и при правильной ленинской, в частности крестьянской и национальной политике компартии могла кончиться победой, особенно при помощи со стороны Минска и Вильны.

136. Эти рассуждения Ю. М. легли в основу его удачных переговоров с белополяками в Микашевичах, благодаря которым удалось задержать наступление поляков вплоть до весны 1920 года.

137. «Возникновение Польского государства и диктатура дворянского класса» — работа эта написана в 1923 г. и была напечатана в 1925 г. вместе с другой работой (см. прим. 103).

Работа представляет собою чрезвычайно смелую попытку представить популярно всю историю Польши всего на двух листах. Трудность и ответственность этой задачи требовали особо тщательной редактировки. Однако работа печаталась

уже после смерти автора, причем писал ее Ю. М. будучи уже тяжело больным. Так или иначе работа имеет ряд недоработанных мест, нетщательных формулировок, недостатков даже фактического характера. Возможно, что в таком виде автор сам не разрешил бы ее выпустить в печать. Редакция поэтому не решилась включить эту работу в текст книги и дает ее лишь в качестве Приложения, главным образом как попытку, исключительно интересную и ценную, представить историю Польши в таком минимальном объеме. По этой же причине мы ограничились лишь самыми немногочисленными примечаниями, тем более, что многие из наших примечаний, помещенных выше, относятся и к этой работе.

138. Утверждение, что помещик продавать крестьян без земли «не мог», фактически неверно.

139. Ремарка 139 должна стоять 6-ю строками ниже при слове «Венгрию». В оригинале сказано: «Венгрию» — очевидная описка.

140. В своей брошюре «Польша под иноземным игом» Ю. Мархлевский пишет: «Польская армия насчитывала 28.000 человек и против нее Николай бросил сейчас же 150.000 человек». В январе 1831 г. польская армия выросла до 70.000. В период самого большого напряжения силы обеих сторон достигали: польская армия (май) — до 80.000 чел. и 120 орудий, царская — 170.000 чел. и 700 орудий (Кукель, «Zarys historji wojskowosci polskiej», труд, впрочем, весьма националистический).

141. В последнее время в среде польских марксистов возник крупный теоретический спор о классовом характере восстания 1863 г. Часть польских марксистов, в согласии с рядом русских историков-марксистов, отстаивает буржуазно-демократический характер восстания 1863 г., движущей силой которого была мелкая буржуазия (по сословному происхождению частично шляхетская), в то время как другие (А. Варский и др.) отстаивали классово-дворянский характер восстания 1863 г., внутренне-реакционный и революционный лишь по отношению к русскому царизму (см. в «Большевике Белоруссии 1/2» «Еще один источник правых уклонов» и статьи Варского в московской польской «Трибуне»).

В связи с этим спором интересно привести из брошюры Ю. Мархлевского «Польша под иноземным игом» (Москва 1920) отрывок, относящийся к восстанию 1863 г.

«Принимали участие в этом восстании отчасти шляхетские круги, но прежде всего городские массы, мелкая буржуазия, ремесленники, рабочие, отчасти крестьяне... В черносотенных книжках можно встретить утверждение, будто польские паны устроили восстание затем, чтобы удержать в Польше крепостное право. Это чистейшая ложь... именно это восстание было народным порывом, в котором приняли участие демократические элементы» (подчеркнуто нами.— Ред.).

ОБ'ЯСНЕНИЯ К КАРТАМ

Все три карты являются лишь компиляциями, составленными на основании старых карт и атласов картографом А. А. Ульяновым, который, работая в картографическом отделе Большой советской энциклопедии, имел возможность использовать советский материал для обновления карт и внесения, где это было возможно, подправок.

Схема 1-я (черная) к м. с. 8-9

Составлена на основании немецкого исторического атласа Эд. Ротерта (proff. Ed Rothert, «Karten und Skizzen der Geschichte d. Mittelabters», II Band 9 und 10 Auflage, Düsseldorf) причем выпущены походы и передвижение арабов. Государства и походы норманнов, а также восточная граница завоеваний Карла Великого, нанесены на схему по историческому атласу Meyers, «Histor. Atlas», Leipzig und Wien 1911. Схема наглядно подтверждает положение автора о том, что ни походы норманнов, ни великое переселение народов, территории, на которой образовалось Польское государство, не затронули.

Карта № 1 (Польша 960—1138) — цветная (в конце тома).

Карта составлена частично на основании исторических карт, приложенных к «Истории польского народа» Грабенского (Смоленского), частично же — немецких исторических атласов.

Карта № 2 (Польша с XV века)—цветная (в конце тома).

Главные источники—карты Смоленского и Ромера, отчасти немецкие и русские атласы.

1. Этнографические границы польского массива взяты по Ромеру, который особенно ненадежен относительно восточных границ польского расселения. Нами устранен из ромеровской карты как явно недостоверный весь виленский выступ главного польского этнографического массива. По чисто технической причине не была на нашей карте отсечена от ромеровской карты столь же недостоверная границ в Бельском и Белостокском округах (Подлясье к юго-западу от Гродно), явно передвинутая на восток в пользу поляков. Следует впрочем оговориться, что об'ективной этнографической карты Польши до сих пор вообще нет (польские марксисты этого важного вопроса не разработали), так как нет ни одной об'ективной переписи населения: до войны перепись фальсифицировалась не в пользу поляков, немецкая же перепись 1916 г. на востоке и польские переписи после 1918 г. фальсифицированы в пользу поляков.

2. Восточная граница, доходящая до Оки и Донца относится к белорусским, украинским и великорусским землям, принадлежавшим Великому Княжеству Литовскому, и точностью не отличается.

Красные цифры обозначают время принадлежности или отпадения данной территории от Речи Посполитой.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Аль-Бекри 19, 22, 24, 55.

Бадени Мартин 109, 179.
Бебель Август 190.
Богуславский 35.
Борк Эдмунд 132.

Вильзер 27, 31.
Витарсгейм 34.
Вощеховский Фаддей 50.
Выбицкий 154.

Галл Мартин 49, 50, 51.
Гейгер 27.
Гельтман Виктор 151, 153, 156.
Гомейер 37. Гримм Яков 31.
Гюппе 133.

Дитмар (хроникер) 60.
Длугош 48, 49, 114.
Древние тексты 33.

Иеске-Хоинский 112.
Иловайский 269,
Иорнанд 30.

Кадлубек 18, 49.
Калинка Валерьян 146—155, 156.
Кентшинский 35.
Кнапп 132.
Коллонтай Гуго 108, 138, 148, 149, 157.
Корзон Тадеуш 150.
Куно 28.

Латам 27.
Лелевель 7, 205, 288, 289.
Линовский 147.
Любомирский Тадеуш 105, 110.
Люксембург Роза 181, 230, 231.
Маркс Карл 103, 104, 105, 112, 211 212, 213, 214, 227.
Мицкевич Адам 183, 205, 270.
Модржевский 106, 107.
Мохнацкий 205, 288,
Мюлленгоф 31.

Нарушевич 49.

Опалинский Кристоф 106, 124, 126.

Пасек Ян 127. 275, 276.
Пекосинский 35, 36, 37.
Пенка 27.
Пеше 28.
Плиний 30.
Прокопий 30.

Реппель 135.
Римские и греческие писатели 19, 20 28, 29, 30, 31.

Сарбек Фридерик 110.
Смоленский Владислав 118, 121.
Ставиский Эдмунд 106.
Стратег Маврикий 14.

Тацит 30.
Томашек 28.
Тэйлор 27.

Цезарь Юлий 30.

Чацкий Ендржей 105.

Шрадер 28.

Энгельс Фридрих 227.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Австрия 90, 99, 108, 109, 111, 136, 161, 167, 168, 170, 171, 174, 194, 203, 205, 207, 208, 212, 227, 234, 237, 241—247, 273, 277, 280 и сл.
Аграрный вопрос 212, 251, 255.
Азиатские рынки 185.
Александр I-й. 203, 204, 285, 287.
Англия 99, 104—106, 112, 148, 168, 179, 188, 205, 206, 228, 241, 252, 258, 265.
Антанта 197, 252, 254—256, 258, 259, 261.
Антисемитизм 187, 233.
Арианизм 121.
Аристократия 11, 59, 162, 188, 195, 205, 212, 235, 244, 254.
Астраханская орда 86.

Барщина 53, 57, 93, 105, 106, 108, 109, 111, 117, 118, 137, 142, 144, 154, 162, 172, 174, 179, 180, 215, 216, 218, 268, 270, 272, 281, 282, 284, 286, 287.
Баторий 114, 117, 123
Батраки безземельные 110, 218
Баязет 86.
Безелер генер. 245, 247.
Белоруссы 69, 71, 89, 196, 197, 254, 258, 260, 261, 270.
Белостокский округ 203.
Бельгия 288.
Большевики 214, 257, 258, 261.
Борислав-Тустан вице 195.
Брестский мир 247.
Бранденбургская марка 62, 66, 67, 77.
Будишин (Бауцен) 44.
Булла (1422 г.) 116
Буржуазия 163, 174, 182—185, 199, 210, 214, 223, 229, 236, 240, 253, 254, 261.
Быдгощ (Бромберг) 67, 204, 237.
Бытом 48.

Вармия 84.
Варяги 43, 71, 265.
Великий князь Литовский 72, 75, 82, 98.
Венгрия 45, 47, 48, 50, 60, 61, 62—67, 73, 77, 82, 84, 85, 86, 89, 90, 93, 96, 112, 115, 154, 168, 194, 196, 209, 227, 228, 235, 252, 273.
Венеция 87.
Византия 23, 24, 112, 115, 273.
Вислицкий статут (1347 г.) 268.
Витовт 71, 72, 74—76, 78, 80, 81.
Владислав Опольский 66, 67, 74.
Военное дело 65, 68, 96, 275—277, 279, 282, 286—288.
Война 1867 г. 235
Война 1914 г. 197, 228, 241, 229.
Волынь 64, 68, 71, 254, 260.
Вольный город Краков 207, 287.
Ворцелль Станислав 206.
Восстание Костюшки (1794 г.) 144—145.
Восстание (1830 г.) 204, 207, 209, 227, 229, 234, 288.
Восстание (1846 г.) 206—209, 212, 227.
Восстание (1863 г.) 180—181, 227, 229, 231, 232
Временное Управление 244, 245.
Выбицкий 167.
Высоцкий 209.

Галиция 103, 104, 195—197, 203, 208, 243, 235, 241, 245, 246, 248, 250, 252, 287.
Галич 45, 66, 67.
Ганза 83.
Гербы 11, 12, 13, 15, 35—37, 78, 267.
Германизация 188, 192, 193, 211, 237, 240
Германия 3, 5, 9, 20, 27, 30, 40, 45, 52, 54, 62, 64, 66, 77, 79, 82, 103, 114, 115, 136, 191, 192, 196, 199, 200, 209, 210, 212, 230, 239, 241, 242, 244, 245, 246, 247, 248, 250, 253, 255, 257, 258, 260, 265, 267, 271, 274
Германская оккупация 197.
Германцы 27, 30—35, 37, 39, 41.

Глогов 48.
Голодная война 77.
Голландия 99.
Города 20, 21, 55, 58, 63, 83, 95, 98, 106, 114, 116, 117, 122, 133, 143, 148, 149. 152, 192, 211, 237, 239, 251, 253, 273, 274 281, 282.
Горожане 14, 9, 87, 89, 93, 94, 97, 113, 116, 117, 119, 131, 132, 134, 138, 139, 143, 159, 161, 239, 273, 282.
Государственная Дума 186.
Грудзиондз Громада 206.
Гуманизм 87, 99.
Гунны 31.
Гусситское движение 77—84, 121.

Дания 45, 222.
Данциг (Гданск) 43, 81, 83, 84, 95, 105, 118, 204 237, 253, 287.
Дашинский И. 236, 241, 242, 244, 247, 248, 249, 254.
Дворянство 10—15, 17—19, 24, 25, 36, 37, 55, 63, 65, 67, 72, 78, 80—83, 92—94, 108, 131, 133, 134, 143, 154, 188, 227, 231, 232, 251, 254, 265, 274.
Декабристы 204, 288.
Дембовский 206.
Демократы 156, 157, 204—207, 212—214, 288.
Деникин 258, 259, 261.
Диктатура пролетариата 256.
Дмовский 158, 231.
Добжиньская земля 63, 66, 75, 76.
Довбур-Мусницкий 249.
Договор в Тренчине (1335 г.) 63.
Домбровский Генрик 167—169, 171.
Домбровский угольный бассейн 246, 257.
Донецкий бассейн 181,
Духовенство 15, 50, 53, 94, 96, 116, 125, 270.

Евреи 22, 95, 112—115, 116, 118, 182, 187, 192, 255, 274, 275.
Еврейское «гетто» 116.
Еврейская гмина 120, 122, 275.
Еврейские погромы 113, 116.
Екатерина II 156, 279, 280, 283.

Железные дороги 181, 184, 230.
Железоделательная пром. 180.
Жмудины 70, 75, 77.

Завоевания теория 3, 4, 19, 35, 36.
Законы 88, 120, 134, 148, 149, 161, 210, 287,
Заливский Иосиф 205.
Замойский Андрей 137, 281.
Запорожье 93.
Земельная реформа 215, 217.
Золотой век польской литературы 96, 277.
Золотая орда 86.

Иван III Васильевич (1480 г.) 86.
Иван Грозный 99.
Иезуиты 119, 123, 270, 281.
Иероним Пражский 79.
Интенсивное земледелие 223, 224.
Империализм 185, 186.
Империалистическая война 197, 228, 229, 241.
Интернационал I 227.
Иоанн Калита 86.
Иоанн Чешский 63.
Иосиф II-й 108.
Ирландский вопрос 228.
Испания 112, 172, 173.
Италия 66, 95, 167, 168, 207, 222, 228, 285.

Капитализм 105, 106, 134, 179, 180, 184, 187, 190, 191, 196, 199, 223, 224, 230, 260.
Кашубы 253.
Католическая церковь 3, 6, 40, 50, 52, 78. 80, 112, 119, 121, 123, 127, 140, 161, 183, 187, 193, 260, 270, 280, 282.
Киевскорусское государство 26, 43, 45, 47, 48, 56, 86, 115.
Княжеская власть 26, 41, 42, 52, 54—57, 59, 60, 113, 267, 268
Казачество 92, 118, 131, 270, 272.
Кальвинизм 119, 121.
Княжество Варшавское 109, 120, 171, 179, 203, 204, 229, 286, 287.
Коллонтай Гуго 108, 138, 147—149, 157, 160, 283.
Колчак 256, 261.
Константинополь 84, 93, 273.
Конституция (1807 г.) 109, 286.
Конституция (1918 г.) 251.
Конфедерация 143, 144, 153, 269, 276, 283.
Королевство Польское 103, 110, 174, 180, 187, 193, 195 197, 204, 207—209, 215, 222, 245, 246. 250, 287.
Король 12, 65, 79, 81, 85—87, 88, 89,

94—98, 113, 115—117, 119, 148, 151, 204, 268, 270, 277.
Косцюшко 108, 162, 167, 171, 227, 283, 284.
Крепостничество 104, 106—109, 111, 117, 118, 131—134, 136, 137, 139, 143, 144, 154, 159, 161, 172, 179, 191, 208, 219, 229, 270, 272, 281, 287.
Крестьяне 10, 13, 15, 40, 53—57, 59, 69, 70, 87—89, 93—96, 98, 103—110, 118—122, 131, 132, 136—138, 141—145, 149, 152—154, 159, 161—163, 170, 172, 174, 180, 182, 187—189, 191, 193, 198, 199, 203, 206, 208, 209, 215, 216 217, 228—230, 232, 233, 236, 238—242, 247, 250, 251, 253—255 261, 265, 268, 271, 272, 275, 277, 281, 286.
Крестьяне малоземельные 189, 191, 286.
Крестьянские восстания 46, 57, 131, 207, 272.

Латвия 260.
Латифундии 240, 254, 260.
Левица П. П. С. 256.
Легионы 1914 г. 241, 242, 246, 247.
Летописи 57, 58.
Либерализм 183, 186, 287.
Либерум вето 135, 138 143, 153, 161, 269, 270, 279, 280—283.
Ливонские меченосцы 71, 99.
Литва 26, 61—63, 69, 75, 77, 78, 80, 83, 87, 88, 92—93, 124, 208, 254, 255, 260, 270, 278, 284.
Литовцы 24, 32, 33, 52, 62, 64, 66—74, 76, 82, 93.
Лифляндия 70, 98, 99.
„Лихва" 113.
Лужицкая земля 44, 45.
Люблинское правительство 247, 248.
Людендорф 246.
Людовик XV 279.
Лютеранизм 119, 122.
Львов 45, 66, 94, 97, 116, 119, 208. 273, 284.

Магдебургское право 237.
Магнаты 13, 63—65, 67, 68, 73, 83, 85, 87, 88, 92, 94—99, 124, 125, 135, 138, 144, 170, 179, 270, 271, 279, 281, 283.
Мазепа 278.
Мазовия, Мазовшане 25, 47, 63, 64, 82, 92.
Мануфактура 179.
Мария Терезия 108, 154.
Марганец 181.
Мартовская революция в Берлине (1848 г.) 207—209.
Маслава восстание (1030—1034) 46, 57, 272.
Марксисты мнимые 228.
Мелкая буржуазия 186, 187, 190, 192, 233, 236, 239, 240, 241.
Мельницкий привилей (1501 г.) 88.
Мерославский Людовик 206, 207, 209, 290—292.
Механические ткацкие станки 180.
Мещанский класс 138, 182, 187, 193.
Мещанский либерализм 21.
Мейссен 74.
Милитаризм 186.
Милютин 215, 217, 219.
Мильчане 44.
Мир в Калише (1343 г.) 63.
Мир в Торуне (1411 г.) 77.
Мир при озере Мельне (1422 г.) 77.
Мир двенадцатилетний (1433 г.) 77.
Мир в Бресте (1435 г.) 82.
Мир в Торуне (1466 г.) 84.
Мир в Москве (1503 г.) 88.
Мистицизм 183.
Михаловская земля 84.
Молдавия 79, 86, 93, 97.
Монастыри 15, 53, 57, 79, 216.
Моравия 25, 32, 44, 45, 85.
Московское государство 74, 86—89, 92, 96, 98, 99, 124, 135, 152.
Московские фабриканты 231.
Мусульмане 81, 93.

Наемные войска 92, 96, 97, 277.
Названия местностей 8.
Налоги 59, 83, 96, 97, 117, 120, 133, 134, 138, 161.
Наполеон I Бонапарт 109, 120, 154, 167, 168, 203, 229, 285, 286.
Народные песни 7.
Наследственность престола 135, 156, 278, 282.
Натуральное хозяйство 134.
Национальная демократия („Эндеки") 186, 250, 260.
Немецкая колонизация 237, 238.
Немецкая соц.-демократия 190.
Немецкие колонисты 22, 46.
Немецкие оккупанты 148.
„Немой сейм" (1717) 135, 279.

Немцы 22, 26, 45, 50, 52, 58, 62, 64, 67, 68, 70, 78, 79, 85, 89, 94, 96, 99, 117, 153, 182, 188, 189, 211, 227, 243, 245, 273.
Нераженство 16.
Нефть 194—196.
Николай I 204, 288, 289.
Николай II 232.
Николай Николаевич 243.
Закон „Ничего нового" 88.
Нобилитация 12, 13.
Новая Марка 76.
Ново-Корчин 68.
Новгородская республика 87.
Новосильцев 204, 287.
Норманны 36, 71, 265.

Обезземеление крестьян 132.
Оброк (чинш) 107, 136, 137, 155, 161.
Обрусение 232.
Община 16, 159.
Общинное землевладение 56.
Оккупация австро германская 244.
Октябристы 186.
Олесницкий Збигнев 80, 84.
Ольвия 21, 22.
„Ополе" 8, 59.
„Органическое срастание" 230.
Орден крестоносцев 62, 63, 66, 68, 70, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 81, 83, 85, 92, 98, 117.
Оттон Великий 42.
Оттон III 3, 22, 43.

Папы 39, 42, 47, 50, 54, 63, 71, 73, 84, 86, 87, 90, 91, 168, 281, Григорий VII — 46, 50, Иоанн XXII — 62, Николай V — 62.
Партия „Прогрессивной демократии" 186.
„Партия реальной политики" 186.
Патриархальная система 16, 19.
Перемирие (1521 г.) 91.
Переселение народов 4, 5, 27, 28, 34, 112, 266.
Перемышль 45, 67.
Персия 185.
Петр I 135.
Петлюра 259.
Пиателли ксендз 147, 149.
Пилсудский 158, 236, 241, 242, 246, 247, 248, 249, 254—257, 259—261.
Повинности 26, 65, 105, 109, 134.
Подати 117, 218.
Подлясье 71.
Подолия 64, 68, 71, 254, 260.
Подоходный налог 139.
Подымный налог 218.
„Позитивизм" 183, 186, 193.
Познанская земля 116, 190, 195, 237, 241, 245, 250, 252.
Полонизация 240.
„Польская военная организация" 247.
Польское демократическое общество 150.
Польская коммунистическая партия 256, 258.
Польские легионы (Наполеона) 167, 168, 170, 285.
Польская социал-демократическая партия Галиции 236, 241.
Польская социалистическая партия (ППС) 214, 236, 243, 246, 248, 249, 257.
„Польский ремесленный союз" 240, 241.
Польско-лехитские племена 4, 5, 17, 19, 20, 27, 30, 35, 37, 265, 268.
Помещики 108, 110, 117, 122, 132, 134, 135, 141, 142, 153, 155, 159, 161, 162 172, 179—182, 186—188, 191—193, 199, 206, 208, 217, 219, 220, 221, 223, 229, 230, 232, 235, 236, 238, 239, 240, 245, 251, 253, 260, 261, 265, 270, 271, 274, 276, 281, 282, 286, 284.
Поморяне 22, 26, 40, 42, 43, 45, 47, 48, 49, 52, 56, 62—64, 66, 81.
Поражение при Ведроше (1500 г.) 88.
„Посполитое рушение" 92, 96, 97, 135, 159, 276.
Постоянное войско 134.
Потоцкий Игнатий 147, 148.
Поход на Москву (1812 г.) 203.
Пошлины 97, 98, 106, 115, 117, 133, 192, 273.
Право 7, 11, 14, 15, 55, 56, 59, 65, 72, 78, 79, 80, 82, 84, 88, 89, 92, 104, 108—110, 116—119, 121, 131, 139, 141, 179, 217, 220, 232, 268, 271, 282.
Право кулачное 61.
Права человека 139.
Право на самоопределение 247, 249.
Православие 275, 280.
Прибалтийские страны 98, 99.
„Программа органического труда" 184.
Пролетариат 105, 106, 174, 175, 199, 200, 209, 213, 214, 229, 233, 234, 236, 240, 241, 247, 250, 254, 256.
„Пролетариат" (партия) 236.
Промышленность 106, 179, 184, 185,

187, 190, 194, 197, 230, 237, 239, 240, 243, 256, 281.
Промышленность железная 196, 237.
Промышленность крупная 192.
Промышленность шерстяная 230.
Промышленность угольная 196, 237.
Пруссия 69, 70, 109, 111, 137, 144, 152, 154—156, 161, 167, 171, 172, 174, 190, 203—208, 210—212, 227, 237, 238, 242, 244, 245, 277, 282, 284-287.
Пруссия Восточная 84, 91.
Пруссия Западная 190, 193, 237, 245, 252.
Прусский Ландтаг 240.
Пруссы 26, 43, 52.
Псков 71, 87.
Пуришкевич 231.

Рабочие 163, 183, 186, 194, 234, 236, 238, 239, 240, 245, 248, 251, 257.
Рабочее движение 241, 258.
Рабочая сила 180, 182, 194.
Рабочие советы 249.
Рабы 10, 14, 17, 19, 24, 29, 40, 56, 107, 111, 113, 154, 155, 161, 162, 267, 268.
Равноправие 16
Раздел Польши 1-й (1772 г.) 136.
Раздел Польши II-й (1793 г.) 144, 283.
„Реальная политика" 250.
Регентский совет 244, 247, 248.
Революционные организации 205.
Революция 1830 г. во Франции и Бельгии 288.
Революция 1848 г. 195, 207, 214, 227.
Революция 1905—1906 г.г. 186.
Революция февральская 1917 г. 246.
Революция в Германии (1918) 247.
Революция в Австрии (1918) 247.
Резня шляхты в Тарнове (1846) 207.
Ремесла 53 190.
Реформация 90, 94, 95, 98, 108, 110, 111, 121, 135, 136, 137, 142, 144, 147, 148, 149, 154, 155, 156, 160, 161, 210, 270, 280, 281, 282, 283.
Референдарский суд 153.
Ржев 74.
Рига 89.
Рим 29, 59.
Ритуальные убийства 119.
Родовой быт 7, 8, 11—19, 25, 35—37, 38, 46, 54, 57, 59, 266, 267, 272
Россия 69, 71, 74, 82, 111, 137, 144, 148, 155, 156, 161, 167, 168, 171, 181, 184, 203, 204, 205, 207, 208, 209, 212, 213, 214, 215, 217, 218, 227, 229, 236, 241, 243, 246, 250, 256, 259, 260, 265, 277, 284, 286.
Руге Арнольд 213.
Руда железная 181, 188, 191, 240.
Румыния 195, 224.
Русские князья 64, 74, 86.
Русские области 71, 72, 73, 81, 87, 92.
Русский рабочий 234.
Рыцари 55, 61.

Самодержавие (русское) 184, 186, 204, 285, 288.
Сан-Доминго 169, 285.
Свайные постройки 8.
Свидригайло 80, 81.
Свободные и несвободные 9, 11, 14, 16, 17, 19, 37, 38, 46, 54, 153, 179, 230.
Святополк 45.
Северная Волынь 71.
Севооборот 219.
Сейм 12, 249, 251.
Сейм в Петрокове 1504 г. 88.
Сейм в Радоме 1505 г. 88.
Сейм Немой (1717 г.) — 278.
Сейм 4-летний (1788 — 1792) 148, 158, 160, 282.
„Сеймики 269.
Сельскохозяйственные рабочие 255, 257, 286.
Семигалы 70.
Семилетняя война 237, 279.
Сенат 92, 97.
„Сервитуты" 219, 220, 221, 231.
Сецех (воевода) 47, 59.
Силезия Австрийская 252.
Силезия Верхняя 64, 188, 190, 192, 237, 240, 241, 245, 253.
Силезцы и Силезия 26, 45, 56, 60, 62, 63, 64, 66, 67, 68, 85, 118, 180, 188.
Синдикаты и тресты 185, 195, 230.
Скандинавия 22, 23, 28.
Скиргайло 74.
Словаки и Словакия 43, 45, 252.
Словацкий Юлий 138, 205.
Смоленск 88, 89, 90.
Смерды 15.
Совет сенаторов 88.
Советский союз 199, 258.
Соглашательство 186.
Соглашение в Кошицах 1374 г. 65, 66.
Солдатские советы 249.
Соц.-демократы 238, 240, 241, 245.
Социал-демократическая партия К. II и Л" 243, 256.

Социализм 184, 236.
Социалистическая пропаганда 206.
Социалистическая Россия 254.
Социалисты 233.
Спиж 78, 252.
Спытек из Мельштина 31.
Станислав (епископ)—47, 49, 60, 59.
Столица 57, 119.
Суворов 168, 284, 285.
Суд 57.
Схизматики 80, 81, 90.
Сырье 181, 191.
Сцегенный Петр ксендз 206.
Съезд в Ново-Корчине (1404 г.) 75.
Съезд в Радомске 67.
Съезд в Хенцинах 63.
Съезд в Городле 1413 г. 78.
Съезд в Сераеве 82.

Табориты 78, 80.
Тайные польские сообщества 204, 206, 209, 288.
Таможенная граница 180, 230, 231.
Тарговица 144, 152, 156, 283.
Татары 60, 69, 72, 74, 75, 77, 81, 86, 88, 90, 92, 93, 96, 99, 275.
Тевтонский орден 71, 72, 90, 91.
Текстильная промышленность (Лодзь) 180, 182.
Тешинское княжество 252.
Торговля 22—25, 112, 117, 118, 119, 158, 159, 181, 184, 187, 192, 199, 273, 281.
Торговля рабами 15.
Торговля свободная 183.
Торунь (Торн) 76, 83, 84, 237. 287.
Торунский статут 1520 г. 106.
Турки и Турция 69 74, 77, 82, 86, 87, 90, 93, 94, 114, 167, 209, 228, 273, 275, 282, 283, 288.

Уголь 186, 191, 194, 195, 196, 240.
Украинцы и Украина 69, 92, 118, 131, 196, 208, 236, 252, 254, 259, 260, 261, 270, 272, 275.
Уния 78, 86, 87.
Учредительный сейм 249, 251.

Фабрики 180, 281.
Феодализм 10, 11, 42, 60, 44, 104, 134, 268
Физиократизм 156.
Филипп Луи 184.
Фольварки 105, 106, 107, 109, 132, 215, 216, 221, 224, 270, 271, 272, 286.
Франция 126, 162, 167, 168 169, 179, 205, 207, 211, 227, 228, 241, 252 258, 265, 272, 274, 281, 284, 285, 288.
Французская революция (1789 г.) 108, 109, 152, 162, 167, 168, 283, 285.
Франкфуртское учредительное собрание 210, 214.
Фридрих II-й 91, 108, 154, 280.

Хлопковые плантации 185, 230,
Хорватия Белая 43 46.
Хрептович 145, 146.
Христианство 43, 48, 52, 53, 54, 57, 71, 73, 74, 75, 76.

Царизм 187, 197, 207, 213, 232, 242—245, 288.
Церковь 15, 39, 41, 42, 43, 46, 50, 52, 53, 54, 57, 73, 79, 81, 84, 97, 114, 118, 143, 270.
Церковный собор 1431 г. 80.
Цинковая руда 188, 240.

Чарторийские 135, 136, 279, 280.
Червонная Русь 45, 47, 64, 66, 68, 73.
Черная Русь 71.
Чехия 22, 25, 26, 32, 35, 42—48, 50, 52, 56, 58, 60—64, 68, 69, 77—80, 82, 84, 86, 89, 90, 93, 96, 114, 115, 194, 195, 235, 252, 255, 267.

Швеция 99, 123, 124. 278.
Шляхта 8, 11—15, 35, 37, 40, 46, 47, 50, 54—69, 72, 73, 75, 77—89, 91, 92, 96—99, 105—110, 113, 117—119, 120, 124, 132, 133, 149—155, 159—172, 174, 181—183, 187, 192, 205, 206, 210, 215, 223, 229, 261, 265—277, 279, 280—282.
Штакельберг 281, 282.
Штейн Гарденберг 108.

Эммигранты 167, 168, 194, 205, 207, 209, 227, 242, 285.
Энциклопедисты 281.
Эрцгерцог Стефан 246.
Этрусские купцы 20, 21, 31.

Яворский 242.
Язычники 75, 76, 90.
Якобинство 152.
Ян Жижка 79.
Ярослав Киевский 45.
Ярослав Новогородский 45.
Ярославцевский договор 208, 211.

Главлит № А-63711

ПОЛЬША с XV ВЕКА
Современная этнографическая граница Польши (по Ромеру)
Современная граница Польши
Граница Польши в 1772 году
1772
1793
1795
РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ
с России
с Пруссии
с Австро-Венгрии
Граница с 1815 г. (Венский конгресс) по 1914 год
Краковская республика 1815—1846 г.г.
Граница княжества Варшавского
Граница XV века
Граница Польши по Деулинскому перемирию 1618 г.
Граница Великого Княжества Литовского с Польшей в XV в. и в начале XVII в.
Балтийское море
Эстония
Ревель
Оз. Чудское
Новгород
Оз. Ильмень
Пипляндия
1561—1660
Рига
Курляндия
Мемель
Шавли (Ворни)
Динабург
Дрисса
Полоцк
Витебск
Москва
Жмудь
Неман
Ковно
Кролевец
Кор. Пруссия
Швеция
Данск
Померания
Герцогство Мекленбург
Штеттин
Бранденбург
Берлин
Познань
Гнезно
Варшава
Вильно
Литва
Гродно
Лида
Минск
Белоруссия
Смоленск
Тула
Калуга
Брянск
Орел
Курск
Воронеж
Новгород-Северский
Чернигов
Полесье
Волынь
Киев
Житомир
Луцк
Берестечко
Переяслав
Канев
Белая Церковь
Корсунь
Умань
Подолия
Каменец-Подольский
Тернополь
Львов
Краков
Силезия
Кор. Саксония
Прага
Чехия
Моравия
Кор. Бавария
Вена
Дунай
Буда-Пешт
Тиса
Королевство Венгрия
Буковина
1775
Австрии
1436
1387
1484
1387
Бессарабия
Молдавия
Днестр
Запорожье
Азовское море
Черное море
Белгород
Перекоп
Тарнополь
Збараж
Збруч
Сан
Висла
Одра
Варта
Нарев
Буг
Припять
Десна
Ока
Дон
Волга
Двина
Западная Двина
Днепр
Неман
Вислинский залив
Куршская коса
Куршский залив
Ландсберг
Позен
Ченстохов
Радом
Люблин
Хелмно
Торунь
Плоцк
Белосток
Гродно
Брест-Литовский
Пинск
Мозырь
Гомель
Чернигов
Новгород-Северский
Путивль
Рыльск
Курск
Воронеж
Тула
Калуга
Смоленск
Витебск
Полоцк
Динабург
Рига
Ревель
Пернау
Дерпт
Нарва
Псков
Новгород
Шелонь
Ильмень
Ловать
Волхов
Свирь
Ладожское озеро
Онежское озеро
Белое море
Архангельск
Вологда
Ярославль
Кострома
Нижний Новгород
Казань
Самара
Саратов
Царицын
Астрахань
Каспийское море
Урал
Оренбург
Уфа
Пермь
Вятка
Сарапул
Ижевск
Екатеринбург
Тюмень
Тобольск
Сибирь
Обь
Иртыш
Омск
Барнаул
Томск
Красноярск
Енисей
Иркутск
Байкал
Якутск
Лена
Ленск
Охотское море
Камчатка
Петропавловск
Берингово море
Аляска
Берингов пролив
Чукотский полуостров
Анадырь
Колыма
Верхоянск
Якутия
Новосибирские острова
Северный Ледовитый океан
Новая Земля
Вайгач
Карское море
Обская губа
Мурманск
Кольский полуостров
Норвегия
Финляндия
Швеция
Ботнический залив
Ботнический пролив
Аландские острова
Гельсингфорс
Выборг
Петербург
Ладожское озеро
Онежское озеро
Белое море
Архангельск
Вологда
Ярославль
Кострома
Нижний Новгород
Казань
Самара
Саратов
Царицын
Астрахань
Каспийское море
Урал
Оренбург
Уфа
Пермь
Вятка
Сарапул
Ижевск
Екатеринбург
Тюмень
Тобольск
Сибирь
Обь
Иртыш
Омск
Барнаул
Томск
Красноярск
Енисей
Иркутск
Байкал
Якутск
Лена
Ленск
Охотское море
Камчатка
Петропавловск
Берингово море
Аляска
Берингов пролив
Чукотский полуостров
Анадырь
Колыма
Верхоянск
Якутия
Новосибирские острова
Северный Ледовитый океан
Новая Земля
Вайгач
Карское море
Обская губа
Мурманск
Кольский полуостров
Норвегия
Финляндия
Швеция
Ботнический залив
Ботнический пролив
Аландские острова
Гельсингфорс
Выборг
Петербург

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано:	Должно быть:
XIX	8 сверху	крупнейшие	крушение
4	4 „	Мавране	Малпане
5	3 „	тянулась	тянулись
30	16 „	Lingai Sulanes	Lingai, Sulanes
33	19 снизу	сторож, свой	сторожевой
36	2 „	древнин	древние
37	6 „	(szlachcic)	szlachcic
70	1 сверху	(Историческое развитие Литвы)	[Историческое развитие Литвы до XIV в.)
81	6 снизу	Силовий	Сильвий
134	17 сверху	последний	последней
137	1 „	оброков	платежей
137	20 снизу	1778	1780
206	6 „	Домбровский	Дембовский
257	1 „	иверную	на верную
266	1 „	см. схему	см. схему м. стр. 8—9
269	10 сверху	Посполитая[3]	Посполитая“
273	14 „	Венгрию[139]	Венгрию
273	18 „	Византию	Византию[139]
281	7 снизу	Яна	Андрея
294	4 сверху	1918	1917
296	26 „	1918	1917

Примечание. За недостатком польского шрифта многие места с польским текстом не могли быть исправлены.

Сдано в производство 26/XI 1929 г.
Подписано к печати 3/X 1931 г.
Редактор Г. Рейхберг.
Техред Н. Воронин.
Выход 30/XI 1931 г. Формат бумаги 62"x 94/16. Количество знаков в печатном листе 42 тысячи.

Цена 3 р. 50 к.

СКЛАД ИЗДАНИЯ

Магазины и отделения Книгоцентра и Кооп книги

Почтовые заказы направляты Москва, 64, „Книга—почтой"

Книги высылаются только наложенным платежом (без задатка)